

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего
образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России
Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Плате Алисе Сибилле Мария Хильдегард

Проведение судебной реформы Екатерины II на Среднем Урале:
деятельность верхних и нижних расправ в 1780 – 1790-е гг.

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель
кандидат исторических наук,
доцент Бородина Е. В.

Екатеринбург – 2018

Оглавление

Введение	C.1
ГЛАВА I: Административно-судебные реформы Екатерины II.	C. 27
1.1. Теоретические и нормативные основы административно-судебных реформ последней трети XVIII в.	C. 27
1.2. Требования к составу присутствия и канцелярии органов суда	C. 38
1.3. Предпосылки осуществления судебных реформ на Среднем Урале	C. 51
ГЛАВА II: Пути решения кадрового вопроса: механизмы рекрутинга	C. 63
2.1. Укомплектование судебных коллегий верхних и нижних расправ	C. 63
2.2. Поиск кандидатов на замещение секретарских должностей	C. 85
2.3. Формирование штатов делопроизводителей судебных канцелярий	C. 92
ГЛАВА III: Функционирование верхних и нижних расправ Среднего Урала	C. 114
3.1. Организация судопроизводства и делопроизводства в верхних и нижних расправах Среднего Урала	C. 114
3.2 Материальное обеспечение верхних и нижних расправ на Среднем Урале	C. 125
3.3. Функциональность коммуникационной системы на Среднем Урале	C. 149
3.4. Степень загруженности судебных канцелярий	C. 163
3.5. Меры повышения эффективности работы судебных учреждений	C. 176
ГЛАВА IV: Судебная активность	C. 196
4.1. Механизмы передачи дел из низших инстанций в коронные суды	C. 196
4.2. Использование коронных судов сельским населением	C. 212
Заключение	C. 237
Список использованных источников и литературы	C. 245
Приложения	C. 270

Введение

Актуальность темы. На сегодняшний день факт значительной роли суда в каждом государственно организованном сообществе является неоспоримым. Именно судебная власть занимает ключевую позицию в процессе разрешения конфликтов и стабилизации общественных структур. Благоприятное социально-экономическое развитие, обусловленное своевременным реагированием государства на существующие в социуме потребности, также во многом определяется состоянием и качеством суда. Поддержание последнего на должном уровне возможно только в условиях периодического пересмотра и модернизации принципов организации судебных учреждений.

Как отмечает Д.О. Серов, в истории России можно выделить шесть периодов реформирования судебной системы страны: судебные реформы Петра I, Екатерины II, Александра II, а также более поздние судебные реформы 1922, 1956--1964 и 1990-х -- начала 2000-х годов. Определяя основные вехи развития судебной системы России, исследователь понимает под судебной реформой «совокупность взаимосвязанных, системных, нормативно закрепленных на общегосударственном уровне (в том числе и кодификационно) изменений в области судоустройства и судопроизводства, предпринятых с целью достижения максимальной эффективности функционирования судебной системы и осуществленных в исторически ограниченный период»¹.

В рамках данного исследования нами была изучена судебная реформа Екатерины II, введенная законодательным актом «Учреждения для управления губерний всероссийской империи» («Учреждения») от 7 ноября 1775 г. Эта судебная реформа во многом не раскрыта во всей ее многогранности историками-исследователями, занимающимися изучением вопросов истории развития государства и права.

В отличие от вызвавших радикальный разрыв с прошлым реформ Петра I, преобразования последней четверти XVIII в. проводились в более благоприятных условиях. Период осуществления главных реформ Екатерины II (1775--1785 гг.) совпадал с фазой относительной стабильности страны. К тому же изменения в административной и судебной системах происходили на уже заложенной ее предшественниками основе. Все это дало императрице возможность внедрить постепенные и осторожные нововведения, учитывавшие особенности российского общества последней трети XVIII в.²

¹ Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. Монография. М., 2009. С. 15.

² Каменский А.Б. Просвещенные реформы Екатерины Великой в свете современного реформаторского опыта // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М. 2008. С. 46--53.

Особое положение в юридическом обеспечении преобразований занимает законодательный акт «Учреждения», ставший одновременно и продуктом предшествующей ему реформаторской деятельности Екатерины II, и исходным пунктом нового процесса модернизации, проявившего себя в долгосрочной перспективе. Административно-правовая и судебная система, созданная этим законом, просуществовала в основных чертах до следующей судебной реформы, начавшейся в 1864 г., а частично -- до 1917 г.

Меры децентрализации (разукрупнение административных единиц и разграничение сферы компетенции административных, финансовых и судебных органов власти), предпринятые в целях модернизации и рационализации административных и судебных учреждений, привели к расширению государственного аппарата. Для обеспечения бесперебойной деятельности и функционирования вновь созданных многочисленных региональных структур управления правительство более чем когда-либо полагалась на сотрудничество не только коронных чиновников, но и выборных сословных представителей.

«Учреждениями» в России была создана сословная юстиция. Кроме того, определив права и обязанности, законодательный акт дал представление о правовом статусе, который правительство было готово предоставить отдельным группам населения.

Это имело особенное значение для «свободных сельских обывателей» – не крепостных категорий крестьянства, впервые активно и пассивно интегрированных в государственную правовую и судебную систему. Согласно нормам «Учреждений», наместник, или генерал-губернатор имел право на учреждение суда первой инстанции для решения местных гражданских и уголовных дел – нижней расправы -- в тех уездах, где доля свободных от частной зависимости крестьян составляла не менее 30 % жителей. Верхняя расправа, соответствующий апелляционный суд, открывалась в тех губерниях, где работала по меньшей мере одна нижняя расправа.

Правовой статус свободного сельского населения оказался в фокусе реформаторской деятельности последней четверти XVIII в. В 1780-е гг. правительством была предпринята попытка внести в структуру и компетенцию разнообразных органов крестьянского самоуправления единообразие. Несмотря на то, что составленное по аналогии с жалованной грамотой городам «сельское положение» так и не было воплощено в жизнь, Екатерина одобряла проекты сходного содержания. Так, ею были утверждены местные нормативные правовые акты «Наставление на постановление волостных судов» Пермского и Тобольского генерал-губернатора Е.П. Кашкина (1782 г.) и «Установление сельского порядка в казенных Екатеринославского наместничества селениях, директору

домоводства подведомственных» (1787 г.). В 1790 г. году действие этих локальных нормативных правовых актов, согласно которым за сельскими обществами был закреплён юридический статус коллективного субъекта права, было распространено и на другие регионы Российской империи.

Изучение деятельности сословных судов – верхней и нижней расправ – на материале Среднего Урала, входившего в созданное в октябре 1781 г. Пермское наместничество, представляется целесообразным по двум причинам.

Судам, отвечающим за правовые вопросы свободного сельского населения, отводилась особенная роль в местной судебной системе. Низкая доля дворянства, а также тот факт, что с роспуском Горнозаводского правления разные приписанные к заводу категории населения перешли под юрисдикцию государства, влияли на решение открыть нижние расправы в Пермском наместничестве. Нижние расправы были учреждены в 12 из 16 уездов, а после перехода Челябинского уезда в состав Уфимского наместничества -- в 11 из 15 административных единиц. Соответственно были созданы две верхние расправы: одна в столице региона – Перми, а вторая в областном городе Екатеринбурге.

В рассматриваемом регионе «новая эра в истории самоуправления государственных крестьян, характерной чертой которой является все более и более глубокое проникновение правительственной регламентации в самое сердце мирской жизни»³, начинается не в 1797 г. в связи с преобразованиями Павла I, а на десять лет раньше. «Наставления» Е.П. Кашкина, составленные на основе «Учреждений» и «Устава благочиния», являлись одним из первых опытов по созданию унифицированной системы выборного сельского управления, а также одним из первых документов крестьянского суда в восточных частях страны, и в том числе на Урале.

Распространение государственной правовой и судебной системы на часть крестьянства являлось своего рода социальным экспериментом, к реализации которого законодатель приступал постепенно и с большой осторожностью. Несмотря на то, что права и связанные с ними обязанности представителей свободного сельского населения были законодательно определены, для названного региона вопрос об их осуществлении, то есть о том, насколько они могли быть реализованы в условиях Среднего Урала, до сих пор не утратил актуальность.

Объектом исследования является проведение судебной реформы Екатерины II на Среднем Урале. **Предметом** -- деятельность верхних и нижних расправ Среднего Урала, функционировавших с 1781 по 1797 г. в соответствии с нормами «Учреждений» от 7 ноября 1775 г.

³ Зайцев К.И. Очерки истории самоуправления государственных крестьян. СПб., 1912. С. 42.

Цель исследования -- реконструкция системы организации и функционирования верхних и нижних расправ на Среднем Урале в контексте процесса активной и пассивной интеграции свободного сельского населения в государственную судебную систему. Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

1) охарактеризовать теоретические и нормативные основы судебной реформы последней четверти XVIII в., природно-климатические и социально-демографические условия, в которых проводились данные преобразования на Среднем Урале;

2) выявить механизмы кадрового рекрутинга и способы чиновничества, избранные для комплектования судебных коллегий и канцелярий верхних и нижних расправ рассматриваемого региона;

3) исследовать материальное обеспечение судов, включая проблему их регулярного финансирования и размещения;

4) изучить состояние дорожной сети Пермского наместничества для определения функциональности коммуникационной системы и, соответственно, скорости доступа к информации;

5) проанализировать эффективность функционирования верхних и нижних расправ, выявив уровень трудовой дисциплины государственных служащих, степень загруженности учреждений, а также меры, принятые с целью рационализации губернского делопроизводства;

6) исследовать судебную активность населения региона и проблему «использования» сельских коронных судов.

Хронологические рамки исследования определяются 1781--1797 гг. В качестве нижней хронологической границы взята дата открытия Пермского наместничества согласно статьям «Учреждений», состоявшееся 18 октября 1781 г.⁴ Верхней хронологической границей можно условно назвать зиму 1796/97 г., когда указами Павла I «О новом разделении государства на губернии»⁵ от 12 декабря 1796 г. и «Об упразднении к определенному сроку присутственных мест, кои по вновь изданным штатам уничтожаются ...»⁶ от 15 января 1797 г. было предписано расформирование верхних и нижних расправ, а также преобразование Пермского наместничества в Пермскую губернию.

⁴ ПСЗРИ 1. Т. 20. № 15034. С. 963—964. Т. 21. № 15113. С. 21—22. № 15114. С. 22.

⁵ ПСЗРИ-1. Т. 24. № 17634. С. 229—230.

⁶ Там же. №. 17735. С. 279—280.

Территориальные рамки работы определяются границами Пермского наместничества (1781--1796 гг.), охватывавшего весь Средний Урал⁷.

Степень разработанности темы. Историографию по исследуемому вопросу можно разделить на два блока. Первый блок охватывает исследования **дореволюционных, советских и современных российских историков и правоведов**, занимавшихся изучением административно-судебных реформ Екатерины II. Второй раздел касается научных **трудов зарубежных историков-русистов**, посвященных данной проблематике.

Значительный вклад в изучение правовой и судебной системы России внесли **дореволюционные историки и правоведы**. В своих исследованиях они коснулись истории государственного управления, административного аппарата, отдельных правовых и административных учреждений, а также государственной службы в целом. За исключением монографии В.А. Григорьева «Реформа местного управления при Екатерине II»⁸, полностью посвященной анализу «Учреждений» 1775 г., истории создания документа, его содержанию и осуществлению его основных положений, в работах дореволюционных авторов реформам последней четверти XVIII в. в основном посвящено не более одного раздела. Вне зависимости от оценок реформ Екатерины II, авторы высказывали сомнения в возможности реализации всех ее намерений. Главная их критика относилась к непоследовательно проведенному разделению судебной и исполнительной власти, особому положению института генерал-губернаторства, чрезмерной сложности созданной судебной системы, и кадровому вопросу⁹.

Особый научный интерес к судебной системе, созданной «Учреждениями» 1775 г., возник в связи с судебной реформой Александра II и принятием «Судебных уставов» в 1864 г. Он достиг пика к периоду празднования пятидесятилетия александровских преобразований¹⁰. Стремясь показать преимущества новой судебной системы, историки

⁷ Об определении понятия Среднего Урала см.: Соловьева Т.В. Административно-территориальное деление Свердловской области в исторической ретроспективе // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2013. Вып. 13. С. 137--170.

⁸ Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II. СПб., 1910. 387 с.

⁹ Андреевский И.А. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. 156 с.; Блинов И.А. Губернаторы: историко-юридический очерк. СПб., 1905. 365 с.; Градовский А.Д. История местного управления в России. Т. 2. СПб., 1899. 492 с.; Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России. IX -- XIX ст. М., 1910. 155 с.; Он же Из истории законодательства в России. XVII -- XIX вв. Ростов н / Д., 1904. 42 с.; Лохвицкий А. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. СПб., 1864. 227 с.; Лаппо-Данилевский А. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. 62 с.

¹⁰ Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872. 238 с.; Филиппов, М.А. Судебная реформа в России: в 2 т. СПб., 1871. 622 с.; Гессен В.М. О судебной власти // Судебная реформа. Т. 1. М., 1915. С. 1--15; Джаншиев, Г.А. Основы судебной реформы: (К 25-летию нового суда). М., 1891. 416 с.; Щепкина Е.П. Чтения по истории России в восемнадцатом веке. Выпуск I. Государственный строй. СПб., 1905. 263 с.; Сыромятников В.И. Очерк истории суда (до издания сводов закона) // Судебная реформа в России. Т. 1. М., 1915. С. 16--180; Бочкарев В.

права на рубеже XIX -- XX вв. в своих трудах по судебной реформе 1864 г высказывались исключительно негативно о так называемом «старом суде».

После 1917 г. выбор тем исторических исследований обуславливался социально-экономическим детерминизмом и классовым подходом, что привело к тому, что по сравнению с предыдущей эпохой было написано существенно меньше основополагающих работ по истории права и управления. Господство нового подхода, однако, не сразу проявилось в исторических исследованиях. Примером наличия определенного свободомыслия в начале советского периода является второй том монографии Ю.В. Готье «История областного управления в России. От Петра I до Екатерины II», незначительно отличавшейся в своем подходе и видении предмета исследования от первого тома, изданного до революции¹¹. Исключительно классовому подходу следуют работы 1960-х гг. Среди них следует выделить монографию «Подготовка к судебной реформе 20 ноября 1864 года в России» В.Б. Виленского, работу М.П. Павловой-Сильванской, а также учебник Н.П. Ерошкина «История государственных учреждений дореволюционной России»¹².

Вышедший в перестроечное время второй том издания «Очерки русской культуры XVIII в.» свидетельствует о вновь возникшем интересе к вопросам государственного строительства и права в периоды реформ. В этом сборнике рассматриваемой теме посвящены две статьи: «Система государственного управления» Н.Б. Голиковой и Л.Г. Кислягиной, и «Право и суд» Л.В. Вдовиной¹³. В статье об административных реформах Екатерины II Н.Б. Голикова и Л.Г. Кислягина не соглашаются с тезисом о том, что «Учреждения» были созданы исключительно как реакция на восстание Е. Пугачева. Исследовательницы подчеркивают, что частные комиссии Уложенной комиссии продолжали работать до 1774 г., и что восстание Пугачева привело лишь к ускоренному созданию «Учреждений». Л.В. Вдовина, в отличие от более ранних советских историков, обращает внимание на достоинства судебных преобразований Екатерины II. Среди них -- первые попытки разделения уголовного и гражданского права, а также следствия от суда.

Интерес современной российской исторической науки к истории административных и судебных реформ в Российской империи снова вырос, что

Дореформенный суд // Судебная реформа в России. Т. 1. С. 205--241; Готье Ю.В. История областного управления в России. От Петра I до Екатерины II. Т. 1. М., 1913. 472 с.

¹¹ Готье Ю.В. История областного управления в России. От Петра I до Екатерины II. Т. 2. М., 1941. 304 с.

¹² Виленский В.В. Подготовка к судебной реформе 20 ноября 1864 года в России. Саратов, 1963. 148 с.; Павлова-Сильванская М.П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России (XVII--XVIII вв.). М., 1964. С. 460--491; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. 352 с.

¹³ Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г. Система государственного управления // Очерки русской культуры XVIII в. 4.2. М., 1987. С. 44--108; Вдовина Л.Н. Право и суд // Очерки русской культуры XVIII в. 4.2. М., 1987. С. 152--183.

обусловлено политическими изменениями в России в 1990-е гг. В научных дискуссиях последних 25 лет преобладают ревизионистские взгляды в отношении к реформам 1770 -- 1780-х гг.

В своей монографии «„Законная“ монархия Екатерины II»¹⁴ 1993 г. историк права О.А. Омельченко доказал последовательность и систематичность законодательной деятельности монарха. Автор подчеркивает, что идея удовлетворения общественных потребностей не являлась главной задачей реформ Екатерины II. В первую очередь императрица была нацелена на создание соответствующей духу времени конституции и правопорядка абсолютной монархии.

Противоположного мнения придерживается историк А.Б. Каменский¹⁵. Согласно его точке зрения, в научной литературе часто имеет место непонимание того, что губернская реформа 1775 г. в глазах законодателя была лишь началом целого ряда дальнейших преобразований. Ученый подчеркивает компромиссный характер екатерининских реформ, целью которых являлось постепенное внедрение нововведений, учитывавших особенности российского общества последней трети XVIII в.

Краткий обзор о создании и деятельности правовых учреждений и развития процессуального и уголовного права можно также найти в трехтомной монографии Б.Н. Миронова. Ученый придерживается релятивистского подхода по отношению к характеристике дореформенного суда. По его мнению, недостатки екатерининской судебной системы не были столь масштабны, как часто представляется в научной литературе¹⁶.

Как уже было отмечено выше, в связи с возрождением интереса к таким темам, как управление и правосудие, в прошедшие 25 лет появился ряд монографий, научных статей, учебников, и квалификационных научных работ, посвященные административно-правовым реформам последней четверти XVIII в¹⁷.

¹⁴ Омельченко О.А. «Законная» монархия» Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. 428 с.

¹⁵ См. напр.: Каменский А.Б. Просвещенные реформы Екатерины Великой в свете современного реформаторского опыта; Он же. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII. (Опыт целостного анализа). М., 2001. 575 с.; Он же. Российская империя в XVIII веке: Традиции и модернизация. М., 1999. 329 с.; Он же. Сословная политика Екатерины II // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 29--46; Kamenskij A.B. Die Reformen Katharinas der Großen und die Modernisierung Russlands im 18. Jahrhundert // Katharina II, Russland und Europa - Beiträge zur internationalen Forschung. Mainz, 2001. S. 333--346.

¹⁶ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. СПб, 2015. 922 с.

¹⁷ Ефремова Н.Н. Публично-правовое общение: русское правосудие // ПараГраф. 2011. № 3. С. 1--26; Она же. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XVIII--XIX вв. // Российское право: состояние, перспективы, комментарии. 2008. №2. С. 36--50; Она же. Судебное устройство России в XVIII -- I половине XIX вв. (историко-правовое исследование). М., 1993. 192 с; Лонская С.В. Российские судебные реформы XVIII--XX века. Калининград, 2003. 183 с.; Слободняк И.П. Реформа судебной системы в России в период «просвещенного абсолютизма» // История судебных учреждений России. М., 2004. С. 98--132; Смыкалин А.С. Судебная система российского государства от Ивана Грозного до Екатерины II (XV--XVIII вв.) // Вопросы истории. 2004. № 8. С. 49--69; Мигунова Т.Л. Административно-судебная и правовая реформа Екатерины Великой: Историко-

К тому же следует выделить работы, посвященные чиновникам, прослойке населения, отвечающей за реализацию реформ. Бюрократия является одной из активно изучаемых тем, как в советский период, так и в исторической науке современной России. С 1970-х гг. отечественные ученые на основании анализа формулярных списков начали исследовать социальный состав чиновничества XVIII столетия, уровень его профессиональной подготовки, материальное положение, а также условия несения службы.¹⁸ Относительно к рассматриваемому периоду, исследователи пришли к выводу, что расширение государственного аппарата и повышение спроса на чиновников и затабельных канцелярских служащих, способствовали формированию нового типа бюрократа – «выходца из разночинцев или податных сословий по социальному происхождению и маргинала по своей социальной сущности»¹⁹.

В XIX -- XX вв. были опубликованы научные труды, посвященные региональной политике правительства, а также особенностям осуществления административно-правовых реформ Екатерины II в одном или нескольких регионах. В этих работах уделено особое внимание выявлению отклонений от заданного законодателем курса. Из них значительная часть монографий, научных статей и квалификационных научных работ рассматривает проведение екатерининских реформ на материалах Сибири²⁰. Исключением является монография Н.В. Середы «Реформа управления Екатерины Второй. Источниковедческое исследование», в которой реконструируется механизм

правовой аспект: автореф. дис. ... д-ра ю. наук. Владимир. 2008. 47 с.; Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли. VIII--XX века. М., 2003. 256 с.; Исаев А.П. История государства и права России. Учебное издание. М., 2009. 787 с.

¹⁸ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (формирование бюрократии). М., 1974. 394 с.; Архипова, Т.Г., Румянцева, М.Ф., Сенин, А.С. История государственной службы в России. XVIII--XX вв. М., 2001. 230 с.; Румянцева М.Ф. Источники о материальном обеспечении и имущественном положении служащих местных государственных учреждений в последней трети XVIII века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С. 159--182; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. 758 с.; Она же. Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 3. С. 25--39; Она же. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996. № 4. С. 29--43; она же. Российский чиновник на службе в конце XVIII -первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3. С. 121--139; Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII -- начало XX в. СПб., 1999. 480 с.

¹⁹ См.: Румянцева М.Ф. Государственная служба в период становления Российской империи; Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 2005. С. 251.

²⁰ Авдеева, О.А. Индивидуализация административно-судебной системы Сибири по Учреждению для управления губерний всероссийской империи. 1775--1780 гг. // История государства и права. 2004. № 4. С. 21--24; Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2003. 46 с.; Зубов В.Е. Административный аппарат Западной Сибири конца XVIII -- первой половины XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997. 26 с.; Красников Н.И. Развитие региональной локализации управления в Российской империи в ходе проведения губернской реформы 1775-1785 в Сибири // Вестн. ЧелГУ. Право. 2010. № 19 (200). Вып. 24. С. 104--109; Саражина Р.Г. Судебная система в западной Сибири в имперской политике в конце XVIII -- середине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011. 23 с.; Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. 196 с. Сивкова А.В. Сибирь в системе имперского законодательства в 70-е гг. XVIII -- 80-е гг. XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. 25 с.

проведения административных реформ Екатерины II в различных городах Тверской губернии²¹. В этом контексте следует упомянуть еще три работы -- статью А.С. Майоровой, посвященную открытию Саратовской губернии в 1780 г., а также кандидатские диссертации «История Воронежского наместничества (1779--1796)» Е.А. Шевченко и «Административные реформы Екатерины Великой (по материалам Рязанской губернии)» К.В. Тимченко²².

Что касается вопросов осуществления административно-судебных реформ Екатерины II в Уральском регионе, то, в первую очередь, благодаря монографиям и статьям историка права В.А. Воропанова можно говорить о хорошем уровне изученности данной проблематики. В своих работах ученый обратил особое внимание на характеристику участия в судебном процессе нижних слоев населения, в том числе региональных этнических сообществ. В своих исследованиях, опирающихся на широкую базу источников, он подробно описывает особенности формирования и функционирования учрежденных для этих групп населения судов²³.

Кандидатская диссертация Д.Е. Хохолева посвящена истории Пермского наместничества (1781--1796 гг.). В работе представлен анализ организации местного самоуправления, системы органов управления и их деятельности в Пермском наместничестве. Подробно рассматриваются подготовительные меры по учреждению наместничества и его открытию, характеризуется начальный этап работы вновь созданных административно-правовых и судебных учреждений²⁴.

Для полноценного раскрытия темы нами были привлечены работы об истории Среднего Урала. В дореволюционное время появились труды Пермских краеведов и земских деятелей, посвященные истории, этнографии и статистике Пермской губернии, из

²¹ Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй. Источниковедческое исследование. М., 2004. 446 с.

²² Майорова А.С. Открытие Саратовской губернии в 1781 году и последствия этого события для губернского города // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия история. Международные отношения. Вып. 1. 2007. Т. 7. С. 11--19; Шевченко Е.А. История Воронежского наместничества (1779--1796): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2009. 31 с.; Тимченко К.В. «Административные реформы Екатерины Великой (по материалам Рязанской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2017. 26 с.

²³ См.: Воропанов В.А. О роли представителей сельских сословий в сфере осуществления правосудия в Тобольском наместничестве в конце XVIII в. // Азиатская Россия: Люди и структуры империи. Омск, 2016. С. 223--233; Он же. Юрисдикция над Башкирами в конце XVIII в.: о «национальном» факторе организации и деятельности судебной системы Российской империи // Вестник БашГУ. 2012. № 4. С. 1920--1924; Он же. Особенности юрисдикционной деятельности в отношении сельского населения Западной Сибири в конце XVIII в. // СибЮрВестник. 2011. № 1. С. 3--8; Он же. Власть и население в Российской провинции: опыт сотрудничества в губернских органах управления и суда (последняя четверть XVIII в.) // Вопросы управления. 2008. № 5. С. 97--103; Он же. Этнокультурный вопрос в судебной политике Екатерины II // Вестн. ЮУрГУ. Сер. соц.-гум. наук. Вып. 4. 2005. № 7 (47). С. 34--42; Он же. Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири. 1780--1869. Челябинск, 2005. 314 с.; он же. Практика местного правосудия: государственные суды для сельских обывателей Оренбургской губернии в последней четверти XVIII -- начале XIX в. // Ab imperio. 2002. № 3. С. 137--160.

²⁴ Хохолев Д.Е. Управление Пермским наместничеством (1780-1796 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. 169 с.

которых следует отметить очерки и статьи Д.Д. Смышляева, А.А. Дмитриева, Г.И. Балбашевского, Х. Мозеля, и Н.К. Чупина²⁵. В советский период авторы уделили особое внимание социально-экономическому развитию городов и региона и социальному составу их населения²⁶. В последние 20 лет изучение истории городов рассматриваемого региона было продолжено Н.С. Корепановым и П.А. Корчагиным, а также авторами очерков истории Верхотурья, подготовленных по поводу 400-летия города²⁷. Кроме того, в этот период появился ряд книг популярно-краеведческого характера, посвященных отдельным городам Среднего Урала²⁸. Отдельно следует рассмотреть коллективные монографии историков Уральского отделения Российской академии наук, в которых дан подробный анализ местного общества, а также структуры и деятельности органов сельского и городского самоуправления на Урале²⁹.

Вопрос о правовом статусе свободного сельского населения был освещен в некоторых исследованиях.

Распространение среди дореволюционных историков мнение о том, что крестьяне в созданных для защиты их интересов судах были притеснены преобладающим в них дворянством, нашло свое продолжение в трудах советских исследователей³⁰. В недавней научной литературе утверждается более оптимистическое видение реформаторской деятельности и сословной политики Екатерины II³¹. Среди них выражено ревизионистской позицией отличаются работы В.А. Воропанова, согласно которому

²⁵ Дмитриев А.А. Очерки из истории губернского города Перми. Пермь, 1889. 363 с.; Смышляев Д.Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. 307 с.; Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии: в 8-и т. Пермь: тип. губ. Земск. Управы, 1873--1888; Балбашевский Г.И. Исторический очерк гражданского устройства Пермская края // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1892 г. Пермь, 1891. С. 24--47; Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. Ч. 1. СПб., 1864. 457 с.

²⁶ Черкасова А.С. Мастерские и рабочие люди Урала в XVIII в. М., 1985. 247 с.; Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967. 335 с.; Горловский М.А. Социальный состав населения Екатеринбурга во второй половине XVIII в. // Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958. С. 113--121; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. 608 с.

²⁷ Корепанов Н.С. В провинциальном Екатеринбурге. Екатеринбург, 2003. 212 с.; Он же. В раннем Екатеринбурге (1723-1781 гг.). Екатеринбург, 2001. 251 с.; Корчагин П.А. Губернская столица Пермь. Пермь, 2006, 320 с.; Он же. История Верхотурья (1598--1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург, 2001, 180 с.; Байдин В.И. и др. Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края: (400-летию Верхотурья). Екатеринбург, 1998. 288 с.

²⁸ Екатеринбург за двести лет (1723--1923). Екатеринбург, 1923. 314 с.; Чагин Г.Н. Города Перми Великой Чердынь и Соликамск. Пермь, 2003. 256 с.; Он же. Чердынь: краткий исторический очерк. Пермь, 1972. 128 с.; Смирных А. и др. Уездные столицы: Ирбит, Алапаевск, Камышлов, Красноуфимск. Екатеринбург, 2002. 368 с.

²⁹ Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII в. -- первая половина XIX в.). М., 2000. 261 с.; Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII -- начале XX века. М., 2003. 383 с.

³⁰ Блинов И.А. Губернаторы. С. 151; Готье Ю.В. История областного управления в России. От Петра I до Екатерины II. Т. 2. С. 199--200; Градовский А.Д. Собрание сочинений А.Д. Градовского. Т. 9. Начала русского государственного права. Ч. 3. Органы местного управления. С. 117--119; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений. С. 22; Исаев И.А. История государства и права России. С. 205; Павлова-Сильванская М.П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II. С. 484, 490.

³¹ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. С. 26-45; Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II; Слободняк И.П. Реформа судебной системы в России в период «просвещенного абсолютизма». С. 122--123.

реформа Екатерины II способствовала интеграции сельского населения в государственную судебную систему и создавала условия для формирования активной позиции в процессе осуществления правосудия.³² В отношении к рассматриваемому региону автор отметил, что сельское население Среднего Урала сумело получить максимальную выгоду от предоставленных ему прав и обязанностей благодаря своему преимущественному происхождению из государственных крестьян европейского Севера страны, имевших давний опыт в самоуправленческой деятельности и общении с представителями государственных административных органов³³. Более осторожного взгляда придерживается Н.А. Миненко. Исследовательница подчеркивает, что на Среднем Урале ко второй половине XVIII в. в результате колонизационных потоков, в том числе и из зон помещичьего землевладения, произошло объединение разных крестьянских культур. При оценке самоуправленческой инициативности и уровня правосознания сельского населения в регионе, по ее мнению, необходимо учесть, что статус приписных к заводам крестьян во многом был равным статусу помещичьего крестьянина³⁴.

В исторической науке интерес к вопросам общинного судопроизводства, обычного права³⁵ и их взаимодействия и взаимоотношения с официальными законами возник в последней трети XIX в., когда после отмены крепостного права и в связи с судебной реформой Александра II была распространена государственная судебная система на все категории крестьянства. Исследования дореволюционного периода посвящены изучению народных правовых отношений. В них были рассмотрены проблемы происхождения и развития крестьянских правовых взглядов, и их соотношении с положениями позитивного права³⁶. В 1970--1990-е гг. историки и этнографы уделили активное внимание проблеме развития правовых воззрений крестьян, культуре русской деревне, а также деятельности волостных судов³⁷. М.М. Громыко и Н.А. Миненко, труды которых посвящены проблеме крестьянского правосознания, показали на материалах Западносибирского региона, что

³²Воропанов В.А. Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири. С. 44--49; Он же. Практика местного правосудия: государственные суды для сельских обывателей Оренбургской губернии. С. 149.

³³ Воропанов В.А. Власть и население в российской провинции.

³⁴ Миненко Н.А. Заключение / Н.А. Миненко // Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII -- начале XX века. М., 2003. С. 374; Она же. Традиционная русская культура в условиях горнозаводского Урала XVIII -- XIX вв. // Уральский исторический вестник. 1995. № 2. С. 28--32.

³⁵ Об определении понятия „обычное право» и его развитию см. Безгин В.Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX -- начала XX века. Тамбов, 2012. С. 6--8.

³⁶Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск, 1907. 200 с.; Пахман С.В. Обычное гражданское право в России (юридические очерки). Т. I--II. СПб., 1877+1879. 447 с. + 400 с.; Алексеев С.Г. Местное самоуправление русских крестьян XVIII -- XIX вв. М., СПб., 1902. 328 с.; Оршанский И. Народный суд и народное право // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1875. Кн. 4. С. 140--223.

³⁷ Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII -- начало XIX в. М., 1984. 255 с.; Тарабанова Т.Н. Судебно-правовая культура крестьян пореформенной России (по материалам волостных судов) // Россия и реформы. М., 1993. С. 38--52; Лаптева Л.Е. Исследования обычного права народов Российской империи в XIX в. // Государство и право. 1997. № 8. С. 105--109.

моральные представления сельского населения были естественной основой их правовой практики³⁸. Подробный обзор об обычном праве включает в себя 3-томная монография Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну»³⁹. Относительно к пореформенному периоду можно говорить о хорошем уровне изученности проблематики низового судопроизводства благодаря многочисленным работам В.Б. Безгина⁴⁰. В исследованиях тамбовского историка представлены анализ состояния крестьянской юстиции и функционирования волостных судов. Труды автора посвящены вопросам народной юстиции, а также соотношению и применению государственного закона и норм обычного права в волостном судопроизводстве второй половины XIX в. -- начала XX в.

На Среднем Урале и Западной Сибири была предпринята первая попытка включения части крестьянства в официальную судебную и правовую систему. Проведенная в первой половине 1780-х гг. на этой территории волостная реформа первого генерал-губернатора Пермского и Тобольского Е.П. Кашкина упоминается в дореволюционных биографических очерках П.Н. Петрова и Н.Д. Чечулина⁴¹. В 1970--2000-х гг. эта реформа местного самоуправления рассматривалась рядом сибирских ученых. В научных исследованиях М.М. Громько, Т.С. Мамсик, Н.А. Миненко и В.В. Рабцевич основное внимание было уделено истории проведения реформы и ее влиянию на социальное развитие крестьянской общины в восточных регионах страны⁴². Работы Н.Г. Суворовой и М.О. Акишина посвящены анализу основополагающему нормативному акту реформы «Наставления для установления порядка в сельской жизни»: ими были изучены его правовые нормы и созданные в соответствии с этим документом судебно-административные институты, их функции, компетенции и обязанности, а также порядок их взаимодействия с вышестоящими государственными учреждениями⁴³.

³⁸ Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991. 448 с.; Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири XVIII -- первая половина XIX в. Новосибирск, 1991. 265 с.

³⁹ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. С. 91--109.

⁴⁰ Безгин В.Б. Правовая культура русского села (вторая половина XIX -- начало XX веков). Тамбов, 2012. 80 с.; Он же. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX -- начала XX века; Он же. Крестьянская повседневность: традиции конца XIX -- начала XX века. Тамбов, 2004. 304 с.; Он же. Сельское общественное управление и его представления в оценке русских крестьян (вторая половина XIX -- начало XX века). Режим доступа: http://e-notabene.ru/lr/article_514.html.

⁴¹ Петров Н.П. Евгений Петрович Кашкин, один из сподвижников Екатерины II // Русская Старина. 1882. Т. 35. С. 1--40; Чечулин Н.Д. Кашкин Евгений Петрович, генерал-аншеф, генерал-губернатор Тульский и Калужский // Русский биографический словарь. Т. 8. СПб., 1897. С. 585--587.

⁴² Громько М.М. Мир русской деревни; Мамсик Т.С. Реформа сельского управления в Сибири конца XVIII в. (по документам Чаусского волостного архива) // Проблемы истории местного управления Сибири XVII -- XX вв. Новосибирск, 1997. С. 16--21; Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. Право и обычай в крестьянской семье (Урал и Сибирь в XVIII -- XIX веках). Челябинск, 1998. С. 166--177.

⁴³ Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2003. 46с.; Он же. «Наставления для установления порядка в сельской жизни». Источники и состав памятника // Новосибирский архив. вестн. 2003. № 12. С. 73--83; Акишин М.О., Ремнев А.В. Управление Сибири: XVI -- XX вв: административная политика, структура и люди // Власть в Сибири: XVI -- XX в. Новосибирск, 2005. С. 7--231; Суворова Н.Г. Нормативная база крестьянского суда

В исследованиях западных историков уделяется особое внимание дискуссиям о созданной Екатериной II сословной системе, формировании сословных корпораций и учреждении органов местного самоуправления. Большая часть авторов относится с сомнением к реальной дееспособности созданных сообществ, охарактеризованных в статье известного русиста Д. Гайера «Общество как государственное мероприятие»⁴⁴, как искусственно созданных, не врожденных, и поэтому «незрелых» структур.

Большинство зарубежных исследователей сошлись на том, что западные модели организации общества не могли быть внедрены в России указом сверху. Инициаторы реформ не учли российских реалий и потребностей населения. Намерению правительства унифицировать административную и судебную систему не хватило пробивной силы в связи с тем, что оно не могло опираться ни на сословные корпорации, ни на государственные инструменты для вовлечения чиновников в этот процесс⁴⁵.

Более оптимистичная оценка административно-судебных реформ Екатерины II дана немецкими историками К. Шарфом, Й. Кузбером и М. Хильдермайером. Согласившись с видением А.Б. Каменского, ученые считают, что для интерпретации административных и судебных реформ Екатерины II и ее не в полной мере воплощенных в жизнь законодательных проектов является более «жизнеспособным» подход, согласно которому реформаторская деятельность императрицы была нацелена не столько на достижение краткосрочных результатов, сколько, наоборот, на внедрение постепенных, учитывающих особенности российского общества последней четверти XVIII в. нововведений⁴⁶. В соответствии с такой точкой зрения главная заслуга реформ состоит в том, что они, как резюмировал К. Шарф, технико-географически и психологически «создали предпосылки к тому, что впервые могла идти речь о распространении

в Сибири в конце XVIII -- первой половине XIX в. // Вестник ТГУ. 2008. № 3. С. 100--104; Она же. «Крестьянское самоуправление в государственной деревне Западной Сибири в 60-е гг. XVIII -- первой половине 60-х гг. XIX вв. (организация, функции, правовая регламентация): автореф. дис ... канд. ист. наук. Омск, 1997. 29 с.

⁴⁴ Geyer D. "Gesellschaft" als staatliche Veranstaltung. Sozialgeschichtliche Aspekte des russischen Behördenstaats im 18. Jahrhundert // *Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland*. Köln, 1975. S. 20--52.

⁴⁵ Geyer D. Staatsausbau und Sozialverfassung. Probleme des russischen Absolutismus am Ende des 18. Jahrhunderts // *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 7. N° 3. Juillet-Septembre 1966. Hommage à François de Liencourt. P. 366--377; Hartley J., Provincial and local government // *The Cambridge history of Russia - Imperial Russia 1689--1917*. Cambridge history of Russia, 2. Cambridge, 2006. С. 449--467; Baberowski J., Autokratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864--1914. (Studien zur europäischen Rechtsgeschichte). Frankfurt a.M., 1996. 846 S; LeDonne J. Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order. New York, 1993. 376 p.; Raeff M. The Well-Ordered Police State. Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800. New Haven, 1983. 284 p.; Freeze G. The (Soslovie) Estate Paradigm and Russian Social History // *American Historical Review* 91. (1986). С. 11--35.

⁴⁶ Hildermeier M. Geschichte Russlands vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution. München, 2013. 1504 S; Kusber J. Grenzen der Reform im Russland Katharinas II. // *Zeitschrift für Historische Forschung*. Vol. 25. Nr. 4 (1998). S. 509--528; Scharf C. Modernisierung und Absolutismus: Die Reformen Katharinas II. von Russland [Электронный ресурс] // *Begegnungen Schriftenreihe des Europa Institutes Budapest*, Band 22. Режим доступа: <http://www.europainstitut.hu/index.php/publikationen/begegnungen/17-begegnungen/488-begegnungen22scharf>

государственной власти на всей территории страны, и что эта самая власть стала ближе к своим подданным»⁴⁷.

В зарубежной историографии судебная реформа 1775 г. рассматривается лишь «попутно», либо как предпосылка проведения судебной реформы Александра II, либо в контексте сословной политики императрицы. Авторы прежде всего обращали внимание на недостатки, прежде отмеченные дореволюционными и советскими историками. Оценивая российское судоустройство этого периода, зарубежные историки отталкиваются от идеала правопорядка и правовой практики, основанной на принципах правового государства Запада⁴⁸. Проведение реформы, по их мнению, стало только возможным благодаря государственному импульсу к модернизации, исключительно ориентированному на европейскую модель.

В современной западной историографии присутствуют две противоположные позиции по вопросу привлечения нижних слоев населения к участию в государственно-правовой системе. Первая исходит из идеи доминирования в российском обществе ситуации правового дуализма, в результате которого преобладающая масса сельского населения и численно небольшая городская элита, получившая западное образование, жили в разных мирах, каждая по своим нормам и ценностям. Так, для американского историка М. Раева главными причинами для этого являются слабо развитая социальная мобильность в России, а также распространение западноевропейского стиля жизни среди послепетровской элиты, устрашающего крестьян⁴⁹.

Западные русисты, специализировавшиеся на изучении законодательства имперского периода, зачастую придерживаются взгляда, что в России право было лишним явлением, «a cultural fiction», не имевшего никакого отношения к повседневным практикам. Объясняется эта недостаточность отсутствием врожденных правовых традиций и правовым нигилизмом, свойственным российскому крестьянству⁵⁰. Другие увидели главную причину низкого уровня правовой культуры в слабом развитии

⁴⁷ Scharf C. Modernisierung und Absolutismus: Die Reformen Katharinas II. von Russland.

⁴⁸ Kaiser F.B. Die russische Justizreform von 1864: Zur Geschichte der russischen Justiz von Katharina II. bis 1917. Leiden, 1972. (Studien zur Geschichte Osteuropas; 14). 552 S.; Kucherov S. Courts, Lawyers and Trials under the Last Three Tsars. New York, 1953. 339 p; Wortman R.S. The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago, 1976. 345 p.; Baberowski J. Autokratie und Justiz.

⁴⁹ Raeff M. The Well-Ordered Police State.

⁵⁰ Pipes R. Russia Under the Old Regime. New York, 1974. P. 187--197; Baberowski J. Law, the judicial system and the legal profession // The Cambridge history of Russia. Vol 2. Imperial Russia (1689--1917). Cambridge, 2006. P. 344--368; Engelstein L. Combined Underdevelopment: Discipline and the law in Imperial and Soviet Russia // American Historical Review. 98 (2003). P. 338--353.

политических и социальных институций, не способных привить идею о верховенстве права в обществе, а также в православной ментальности⁵¹.

В отличие от упомянутых работ, американский историк Дж. Бурбанк придерживается мнения, что крестьяне активно и регулярно обращались в государственные учреждения для решения своих проблем при помощи норм «государственного права». В своих выводах исследовательница опирается главным образом на архивные материалы и аналитические работы о волостных судах⁵².

В западной историографии сформировался отрицательный образ российского чиновника. В 1960-х – 1980-х гг., до широкого применения теорий модернизации для объяснения исторического процесса в России, русисты рассматривали российскую административную систему сквозь призму западноевропейских критериев. В связи с этим в послевоенной западной исторической науке изучение административных систем являлось «историей государственных органов» (*Behördengeschichte*), одним из направлений истории права и государства⁵³.

На смену этому подходу пришла социальная история, инспирированная теорией типологии власти М. Вебера. Теперь исследователи-русисты обратились к изучению социального портрета российского чиновника. Среди этих работ заслуживают внимания труды американских историков В. Пинтнера и Д. Ливена, специализировавшихся вслед за советскими историками 1970-х гг. на анализе большого массива формулярных списков⁵⁴. Главными причинами неудовлетворительного функционирования системы управления специалисты по социальной истории России называли те же проблемы, что и их дореволюционные и советские коллеги: нехватку денежных средств и людских ресурсов.

Примененные к российскому бюрократу критерии идеального типа современного чиновника, выявленные М. Вебером, не позволили предстать ему в выгодном свете. Он не имел ни специального образования, ни жалования, которое давало бы ему уверенность в завтрашнем дне, ни свойственной идеальному чиновнику профессиональной этики. Осознав невозможность использования теоретического подхода М. Вебера, британский историк Г.А. Хоскинг высказался за необходимость поиска альтернативных моделей для

⁵¹ LeDonne J. Absolutism and Ruling Class. P. 179--235; Kimmerling-Wirtschafter E. Russian legal Culture and the Rule of Law // *Kritika*. №7. 2006. P. 61--70; Proccacia U. Russian Culture, Property Rights, and the Market Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 93--141.

⁵² Burbank J. Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905--1917. Bloomington and Indianapolis, 2004. 374 p; Burbank J. Insult and Punishment in Rural Courts. The Elaboration of Civility in Late Imperial Russia // *Études rurales*. N° 149-150. 1999. P. 147--171.

⁵³ Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917 (Studien zur Geschichte Osteuropas 10). Leiden, 1966. 622 S.; Kaiser F.B. Das Russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19 Jahrhunderts.

⁵⁴ Pintner W.M. The evolution of civil officialdom 1755-1855 // *Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century*. Chapel Hill, 1980. P. 190--226; Lieven D. Russian Senior Officialdom under Nicholas II. Careers and Mentalities // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. Bd. 32. H. 2 (1984). P. 199--223.

анализа российского чиновничества: «to understand the Russian state would be as patron-clientelism backed by the symbols of divinely ordaines absolute monarchy»⁵⁵. Согласно ему, под патримониальной властью понимаются отношения взаимного обмена, основывающиеся не на жестких структурах и учреждениях, а на переплетениях личных связей⁵⁶.

Новый подход к исследованию портрета чиновника предложил немецкий культуролог С. Шаттенберг в своей монографии «Коррупцированная провинция? Российские чиновники XIX века»⁵⁷. Используя этнологическое понятие «честь», ученый пришла к выводу, что патримониальный характер российской системы управления проявляется в тесной связи чиновника со своим покровителем, которая выстраивалась не как деловая связь, а как служебное отношение.

Новизна. Анализ историографии показывает, что, несмотря на наличие научных трудов, посвященных изучению судебной реформы Екатерины II на региональном материале, можно отметить отсутствие работ, рассматривающих создание и функционирование органов суда на примере конкретного учреждения суда, в частности – верхних и нижних расправ, созданных в Пермском наместничестве в 1781 г. Кроме того, остались недостаточно освещенными такие аспекты, как установление наличия и степени интеграции свободного сельского населения в процесс отправления правосудия, об их вовлеченности в деятельность принимающих судебных учреждений, отношении к государству, и способах взаимодействия с ним. В этом заключается научная новизна представленного исследования.

Методология и методы исследования. В качестве методологической основы работы была использована совокупность подходов и методов, отвечающих задачам исследования. Рамочным подходом является институциональный, в соответствии с которым изученные нами суды – верхние и нижние расправы Пермского наместничества – рассматриваются как учреждения, опирающиеся на формально-правовые принципы: действуют в соответствии с существующим законодательством, имеют особое положение в административно-судебной структуре и включены в систему взаимодействий с другими органами власти.

Кроме того, исследование базируется на концепции модернизации, необходимой для понимания, каким образом происходило заимствование и функционирование административных структур, созданных на основе идей западноевропейского

⁵⁵ Hosking G.A. Patronage and the Russian state // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 78. No. 2 (Apr. 2000). P. 305.

⁵⁶ Ransel D. *The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party*. New Haven, 1975. 327 p.

⁵⁷ Schattenberg S. *Die korrupte Provinz? Russische Beamte im 19. Jahrhundert*. Frankfurt a.M., 2008. 294 S.

Просвещения. Под модернизацией понимается явление целостного обновления общества, который включает в себя комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных трансформаций и диффузий, с целью превратить традиционное общество в современное⁵⁸. Течение модернизации в Российской империи последней четверти XVIII в. исследуются сквозь призму теории диффузионизма, которая рассматривает проникновение новаций как постепенный процесс, неравномерно протекавший на различных уровнях административно-судебной системы.

С целью освещения различных аспектов функционирования верхних и нижних расправ Среднего Урала были также применены подходы социальной истории и политической антропологии, которые позволили понять человеческое «лицо» верхних и нижних расправ, понять мотивацию действий мелких чиновников екатерининского времени, причины обращений населения к помощи органов коронного суда. Поиск ответа на вопрос об успешности или провале проведения реформы, зависевшей в определенной степени от отвечающих за ее осуществление людей, а также от того, как новые структуры были встречены местным населением, потребовал привлечения микроисторического анализа.

В основу исследования также были положены принципы историзма и объективности, требующие как анализа событий и фактов в их совокупности и многосторонности, так и предусматривающие рассмотрение влияющих и обуславливающих друг друга процессов и явлений.

К тому же, исследование деятельности названных судов требует привлечения общенаучных и специальных исторических методов исследования. Из общенаучных методов нами был применен комплексный подход, который делает возможным исследование некоторых компонентов административной и судебной системы в целостности их элементов. Из общеисторических методов для определения региональных особенностей был выбран историко-сравнительный метод. Примененный помимо этого историко-правовой метод послужил для того, чтобы более подробно исследовать нормативные основы деятельности рассматриваемых судебных учреждений, и, в первую очередь, верхних и нижних расправ. Для анализа финансирования исследуемых учреждений, а также для составления статистики об уголовных делах, рассматривавшихся в изученными нами судах были также использованы методы количественного анализа.

Таким образом, применение широкого спектра подходов и методов, междисциплинарность исследования позволили в наилучшей степени раскрыть различные

⁵⁸ Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. 239 с.; Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII -- начало XX в.). М., 2007. 368с.

аспекты процессов создания и деятельности верхних и нижних расправ на Среднем Урале в 1780--1790-е гг.

При работе над данной работой были использованы письменные документальные и повествовательные **источники**⁵⁹, которые можно в зависимости от видовой принадлежности разделить на законодательные акты, делопроизводственные документы, мемуары и записки и дневники путешественников.

Большинство законодательных актов, этого периода представлено манифестами и указами императрицы и правительствующего Сената, регламентами, уставами и учреждениями и собрано в первом издании Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ) 1830 г.

Для решения поставленных задач самым значимым является законодательный акт «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» («Учреждения»)⁶⁰. Наряду с самой Екатериной II авторами этого первого в истории России документа, посвященного местному управлению, являются такие известные государственные деятели того времени, как Я. Сиверс, П. Завадовский, А. Вяземский, Г. Ульрих, С. Десницкий и др.⁶¹. Документ, утвержденный императрицей 7 ноября 1775 г., состоит из преамбулы, в которой раскрываются мотивы и сущность реформ, и 412 статей, разделенных на 28 глав. Три дополнительные главы были утверждены в январе 1780 г. В законодательном акте подробно описаны состав и функции всех местных учреждений, в том числе судебных, их взаимоотношения между собой, порядок вступления в должность чиновников. Закрепляются требования к их должностным обязанностям. Кроме того, изданием «Учреждений» был сделан значительный шаг в развитии процессуального права: подробно регламентирована система обжалования приговоров и решений, а также предпринята попытка отделения следствия от судебного разбирательства. Анализ «Учреждений» позволяет выяснить, на каких основаниях базировалась судебная система России в последней четверти XVIII в.

Помимо того, в ПСЗРИ находятся отдельные законодательные акты, которые либо разъясняют некоторые моменты «Учреждений», либо дополняют их в связи с проблемами,

⁵⁹ Для обзора источников была взята классификационная система исторических источников, разработанная Л.М. Пушкаревым (Пушкарев Л.М. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. 275 с.).

⁶⁰ Смыкалин А.С. Судебная система российского государства от Ивана Грозного до Екатерины II. С. 39.

⁶¹ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14392. С. 229—304.

возникшими в процессе их осуществления в том или ином регионе, либо объявляют и регулируют открытие новых губерний или наместничеств⁶².

Кроме того, структура, задачи, компетенции и основные направления деятельности изученных нами судебных учреждений определялись следующими законодательными актами: 1) «Генеральный регламент, или Устав» (1720 г.)⁶³ регулировал систему организации управления и делопроизводство. Согласно этому нормативному документу все государственные учреждения подразделялись на присутствие и канцелярию. В нем были определены обязанности различных категорий канцелярских служащих, а также установлены правила служебной переписки и работы архива учреждения. 2) Работа чиновников регламентировалась в «Табели о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каком то классе чины ...» (1722 г.)⁶⁴. 3) «Регламент, или Устав главного магистрата» (1721 г.)⁶⁵ содержит инструкции и образцы для составления ведомостей и рапортов. 4) Рядом указов, опубликованных в 1760–1780-х гг., определялись формы для правильного составления формулярных списков, в которых центральной власти регулярно предоставлялись сведения о составе местных чиновников и канцелярских служащих⁶⁶. 5) Для обеспечения бесперебойного функционирования судебных учреждений были изданы различного рода указы, как, например, о наполнении судебных мест достойными людьми и о введении постоянного денежного жалования; правительство боролось с такой распространенной проблемой как «лихоимство и взяточничество»⁶⁷.

Наряду с такими, во второй половине XVIII в. не утратившими свою силу, кодексами, как «Соборное Уложение» 1649 г., «Воинский Артикул» (1716 г.) и «Морской Устав» (1720 г.), судопроизводство уголовного процесса в основном регулировалось следующими юридическими актами процессуального и уголовного права: 1) Указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 г.⁶⁸, которым был восстановлен порядок состязательного процесса, регламентирован порядок судебного процесса, предъявлены формальные требования к протоколу, а также предложен образец составления челобитной; 2) Именные указы «О правилах производства апелляционных дел» от 30 июля 1762 г. и «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству» от 21

⁶² ПСЗРИ-1. Т. 19. № 13972. С. 753. № 14157. С. 942—943. Т. 20. № 14816. С. 760—763. № 14831. С. 781—783. № 15013. 936—937. № 15085. С. 1014—1015. Т. 21. № 15113. С. 21—922. № 15115. С. 22--23; Т. 22. № 15978. С. 95—97.

⁶³ ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3535. С. 160.

⁶⁴ ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3890. С. 486—493.

⁶⁵ ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3708. С. 291—310.

⁶⁶ ПСЗРИ-1. Т. 14. № 12030. С. 510. Т. 19. № 13690. С. 359—361. Т. 22. № 16641. С. 1063—1065.

⁶⁷ ПСЗРИ-1. Т. 12. № 11988. С. 457—462. № 12175. С. 790—791.

⁶⁸ ПСЗРИ-1. Т. 7. № 4344. С. 147—150.

февраля 1763 г.⁶⁹, изданные с целью устранения судебной волокиты; 3) Именные указы «О порядке производства уголовных дел по воровству...» от 10 февраля 1763 г., «Об определении ученых священников для увещания преступников...» от 14 августа 1764 года и «О производстве пыток в провинциальных и губернских канцеляриях ...» от 13 ноября 1767 г.⁷⁰, ограничивавшие применения пыток на допросах; 4) «Устав благочиния, или полицейский» от 8 апреля 1782 г., послуживший формированию полицейского права, и разграничивший понятия преступления и проступка⁷¹.

В целом законодательные акты этого периода позволяют получить общее понимание того, как по представлениям и требованиям императрицы и высших сановников должна была проводиться реформа местного управления, и как следовало функционировать судебной системе России. Но проследить, как на самом деле осуществлялись преобразования в рассматриваемом регионе, законодательные источники, как правило, не позволяют. Информацию о таких вопросах можно получить только из делопроизводственных источников, т. е. тех документов, которые регулярно создавались в процессе повседневной деятельности государственных учреждений. Большая часть делопроизводственной документации не опубликована и хранится в архивах.

Использованные в работе архивные источники включают в себя делопроизводственные материалы Пермского наместнического правления, верхних расправ Екатеринбург и Перми, а также Алапаевской, Верхотурской, Екатеринбургской, Красноуфимской, Осинской и Чердынской нижних расправ, хранящиеся в четырех фондах (Ф. 491, ф. 589, ф. 591, ф. 771) Государственного архива Свердловской области (ГАСО) и пяти фондах (Ф. 3, ф. 4, ф. 53, ф. 290, ф. 316, ф. 569) Государственного архива Пермского края (ГАПК).

Общее количество архивных единиц хранения, включенных в состав перечисленных фондов, составляет 1097 дел. Их условно можно разделить на три группы. Первая группа включает в себя документы внешнего документооборота, или переписку учреждений (рапорты, сообщения, указы, судебные приговоры). Во вторую группу входят все документы, созданные для внутренних нужд учреждения. В данном случае это регистрационные журналы, где были зафиксированы в определенной форме все входящие и исходящие документы, и протоколы заседаний суда. Особую, третью группу, составляют судебно-следственные дела, в которых встречаются документы как внутреннего, так и внешнего документооборота (протоколы допросов, медицинские справки, описи).

⁶⁹ ПСЗРИ-1. Т. 16. № 11629. С. 29—31. № 11750. 154—157.

⁷⁰ ПСЗРИ-1. Т. 16. № 11750. С. 154--157. №. 12227. С. 689--690. Т. 18. № 12677. С. 512.

⁷¹ ПСЗРИ-1. Т. 21. № 15379. С. 461—488.

Для проведения данной работы нами было исследовано 164 дела, которые помогают составить представление как об осуществлении реформ, так и о повседневном функционировании исследуемых в работе органов суда.

Самую ценную информацию содержит делопроизводственная документация канцелярий названных судебных учреждений. Изучив журналы и реестры входящих и исходящих дел, мы узнаем о регулярности работы, о степени исполнения заданных сверху требований, а также о возможных отклонениях в деятельности органов суда и причинах к ним приведших. Кроме того, в них содержатся детальные сведения о финансовом положении и материальном обеспечении учреждений. Находящиеся в документации наместнического правления списки штатов Пермского наместничества и коллективные формулярные списки включают в себя информацию о решении вопросов об укомплектовании присутственных мест, о социальном происхождении чиновников и делопроизводителей, а также об уровне их подготовки. Прежде всего, благодаря делам «с записками из разных мест, указами, сообщениями и другими делами» мы получили дополнительную к формулярным спискам информацию о состоявших на службе лицах и их отношении к последней, и в некоторых случаях, что для составления полноценной картины, не менее важно, об их взаимоотношениях и внутренних конфликтах.

Кроме того, для проведения анализа была привлечена судебно-следственная документация. Нами была изучена выборка из 67 дел о наиболее характерных для рассматриваемого региона преступлениях: побегах, имущественных правонарушениях, оскорблениях действием или словом. В результате исследования этих дел была получена информация о соблюдении порядка судопроизводства и о судебной практике. К тому же, включенный в эти дела следственный материал позволил создать профили истца и ответчика, восстановить процесс совершения и обстоятельства этих широко распространенных среди представителей сельского общества преступлений, а также рассмотреть учитывавшие особенности местных условий судебные приговоры.

Уровень достоверности делопроизводственных документов, составленных чиновниками изученных нами судебных учреждений можно считать достаточно высоким. Текущее делопроизводство отличалось рутинностью, а у самих составителей документов заинтересованность в умышленном искажении содержания репортов, указов и иных форм отчетности была, по всей вероятности, низкой. При анализе степени достоверности источников можно выделить в качестве исключения протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, так как нельзя не принять во внимание, что показания могли быть получены под оказанием давления и не всегда соответствовали реальному положению вещей. Кроме того, большинство лиц, дела которых разбирались в верхних и нижних расправах, были

неграмотны. Поэтому можно предположить, что протоколы допросов, составленные на официальном языке, не полностью отражают внутреннее состояние и действительные взгляды допрашиваемых.

Ценную информацию о профессиональном и моральном уровне подготовки местного чиновничества мы получаем благодаря «Списку гражданских чиновников по Пермской губернии в 1797 г.», первого губернатора Пермской губернии, Карла Модераха. В связи с тем, что новый губернатор был крайне недоволен царившими в присутственных местах доверенного ему региона порядками, опубликованный краеведом и членом Пермской ученой архивной комиссии М.И. Капустиным документ содержит не только сведения о формальной квалификации состоящих на гражданской службе лиц, но и перечень не рекомендованных «частью по их судимости, частью по их личным качествам» чиновников⁷².

К тому же, в адрес-календарях или месяцесловах, составляемых на основании ежегодно присылаемых из присутственных мест в Сенат списков чиновников и издававшихся с 1766 г. практически каждый год, представлена дополняющая формулярные списки информация о составе государственных служащих в рассматриваемом регионе. Изучение адрес-календарей за 1778--1804 гг., в которые были включены сведения о статских чиновниках Пермского наместничества, позволило нам проследить основные тенденции кадровой политики, получить общее представление об степени укомплектованности государственных учреждений и перемещении отдельных лиц с места на место. Этот исторический источник имеет, однако, один недостаток. В связи с тем, что процесс составления и опубликования адрес-календарей проходил относительно медленно, предоставленная в них информация отставала на целый год, и из-за высокой текучести кадров не всегда отражала действительность⁷³.

Кроме того, в качестве сравнительно-исторического материала в работе были использованы делопроизводственные источники, составленные в присутственных местах других регионов. В частности, нами были привлечены 15 следственных дел, рассмотренных в 1780--1790-е гг. в Тюменском нижнем земском суде Тобольского наместничества, опубликованных в 2-х томном издании О.И. Головановой «Документы Тюменского нижнего земского суда (1782--1796 гг.)»⁷⁴. Были изучены выдержки из

⁷² Капустин М. Сто лет назад. Штаты и служащие Пермской губернии // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Пермь, 1897. С. 101--117.

⁷³ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова. СПб., 1778. 212 с.; 1779. 444 с.; 1782. 473 с.; 1783. 488 с.; 1784. 489 с.; 1785. 443 с.; 1786. 372 с.; 1787. 387 с.; 1788. 361 с.; 1789. 359 с.; 1790. 386 с.; 1792. 384 с.; 1793. 388 с.; 1794. 400 с.; 1795. 464 с.; 1796. 464 с.; 1802. 514 с.; 1804. 279, 335 с.

⁷⁴ Голованова О.И. Документы Тюменского нижнего земского суда (1782-1796): из фондов Государственного архива Тюменской области. Кн. 2. Тюмень, 2008. 352 с.

журналов Нижегородского наместнического правления за 1781--1797 гг., подготовленные к публикации на рубеже XIX -- XX в. членом Нижегородской губернской ученой архивной комиссии В.И. Снежневским⁷⁵. В связи с тем, что выборка документов была сделана третьим лицом по субъективным и, как выходит из предисловия к названному сборнику, предвзятым критериям, данный источник является лишь условно достоверным.

Для получения дополнительной информации о проведении судебных реформ Екатерины II также были использованы нарративные источники: 1) мемуары чиновников⁷⁶, 2) воспоминания участников и свидетелей проведения губернской реформы разных национальностей и происхождения⁷⁷, 3) а также описания Пермского наместничества⁷⁸.

В отличие от вышеупомянутых документов, мемуары являются менее достоверными и имеют в основном иллюстративную функцию. Воспоминания носят более субъективный, чем объективный характер, что обосновывается не только пространственно-временным, но и человеческим фактором. Участники и свидетели событий отличались друг от друга происхождением, уровнем образования, имели свои взгляды и отношение к правительству и императрице, а также разные мотивы для создания нарративных источников. Соответственно, авторы мемуаров и записок могли воспринимать одно и то же событие или явление совершенно по-разному.

Таким образом, круг источников, использованных в ходе работы над данным исследованием, достаточно обширен и разнообразен и предоставляет необходимую информацию для решения поставленных целей.

Положения, выносимые на защиту.

- 1) Изначально коренной модернизации должны были подвергаться только центральные губернии. Соответственно, при разработке «Учреждений», основополагающего законодательного акта административно-судебных реформ

⁷⁵ Снежневский В.И. Описание журналов Нижегородского наместнического правления за 1781--1783 гг. // «Действия» Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. 3. Н. Новгород, 1898. С. 89--192; Там же. Описание делам Нижегородского наместнического правления за 1790-1797 гг. С. 193--269; Он же. Описание журналов Нижегородского наместнического правления за 1788 г. // «Действия» Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. 5. Н. Новгород. 1903. С. 63--110.

⁷⁶ Мешков И.И. Записки И.И. Мешкова // Русский архив. 1905. Кн. 2. Вып. 6. С. 177--242; Вигель Ф. Записки. Ч. 1. М. 1891. 840 с.; Толубеев Н.И. Записки Н.И. Толубеева (1780--1809) // Русская старина. 1889. № 8. 158 с.

⁷⁷ Корберон М.Д. де. Из записок Корберона // Русский архив 1911. № 6. С. 141--154; Винский Г.С. Записки Г.С. Винского // Русский архив. 1877. Кн. 1. Вып. 2. С. 150--197; Болотов А.Т. Записки. Жизнь и приключения Андрея Болотова. Описанные самим им для своих потомков // Приложение к журналу «Русская старина». Т. 3. 1771--1784. СПб., 1873. 1224 с.; Дмитриев А.А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. (с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 гг.). Пермь, 1889. 377 с.

⁷⁸ Историческо-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 г. Пермь, 1801. 224 с.; Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному состоянию. Ч. 1. СПб., 1811. 395 с.; Он же. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному состоянию. Ч. 2. СПб., 1813. 317 с.; Он же. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному состоянию. Ч. 3. СПб., 1813. 354 с.

последней четверти XVIII в., авторы ориентировались на их реалии и потребности. При распространении реформы на окраины государства власть, однако, столкнулась с совершенно иными социально-экономическими и демографическими условиями. Тем не менее, на Среднем Урале местные обстоятельства не были учтены с должной степенью гибкости. Исследуемые нами верхние и нижние расправы снабжались строго по закону, невзирая на их увеличенный круг обязанностей.

- 2) В Пермском наместничестве дворянство было представлено лишь чиновниками, и большая часть городов была основана в результате преобразований. Вследствие этого кадровые резервы ограничивались служащими и делопроизводителями, прежде числившимися в организациях-предшественниках или на горнопромышленных предприятиях.
- 3) Конструирование столь сложной системы административных, судебных и хозяйственных органов, как ее описывают «Учреждения», требовало соответствующей структуры кадров и логистики, которых в исследуемом регионе не существовало. Среди судей и канцелярских работников лица, получившие профильное образование, являлись по-прежнему единицами. Кроме того, чтобы справиться с многократно возросшим документооборотом, в оптимизации нуждалось и делопроизводство, до сих пор базировавшееся на неизменно действовавших пунктах Генерального регламента.
- 4) Одним из достижений «Учреждений» считается отделение предварительного следствия от судебного процесса. Это нововведение должно было разгрузить юстицию и, таким образом, ускорить процесс осуществления правосудия. Замысел оказался, однако, недостаточно продуманным. Большая часть дел до попадания в соответствующий коронный суд теперь проходила через созданные в каждом уезде полицейско-административные органы, так называемые нижние земские суды. Круг обязанностей этих учреждений охватил весь спектр полицейско-государственных функций, и проведение следствия и отправление правосудия являлись лишь одной из сфер их многообразной и трудоемкой деятельности. Однако, материальное и кадровое обеспечение нижних земских судов было несоразмерно низким. В связи с этим можно предположить, что задуманный в «Учреждениях» порядок передачи дел по инстанциям буксовал уже на базовом уровне.
- 5) Другим ключевым моментом реформы являлось введение принципа сословности в систему коронной юстиции. С учетом реалий второй половины XVIII в.,

распространение позитивного права на часть крестьянства путем учреждения сельских судов первой и второй инстанций справедливо считать смелым социальным экспериментом. В научной литературе, посвященной вопросу интеграции представителей от лично свободных крестьян в деятельность созданных для защиты их правовых интересов судов, преобладают «крайние» позиции. В ней, по мнению автора, недооценивается осторожность, с которой законодатель приступал к реализации этого намерения. Подобная готовность к компромиссам доминировала и в взаимоотношениях между представителями сельского населения и руководством принимающих судебных учреждений: обе стороны объединяли, прежде всего, практические соображения – стремление совмещать требования законодательства с возможностями их реализации в условиях провинции.

- б) Низкая активность в сельских судах традиционно объясняется дуализмом права и, следовательно, мало развитым правовым сознанием крестьян. Сделанные нами наблюдения не подтверждают такой вывод. На Среднем Урале крестьяне обращались в кронную юстицию. Создание суда, однако, являлось лишь предложением законодателя, и, соответственно, иск в коронный суд – только одним из многих способов восстановления справедливости.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты проведенных исследовательский могут представлять интерес при изучении истории Урала XVIII в., истории государства и права России, а также истории государственного управления. Кроме того, работа содержит полезный материал для составления лекционных курсов и учебных пособий по выше упомянутым научным областям.

Степень достоверности результатов поведенного исследования. Для изучения проведения судебной реформы последней четверти XVIII в. на материалах верхних и нижних расправ Среднего Урала был привлечен широкий круг опубликованных и архивных источников. В основном автором были использованы законодательные акты, делопроизводственные и нарративные источники, а также документы судебно-следственного характера. Данный комплекс источников свидетельствует о достаточно высоком уровне достоверности исследования.

Апробация результатов исследования. В ходе проведения данного исследования автором было опубликовано восемнадцать научных статей, в том числе три в изданиях, рекомендованных ВАК РФ: 1. Плате А. О правовом статусе сельских заседателей в сословных судах Пермского наместничества (1780--1790-е гг.) // Вестн. ВятГУ. -- 2017. -- № 3. -- С. 32--39 (0,7 п. л.). 2. Плате А. Формирование и развитие личного состава

канцелярий уездных органов власти в России 1780--1790-х гг. (по материалам Верхотурской нижней расправы) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. -- № 6. -- Ч. 1. -- С. 123--125 (0,35 п. л.). 3. Плате А. Екатеринбургская верхняя расправа: формирование и деятельность (1781--1790-е гг.) // Вестн. Пермского ун-та. История. -- 2018. -- Вып. 1 (40). -- С. 121--128 (0,8 п. л.).

Структура работы. В соответствии с поставленными целью и задачами исследовательская работа состоит из четырех глав, посвященных теоретическим и нормативно-правовым основам проведения судебно-административных преобразований последней четверти XVIII в., анализу организации верхних и нижних расправ на Среднем Урале, а также исследованию судебной деятельности данных учреждений. Каждая глава поделена в соответствии с логикой изложения на два или три параграфа. Кроме того, работа снабжена 1 рисунком, 11 таблицами, 13 приложениями, списком источников и литературы.

Глава I. Административно-судебные реформы Екатерины II.

1.1. Теоретические и нормативные основы административно-судебных реформ последней трети XVIII в.

Реформы государства и общества, проведенные Петром I в первой четверти XVIII в., служили ориентиром для последующих преобразований. В его правление, как подытожил А.Б. Каменский, было положено начало постепенного отождествления двух видов служения -- государству и общему благу⁷⁹ При подготовке и реализации реформ по модернизации страны Екатерина следовала социально-политическому курсу Петра I и ориентировалась на образцы действий других европейских монархов, а также политические идеалы эпохи Просвещения. Своего апогея идеи об «общей пользе» и «общем благе» достигли в эпоху «просвещенного абсолютизма»⁸⁰ во время правления Екатерины II. При этом целью было посредством преобразования государственного строя и правопорядка создать абсолютистское государство, учитывающее национальные особенности; в таком государстве правитель заботится о благосостоянии своих подданных путем попытки вмешательства в их повседневную жизнь. Предполагалось, что власть в Российской империи будет покоиться на основе принципов «well-ordered police state» -- «регулярного полицейского государства»⁸¹, оснащенного хорошо продуманными законами, которые соблюдались бы всеми подданными, а также эффективными механизмами управления, способствовавшими укоренению в российском обществе принципов гуманизма и понятия справедливости в западноевропейском понимании.

Независимо от вопроса о том, следовали ли реформы первых лет царствования Екатерины II определенной политической программе -- «лейтмотиву упорядочивания и конституционализации всей государственной деятельности» -- или являлись лишь

⁷⁹ Каменский А.Б., Корчмина Е.С., Серов Д.О. Реформы Петра Великого // Реформы в России с древнейших времен до конца XX века. Том 2. М., 2016. С. 51--52; Каменский А.Б. // Реформы в России с древнейших времен до конца XX века. Том 2. XVIII ---первая половина XIX век. М., 2016. С. 428.

⁸⁰ Определение «просвещенного абсолютизма» см.: Омельченко О.А. Монархия просвещенного абсолютизма в России: Политическая доктрина; Правовая политика; Государственные реформы: автореф. дис. ... д-ра. юр. наук. М., 2002. 42 с.

⁸¹ Для определения значения понятия «хорошо отрегулированное полицейское государство» сравни Raeff M. *The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach* // *Political Ideas and Institutions in Imperial Russia*. Boulder, Colorado, 1994; Каменский А.Б. Реформы второй половины XVIII – начало XIX в. // Реформы в России с древнейших времен. Т. 2. М., 2016. С. 281. В XVIII в. понятие «полицейское государство» не имело негативного подтекста. Оно лишь описывало государство, в котором властитель заботится о благе подданных и делает это путем вмешательства в их ежедневный быт.

предпосылками для более поздних преобразований⁸², новые планы по модернизации просматриваются уже в документах начала ее правления: в манифесте «О вступлении на престол императрицы Екатерины II» от 6 июля 1762 г. и в изданном в декабре того же года проекте Панина о создании Императорского совета («конституция» Фонвизина -- Панина), четко указавших на потребность политики постепенного, но безусловно необходимого реформирования⁸³.

Основы мировоззрения императрицы и курс будущих реформ государства и общества отражают такие документы, как «Заметки» на книгу «Русские письма» чиновника коллегии иностранных дел Штрубе де Пирмонта (1760--1761 гг.), «Инструкция кн. А.А. Вяземскому» 1764 г., «Наказ Уложенной комиссии» (1765--1766 гг.) и «Записки неизвестному» (1762--1763 гг.)⁸⁴ Центральное положение в этом контексте занимает «Наказ Ея императорского величества Екатерины Вторыя, самодержицы Всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта новаго Уложения» (1766 г.), особенно, если мы посмотрим на него не как на публицистическое сочинение эпохи Просвещения или законодательный акт, а увидим в нем, по предложению А.Б. Каменского, некую декларацию определенных воззрений на принципы устройства государства и общества⁸⁵.

Именно с таким намерением была зачитана отредактированная и адаптированная к условиям российского общественного и государственного порядка версия Наказа перед 572 представителями от различных сословий, собравшимся 30 июля 1767 г. в Московском Кремле на торжественном открытии Комиссии для составления нового Уложения⁸⁶. В данном произведении философско-юридического содержания, рассматривающем самые главные и неотложные вопросы правовой и внутренней политики России, Екатерина, как отметил О.А. Омельченко, заложила «основы государственного законодательства и общие

⁸² Для подробного описания этих различных позиций см.: Каменский А.Б. Реформы второй половины XVIII – начало XIX в. С. 171--172. В отличие от И. де Мадариага, отрицающей наличие общего плана реформ у Екатерины II, историк О.А. Омельченко в своих трудах доказал последовательность и систематику законодательной работы императрицы: начиная с просветительских письменных упражнений Екатерины до высочайших манифестов, законодательной комиссии, крупных законодательных трудов семидесятых и восьмидесятых годов и заканчивая незавершенными долгосрочными проектами, имевшими последствия для широких слоев населения. По его мнению, императрица преследовала долгосрочную цель кодификации всего позитивного права и конституционализации абсолютной монархии в России (Омельченко О.А. «Законная» монархия» Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России, М., 1993, 428 с.; Он же. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века). М., 1989. 151 с.). К мнению о том, что Екатерина в первые годы своего правления заложила основы своей дальнейшей реформаторской деятельности, присоединяются Е.В. Анисимов и А.Б. Каменский, при этом последний подчеркивает ее самостоятельность, превосходящую чистую преемственность ее предшественников (Анисимов Е.В. Реформы Екатерины II // Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996, С. 166; Каменский А.Б. Реформы второй половины XVIII – начало XIX в. С. 228--229).

⁸³ Scharf C. "Tradition-Usurpation-Legitimation. Das herrscherliche Selbstverständnis Katharinas II // Russland zur Zeit Katharinas II. Absolutismus-Aufklärung-Pragmatismus. Köln, Weimar, Wien, 1998. S. 66--67.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Каменский А.Б. Реформы в России с древнейших времен. С. 195--196; Он же. «Под сению Екатерины...». Вторая половина XVIII века. СПб., 1999. С. 181.

⁸⁶ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века. М., 1999. С. 407.

начала правовой политики»⁸⁷. В нем говорится, в соответствии с положенной в основу Наказа теорией естественного права С. Пуфендорфа, что «власть судейская состоит в одном исполнении законов, и то для того, чтобы сомнения не было о свободе и безопасности граждан»⁸⁸. Пропагандируемое в данной доктрине формальное равенство всех людей перед законом выражалось в том, что «все подвержены были тем же законам». Но так как в сословном обществе не могло не быть проведено «разделения между особами», суды, создаваемые во время правления Екатерины, должны были гарантировать «внутрисословное равенство»⁸⁹ (равенство перед законом в рамках определенного сословия): «также бы надлежало нескольким из судей бытии чина по гражданству такого же, какого и ответчик, то есть: ему равным»⁹⁰.

В правление Екатерины II дело до кодификации всего законодательного материала не дошло. Дебаты о правопорядке и судебной власти, которым членами Уложенной комиссии уделялось особое внимание, показали очевидную несогласованность потребностей отдельных сословий, а также наглядно продемонстрировали, что выбранный правительством форум был не в состоянии осуществлять как законотворческую деятельность, так и вести дискуссию по определению и осуществлению общегосударственных интересов⁹¹. В полном объеме работа Уложенной комиссии сыграла свою роль при составлении «Учреждения о губерниях» 1775 г., так как в этом законодательном акте весь материал, собранный в Наказе самой Екатерины и в результате работы отдельных частных комиссий, нашел свое первое практическое применение. Сформулированные в Наказе требования и предложения отражали настроения, интересы и

⁸⁷ В этом документе, основной текст которого состоит из 20 глав, охватывающих 526 статей, восемь глав были посвящены вопросам права (главы 15 и 17 охватывают вопросы сословного права, глава 9 – принципы правосудия и процесса, а другие четыре (7, 8, 10, 20) содержат идеи реформирования уголовного права). Позже Екатерина дополнила Наказ еще двумя главами: гл. 21 «О полиции», и 22 «О расходах, доходах и о государственном оном управлении...», которые были опубликованы 28 февраля 1768 г. (Казанцев С.М. Комиссия для сочинения проекта нового Уложения // Законодательство Екатерины II. Т. 1. М., 2000. С. 136--137). О значении Наказа для дальнейшего развития правовой политики Екатерины см.: Каменский А.Б. Реформы в России с древнейших времен. С. 196; Омельченко О.А. Кодификация русского права в XVIII веке: формы и тенденции (у истории предпосылок Свода законов) // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы). М., Н. Новгород, Екатеринбург, 2008. С. 76--82; Кодан С.В. Попытки создания Основных законов Российской империи в политике, идеологии и юридической практике Российского государства (XVIII -- начало XIX в.) // Право и политика. 2012. № 3. С. 560--569).

⁸⁸ ПСЗРИ-1. Т. 18. № 12949. Ст. 98.

⁸⁹ По этому понятию см.: Ефремова Н.Н. Публично-правовое общение: русское правосудие. С. 8.

⁹⁰ ПСЗРИ-1. Т. 18. № 12949. Ст. 34, 98, 110, 127.

⁹¹ Ефремова Н.Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XVIII -- XIX вв.). С. 36--38; Каменский А.Б. "Под сению Екатерины...". С. 207; Он же. Сословная политика Екатерины II. С. 35; Казанцев С.М. Комиссия для сочинения проекта нового Уложения. С. 133.

потребности большей части населения и представляли собой ценную базу для ориентации при разработке статей «Учреждений»⁹².

История создания «Учреждений» 1775 г. считается не полностью реконструированной. По исследовательской версии В.А. Григорьева, Екатерина, находясь еще под непосредственным впечатлением от событий, связанных с восстанием Е. Пугачева, составила этот нормативный акт практически одна в течение пяти месяцев⁹³. Однако в этой версии возникновения «Учреждений» не в должной мере был учтен тот факт, что в них нашли свое отражение как предложения представителей Уложенной комиссии, так и плоды трудов «частной» комиссии, состоявшей из тринадцати лиц, а также проект московского профессора права С.Е. Десницкого «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». Кроме того, известно, что в окончательную редакцию законодательного акта вошли идеи, комментарии и советы таких опытных государственных деятелей и управленцев как, например, губернаторов Я.Е. Сиверса, князя П.С. Мещерского, князя М.Н. Волконского, а также генерального прокурора князя А.А. Вяземского⁹⁴.

«Учреждения» были представлены Сенату 7 ноября 1775 г., а днем позже они были объявлены генерал-прокурором с дополнительным примечанием Екатерины, указывавшим на последовательность, с которой должны были реализовываться содержащиеся в них намерения⁹⁵.

Проводя смысловую линию, начиная от административно-судебных реформ Петра I через выводы Уложенной комиссии и указывая на незадолго до этого успешно устраненные проблемы, возникшие, в частности, в связи с войной с Османской империей и с подавлением восстания Пугачева, Екатерина в преамбуле «Учреждений» указала на необходимость принципиальной реорганизации структуры местной администрации и судебной системы. Самими серьезными недостатками системы управления Екатерина II считала слишком малое количество территориально несоразмерно обширных административных единиц, связанное с этим недостаточное присутствие административно-судебных учреждений, представляющих государственную власть в провинции, а также

⁹² Готье Ю.В. История областного управления в России. От Петра I до Екатерины II. С. 199--248; Ефремова Н.Н. Систематизация источников судебного права Российской империи. С. 260-263; Казанцев С.М. Комиссия для сочинения проекта нового Уложения. С. 133; Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II. С. 210; Слободянюк И.П. Реформа судебной системы в России в период «просвещенного абсолютизма». С. 97--100; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. С. 393--398.

⁹³ Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II. С. 200--203.

⁹⁴ Готье Ю.В. История областного управления в России. От Петра I до Екатерины II. С. 249--250; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. С. 398--399; Чистяков О.И. Органы местного управления // Законодательство Екатерины II. Т.1. М., 2000. С. 318

⁹⁵ Чистяков О.И. Органы местного управления. С. 320.

слабо определенную законодательством степень компетенции административных органов. Причины беспорядка она определила такими словами как «медленность, упущения и волокита» и указала на вытекающие из этого известные последствия: «своеволие и ябеда обще со многими пороками». Устранению «неудобностей» должен был способствовать новый нормативно-правовой акт, соответствующий внутреннему состоянию империи, отделявший судебную власть от административной, а также «лучшее и точнейшее» исполнение эффективных законов. В конечном итоге в понимании императрицы это должно было привести «к счастью подданных, к умножению истинного правосудия, к поправлению нравов и к распространению всех христианских добродетелей»⁹⁶.

Осуществление «Учреждений» началось незамедлительно. Еще 7 ноября 1775 г., непосредственно после оглашения нормативно-правового акта Сенатом, последовало и оглашение указа о реорганизации уже существующих Тверской и Смоленской губерний в соответствии с новыми уставами⁹⁷. В течение последующих десяти лет «Учреждения» были последовательно введены на всей территории империи и имели юридическую силу в общих чертах до 1864 г., и частично даже до 1917 г.⁹⁸ Процесс растянулся, так как протекал при параллельном проведении административных и судебных преобразований⁹⁹. В связи с разукрупнением существующих административно-территориальных единиц, количество губерний возросло с 23 до 41, а позднее, после разделов Польши и расширения империи на юг, до 50¹⁰⁰.

Новая административная система была двухступенчатой. В подчинении губернии или наместничества, как правило, находились только уезды или округа¹⁰¹. Исключение составляли те случаи, когда в силу обширности территории, количества и состава населения региона, генерал-губернатор, или наместник видел необходимость в учреждении промежуточной территориальной единицы в виде области или провинции. До 1775 г. на территории Российской Империи в подчинении губерний находилось 270 уездов и 66 провинций; к концу же правления Екатерины II существовало 9 областей и 493 уезда¹⁰². Согласно новому закону, в губернии должны были числиться не более 400

⁹⁶ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14392. 7. ноября 1775 г. С. 229—231.

⁹⁷ Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II. С. 321--322.

⁹⁸ Писарькова Л.Ф. Развитие местного управления в России до великих реформ: обычай, повинность, право. С. 26.

⁹⁹ Слободянюк И.П. Реформа судебной системы в России в период «просвещенного абсолютизма». С. 116.

¹⁰⁰ Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II. С. 310--312.

¹⁰¹ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14392. Ст. 16. Далее по тексту, все статьи «Учреждений» приводятся в сплошном тексте и без номера закона.

¹⁰² Правом, предоставленным ст. 15 «Учреждений», разделять административные единицы описанным образом, пользовались в основном в территориально крупных, но малонаселенных районах на окраинах страны. Области существовали в составе Вологодской, Пермской, Костромской, Уфимской, Кавказской, Тобольской и Иркутской губерний (Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II. С. 337; Описание судебной системы см. у: Ефремова, Н.Н. Судостроительство России в XVIII - I половине XIX вв. С.

000 и не менее 300 000 душ мужского пола, а в уезде – не более 30 000 и не менее 20 000 душ мужского пола (ст. 1, 17). Национальные и экономические соображения не учитывались¹⁰³.

Проведенная в рамках так называемой губернской реформы Екатерины II судебная реформа имела целью усовершенствование судопроизводства и модернизацию юстиции. Ее основой закон об «Учреждениях для управления губерний» от 7 ноября 1775 г. подробно регламентировал порядок формирования, функции и компетенцию судов. В соответствии с этим законодательным актом была создана целая система местных судов. В губернских городах предписывалось открыть общесословные суды третьей инстанции: уголовную и гражданскую палаты и сословные суды второй инстанции, а в уездах – сословные суды первой инстанции. Кроме того, в законе было предусмотрено учреждение судов специального назначения: совестных и надворных судов.

Суды первой инстанции обычно располагались в уездных центрах. Дела, касавшиеся дворян, входили в компетенцию уездных судов, (ст. 18, 195), а за дела городского населения в зависимости от статуса города отвечали либо городской магистрат, либо ратуша (ст. 27--28). Кроме того, наместник, или генерал-губернатор имел право на учреждение нижних расправ в тех уездах, где доля свободного сельского населения составляла не менее 30 % жителей (ст. 34--35). По гражданским делам решения судов первой инстанции были окончательными, когда исковая сумма не превышала 25 рублей. Относительно уголовного права обвинительные приговоры первой инстанции не пересматривались, если судебное решение не касалось смертной казни, бесчестия, либо телесного наказания кнутом или плетью (ст. 200--202, 285--287, 341--343).

В губернских городах создавались сословные суды второй инстанции: верхний земский суд для дворян, губернский магистрат для городского населения и верхняя расправа для лично свободных крестьян (ст. 13, 32, 36, 164, 306, 350). Апелляционные суды состояли из двух департаментов, в компетенцию первого входило разрешение уголовных споров, а второго – решение гражданских дел (ст. 166--169, 309--311, 351--353)¹⁰⁴. Решения гражданско-правового характера считались окончательными, когда

115--148; Лохвицкий А.В. Губерния ее земские и правительственные учреждения: Ч. 1. СПб., 1864. С. 49--56; Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 456).

¹⁰³ Однако этого правила придерживались не последовательно, случалось так, что фактическое количество населения колебалось от губернии к губернии. Причиной тому служил все еще частично применяемый принцип создания административных единиц, основанный на расстоянии до соответствующего губернского или уездного города, действовавший с правления Петра I (Чистяков О.И. Органы местного управления. С. 320).

¹⁰⁴ Таким образом, уже на уровне второй инстанции действовал принцип разграничения гражданского и уголовного судопроизводства. Однако придерживаться его было не всегда обязательно. В ст. 171, 313 и 357 было предусмотрено, что в случае перезагрузки одного департамента дело могли передать во второй. Поэтому корректней было бы говорить о разделении только на уровне третьей инстанции.

исковая сумма не превышала 100 рублей (ст. 174--175, 316--317, 360--362); в области уголовного права действовали те же критерии, что и в судах первой инстанции (ст. 107, 180, 322, 366).

Суды третьей инстанции -- уголовная и гражданская палаты -- были общесловными (ст.6 и 8). Полномочия кассационного гражданского суда прекращались, когда оспариваемая сумма превышала 500 рублей (ст.131--132). Оплатив пошлину размером в 200 рублей, можно было обжаловать решение в следующей инстанции -- Сенате. Уголовная палата также не обладала правом на вынесение окончательного решения. При наличии особо тяжкого преступления она проверяла решения первой и второй инстанций, подтверждала или смягчала предложенное наказание, затем дело направлялось губернатору для вынесения решения (ст. 107--108, 110--111). Начальник губернии, в свою очередь, принимал решение исполнять ли приговор или отправить дело на рассмотрение в Сенат, то есть в четвертую инстанцию (ст. 131).

Самой нижней инстанцией являлся открываемый в каждом уезде нижний земский суд. Круг обязанностей нижнего земского суда (ст. 22), находившегося в прямом подчинении верхнего земского суда, был обширным. Кроме судебных, на него был возложен весь спектр полицейско-государственных функций (ст. 225--228, 230--231, 238--241, 249). Однако, объединив в руках одного органа судебно-административные и полицейские компетенции, законодатель нарушил объявленный им принцип разделения властей (ст. 229, 232, 245).

Правительство предприняло очередную попытку разделить исполнительную и судебную власть. Но осуществлялась она непоследовательно, поскольку соподчинение нижестоящих судебных и административных учреждений соответствующим вышестоящим административно-судебным инстанциям сохранилось как по горизонтали, так и по вертикали. Так, с одной стороны говорится, что «государев наместник не есть судья» (ст. 82). Предполагалось, что губернатор должен лишь следить за злоупотреблениями в судах, но не влиять на процесс вынесения правового решения: «он есть яко хозяин своей губернии, а не судья» (ст. 85). Но уже в следующей статье это ограничение снималось, и губернатору предоставлялось право вмешиваться в текущий процесс (ст. 86).

Таким образом, созданная в соответствии с «Учреждениями» судебная система, как часто отмечалось в дореволюционной историографии, стала компромиссом между стремлением правительства отделить суд от администрации и создать отдельные суды для каждого сословия, с одной стороны и преобладавшей в правящих кругах потребностью

«сделать из начальника губернии око и ухо государя, надзор и власть которого одинаково распространяются на все стороны местной жизни», с другой¹⁰⁵.

Как уже говорилось выше, изданный с целью усиления местной администрации и модернизации судоустройства законодательный акт предусматривал разукрупнение административных единиц, создание сложной судебной системы и разграничение сферы компетенции административных финансовых и судебных органов власти, что в итоге привело к увеличению количества губерний и к соответствующему расширению государственного аппарата. Согласно штатам на 1796 г. и в зависимости от состава местного населения в губернских городах должны были функционировать 9 административных и правовых учреждений: генерал-губернаторское, или наместническое правление, казенная, уголовная и гражданская палаты, совестный суд, верхний земский суд, губернский магистрат, верхняя расправа и приказ общественного призрения. Что касается уездных городов, то законодателем были предусмотрены от 5 до 7 присутственных мест: правление городничего, уездное казначейство, нижний земский суд, уездный суд, дворянская опека, городской магистрат и нижняя расправа¹⁰⁶. Тем самым преобразования последней четверти XVIII в. привели к умножению гражданских кадров в региональном управлении. Их число возросло от 12 712 служащих в 1774 г. до 22 000 в 1781 г., а к концу правления Екатерины на гражданской службе состояло 27 000 человек¹⁰⁷.

Описанные меры по децентрализации власти¹⁰⁸ (полномочия Санкт-Петербургских коллегий были частично перенесены в губернии, частично упразднены в период с 1779 по 1796 г.)¹⁰⁹, а также попытка вовлечь (в активной или пассивной форме) значительную

¹⁰⁵ Готье Ю. Отделение судебной власти от административной // Судебная реформа. Т. 1. СПб., 1915. С. 199. См. также замечание А.Д. Градовского: «... такое разнообразие учреждений и сравнительная с прежним временем самостоятельность их, потребовали учреждения особого органа для общего за ними надзора. Таким образом, явился генерал-губернатор или государев наместник» (Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899. С. 306).

¹⁰⁶ ПСЗРИ-1. Т. 44. Ч. 2. № 17498. С. 253--257. Эти предписания не могли быть реализованы во всех регионах по причине гетерогенной структуры населения. Отклонения случались в губерниях европейского севера и востока страны по причине низкой квоты дворянства среди местного населения. Для сравнения см. работу В.А. Григорьева о проблемах, которые возникали при установлении штатов в наместничествах Вятки и Перми, а также Кольванской области (Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II. С. 223--237).

¹⁰⁷ Jones R.E. Catherine II and the Provincial Reform of 1775: a Question of Motivation // Canadian Slavic Studies. IV (Fall 1970). С. 511.

¹⁰⁸ К вопросу о том, привело ли закрытие центральных органов власти к большей децентрализации см. разъяснения в книге об институте генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Согласно данной разработке, центральное управление было сконцентрировано в руках Сената и, таким образом, фактически генерал-прокуратора, который перенимал роль важнейшего и единственного министра императрицы. Кроме того, высшее управление находилось непосредственно в руках, напрямую подчиненных императрице государственных секретарей. По этим причинам во время правления Екатерины Второй можно говорить о комбинации децентрализации с новой централизацией (Институт генерал-губернаторства и наместничества в российской империи. Т.1. СПб., 2001. С. 49--50).

¹⁰⁹ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. С. 435--438.

часть населения к участию в администрации и судопроизводстве привели к тому, что, как подытожил результаты современных исследований немецкий историк С. Шарф, были созданы предпосылки создания функционирующей системы государственного управления на всей обширной территории империи, дистанция между государством и подданным сократилась»¹¹⁰.

Для обеспечения безупречного функционирования созданной системы, правительство полагалось на сотрудничество не только коронных чиновников, но и выборных сословных представителей. Прежде всего, необходимо было привить любовь последних к гражданской службе: «в сердца употребляемых в сие дело усердие к точному и нелицемерному отправлению должности»¹¹¹. Подобные практические соображения, а также вера в воспитательное воздействие хороших и справедливых законов находили свое выражение в словах законодателя: «да почтется в людях сих наивышшим стыдом лень, нерадение и неприлежность к всякому порученному делу»¹¹². Они служат объяснением того, почему Екатерина при открытии губернских и уездных городов не довольствовалась принятием лишь административного акта. В отличие от своих предшественников, императрица решила превратить осуществление реформы в знаменательное общественное событие. Процесс проведения торжеств в честь открытия новых наместничеств и губерний, проходивший во всех регионах страны по единому обряду, установленному Я.Е. Сиверсом при открытии Тверского наместничества в феврале 1776 г., достаточно хорошо освещен в научной и мемуарной литературе¹¹³.

Объявлял о предстоящем событии, как правило, городничий, проходивший накануне праздника «с конвоем одного унтер-офицера и 12 рядовых при звуке трубы и литавр по улицам города». На утро следующего дня на главной площади (перед домом генерал-губернатора и зданиями присутственных мест), где был поставлен «императорский трон, под богатым балдахином», вокруг генерал-губернатора, губернатора, высокопоставленных представителей церкви и других почетных гостей собиралось все съехавшееся в честь события в губернский город дворянство, сословные представители горожан и селян, чиновники, а также все прочие жители города и окрестных селений.

¹¹⁰ Scharf C. Modernisierung und Absolutismus: Die Reformen Katharinas II. von Russland.

¹¹¹ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14392. 7 ноября 1775 г. С. 229—231.

¹¹² Там же.

¹¹³ Болотов А.Т. Записки. Жизнь и приключения Андрея Болотова. С. 720--725; Готье Ю.В. История областного управления в России. От Петра I до Екатерины II. С. 270--271; Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II. С. 346--347; Дмитриев А.А. Очерки из истории губернского города Перми. С. 33--36; Корсаков Д.А. Сборник материалов по истории Казанского края XVIII в. Казань, 1908. С. 22--24; Мешков И.И. Записки И.И. Мешкова. С. 183--185; Основание Харьковского наместничества. Документы. 1780 год / Б.П. Зайцев, В.Г. Панкратьева, М.А. Плеханова // UNIVERSITATES. Наука и просвещение: всеукраинский науч.-популярный журн. 2002. № 3. С. 43--46.

После произнесения речи, в которой стоявший перед портретом императрицы («во весь ее рост написанной») и «зерцалами» генерал-губернатор призывал к строгому соблюдению законов, следовало возглавленное епископом шествие («порядком предназначенным высочайше Ея императорского величества учреждения главы 29 в статье 432») по покрытой красным сукном дороге в соборную церковь.

Здесь происходило праздничное богослужение. По окончании литургии, чтения «молебствия с коленапреклонением» и обедни прочитывались именной указ об учреждении данного наместничества и Манифест об «Учреждении для управления губерний» от 7 ноября 1775 г. Затем в этой же церкви чиновники приводились к присяге; проводились обряды освящения «зеркала», а также здания наместнического правления и остальных присутственных мест. Вся эта церемония сопровождалась 101 залпом из пушек и звоном колоколов всех церквей города, продолжавшимся с обедни до вечера. Во второй половине дня начинались выборы; после окончания тянувшейся несколько дней процедуры баллотирования во многих местах проходили первые заседания вновь созданных присутственных мест.

Вечера заполнялись увеселениями. Для местного дворянства, купечества и чиновников в доме генерал-губернатора давались праздничные обеды, балы и маскарады, а для народа на главных улицах выставлялись покрытые сукном столы с угощениями (бочки с вином, пивом и медом, разнообразные хлеба и калачи и «жаренный бык, целый, с позолоченными рогами и начиненный разными птицами»). Город всю ночь освещала иллюминация публичных и частных домов, фейерверки, проходили парады «полков, квартирующих здесь первова фузелернова да пехотнова» и театральные постановки. Пели хоры и читались оды, сочиненные в честь открытия наместничества, на русском, латинском, древнегреческом, французском и немецком языках, а также на языках всех народов региона.

В последующие недели губернатор или другой высокопоставленный чиновник того же наместничества открывал присутственные места областных и уездных городов. Здесь также проходили богослужение, принятие присяги, публичное чтение указа об открытии и манифеста, которые сопровождалось торжествами, поднятием флага и пушечными салютами; города ночью иллюминировали, и в присутственных местах давали праздничные обеды.

«Новые учреждения возбудили местную общественную жизнь», с этим наблюдением американского историка Р.С. Уортмана можно вполне согласиться. Но принесли подобные торжества, по нашему мнению, нечто большее, чем «театральную

помпезность из столицы в сонные губернские города»¹¹⁴. Церемонию, находившуюся в центре торжества – присягу служащих в главной церкви перед портретом императрицы, освящение судебных зеркал и административных зданий, а также зачитывание нового законодательного акта, – не следует интерпретировать как простое украшение праздника.

Их стоит рассматривать как символический политический акт, целью которого являлось возбуждение определенных чувств и реакций у адресатов. В нашем случае торжества, организованные в честь введения статуты «Учреждений», должны были служить установлению и закреплению связей между императорским двором в Санкт-Петербурге и его подданными. Поскольку коммуникацию мы понимаем в трактовке, предложенной в монографии немецкого политолога М. Швенгельбека, посвященной проведению церемоний и торжеств при германских княжеских дворах XIX в., как способы ее установления путем символов, жестов, картин и эмблем, политическое пространство всегда воспринимается и как коммуникативное пространство¹¹⁵.

Потребность в вышеописанном способе коммуникации, то есть в выходящем далеко за формально-административные рамки вступлении в контакт не только с местными элитами, но и с широкой частью населения, свидетельствует о высоком значении, которое правительство придавало этому законодательному акту. По мнению А.Б. Каменского, Екатерина рассматривала «Учреждения» как неизменный «фундаментальный» закон, «как стезы, ведущие к лучшему управлению»¹¹⁶, к которым она периодически возвращалась в последующей ее законодательной деятельности¹¹⁷.

В такие моменты, воспринимаемые современниками как переломные, когда правительство испытывало сильную потребность убедиться в своей власти или обновить ее на ином уровне, символические инсценировки играли особую роль. Такое большое значение имели для императрицы «Учреждения», через осуществление которых правительство, по взглядам Ю.В. Готье, «старалось воздвигнуть [стену. -- А.П.] между прежним областным строем и новым»¹¹⁸, веря в преодоление упомянутых проблем местного управления и системы судопроизводства посредством строгого соблюдения «хороших законов». Екатерина являлась первой русской властительницей, которая знала, как использовать «церемониальные возможности поездок» для своих целей. Этим она, как

¹¹⁴ Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: от Петра великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 178.

¹¹⁵ Schwengelbeck M. Die Politik des Zeremoniells. Huldigungsfeiern im langen 19. Jahrhundert. Frankfurt a.M., 2007. С. 17--18.

¹¹⁶ Цит. по: Каменский А.Б. Реформы второй половины XVIII -- начало XIX в. С. 254.

¹¹⁷ Там же. С. 254--255.

¹¹⁸ Готье Ю.В. История областного управления в России. От Петра I до Екатерины II. С. 280--281.

отметил Р.С. Уортман¹¹⁹, обращалась к уже хорошо проверенному способу. В ходе тщательного анализа Г.В. Ибнеевой было доказано, что в связи с большой гетерогенностью государства поездки императрицы по России имели не только социально-экономическое и административное значение. С помощью ритуалов приема, организованных местным населением в честь императрицы и ее свиты, возникало взаимодействие венценосной особы с представителями различных социальных и этнических групп населения – власть «освоила» российское пространство и закрепила свой авторитет посредством создания связи с общественным целым¹²⁰.

Опираясь на описанные исследовательские результаты, торжества в честь открытия нового наместничества следует понимать как способ коммуникации монарха и подданных и тем самым как способ легитимации самодержавной власти монарха. Только в этот раз связь была усилена не только путем непосредственного присутствия личности монарха, но «генерал-губернатор или наместник сам стал символизировать узы, связывающие их [поданных. -- А.П.] с петербургским двором»¹²¹.

1.2. Требования к составу присутствия и канцелярии органов суда

Как уже говорилось в предыдущем параграфе, среди проведенных в России реформ в эпоху Просвещения особое значение имели правительственные старания модернизировать и рационализировать правосудие и судебную систему. Преобразовательные меры привели к созданию разветвленной системы местных судебных учреждений и, соответственно, к расширению штатов. Одновременно с возникновением новых идей, заложивших «основу современным правовым представлениям»¹²², возросли и требования к судебному аппарату – «кругу должностных лиц, занимающихся отправлением правосудия на профессиональной основе»¹²³.

Относительно вопроса квалификации лиц, исполнявших в XVIII в. судебные обязанности, в научной литературе имеются различные мнения. Согласно первому, точкой отсчета можно считать попытку Петра I ввести правовые науки в учебный план университета при Академии наук в Санкт-Петербурге¹²⁴. Более убедительной представляется точка зрения Д.О. Серова, согласно которой о введении европейских

¹¹⁹ Уортман Р.С. Сценарии власти. С. 168

¹²⁰ Ибнеева Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М., 2009. 467 с.

¹²¹ Уортман Р.С. Сценарии власти. С. 178.

¹²² Каменский А.Б. Просвещение и власть // Всемирная история. Т. 4. Мир в XVIII веке М., 2013. С. 123.

¹²³ Серов Д.О. Зарождение судебного корпуса России (Из истории судебной реформы Петра I) // Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008. С. 552.

¹²⁴ Зипунникова Н.Н. Юридическое образование и наука в императорской России // Вестн. УдГУ. 2007. № 6. С. 163.

стандартов в образование юристов можно говорить только с 1835 г. В отличие от университетского устава 1804 г., отнесшего юриспруденцию к «отделению этических и политических наук», университетская реформа Николая I впервые предусматривала учреждение юридических факультетов¹²⁵.

Все предпринятые в течение XVIII в. меры в образовательной политике, начиная со времен Петра и его прямых преемников до попыток Екатерины преодолеть недостаток кадров: введением классов юриспруденции при Кадетском сухопутном корпусе и Московском университете, а также приказом предоставить 180 финансируемых из казны учебных мест в Московском университете, Академии Наук и Казанской гимназии, не способствовали появлению желаемого контингента юристов-экспертов¹²⁶. По подсчетам С.М. Троицкого, в середине XVIII в. лишь пятая часть состоявших на гражданской службе лиц обладала профессиональным образованием. Из них, в свою очередь, почти две трети относились к чиновникам, обладающим квалификацией с первой по третью ступень, что означало продвижение по службе как минимум до ранга обер-офицера¹²⁷.

Ситуация не изменилась и в последней трети столетия. Несмотря на частично реализованные реформы в области образования, в правление Екатерины получение навыков на практике осталось самым распространенным методом подготовки к государственной службе: профессиональные навыки в области администрации или на поприще судебной практики по-прежнему приобретались в основном путем традиционной «дьяческой юриспруденции» или на военной службе¹²⁸.

¹²⁵ Дорская А.А. Развитие юридического образования как составляющая российских правовых реформ: историко-правовой анализ // «Юстиция». 2013. № 1. С. 1--7; Серов Д.О. Российские судьи и высшее юридическое образование // Высшее образование в России. 2013. № 10. С. 80.

¹²⁶ Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М., 2012. С. 58--96; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 267--275; Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 56--71.

¹²⁶ ПСЗРИ-1. Т. 15. № 11444. С. 912--915. Другой мерой, предпринятой с целью введения в Россию юридического образования, являлось учреждение классов российской юриспруденции при Кадетском корпусе и при Московском университете (ПСЗРИ-1. Т. 16. № 11989. С. 462--468). К подробному описанию работы этих заведений см.: Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России. С. 111--116.

¹²⁷ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 282--283, 292.

¹²⁸ К попытке Екатерины провести реформы в области образования, распространявшиеся не только на дворянство, но и на более широкие элиты в городах и провинциях см., например, статью немецкого историка Й Кузбера: Kusber J. Katharina II., das Russländische Imperium und die Bildung seiner Untertanen. S. 358--378. О различии между традиционным практическим юридическим образованием в государственных учреждениях, получаемым во время службы в них, и современным теоретико-научным образованием в научно-образовательных учреждениях судейского образования см. разъяснения: Зипунникова Н.Н. Правовые и идеологические основы системы подготовки юридических кадров в России (XVIII--XX вв.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII--XXI вв. Материалы. Екатеринбург, 2014 г. Т. 1. С. 172--178. С.М. Троицкий и его американский коллега В. Пинтнер, которые в 1970--1980-х г. с помощью анализа формулярных списков составили социальную и профессиональную картину русских служащих во второй половине XVIII века, пришли к выводу, что высшие и средние посты на гражданской службе зачастую были заняты армейскими служащими в отставке (Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С.276--283; Pintner W.M. The evolution of civil

Отсутствие образовательного ценза для судей, однако, не говорит об их невысоком статусе или о низких требованиях к данной должности. Нормативно-правовые акты первой четверти XVIII в., как справедливо отметил Д.О. Серов, свидетельствуют об обратном. Судейские посты должны были комплектоваться служащими, имевшими достаточно высокие для гражданской службы чины -- с IV по IX класс по Табели о рангах. Согласно отредактированной версии «Должности Сената» 1719 г., а также Генеральному регламенту 1720 г., назначение членов присутствия коллегий приобретало силу закона только после их утверждения Сенатом. Кроме того, намерение установления кодекса поведения и канона профессиональных компетенций для судей содержит проект Уложения Российского государства 1723--1726 гг.¹²⁹

Своими мерами, нацеленными на повышение эффективности судейского аппарата, Екатерина в первые годы правления в основном следовала линии своих предшественников. Создание рычагов материального поощрения при одновременном усилении дисциплинарных мер должно было поднять профессиональный и моральный уровень гражданских чиновников¹³⁰. Указы 1763--1765 гг. имели своей целью поощрение знати к занятию ведущих постов в статской службе. Переход с военной службы на гражданскую был максимально упрощен. Молодых дворян пытались привлекать к занятию судейских должностей различными карьерными привилегиями -- большими, нежели у лиц, принадлежавших к другим социальным группам населения¹³¹.

Манифестом 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» и подтверждающей эту свободу Жалованной грамотой дворянству от 21 апреля 1785¹³² были изменены основания для поступления на государственную службу: от повинности -- к моральной обязанности, с чем правительство связывало не в последнюю

officialdom 1755--1855. P. 190--250); Л.Ф. Писарькова при схожем исследовании на примере Костромской губернии пришла к тем же выводам (Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. С. 437--444).

¹²⁹ Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование.

¹³⁰ Отправной точкой правовых реформ Екатерины в научной литературе считают заложенную манифестом сенатскую реформу от 15 декабря 1763 г. и одновременно с ним изданный манифест «О наполнении судебных мест достойными и честными людьми, и мерах к прекращению лихоимства и взяток». Последний явно указывает на необходимость модернизации административного и судебного аппарата и борьбы с имеющимися место недостатками и злоупотреблениями. Важным этапом в борьбе с коррупцией считают устранение остаточных явлений системы кормлений указом от 11 октября 1764, закрепившем штаты и на их основании установление выплат жалованья всем гражданским чиновникам (ПСЗРИ-1. Т. 16. № 11988. С. 457--462. № №12259. С. 926--932). Дополнительное мотивирующее воздействие должно было оказать введение пенсий служащим, прослужившим не менее 35 лет (ПСЗРИ-1. Т. 16. № 12175. С. 790--791). Не только для улучшения и систематизации системы учета, но также в качестве контрольного и дисциплинирующего средства, использовались единые формулярные списки, которые каждые полгода надлежало посылать из учреждений в Сенат. Они не только аккумулировали информацию о происхождении и развитии карьеры служащих, в них протоколировалось еще их поведение и профессиональная пригодность. (ПСЗРИ-1. Т. 16. № 12030. С. 510).

¹³¹ ПСЗРИ-1. Т. 15. № 11510. С. 932. № 11540. С. 1010--1011. Т. 16. № 11951. С. 401--402. № 12077. С. 615--616. Т. 17. № 12465. С. 38--319.

¹³² ПСЗРИ-1. Т. 15. № 11444. С. 912--915. Т. 22. №16187. С. 344--358.

очередь надежду на то, что дворяне пересмотрят свое отношение к гражданской службе. Однако согласиться с высказыванием американского историка Р. Пайпса о том, что освобождение дворянства от служебной повинности открыло «шлюзы умственной деятельности»¹³³, трудно. Анонсированное правительством предложение получить образование было встречено представителями благородного сословия с замешательством. Как точно отметил П.Н. Милюков, «освобожденное от обязательной службы, оно [дворянство -- *А.П.*] чувствовало себя свободным от школы, которую привыкло связывать со службой»¹³⁴. Такой подход подтверждают подсчеты С.М. Троицкого, по результатам которых 80% состоявших на гражданской службе лиц не имели специальной квалификации, а также данные, полученные Л.Ф. Писарьковой, согласно которым только в первое десятилетие после обнародования манифеста около 7500 представителей знати уволились с государственной службы¹³⁵.

Гражданская служба по-прежнему оставалась менее престижной, молодые дворяне предпочитали ей службу военную. А адресованное к губернаторам требование «вселять в юное дворянство охоту ко вступлению в гражданскую службу»¹³⁶ практически не находило отклика. Должности на статской службе, особенно в провинции, как это следует из мемуарной литературы, занимали по денежным соображениям, и редко на них назначались молодые люди. Обычно это происходило в возрасте более зрелом, после увольнения из армии¹³⁷. Впоследствии судебские коллегии продолжались пополняться лицами, не имевшими ни юридической подготовки, ни юридической практики. В лучшем случае, как подчеркнул В.А. Воропанов, они обладали полученными в армии дисциплинарными навыками¹³⁸.

«Сердцевиной» судебной реформы последней четверти XVIII в. являлись «Учреждения» 1775 г., базирующиеся на принципах сословности, коллегиальности, узкой специализации и уточняющие этот законодательный акт частные указы. Сравнительно

¹³³ Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 341.

¹³⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб., 1897. С. 286.

¹³⁵ Писарькова Л.Ф. От Петра I до Николая I. С. 30

¹³⁶ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14831. С. 781—786.

¹³⁷ Предубеждения дворян против гражданской службы были крайне устойчивы и нашли свое отображение в мемуарах современников. Приведем в пример высказывания тайного советника Ф.Ф. Вигеля: «дворянство не жаловало гражданскую службу; молодые дворяне, как известно, при Екатерине и до нее, вступали единственно в военную службу, более блестящую, веселую и тогда менее трудную, чем гражданская» (Вигель Ф.Ф. Записки. С. 162). См. также записки происходившего из обедневшей дворянской семьи Н.И. Толубеева, который по финансовым причинам был вынужден занять должность на гражданской службе в провинции, и в обязанностях которой он, по собственной оценке, плохо разбирался, в то время, как его ровесники служили офицерами на армейском поприще (Записки Н.И. Толубеева (1780--1809 гг.) // Русская старина, СПб 1889, С. 33--34).

¹³⁸ Воропанов В.А. Судейские чиновники на Урале и Западной Сибири в 1780—1796 гг. Социальный профиль, профессиональный облик. // Науч. Вестн. УрАГС. 2010. № 3. С. 136—144.

точные данные по составу судебной системы и судопроизводству, а также по формированию системы контроля, превентивных мер и наказания за должностные правонарушения, дают представление о том, как в глазах законодателя в идеале должен был функционировать суд.

В послереформенной судебной системе за судьями были закреплены достаточно высокие для гражданской службы чины – V–IX классы по Табели о рангах. В соответствии с ними служащим выплачивалось годовое жалование в размере от 840–1350 рублей для председателей уголовной и гражданской палаты, до 250–375 рублей для расправного судьи, в зависимости от того, находилось ли данное учреждение в губернии I или II разряда¹³⁹. Должности председателей, советников и ассессоров в судах второй и третьей инстанций следовало замещать коронными чиновниками. По закону, уголовной и гражданской палатами управляли статские советники (V класс), а посты советников и ассессоров в данных учреждениях занимались коллежскими советниками (VI класс) и коллежскими ассессорами (VIII класс). Коллежские советники также должны были руководить верхними земскими судами. Председателями же сословных судов второй инстанции для городского и свободного сельского населения должны были стать чиновники VII класса, что соответствовало рангу надворного советника (ст. 49–51)¹⁴⁰.

Определение на названные должности происходило либо путем утверждения императрицей по представлению Сената (уголовная и гражданская палаты/ верхний земский суд), либо по представлению соответственного наместнического правления с последующим утверждением Сенатом (ст. 61–63). Что касается сословных судов на уездном уровне, то назначался только расправный судья (ст. 74). Пост начальника нижней расправы должен был занимать назначаемый наместником чиновник IX класса, что соответствовало рангу титулярного советника (ст. 52).

Согласно новым положениям, председатели совестных судов, уездных судов, городских магистратов и ратуш, а также нижних земских судов не являлись коронными чиновниками. Руководителем совестных судов как «судов специального назначения, которые должны были служить не только органом правосудия, но и естественной справедливости»¹⁴¹ следовало стать чиновнику VI класса, выбираемому в результате относительно сложной процедуры, при которой каждое судебное учреждение в губернии предлагало по одному кандидату (ст. 63). Уездный судья и земский исправник – должности, занимаемые чиновниками VIII и IX классов (ст. 51–52), – являлись выборными только в тех местах, где это позволял состав населения; а там, где доля

¹³⁹ ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3890; т. 44. Ч. 2. №. 17498. С. 253–254.

¹⁴⁰ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14392. С. 229–304.

¹⁴¹ См. Мигунова Т.Л. Учреждение «Совестного суда» в России // Вестн. СГЮА. 2008. № 3. С. 27–32.

дворянства была слишком низка, их утверждало руководство губернии из трех предложенных верхним земским судом чиновников (ст. 66). Бургомистры, председатели городских магистратов выбирались городскими обществами из чиновников XII класса (ст. 55, 72).

Табельными чиновниками являлись и представлявшие правовые интересы своего сословия перед судом заседатели от дворянства и городского населения, служившие в совестном суде, в сословных судах первой и второй инстанций, а также в нижнем земском суде. Представителям от дворянства, в зависимости от позиции суда, к которому они были прикреплены, были присвоены ранги VII--X классов. Ниже был статус заседателей в губернских и городских магистратах, заседателям от городского населения предоставлены были ранги X--XIII классов (ст. 50, 53, 56). Статус сельского заседателя в нижних земских судах, в верхних и нижних расправах, а также совестных судах, в отличие от представителей дворянства и городов, не предполагал предоставления чина, и, соответственно, регулярного жалованья за службу. Вместо этого они получали ежегодное денежное вознаграждение в размере 60 рублей, а также привилегии и обещания, апеллировавшие к их чувству чести (ст. 58)¹⁴².

Как уже говорилось, в связи с отсутствием специального юридического образования в России последней четверти XVIII в. законодатель для качественного отбора кандидатов, претендовавших на судебские должности, формальных критериев практически не выдвинул и для обеспечения определенного морально-этического уровня в судах по-прежнему довольствовался лишь требованием, чтобы в судьи выбирали таких кандидатов, «которые упражнениями своими преуспевали в познании законов, и образа судопроизводства»¹⁴³.

Заседатели от сословий, «буде за ними нет явного порока», согласно статьям 65--67, 72--73, 75, 166, 308 и 352, избирались по дворянским спискам или селениями той губернии, «кои составляли подсудное ведомство» или из купцов и мещан того губернского города. Более точных указаний по процедуре выборов и пассивных выборных критериев в самих «Учреждениях» не предложено. Однако текст содержит примечание, что выборы проводятся «на основе депутатского выбора 1766 года 14 декабря» (ст. 64). Согласно регулирующему данные вопросы именному указу «Об учреждении в Москве комиссии для сочинения проекта нового Уложения ...», в кандидаты должны были выдвигаться лица, укоренившиеся и уважаемые в соответствующем сообществе. Кроме моральной безупречности (от кандидатов из дворянства требовалось «честного и

¹⁴² ПСЗРИ-1. Т. 44. Ч. 2. № 17498. С. 354.

¹⁴³ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14831. С. 481—486.

незадорного поведения», а представители других социальных групп должны были отличаться «добротой»), и отсутствия судимости, существовал возрастной и имущественный ценз. Минимальный возраст для заседателей в судах составлял 25 лет (для представителей сельского населения – 30 лет). Кандидаты знатного и крестьянского происхождения должны были владеть поместьем или домом в соответствующем уезде, а городским сообществам было приказано отправлять в суды только представителей, имевших в том же городе кроме дома еще промысел, торг или ремесло¹⁴⁴.

Согласно преамбуле «Учреждений», законодатель намеревался изданием новых законов взять под контроль самые распространенные в судопроизводстве страны недостатки – медлительность, волокиту и возникшее впоследствии своеволие. Для осуществления этих целей «Учреждения» сопровождалась рядом статей по нормированию служебного процесса, дисциплинарных взысканий в случае нарушения срока и описанием системы контроля для защиты судопроизводства от внешних и внутренних воздействий, функционирование которой должны были обеспечивать прокуроры, метко названные И. де Мадариага «guardians of legality» (хранителями законности)¹⁴⁵. Законодатель установил для судейского аппарата должностной и выборный период в три года (ст. 65, 73, 75, 166, 196, 308, 336, 352). После утверждения кандидатов в должности или их назначения руководством губернии и принесения клятвы они были обязаны незамедлительно начать работу в месте несения службы. С целью экономии времени проезд через место жительства разрешался только, если «буде дома по дороге»¹⁴⁶.

Как уже говорилось, суды функционировали в режиме трех сессий, предусмотренных законодательством: с 8 января каждого года до начала страстной недели, затем после Троицы до 25 июня и, в заключение, со 2 октября до 18 декабря (ст. 185, 206, 327, 347, 371). Однако при наличии неотложных дел наместническое правление или соответствующая вышестоящая инстанция имели право назначения дополнительных дней заседаний (ст. 190, 331, 348). От сословных судов второй инстанции законодатель также требовал, чтобы один судья с двумя заседателями после окончания периода заседаний заканчивал все оставшиеся дела (ст. 191, 332, 376). Кроме того, всем членам судейского корпуса, согласно закону, предоставлялся годовой оплачиваемый отпуск в 29 дней. А представители сельского населения могли с разрешения принимающего их

¹⁴⁴ ПСЗРИ-1. Т. 17. № 12801. С. 1092—1110.

¹⁴⁵ Важной задачей деятельности прокуроров было обеспечение соблюдения законов судьями и приказными служителями, а также донесение сведений о правонарушениях генерал-прокурору и наместнику, см. (Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great, С. 284--285).

¹⁴⁶ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14816. С. 260—263.

судебного учреждения на время, когда они были незаменимы в крестьянском хозяйстве или по праздникам, возвращаться в свои родные края¹⁴⁷.

Досрочное освобождение от должности, например, по причине смерти члена судейского корпуса, приводило к назначению перевыборов и занятию вакансии соответствующим требованиям кандидатом, утвержденным компетентным сословным судом второй инстанции¹⁴⁸. При предъявлении соответствующего свидетельства членам присутствия разрешалось досрочно уволиться со службы – «таковых отсылать в медицинскую коллегию для освидетельствования их болезней»¹⁴⁹.

Руководству губернии законодателем вменялось бороться за выполнение законов, а против всех «непослушных, роптивных, ленивых и медлительных» принимать дисциплинарные меры: в случае рецидива правление имело право на возбуждение судебного иска против провинившихся чиновников. Это приводило к увольнению данных лиц со службы и занятию должности людьми достойными (ст. 96). Дела о грубых нарушениях поведенческих норм или о злоупотреблении должностными полномочиями рассматривала уголовная палата¹⁵⁰.

Соблюдение процессуальных сроков было высшим приоритетом. Законодатель требовал от судебных учреждений первой и второй инстанций, за исключением верхнего земского суда, заканчивать все начатые дела во время одного периода заседаний. Выполнение данного указания контролировалось уездным стряпчим, ведущим список всех завершенных дел (ст. 410. П. 3). Кроме того, для предотвращения волокиты, законодатель предусмотрел при грубом нарушении сроков невыплату годового жалования всем членам присутствия соответствующего суда. Эта сумма выплачивалась в качестве своего рода компенсации содержащимся во время процесса под арестом обвиняемым или их наследникам, либо направлялась в народные училища (ст. 207, 330, 348, 374).

С целью нормирования трудового распорядка и для защиты независимого процесса принятия решений органами правосудия от воздействия третьих лиц законодатель установил точную структуру проведения судебного заседания: круг лиц, имевших доступ в зал заседаний во время доклада, был ограничен (ст. 409. П. 6), а последовательность высказывания мнений и процесс принятия решений были строго прописаны (ст. 181--183, 323--325, 368--370). Судебную независимость должно было гарантировать предписание, что «решат все дела по точной силе и словам закона, несмотря на чьи требования и предложения» (ст. 409. П. 8). Дополнительным контрольным моментом являлись

¹⁴⁷ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 99. Л. 71--75, 86.

¹⁴⁸ ПСЗРИ-1. Т. 21. № 15477. С. 644—645.

¹⁴⁹ ПСЗРИ-1. Т. 18. № 12535. С. 472.

¹⁵⁰ ПСЗРИ-1. Т. 21. № 15565. С. 720—721.

полномочия уездного стряпчего следить за тем, «чтобы почтение к судьям от челобитчиков сохраняемо было, и чтобы для недельных причин на судей подозрений не показывали и судей не презирали» (ст. 410. П. 6).

Вышеупомянутые нормативно-правовые акты первых лет правления Екатерины II и статьи «Учреждений» явно свидетельствуют о том, что власть надеялась, прежде всего относительно решения кадрового вопроса, на сотрудничество дворянства. Согласно нормам «Учреждений», на губернском уровне треть постов, а в уездах даже половина всех должностей должны были заниматься чиновниками -- представителями дворянства¹⁵¹. В благородном состоянии Екатерина видела социальную опору для реализации своих преобразовательных мер, поэтому, как уже говорилось, она пыталась привлекать выходцев из дворянства к поступлению на гражданскую службу предоставлением карьерных привилегий, не имевшихся у выходцев из других социальных групп населения.

Невзирая на все старания, поднять престиж гражданской службы в глазах дворян не удалось. Не нашло отклик и введение регулярного жалованья. Размер санкционированных правительством окладов был существенно ниже, чем планировалось изначально в законопроектах. Они уже тогда являлись устаревшими и не удовлетворяли, как отметил Ю.В. Готье, потребностям благородного состояния¹⁵². Поэтому гражданская служба так и не рассматривалась достойной альтернативой, особенно это касалось «должностей, требующих усидчивых канцелярских занятий»¹⁵³. Отставных офицеров, однако, такая перспектива привлекала. Они охотно занимали должности в провинциальной администрации и юстиции, за что им были предоставлены чины VI--XI классов «за уряд» и соответственное годовое жалованье в 250--400 рублей¹⁵⁴. Прежде всего, на государственную службу стремились, пусть и вопреки желанию правительства, представители незнатных групп населения. Они постепенно проникали на те посты, для занятия которых были предусмотрены чины, дававшие, согласно Табели о рангах, право на личное и даже потомственное дворянство.

Установленные в Генеральном регламенте 1720 г. штаты и должностные обязанности продолжали действовать в последней трети столетия практически в неизменном виде. За осуществление делопроизводственного процесса в учреждениях отвечал подчиненный коллегиям канцелярский аппарат, состав и размер которого зависел

¹⁵¹ ПСЗРИ-1. Т. 16. № 12175. С. 790--791. Флоринский М.Ф. Российская государственность в эпоху «просвещенного абсолютизма» // История России: народ и власть. СПб., 1997. С. 365.

¹⁵² Готье Ю.В. История областного управления в России. От Петра I до Екатерины II. Т. 2. С. 183--184; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII. С. 386; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. С. 378--383.

¹⁵³ Евреинов В.А. Гражданское чиновничество в России: Ист. очерк В.А. Евреинова. СПб., 1887. С. 56.

¹⁵⁴ Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII -- первой половине XIX века. С. 123.

от профиля учреждения. Внутри канцелярии имелась своя иерархия должностей. Должности секретаря (XIII--XI классы) и регистратора (XIV класс) были табельными. Остальные категории канцелярских служащих являлись затабельными: архивариус, нотариус, протоколист, переводчик, а также низшие штатные делопроизводители: канцеляристы, подканцеляристы и копиисты¹⁵⁵.

Увеличение числа государственных учреждений привело, прежде всего, к повышению спроса на приказных служащих. В связи с трудоемкостью коллежского делопроизводства эффективность работы органов власти во многом зависела от функционирования канцелярии. Для того, чтобы снабжать их достаточным количеством делопроизводителей в течении XVIII в., канцелярские служащие путем принятия законодательных мер, строго регулирующих условия их рекрутирования, верстания и ухода со службы, были постепенно превращены по большей части в закрытую и по своему происхождению гетерогенную социальную группу, подобную сословию, которое, с одной стороны, отличалось от податных групп населения рядом привилегий, но при этом, с другой стороны, его правовой статус по причине вынужденного характера канцелярской службы в более ранней литературе сравнивается со статусом крепостных¹⁵⁶.

После 1775 г. острый дефицит мелких и канцелярских служащих поставил под серьезную угрозу успех правительственных намерений. Сенатский указ от 9 января 1779 г. «О наполнении канцелярий в наместничествах приказными служащими»¹⁵⁷ содержит информацию о способах, рассматриваемых властью как необходимые для преодоления данной проблемы. Главным источником кадрового рекрутирования по-прежнему остались

¹⁵⁵ Румянцева М.Ф. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории. С. 386.

¹⁵⁶ Вопросы чиновничества, регулирующего его законодательства, его реализация и последствия для дальнейшего развития русских государственных служащих в исследуемый временной период хорошо исследованы. К важнейшим трудам относятся следующие работы: Архипова Т.Г. История государственной службы в России XVIII--XX века.; Байкеева С.Е. Эволюция законодательства о кадровом обеспечении государственной службы в Российской империи во второй половине XVIII века // История государства и права, 2008, №12. С. 19--21; Воропанов В.А. Законодательное регулирование кадровой политики в провинции Российской империи: канцелярские служащие на Урале в конце XVIII -- первой половине XIX вв. // Социум и Власть. 2012. № 4 (36). С. 63--66; Он же. Развитие системы государственной гражданской службы в Российской империи во второй половине XVIII в. Управление карьерой классных чиновников // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. Вып. 5. С. 90--97; Он же. Развитие системы государственной гражданской службы, а Российской империи во второй половине XVIII в. Ч. 1. Управление канцелярскими кадрами // Социум и Власть. 2014. № 5 (49). С. 106--109; Румянцева М.Ф. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории; Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII -- первой половине XIX века; Она же. От Петра I до Николая I; Она же. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века.; Румянцева М.Ф. Массовые источники по истории чиновничества местных государственных учреждений России. 1762--1802 гг: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 20 с.; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Для сравнения статуса канцелярских служащих и крепостных см. статью краеведа и правителя дел Нижегородской губернской учёной архивной комиссии В.И. Снежневского (1861--1907) о жесткой нехватке кадров и характерной для условий труда в канцеляриях Нижегородского наместничества постоянно растущей трудовой нагрузке в 1780--1790-х гг. Снежневский В.И. Приказные люди в Нижегородском наместничестве.

¹⁵⁷ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14831. С. 781--783.

сыновья не состоящих пока ни на какой службе церковных служителей, а также учащиеся образовательных учреждений: студенты Московского Университета, воспитанники Академии Художеств и Воспитательного дома. Кроме того, законодатель приказал призвать на канцелярскую службу молодежь купеческого и крестьянского происхождения, которая, согласно манифесту от 17 марта 1775 г., была отпущена на волю.

Невзирая на значительный спрос, этот документ не предусматривал дальнейшего расширения кадровой базы. Опыт первых губерний, открытых в соответствии со штатами «Учреждения», четко выявил потребность именно в квалифицированных канцелярских служащих, «которые упражнениями своими преуспевая преуспевали в знании законов и образа судопроизводства и течения дел». Схожие соображения принудили правительство переосмыслить свою политику касательно определения на службу детей приказных служителей. Подтвержденный в последний раз в 1773 г. запрет, санкционирующий канцелярских служащих недворянского происхождения при определении сыновей «ни в какую службу, кроме приказной, отнюдь никуда не определять», был отменен¹⁵⁸. Прежнее законодательство способствовало возникновению целых династий канцелярских служащих, но мало было приспособлено для того, чтобы улучшить качество канцелярской службы. Ни смутно сформулированные намерения по надзору за качеством образования (отправляемые в Сенат ведомости должны были информировать правительство о количестве школ, учеников и продолжительности обучения в одном или ином регионе), ни закон, обязывавший приказных служителей обучить своих сыновей грамоте, не давали желаемых результатов. Поднять уровень профессионализма в канцеляриях все-таки не удалось¹⁵⁹. Поэтому теперь ставка была сделана на принцип добровольности: несмотря на расширение штатов было решено, «что нет нужды стеснять свободу детей канцелярских служителей». Они имели право выбирать между военной и гражданской службой, если это происходило «с ведома начальства»¹⁶⁰.

В силе, однако, остался запрет принимать на гражданскую службу представителей податных групп населения. Несмотря на то, что за нарушение этого закона возлагались штрафы¹⁶¹, отвечавшие за комплектование присутственных мест управленцы продолжали принимать на службу не освобожденных от уплаты подушного оклада лиц. Прежде всего, это касалось периода осуществления реформы (1775--1785 гг.)¹⁶².

¹⁵⁸ ПСЗРИ-1. Т. 14. № 10743. С. 778—779. Т. 19. № 13972. С. 753.

¹⁵⁹ ПСЗРИ-1. Т. 14. № 10743. С. 778—779. Т. 19. № 14157. С. 953.

¹⁶⁰ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14831. С. 781—783.

¹⁶¹ ПСЗРИ-1. Т. 19. №. 13596. С. 263.

¹⁶² Архипова Т.Г. История государственной службы в России XVIII--XX века. С. 22.

В советской историографии доминирующий тезис «о классовом (дворянском) характере бюрократии» был опровергнут уже полвека тому назад, в первую очередь, благодаря трудам С.М. Троицкого и М.Ф. Румянцевой. По замечанию Д.А. Редина, подытожившего преобладающее в современной исторической науке мнение относительно социального состава русского чиновничества XVIII в., «на сегодняшний день представляется очевидным, во-первых, что абсолютное отождествление бюрократии (в том числе местной) с дворянством является некорректным и, во-вторых, что гражданская служба способствовала проникновению в состав элиты, в первую очередь региональной, многочисленных представителей непривилегированных сословий»¹⁶³.

В семидесятые годы прошлого века С.М. Троицкий указал на то, что правительству не удалось создать дворянскую бюрократию. Вопреки замыслу законодателя, в середине XVIII в. 80% табельных должностей на гражданской службе занимали выходцы из непривилегированных групп населения. Представители же благородного состояния доминировали на сравнительно небольшом количестве должностей в высшем и среднем звене бюрократии (87,5 % должностей I--V классов; 76,5 % должностей VI--VIII классов), а в нижних рангах (IX--XIV классов) они составляли около трети чиновников. И только четыре процента многочисленных должностей в канцелярском аппарате занимали лица дворянского происхождения¹⁶⁴.

Социальный состав чиновничества изменился за короткое время, что было обусловлено огромным кадровым дефицитом после 1775 г., когда, как описал в своих мемуарах Л.А. Травин (1732--1818 гг.) ситуацию во вновь учрежденном Псковском наместничестве, «свободно было вступать имеющим вечные отпускные в приказные чины»¹⁶⁵. По сравнению с 1775 г. в начале 1780-х гг. выходцы из непривилегированных сословий превалировали не только в нетабельных приказных должностях и в XIV классе, но и в X--XIII классах. В следующих двух классах в первое время преобразований соотношение между дворянством и выходцами из податного населения изменилось на 2/3 в пользу последних¹⁶⁶.

Незадолго до конца столетия правительство смирилось с данным процессом, в результате которого возник новый, характерный только для России тип чиновника. Как метко сформулировала М.Ф. Румянцева, это были «выходцы из разночинцев или податных сословий по социальному происхождению и маргиналы по своей социальной

¹⁶³ Редин Д.А. Интеграция чиновничества в провинциальные городские элиты: Россия, первая треть XVIII в. // *Cahiers du Monde russe*. Vol. 51. No. 2--3: Avril -- septembre 2010. Paris, 2011. С. 285.

¹⁶⁴ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 213--215.

¹⁶⁵ Травин Л.А. Леонтий Травин «Записки». Псков, 1998; по первой публикации «Труды Псковского археологического общества», вып. 10. Псков, 1913--1914. С. 54.

¹⁶⁶ Архипова Т.Г. История государственной службы в России XVIII--XX века. С. 70.

сущности»¹⁶⁷. Сенатский указ «Об исключении приказного звания людей из подушного оклада...» от 14 августа 1798 г. касался состоявших на канцелярской службе и не освобожденных от податной обязанности выходцев из купечества, мещан и крестьянства, а также их несовершеннолетних сыновей, еще не определенных на службу. При условии подтверждения их кандидатуры Сенатом, членов перечисленных групп населения освобождали от обязанности выплаты подати¹⁶⁸. С юридической точки зрения, изданием этого указа за российским чиновником был закреплен особый социальный статус. Независимо от занимаемой на государственной службе должности (табельной или находившейся за рамками системы), ее члены пользовались рядом привилегий, например, освобождением от уплаты подати и воинской повинности. Кроме того, законодатель снабдил их такими преимуществами, как государственная пенсия и оплачиваемый отпуск¹⁶⁹.

Регулирующее чиновничество законодательство привело к формированию у провинциального чиновничества амбивалентного самосознания. Свойственное чиновникам чувство собственного превосходства -- описанные привилегии и законом гарантированная возможность повышения собственного социального статуса вплоть до получения права на потомственное дворянство -- сделали их в их собственных глазах членами особой касты. Это, с психологической точки зрения, находилось в явном противоречии с не менее характерной для их осознания своей социальной ущербности¹⁷⁰. Для выходцев из непривилегированных сословий, карьерный рост которых правительство стремилось сдерживать, гражданская служба на практике только относительно могла стать социальным лифтом¹⁷¹. При производстве в классные чины их обходили. Особенно это касалось проникновения в элиты. В большинстве случаев их карьера достигала своего пика с достижением ранга титулярного советника (IX класс). Восхождение в потомственное дворянство удавалось куда реже. Систематизировавший предыдущее законодательство именной указ от 16 декабря 1790 г. «О правилах производства в статские чины» подтвердил действовавшее правило для не дворян «в коллежские

¹⁶⁷ Архипова Т.Г. История государственной службы в России XVIII--XX века, 2001. С. 93.

¹⁶⁸ ПСЗРИ-1. Т. 25. № 18622. С. 335—336.

¹⁶⁹ Амплеева Т.Ю. Правовое положение российского чиновничества в последней четверти XVIII века // Право и управление. XXI век. 2012. № 3. С. 16; Байкеева С.Е. Эволюция законодательства о кадровом обеспечении государственной службы в Российской империи во второй половине XVIII века; Архипова Т.Г. История государственной службы в России XVIII--XX века. С. 35.

¹⁷⁰ Румянцев М.Ф. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории. С. 481--482.

¹⁷¹ Подробное описание политики 1720--1790 гг., доставляющей большие карьерные преимущества знати по сравнению с представителями других групп населения см. Архипова Т.Г. История государственной службы в России XVIII--XX века. С. 26--47, Воропанов В.А. Развитие системы государственной гражданской службы в Российской империи во второй половине XVIII в. Управление карьерой классных чиновников.

ассессоры не производить, как по выслуге 12 лет беспорочно»¹⁷². В высших, так называемых «судейских» рангах, дворянство по-прежнему доминировало¹⁷³.

Относительно дальнейших долгосрочных последствий описанной политики можно согласиться с высказыванием Д.А. Ананьева, по мнению которого «вынужденный характер канцелярской службы (при отсутствии реальной перспективы быстрого продвижения по службе) мало способствовал превращению канцеляристов в деятельных и толковых исполнителей, и подменял рациональное бюрократическое управление запутанной канцелярской волокитой и бесконечными злоупотреблениями»¹⁷⁴.

1.3. Предпосылки осуществления судебных реформ на Среднем Урале

В состав учрежденного 27 января 1781 г. Пермского наместничества вошли бывшая Пермская провинция Казанской губернии, часть Тобольской провинции Сибирской губернии, а также некоторые районы Уфимской и Исетской провинций Оренбургской губернии. Расположенная по обе стороны Уральского хребта территория была разделена на две области. Находившаяся в Предуралье Пермская область состояла из восьми уездов: Чердынского, Соликамского, Пермского, Осинского, Оханского, Обвинского, Кунгурского и Красноуфимского. Занявшая зауральскую часть наместничества Екатеринбургская область первоначально тоже включила в себя восемь административных единиц: Екатеринбургский, Челябинский, Далматовский, Шадринский, Камышловский, Ирбитский, Алапаевский и Верхотурский уезды¹⁷⁵.

Губернские реформы Екатерины II ускорили, как отметил И.В. Побережников, «процесс интеграции региона по части гражданского управления»¹⁷⁶. Уральский промышленный район, требовавший в глазах правительства «по его пространству, разности его обывателей и по множеству заводов и промыслов всякого звания при настоящем устройении <...> отменного внимания»¹⁷⁷, утратил свой особенный статус. При осуществлении реформ, находившаяся в Екатеринбурге Канцелярия главного заводов правления, орган региональной горной власти, была упразднена. Его хозяйственные и административные полномочия были переданы соответствующим казенным палатам, основанным в течении 1780--1781 гг. Вятского, Пермского и Уфимского наместничеств¹⁷⁸.

¹⁷² ПСЗРИ-1. Т. 22. № 16930. С. 201—203.

¹⁷³ Архипова Т.Г. История государственной службы в России XVIII--XX века. С. 70--72.

¹⁷⁴ Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII веке. С. 251.

¹⁷⁵ ПСЗРИ-1. Т. 15113. С. 21—22. Челябинский уезд был переведен в декабре 1781 г. в состав Уфимского наместничества. Алексеева Е.В., Бакунин А.В. Административно-территориальное деление. С. 14--15.

¹⁷⁶ Территориально-экономическое управление в России XVIII -- начала XX в. С. 93.

¹⁷⁷ ПСЗРИ-1. Т. 21. №. 15115. С. 22—23.

¹⁷⁸ Территориально-экономическое управление в России XVIII -- начала XX в. С. 94.

Судопроизводство «по заводам и промыслам, как и между хозяевами заводов, так и приписными к оным из казенного ведомства крестьянами» находилось теперь исключительно в ведении коронных судов.

Открытое 18 октября 1781 г. Пермское наместничество охватило весь Средний Урал и объединило экономически наиболее развитые и густонаселенные районы Уральского региона. По данным III и IV ревизий (1761--1782 гг.) на территории 301 904 км² проживало, соответственно, 310 587 и 395 369 душ мужского пола (м. п.), что давало плотность населения 1,03 и 1,3 душ м. п. на км²¹⁷⁹. Население Пермского наместничества было неравномерно размещено по его территории. Согласно результатам IV ревизии, большая часть населения была сосредоточена в природно-климатически более благоприятных уездах, расположенных южнее линии Кунгур -- Екатеринбург -- Камышлов: Далматовском (3,08 душ м. п. на км²), Шадринском (2,81 душ м. п. на км²) и Камышловском (2,89 душ м. п. на км²). В северных Верхотурском и Чердынском уездах, однако, где на площади 56 327 и 56 754 км² проживало только 19 137 и 17 845 душ м. п., плотность населения была гораздо ниже: 0,34 и 0,31 д. м. п. на км² соответственно¹⁸⁰.

В конце XVIII в. с помощью существовавших тогда технологий стабильное обеспечение доходов в сельском хозяйстве было возможно достичь лишь в южных округах, где зона смешанного леса переходила в лесостепную. Там выращивали рожь, ячмень, овес, пшеницу, гречу, горох, лен, коноплю, просо. В более северных регионах сельскохозяйственная деятельность была осложнена как климатом, так и качеством почв¹⁸¹. То же самое можно сказать и о скотоводстве: в южных регионах крестьяне специализировались на разведении крупного и мелкого рогатого скота, а также лошадей¹⁸². На севере для скотоводства условия были хуже; недостаток кормов и

¹⁷⁹ Данные о III ревизии были взяты у А.С. Черкасовой. Черкасова А.С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985. С. 84. Данные о населении, касающиеся IV ревизии были заимствованы из статьи «Исторический очерк гражданского устройства Пермского края» учителя Пермской классической гимназии Генриха Ивановича Балбашевского, опубликованной в Памятной книжке и адрес-календаре Пермской губернии на 1892 г. Поскольку его данные частично не точны, мы дополнительно использовали опубликованные в 1801–1813 гг. результаты исследования краеведа и директора Пермской гимназии Никиты Савича Попова (1763–1834) (Историческо-географическое описание Пермской губернии, сочиненное для атласа 1800 г. Пермь, 1801; Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному состоянию. Ч. 1. СПб., 1811; Он же. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному состоянию. Ч. 2 и Ч. 3. СПб., 1813).

¹⁸⁰ Балбашевский Г.И. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края. С. 32--47.

¹⁸¹ Глинистые почвы в Екатеринбургском уезде, песчаные грунты в Осинском уезде и болотистые грунты в Ирбитском уезде не способствовали крупным урожаям: даже в благополучные годы, урожай составлял сам 3–5. (Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 2. 1813. С. 64--67). По причине каменистых почв на гористом северо-востоке, в Кунгурском, Пермском, Соликамском, Чердынском и Верхотурском уездах, сельское хозяйство не культивировалось (Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 1. 1811. С. 3--4).

¹⁸² Для производства таких сельскохозяйственных продуктов, как молоко и масло, а также для последующей обработки сырья, в Екатеринбурге, Перми, Кунгуре, Верхотурье и Ирбите были основаны дубильни,

регулярно происходившие эпидемии скота создавали проблемы¹⁸³. Большая часть территории была покрыта густыми таежными лесами; основой жизнедеятельности было производство древесины, которая в Чердынском и Соликамском уездах была необходима и для добычи соли¹⁸⁴. Кроме того, характерными для данного региона были богатые и разнообразные залежи полезных ископаемых, в первую очередь, железо и медные руды, которые, благодаря огромному лесному массиву и разветвленной речной системе, могли быть добыты, обработаны и доставлены на рынок сбыта. При основании Пермского наместничества на его территории работали 87 металлургических заводов, из которых 14 принадлежало казне, остальные находились в частновладельческих руках. В последующие 15 лет были основаны еще тринадцать горнопромышленных предприятий¹⁸⁵.

В рассматриваемый период основная часть населения (95,5 % душ м. п.) проживала в уездах. Здесь преобладали восточные славяне: 288 369 душ м. п. по результатам III ревизии. Доля нерусских этносов составляла 7,2%¹⁸⁶. Татары, черемисы, мещеряки, чуваша и башкиры концентрировались, прежде всего, на юге и юго-востоке наместничества, в районах, пограничных Казанскому и Уфимскому наместничествам. На севере, в Соликамском и Чердынском уездах, существовали компактные поселения коми-пермяков. А ясачные народы (ханты и манси) образовывали меньшинства в северо-восточных Ирбитском и Верхотурском уездах¹⁸⁷.

Русское население региона формировалось в течение XVI--XVIII вв. в рамках нескольких колонизационных волн на восток страны, как спонтанных, так и направляемых государством, за счет выходцев из разных регионов европейской части страны. До конца XVII в. в районе Верхотурского и Тобольского уездов на Среднем Урале, где было развито сельское хозяйство, оседали в основном чернососшные крестьяне и посадские люди из Поморья, которые и обеспечивали хлебом регионы, в основном расположенные за Уралом. Эта обозначенная И.В. Побережниковым, как аграрная, фаза колонизации продолжалась до начала XVIII в. и сменилась промышленной колонизацией¹⁸⁸.

В первое время на руководящие посты на Уральских заводах привлекались в основном мастера-выходцы из традиционных металлургических районов: Тулы, Олонца и

мельные, свечные и юфтяные заводы (Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 3. 1813. С. 217--231).

¹⁸³ Там же. С. 176--178.

¹⁸⁴ Там же. С. 2--4.

¹⁸⁵ История Урала с древнейших времен до 1861 г. С. 572--576; Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 1. 1811. С. 333--395.

¹⁸⁶ Черкасова А.С. Мастерские и работные люди Урала. С. 84.

¹⁸⁷ Балбашевский Г.И. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края. С. 32--47.

¹⁸⁸ Побережников И.В. Особенности фронтальной модернизации (на примере Урала XVIII--XIX вв.) // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 11. Екатеринбург, 2010. С. 204--205.

Подмосковья, а также иностранные специалисты. Позднее кадры мастеровых и работных людей набирали из уральских государственных крестьян, получивших необходимые знания и навыки для выполнения квалифицированной работы. Рабочая сила во вспомогательных видах деятельности, применявшаяся в горной промышленности и при добыче соли и золота, набиралась в первую очередь из крестьянства: на казенные заводы посылались главным образом государственные крестьяне, а на частновладельческие заводы перевозились целые деревни крепостных крестьян со своими семьями из центральной России, Среднего Поволжья и Малороссии. Кроме того, на горнопромышленных предприятиях Урала работали вольнонаемные рабочие, пришлые, беглые и беспаспортные люди¹⁸⁹.

В последней трети XVIII в. местное население состояло преимущественно из крестьян, большую часть которых образовывали государственные крестьяне. На территории наместничества были расположены в 1790-е гг. 3 373 государственные деревни, объединенные с осуществлением екатерининских реформ в 252 волости. Из них 223 были русскими, а 28 волостей населяли «иноверцы» и коренные народы¹⁹⁰. Группу крестьян других категорий составили помещичьи крестьяне, проживавшие, в первую очередь, в Оханском, Обвинском и Соликамском уездах (97 312), удельные крестьяне (5 022), экономические крестьяне (2 166), пахотные солдаты (313). Отдельный контингент сельского населения образовывали ямщики: 4 014 душ, проживавшие в Ирбитском (559), Камышловском (199), и, прежде всего, Верхотурском (3 219) уездах¹⁹¹.

Лично свободное крестьянское население Урала широко привлекалось к заводским работам. До конца XVIII в. количество приписанных к промышленным предприятиям государственных крестьян увеличилось с 25 000 душ м. п. (I ревизия) до 212 700 душ м. п. (V ревизия)¹⁹². Что касается Среднего Урала, то по данным А.С. Черкасовой, на заводах в момент основания Пермского наместничества работали 117 365 из 164 640 государственных крестьян (71,3%)¹⁹³. В конце столетия из 225 012 числившихся в Пермской губернии государственных крестьян 182 098 были приписанными к заводам,

¹⁸⁹ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI -- начале XVIII века. С. 56--82; История Урала. С. 312.

¹⁹⁰ Согласно данным Г.И. Балбашевского населенные русскими волости распределялись по территории Пермского наместничества следующим образом: Пермская область: Пермский уезд -- 11, Соликамский уезд -- 214, Чердынский уезд -- 460, Кунгурский уезд -- 298, Красноуфимский уезд -- 206; Осинский уезд -- 238; Оханский уезд -- 397, Обвинский уезд -- 16; Екатеринбургская область: Екатеринбургский уезд -- 190, Далматовский уезд -- 218, Шадринский -- 202, Камышловский уезд -- 252, Алапаевский уезд -- 133, Ирбитский уезд -- 266 и Верхотурский уезд -- 272 (Балбашевский Г.И. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края. С. 32--47).

¹⁹¹ Историческо-географическое описание Пермской губернии. 1801. §§ 44--107.

¹⁹² История Урала. С. 312--313.

¹⁹³ Черкасова А.С. Мастеровые и работные люди Урала. С. 84.

118 083 трудились на казенных заводах, а 64 015 -- на партикулярных¹⁹⁴. Вместе с мастеровыми и работными людьми различных категорий и уровня квалификации (11 900 -- 84 400 душ м. п. в период I--V ревизий) они образовывали так называемое горнозаводское население Урала¹⁹⁵. На Среднем Урале, где группа мастеровых и работных людей в последней трети века составляла от 33 201 до 39 479 душ м. п., к этой особой группе населения, обслуживавшей заводы, относилось более половины местного населения мужского пола¹⁹⁶.

В начале 1790-х гг. большая часть населения Среднего Урала проживала в 3 451 деревнях, 2 187 селах и около 30 заводских поселениях, что было обусловлено социально-экономическими особенностями данного региона. Последние отличались порой высоким количеством населения, нередко превосходившим по численности уездные центры, которым они подчинялись административно и юридически. Например, в четырех молотовых фабриках, относившихся к расположенному в Пермском уезде Лысьвенскому заводу, трудились в конце века 7 269 человек: 6 715 мастеровых, 469 приписных крестьян и 85 крепостных. Схожая ситуация наблюдалась и в Алапаевском и Верхотурском уездах, где находились Невьянский и Нижнетагильский заводы, в которых числилось 4 111 и 3 407 крепостных мастеровых. А в принадлежащих Демидовым чугуноплавильных и железоделательных Нижне- и Верхнесергинских заводах, крупнейших промышленных предприятиях Красноуфимского уезда, был использован труд 2 424 крепостных крестьян¹⁹⁷.

«Учреждения» 1775 г. предусматривали создание или основание губернских городов, а там, где необходимо, областных и уездных городов. Накануне осуществления реформ на Среднем Урале существовало пять городов: основанные в XV--XVI вв. заставы времен русского заселения Сибири Соликамск (1492 г.), Чердынь (1535 г.) и Верхотурье (1598 г.), купеческий город и административный центр бывшей Пермской провинции Кунгур (1648 г.), а также бывшая Ирбитская слобода, получившая статус города ко времени проведения реформы в 1775 г.¹⁹⁸ За всеми остальными: слободами (Оса, Шадринск, Камышлов), заводскими поселениями (Пермь, Екатеринбург, Алапаевск),

¹⁹⁴ Историческо-географическое описание Пермской губернии. 1801. §§ 44--107.

¹⁹⁵ История Урала. С. 313.

¹⁹⁶ Черкасова А.С. Мастеровые и работные люди Урала. С. 84.

¹⁹⁷ Историческо-географическое описание Пермской губернии. 1801. §§ 44--107.

¹⁹⁸ Балбашевский Г.И. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края. С. 32--47. Бывшая Ирбитская слобода получила ранг города Указом Екатерины от 2 февраля 1775 как награду за то, что население города защитило его от пугачевских отрядов и доказало правительству свою верность.

крепостями (Красноуфимск), экономическими селами (Оханск, Обвинск) и возникшим при одноименном монастыре Далматовом, осенью 1781 г. был признан статус города¹⁹⁹

В начале 1790-х гг. в Пермском наместничестве в городах проживало 16 528 душ м. п., что соответствует примерно 4,2% населения в целом. Городские группы населения (купцы и мещане) составляли около половины городского населения, остальные жители принадлежали к иным социальным группам. Городской элемент был распределен неоднородно. Так, он преваляровал в Пермской области, где располагались три «старинных» города, составляя 68% населения, а в зауральской части купцы и мещане образовывали лишь группу в 39% городского населения. Эта группа городских жителей составляла большинство лишь в Верхотурье и Ирбите; в Екатеринбурге и Шадринске к ним относилась половина жителей²⁰⁰.

Более дифференцированные данные о группах не городского населения, называемых в статье Г.И. Балбашевского «разночинцами», которые преобладали особенно во вновь созданных уездных центрах, содержат Историческо-географическое описание Пермской губернии 1801 г., а также исследования Н.С. Попова, опубликованные в 1811--1813 гг.

На рубеже веков в бывшей слободе Красноуфимской крепости Осе проживало 239 душ м. п., из которых лишь меньшинство (7 купцов третьей гильдии и 21 мещанин) причислялось к городскому элементу; оставшуюся часть населения образовывали удельные крестьяне²⁰¹. Схожая ситуация сложилась в соседнем Оханске, произошедшим из сельского поселения, где по словам автора «жители упражняются более в хлебопашестве, скотоводстве, пчеловодстве, звериной и рыбной ловле, так, как и уездные крестьяне». Из двух купцов и 15 мещан, проживавших, согласно данным IV ревизии, в городе, к началу следующего века остался лишь один мещанин, а купцы записались в другие города²⁰². По причине состава населения Камышлов, Обвинск, Алапаевск и Далматов также не обладали в достаточной степени развитой административной инфраструктурой для выполнения функций уездных центров. Население Камышлова состояло из 13 купцов, 46 мещан, 18 представителей духовенства и пяти отставных чиновников. Основную массу жителей составили 306 приписных к заводам крестьян²⁰³. Обвинск, Алапаевск и Далматов, в которых городское «сословие» составило в первой половине 1790-х гг. от 1% до 10% жителей, не смогли сохраниться в качестве городов²⁰⁴.

¹⁹⁹ Балбашевский Г.И. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края. С. 32--47.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Историческо-географическое описание Пермской губернии. 1801. §§ 68, 70, 77, 81.

²⁰² Там же.

²⁰³ Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 3. С. 269.

²⁰⁴ Балбашевский Г.И. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края. С. 32--47.

В рамках следующих преобразований Павла I они были переведены в статус «нештатных» городов, а одноименные уезды были упразднены²⁰⁵.

Не был исключением и Средний Урал. Преобразования привели к расширению городской сети. В последней трети XVIII в. количество городов в России возросло с 337 до 673; только за 1775--1796 гг. 271 земледельческое поселение получило статус города²⁰⁶. Относительно средней численности населения российских городов, составлявшей 4 700 человек в 1782 г., Средний Урал имел показатели явно ниже среднего²⁰⁷. По данным IV ревизии в пятнадцати городах Пермского наместничества проживало в среднем 1 102 души м. п.²⁰⁸ Выше среднего общероссийского показателя количество населения было лишь в Кунгуре и Екатеринбурге -- 2 925 и 2 958 душ м. п. соответственно²⁰⁹.

Несмотря на то, что законодательством 1775--1785 гг. было установлено окончательное административное и юридическое разделение между городом и деревней, это имело весьма относительные последствия на практике. В России не городские социальные группы составляли примерно половину жителей города²¹⁰. «Многие места, -- заметил русский специалист по статистике К.Ф. Герман в 1819 г., -- называются городами единственно по важности оных в рассуждении управления, рекрутских наборов, собирания податей, отправления правосудия и, наконец, для облегчения крестьян, кои часто принуждены бывают ходить за 500 верст»²¹¹. Это утверждение подходило и для большей части городов Среднего Урала.

В Пермском наместничестве далеко не все из основанных в 1781 г. городов, как справедливо отметил Д.Е. Хохолев, обладали необходимой управленческой и технической инфраструктурой, чтобы сконцентрировать экономические и административные ресурсы своего округа²¹².

Усугубил ситуацию выбор административного центра учреждаемого наместничества. Губернским городом не стал ни один из устоявшихся центров региона. При выборе играли решающую роль географические, экономические и стратегические критерии, и, по предложению Казанского губернатора, князя П.С. Мещерского, было

²⁰⁵ История местного управления на Урале в XVIII -- начале XX в.: город, село, деревня. С. 21.

²⁰⁶ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. СПб, 2015. С. 793.

²⁰⁷ Там же. С. 799.

²⁰⁸ Балбашевский Г.И. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края. С. 32--47.

²⁰⁹ Там же. Касательно количества населения Екатеринбурга, данные колеблются. Г.И. Балбашевский насчитывает 2 958 душ м. п. В статье «Социальный состав населения Екатеринбурга во второй половине XVIII в.» У М.А. Горловского идет речь о существенно меньшем количестве душ м. п. -- 1 882. Горловский М.А. Социальный состав населения Екатеринбурга во второй половине XVIII в. // Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958. С. 113--121.

²¹⁰ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. С. 809.

²¹¹ Цит. по: Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. С. 793.

²¹² Хохолев Д.Е. Управление Пермским наместничеством: автореф. С. 13.

решено построить город на основе поселка Егошихинского медеплавильного завода, расположенного на берегу Камы недалеко от места впадения в нее Чусовой²¹³.

В первые годы своего существования Пермь была не в состоянии выполнять функции города-донора. Вместо того, чтобы снабжать регион квалифицированными кадрами и управленческим опытом, город, чтобы состояться, нуждался в помощи извне²¹⁴. Спустя десять лет так называемые старожилы города Перми (потомки 344 семей, прежде населявших поселок при Егошихинском заводе) составляли лишь небольшую часть населения, численностью лишь 1 300 душ м. п. В основном городской элемент пополнялся за счет притока населения, принадлежавшего к самым различным социальным группам: крестьян разных категорий, мещан и купцов, а также «праздноживущих церковников, вольноотпущенных и бежавших рядовых», переселявшихся в Пермь как из различных регионов Среднего Урала и соседних Вятского и Уфимского наместничеств, так и из европейской части страны²¹⁵.

В Пермском наместничестве процесс комплектования учреждений преимущественно средними и мелкими чиновниками V--XIV классов по Табели о рангах тормозился. Здесь, как и в других отдаленных регионах страны, причиной являлась нехватка формально подходящих кандидатур, обусловленная низкой долей дворянства в местном населении²¹⁶. Малочисленное благородное состояние, прежде всего, было представлено среди чиновничества региона. По подсчетам Н.С. Попова, из владельцев горнопромышленных предприятий и поместий, только 24 проживали на Среднем Урале на постоянной основе²¹⁷. С учетом данных предпосылок в Пермском наместничестве существовали преимущественно два источника комплектования бюрократического аппарата: 1) упраздненные в рамках реформ региональные гражданские управленческие учреждения, такие как Шадринская управительская канцелярия, Верхотурский комиссариат и канцелярия Пермской провинции в Кунгуре; 2) органы управления горнозаводским производством.

Необходимой инфраструктурой для решения новых управленческих задач обладал в 1781 г. только что получивший официальный статус города Екатеринбург. При

²¹³ Дмитриев А.А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. С. 23--25; Корчагин П.А. Губернская столица Пермь. С. 61--62.

²¹⁴ История местного управления на Урале в XVIII -- начале XX в.: город, село, деревня. С. 23; Хохолев Д.Е. Управление Пермским наместничеством: автореф. С. 13.

²¹⁵ Дмитриев А.А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. С. 38--42; Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 3. 1813. С. 87--88.

²¹⁶ Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II. С. 322--323; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII -- до конца XVIII века. С. 420--426; Побережников И.В. Проведение областной реформы Екатерины II на Урале: На материале пермского наместничества // Чиновник. 1998. № 1. Режим доступа: <http://chinovnik.uapa.ru/modern/article.php?id=191>.

²¹⁷ Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 3. С. 83.

осуществлении реформы, основанный в 1723 г., Екатеринбургский завод был значимым административным и хозяйственным центром²¹⁸. Здесь располагалась Канцелярия главного заводов правления с подчиненными ей организациями. В Екатеринбурге также находились гарнизон, таможня, соляной комиссариат, контора питейных сборов и медицинские учреждения (госпиталь, аптека с аптечным садом).

По тогдашним меркам город был региональным образовательным центром. В нем действовало несколько школ разных ведомств и профилей, отличавшихся при этом такой продуктивностью, что, по словам А.М. Сафроновой, к концу первой трети XVIII в. в екатеринбургских горных учебных заведениях училось от 200 до 354 человек. Экономическому развитию города благоприятствовало принятое в 1763 г. решение о переносе на юг Сибирского тракта, первоначально пролежавшего севернее через Соликамск и Верхотурье. Теперь Екатеринбург находился на главном торговом пути, связывавшем европейскую часть страны с Сибирью. Это выгодное положение еще больше укрепилось в 1781 г. в связи с официальным открытием новой Большой почтовой дороги, соединившей Пермь, Кунгур, Екатеринбург и Камышлов²¹⁹.

На рубеже XVIII--XIX вв. в Екатеринбурге числилось около 10 тыс. жителей обоего пола. Таким образом, он занимал второе место среди уральских городов после Оренбурга. В последней трети столетия, согласно различным источникам, здесь проживало от 1 882 до 3 892 души м. п. Городской элемент, состоявший из около 370 купцов (в основном третьей гильдии), ремесленников и приблизительно 950 -- 1 416 мещан, был относительно хорошо развит. Кроме того, в городе числился и большой контингент горнозаводских чиновников: около 240 лиц²²⁰, обладавших необходимыми знаниями, навыками и опытом для строительства управленческого аппарата учреждаемого Пермского наместничества.

Осенью 1781 г. в Пермском наместничестве открылись 54 судебных учреждения, из которых 29 были сословными²²¹. В соответствии с законодательством, основание последних определялось составом населения в уездах: из ранее запланированных четырех судов первой инстанции для дворянства работали пока только три: в Перми, Соликамске,

²¹⁸ Там же. С. 87.

²¹⁹ История местного управления на Урале в XVIII -- начале XX в.: город, село, деревня. С. 20; История Урала. С. 289--290; Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге (1723--1781 гг.). С. 9--10, 232--233; Очерки истории Свердловска, 1723--1773 гг., Свердловск, 1973. С. 47. Сафронова А.М. Екатеринбург как центр образования на Урале в XVIII в. // Екатеринбург в прошлом и настоящем: Материалы научной конференции, посвященной 270-летию города. Екатеринбург, 1993. С. 16--18.

²²⁰ Балбашевский Г.И. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края. С. 42; Горловский М.А. Социальный состав населения Екатеринбурга во второй половине XVIII в. С. 113--121; Очерки истории Свердловска. С. 47; Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 3. С. 177--178.

²²¹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 21.

Оханске²²². Четвертый уездный суд открылся в Екатеринбурге в декабре 1784 г.²²³ Сословные суды для свободного сельского населения были основаны в большинстве уездов с невысокой долей проживавшего в них дворянства, что было характерно и для ряда других регионов России²²⁴. В Пермской области до конца 1781 г. начали свою деятельность четыре нижние расправы в Кунгуре, Красноуфимске, Осе и Чердыни. А в зауральской части наместничества было решено основать нижние расправы во всех восьми уездах²²⁵.

Преимущество нижних расправ среди судов первой инстанции отразилось и на губернском уровне. Потребность в дублировании сословных апелляционных судов имела только в случае верхней расправы, одна из которых была в Перми, а другая -- в Екатеринбурге. Из-за отсутствия уездных судов в Екатеринбургской области во время реализации реформ и количественно низкого городского элемента верхний земский суд и губернский магистрат работали в первые годы только в губернской столице²²⁶.

Екатеринбургская верхняя расправа, суд второй инстанции, отвечавший за касавшееся свободного сельского населения гражданское и уголовное судопроизводство, была, таким образом, высшим судебным органом в зауральской части наместничества. Ему напрямую подчинялись 15 (затем 14) учреждений: нижние расправы, а также, все нижние земские суды в связи с отсутствием верхнего земского суда в Екатеринбургской области.

На рассматриваемой нами территории присутствие сельских сословных судов комплектовалось согласно установленным в «Учреждениях» штатам. В нижней расправе судейский аппарат должен был состоять из назначенного расправного судьи IX класса и восьми сельских заседателей, избираемых членами сельских общин данного судебного округа сроком на три года. А в апелляционном судебном органе коллегии состояли из двух назначаемых председателей VII класса и десяти сельских заседателей, ровно распределявшихся по обоим департаментам учреждения. Кроме того, к сословным судам

²²² ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 21. Л. 3; д. 47. Л. 6, 9, 11.

²²³ ГАСО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 27. Л. 2.

²²⁴ В расположенном на севере европейской части России Вологодском наместничестве в 17 из 19 уездов были учреждены нижние расправы. На Южном Урале и в Предуралье, в Уфимском и Вятском наместничествах, нижние расправы работали во всех уездах. Также в сибирских наместничествах нижние расправы функционировали практически во всех уездных городах. Месяцеслов. 1782--1785).

²²⁵ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.

²²⁶ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 21. Л. 4. Д. 47. Городские магистраты, судебные учреждения первой инстанции для городского населения, работали в десяти уездных городах. В пяти «старинных» городах Чердынь, Соликамск, Верхотурье, Кунгур, Ирбит уже существовали городские магистраты до реформы. В 1781 г. открылись городские магистраты и в Перми, Екатеринбурге, Красноуфимске, Челябинске и Шадринске. Второй губернский магистрат был открыт в Екатеринбургской области в 1786 г.

второй инстанции была приставлена прокуратура, которая в соответствии со штатами на Среднем Урале состояла из прокурора (VIII класс) и двух стряпчих (X класс)²²⁷.

За исключением секретарей, законодатель не установил конкретных предписаний касательно комплектации канцелярий. Установлен был лишь определенный бюджет для их финансирования²²⁸. В качестве примера для состава канцелярского аппарата учреждений в Пермском наместничестве служило созданное в 1778 г. Рязанское наместничество²²⁹. Следовательно, канцелярский аппарат верхней расправы состоял из 13 -- 15 лиц²³⁰. Из этих должностей табельными были обе секретарские позиции (XII класс), а также переводчик, регистратор и архивариус (все три XIV класса). Нижние канцелярские чины следовало укомплектовать двумя канцеляристами, подканцеляристами и копиистами соответственно. Делопроизводство в прокуратуре входило в обязанности отдельного канцелярского аппарата, состоявшего из одного подканцеляриста и одного копииста. Для надзора за колодниками учреждению полагались два сторожа²³¹.

Руководить канцеляриями в восьми предусмотренных нижних расправах должен был секретарь XIV класса. Ему подчинялись один канцелярист, один подканцелярист и три копииста. Для вспомогательных работ были запланированы сторож и переплетчик. Кроме того, с учетом особенностей распределения местного населения, канцелярский аппарат расположенных в Пермской области Кунгурского, Красноуфимского и Осинского уездов включал в свой состав и переводчика, на должность которого полагалось нанимать служащего XIV класса²³².

В своих функциях и полномочиях нижняя и верхняя расправы практически не отличались от сословных судов, созданных для дворян и горожан, но при установлении критериев их укомплектования законодатель сделал ряд ограничений. Так, расправные судьи и председатели верхних расправ не избирались членами соответствующей группы населения, как это было в случае остальных сословий, а назначались наместническим правлением из чиновников. Статус сельского заседателя, в отличие от представителей дворянства и городов, занимавших ранги VII--XIII классов, не предполагал предоставления чина и, соответственно, регулярного жалованья за службу. Вместо этого они получали ежегодное денежное вознаграждение в размере 60 рублей, а также привилегии и обещания, апеллировавшие к их чувству чести. К тому же было принято

²²⁷ ПСЗРИ-1. Т. 20. №. 14392. Ст. 35, 37, 50, 52, 74--75, 335, 337, 351, 356, 358; т. 44. Ч. 2. № 17498. С. 256; ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 22. Л. 10--12.

²²⁸ ПСЗРИ-1. Т. 44. Ч. 2. № 17498. С. 256--257.

²²⁹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 67. Л. 1. ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14791. С. 744.

²³⁰ В приложенном к Положению списке секретари хотя и упоминаются, но предоставленным канцелярии бюджетом не охватываются. ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 67.

²³¹ Там же. Л. 5.

²³² Там же. Л. 8.

решение, что заседателям в верхних и нижних расправах не обязательно быть выходцами из сельского населения; они могли происходить «из дворян, или ученых людей, или из чиновных людей, или из разночинцев»²³³.

Что касается канцелярий, различия не имели сословной природы. Причина была скорее в том, что их бюджетное обеспечение, как уже упоминалось, ориентировалось на пример Рязанского наместничества и, соответственно, его потребности. Территория бывшей Переяслав-Рязанской провинции Московской губернии была традиционно помещичьей землей, что повлияло на учрежденную здесь местную судебную систему. Дворянские сословные суды первой инстанции существовали там во всех двенадцати уездах, в то время как нижние расправы не были созданы по причине состава проживавшего населения. Небольшой группе сельского свободного населения Рязанского наместничества сословное судопроизводство предоставлялось только на губернском уровне²³⁴.

Распоряжение, «держась расположению Рязанской губернии»²³⁵, объясняет, по нашему мнению, почему верхний земский суд в Перми, несмотря на существенно меньшую нагрузку -- ему были подчинены лишь три судебных учреждения, – получал финансирование на четверть выше обеих верхних расправ (1 356 и 1 028 рублей ежегодно) и, соответственно, обладал более обширным канцелярским аппаратом из 19, а не 17 служащих. Схожие выводы можно сделать о комплектовании канцелярий сословных судов первой инстанции, получавших 496 рублей вместо 392 в год и, таким образом, находившихся в привилегированном положении по сравнению с нижними расправами. Костяк канцелярий уездных судов был на три человека больше, чем в нижних расправах. Согласно плану, были предусмотрены позиции двух канцеляристов и подканцеляристов, а также четырех копиистов²³⁶.

²³³ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14392. Ст. 58, 66, 72, 75; Т. 44. Ч. 2. № 17498. С. 255--257.

²³⁴ ПСЗРИ-1. Т. 20. №. 14710. С. 597; Месяцеслов. 1779. С. 290--300.

²³⁵ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Л. 1.

²³⁶ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 67. Л. 3--5.

Глава II. Пути решения кадрового вопроса: механизмы рекрутинга

2.1. Укомплектование судебных коллегий верхних и нижних расправ

Б.Н. Миронов в своем фундаментальном трехтомнике «Российская империя: от традиции к модерну», переработанной и расширенной версии его известного труда «Социальная история России», поднял вопрос о том, насколько оправданно изучение эффективности и качества управления, опираясь на классические критерии оценки: структуры и организации рассматриваемого учреждения, решение вопросов укомплектования и финансирования, а также уровня образования и служебной этики государственных служащих. По его мнению, результаты такого рода исследований малопродуктивны по причине их краткосрочности; обоснованные, надежные выводы о функционировании государственного аппарата можно получить, рассматривая лишь такие длительные последствия, как экономическую, политическую и социальную стабильность²³⁷.

Автор данного тезиса прав. Но цель нашей работы -- не представление долгосрочных прогнозов. Ограничение поставленной задачей: исследовать в пределах узких временных и географических рамок деятельность конкретного типа учреждений, позволит осветить лишь небольшой сегмент целого явления, являясь еще одной плиточкой в мозаике, которая необходима для дополнения и реконструкции общей картины.

Поэтому мы следуем примеру других авторов, посвящавших свои исследования схожим темам, и используем в последующем описании установленный ими алгоритм как путеводную нить²³⁸.

Для оценки работоспособности судебных органов мы анализируем как внешние, так и внутренние факторы, на них влияющие. К первой группе относятся такие моменты, как природно-климатические и демографические условия исследуемого региона, а также финансовые и правовые рамки, в пределах которых органы действовали. Ими же обуславливаются внутренние факторы. Кроме того, дееспособность, не в последней степени, зависит и от человеческого фактора, то есть от того, как конкретные личности могли и хотели распоряжаться имеющимися в наличии ресурсами.

²³⁷ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 2. С. 570.

²³⁸ См. например: Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ: западные уезды Сибирской губернии в 1711--1727 гг. Екатеринбург, 2007. С. 354; Хохолов Д.Е. Управление Пермским наместничеством (1780--1796 гг.): Дисс. С. 38.

Данная глава посвящена вопросам кадрового комплектования исследуемых нами верхних и нижних расправ Пермского наместничества. Решение этих проблем было вопросом первой необходимости для успешной реализации административных и судебных реформ последней четверти XVIII столетия. Создание множества учреждений на уездном и губернском уровнях резко подняло спрос на гражданских чиновников и канцелярских служителей. Наряду с этим, в связи со специализацией, одним из ключевых моментов екатерининских реформ, возросли профессиональные требования. Впервые реализованное разделение между управлением, судебными структурами и хозяйственным сектором поставило перед кадрами новые служебные задачи.

Мы посчитали целесообразным разделить главу на три параграфа, ориентируясь при этом на американского историка Дж. Ле Донна, выделившего в своем исследовании «The Eighteenth-century Russian Nobility: Bureaucracy or Ruling Class?» секретарей в отдельную категорию²³⁹. В первом параграфе рассматриваются механизмы занятия руководящих должностей в судах представителями центральной и местной властей. Касательно исследуемых судов к этой категории принадлежат и сельские заседатели, официально относящиеся к судебной коллегии. Второй параграф посвящен секретарям, вершителям дел; добросовестность и компетентность руководителя канцелярии оказывала существенное влияние на дееспособность того или иного судебного учреждения. Но, несмотря на ее значение, позиция секретаря для современников была очерчена нечетко: в формулярных и именных списках они иногда проходили в графе, предназначенной для присутствия, а иногда – для канцелярского персонала, а иногда и дублировались. В последнем параграфе главы исследуются канцелярские служители, количественно самая многочисленная группа служащих в судах. Рассматриваются вопросы занятия должностей, кадровой структуры, источников рекрутирования, а также продвижения по карьерной лестнице, должностных перемещений и другие правительственные старания, предпринимавшиеся с целью повышения эффективности работы.

Как уже говорилось, штаты судебных коллегий судов, созданных при реализации «Учреждений», следовало укомплектовать происходившими из местного дворянства коронными чиновниками и выборными сословными представителями, занявшими средние и низшие чины по Табели о рангах от V (председатели судов третьей инстанции) до XIV классов (секретари в уездных учреждениях)²⁴⁰. Процесс комплектования учреждений тормозился нехваткой формально подходящих кандидатур, особенно в отдаленных регионах страны, отличавшихся низкой долей дворянства в составе населения. Средний

²³⁹ Le Donne J.P. The Eighteenth-century Russian Nobility: Bureaucracy or Ruling Class? // Cahiers de monde Russe. 1993 (34). P. 140--141.

²⁴⁰ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14392. Ст. 49--53.

Урал не был здесь исключением. Это следует из списка гражданских чиновников, составленного наместническим правлением для адрес-календаря 1783 г.²⁴¹

В 45 учреждениях, образованных осенью 1781 г., ситуация по прошествии первого года преобразований выглядела следующим образом: одна вакансия приходилась на судебные учреждения третьей инстанции. Здесь не удалось найти кандидата на место советника VI класса в уголовной палате. На уровне среднего звена не хватало трех из десяти дворянских заседателей VII класса в верхнем земском суде, а во всех четырех судах второй инстанции вместо положенных восьми стряпчих VIII и X классов числились только двое: один служил в верхнем земском суде, другой -- в Екатеринбургской верхней расправе²⁴².

В первую очередь, наблюдался ощутимый дефицит классных чиновников в уездах, поскольку, идя навстречу требованиям законодателя, лица, ответственные за осуществление реформ, стремились обеспечить имевшимися кадрами высшие посты в губернском городе в ущерб более низким. В 29 уездных судебных учреждениях: в уездных судах и нижних расправах, сословных судах первой инстанции, а также в являвшихся судебно-административным и полицейским органом нижних земских судах, не была укомплектована 41 из 123 должностей.

Нехватка кадров была особенно заметной в уездных и нижних земских судах. Из четырех изначально предусмотренных законодателем уездных судов новые органы суда были образованы только в Перми, Соликамске и Оханске. Подходящий кандидат на должность уездного судьи был найден лишь в Перми; в Оханске исполнение данной функции дополнительно взял на себя городничий. В нижних земских судах проблема в меньшей степени распространялась на должность земского исправника (13 из 15 мест были заняты). Вакантными оставались, однако, в первый год более половины предусмотренных должностей стряпчих (53 %). Должности дворянских заседателей почти все были укомплектованы (из 36 должностей 33 были заняты). В нижних расправах удалось, хотя бы формально, добиться в течение первого года комплектации одиннадцати судебных должностей²⁴³.

Губернский уровень. На должность председателя первого департамента верхней расправы Екатеринбурга был назначен подполковник, бывший воевода Красноуфимска, Ефим Тарбеев, дворянин из Уфимского уезда, ветеран Семилетней войны, участник битв при Гросс-Егерсдорфе и Цорндорфе²⁴⁴. Однако управлял он судебным учреждением

²⁴¹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 47. Л. 1--22об.

²⁴² Там же.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 45.

только несколько недель. Уже в начале 1782 г., после того как Тарбеевым были открыты учреждения в таких уездных городах, как Камышлов, Алапаевск, Ирбит и Верхотурье, он занял остававшуюся до сих пор вакантной должность обер-коменданта Екатеринбургa. Весной 1782 г. администратора перевели в Пермь для исполнения должности советника в счетной экспедиции при казенной палате²⁴⁵.

Председателем первого департамента в апреле 1782 г. был назначен коллежский ассессор купеческого происхождения Гаврило Иконников (с 1792 г. -- надворный советник)²⁴⁶. Свой служебный путь он начал в 1763 г. солдатом (в 1769 г. стал сержантом) в лейб-гвардии Преображенского полка. В начале 1770-х гг. он принимал участие в морских сражениях, в том числе и в 1772 г. в Чесменском сражении. Армейскую службу он покинул в 1775 г. в звании секунд-майора, служил далее экзекутором в главной над таможенными сборами канцелярии, и после основания Пермского наместничества Иконников занял должность ассессора в Пермской гражданской палате²⁴⁷. Председателем второго департамента, ответственным за рассмотрение гражданских дел, был назначен коллежский ассессор (с 1784 г. -- надворный советник, а с 1793 г. -- коллежский советник) Алексей Михайлов, бывший судья в Конторе судных и земских дел при Канцелярии главного заводов правления²⁴⁸. Оба чиновника, Гаврило Иконников и Алексей Михайлов, руководили Екатеринбургской верхней расправой до конца рассматриваемого периода.

Первым прокурором учреждения являлся бывший товарищ ирбитского воеводы Василий Лазаревич. Выходец из малорусского дворянства занимал данную должность до июля 1785 г. Тогда он был переведен в казенную палату на должность советника в счетной экспедиции, и новым прокурором стал назначен коллежский ассессор Николай Колтовский. Весной 1791 г. его просьба об отставке была удовлетворена, и он уволился со службы по состоянию здоровья. С июля того же года его сменил бывший городничий города Оханска, секунд-майор князь Николай Маматказин²⁴⁹. На вакантную в течение первого года существования учреждения должность стряпчего в конце 1782 г. нашелся прапорщик Яков Михайлов. Затем, с 1784 г., стряпчими в верхней расправе числились коллежский протоколист Григорий Безбородов и прапорщик Козьма Кузнецов²⁵⁰.

В менее выгодном положении, нежели Екатеринбургская верхняя расправа, находилось Пермское учреждение. По причине высокой плотности органов

²⁴⁵ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 46.

²⁴⁶ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 76.

²⁴⁷ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 112. Л. 66; Тулисов Е.С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков. Екатеринбург, 1999. С. 184.

²⁴⁸ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 3. Л. 22. Ф. 316. Оп. 1. Д. 112. Л. 66.

²⁴⁹ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 3. Л. 22. Ф. 316. Оп. 1. Д. 112. Л. 66. Ф. 569. Оп. 1. Д. 4. Л. 8. Д. 56. Л. 135.

²⁵⁰ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 47. Л. 13. Д. 111. Л. 15.

исполнительной и судебной власти в административном центре наместничества, ему досталась лишь роль обычного сословного суда второй инстанции, ответственного за судопроизводство и делопроизводственную координацию между четырьмя нижними расправами в Чердыни, Осе, Кунгуре и Красноуфимске. Из лиц, предусмотренных для должности председателя, надворного советника дворянского происхождения Петра Непряхина и коллежского асессора Антона Бредихина, -- оба происходили из структур Екатеринбургской Канцелярии главного заводов правления, -- только последний вступил в должность осенью 1781 г. Петр Непряхин, имевший более высокий ранг, был определен вместо этого на должность заседателя в верхнем земском суде²⁵¹. Департамент в течение полутора лет обходился без руководства, пока в августе 1783 г. не нашлась подходящая кандидатура: вторым председателем Пермской верхней расправы стал секунд-майор Гаврило Шестаков, бывший судья Пермского уездного суда (1781--1783 гг.)²⁵². Но на этом месте он оставался лишь два года. После двух последовавших повышений, в 1784 г. в чин коллежского асессора и в 1785 г. -- надворного советника, он был назначен председателем верхнего земского суда²⁵³. Его заменил капитан-маркшейдер Иван Белов (с 1792 г. -- титулярный советник), чиновник, занимавший до того должность земского исправника в нижних земских судах Екатеринбурга и Обвинска²⁵⁴. С повышением в следующий чин надворного советника два года спустя уже упомянутый Антон Бредихин был переведен на более престижную позицию судьи в совестном суде²⁵⁵. Его сменил титулярный советник Михайло Пилюгин, служивший с 1782 по 1784 г. сначала секретарем, а затем стряпчим в Пермском верхнем земском суде. Два года спустя его произвели в коллежского асессора и в 1793 г. -- в надворные советники²⁵⁶. Должность председателя первого департамента он занимал до конца рассматриваемого периода.

Прокуратура при верхней расправе в Перми функционировала лишь условно. В конце октября 1781 г. назначенный на пост прокурора коллежский асессор Федор Грен никогда не исполнял эту должность. В последние недели 1781 г. он находился в Санкт-Петербурге, а его временно заменил прокурор губернского магистрата, коллежский асессор Иван Шестаков. Вернувшись в Пермь в начале следующего года, Ф. Грен был определен на место губернского стряпчего²⁵⁷. Более половины времени существования учреждения место прокурора оставалось вакантным. В прочие годы его занимали три

²⁵¹ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 3. Л. 22. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 65--68. Д. 111. Л. 5.

²⁵² ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 103--104. Д. 47. Л. 9.

²⁵³ Месяцеслов. 1785. С. 317; 1786. С. 281.

²⁵⁴ Месяцеслов. 1784. С. 400; 1785. С. 320; 1786. С. 284.

²⁵⁵ Месяцеслов. 1784. С. 400.

²⁵⁶ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 51; Месяцеслов. 1787. С. 240; 1794. С. 253.

²⁵⁷ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 5. Л. 29. Д. 6. Л. 68.

различных чиновника: первым прокурором Пермской верхней расправы (1783-1786 гг.) стал коллежский ассессор Алексей Софонов. В начале 1790-х гг. это место занимали два подпоручика: с 1792 по 1793 гг. -- Павел Войцехович, и в 1794 г. -- Алексей Темяков²⁵⁸. Также оставшуюся в первые годы вакантной должность первого стряпчего, занял в 1784 г. прапорщик Алексей Барановский и с 1785 г. прапорщик Василий Шестаков²⁵⁹. На должность второго стряпчего лишь в 1786 г. удалось найти кандидата. Капитан Петр фон Билон, который в первой половине десятилетия служил дворянским заседателем в нижних земских судах Красноуфимска (1782--1784 гг.) и Перми (1785 г.). На данном посту он оставался только до конца следующего года²⁶⁰. Уже в 1787 г. его сменил подпоручик Иван Булышев; и в 1788 г. должность опять пустовала²⁶¹. Более стабильной оказалась служба прапорщика Александра Кирпичникова (с 1795 г. титулярный советник), занимавшего данный пост до упразднения учреждения весной 1797 г.²⁶²

Уездный уровень. Должность судьи в одиннадцати нижних расправах занимало в общей сложности 31 различное лицо. Две трети из них были вышедшими в отставку военнослужащими. При вступлении в должность пятеро из них имели ранг прапорщика (XIII класс), один -- поручика (XI класс), четыре покинули военную службу подпоручиками (XII класс), двое имели ранг капитана (IX класс) и двое -- майора (VIII класс)²⁶³. Гражданские ранги большинство из них получили только в середине 1790-х гг. В 1795 и 1796 гг. чинами титулярных советников были награждены судьи нижней расправы Кунгура, Камышлова, Верхотурья, бывший подпоручик Филипп Милле, а также прапорщики Никита Зайков и Григорий Сажин²⁶⁴.

Карьеру на гражданской службе имели за своими плечами лишь восемь судей. К этой группе относился провинциальный секретарь (XIII класс) Василий Смирнов, в первый год преобразований -- секретарь верхнего земского суда и впоследствии судья в Далматове (1783 г.), Кунгуре (1784--1786 гг.) и Алапаевске (1787--1796 гг.)²⁶⁵. До ранга провинциального секретаря дослужился также и Василий Логинов. С 1781 по 1782 гг., еще в ранге унтер-шихтмейстера, он руководил канцелярией нижней расправы в Камышлове. После повышения до провинциального секретаря его перевели в Пермь для занятия должности секретаря в счетной экспедиции при казенной палате. Три года спустя,

²⁵⁸ Месяцеслов. 1784. С. 341; 1787. С. 291; 1793. С. 244; 1794. С. 253; 1795. С. 263.

²⁵⁹ Месяцеслов. 1785. С. 317; 1786. С. 281; 1788. С. 274; 1793. С. 244; 1796. С. 271.

²⁶⁰ Месяцеслов. 1783. С. 416; 1784. С. 401; 1785. С. 319; 1786. С. 281.

²⁶¹ Месяцеслов. 1788. С. 274; 1789. С. 266.

²⁶² Месяцеслов. 1789. С. 266; 1793. С. 244; 1796. С. 271.

²⁶³ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 47. Л. 1-22об.

²⁶⁴ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 377. Л. 44-45.

²⁶⁵ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 86-87. Д. 112. Л. 9. Ф. 569. Оп. 1. Д. 21. Л. 37; ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 84. Л. 15. Ф. 156. Л. 13об.

в сентябре 1785 г., его послали в Красноуфимск, где до конца рассматриваемого периода он был судьей нижней расправы²⁶⁶. Также ранг провинциального секретаря занимал во время своей судейской деятельности в нижней расправе Кунгура происходивший из служилых детей Илья Лосев. Его карьера на государственной службе началась в 1762 г. писарем Воткинской императорской канцелярии. В 1765 г., в связи с присоединением Воткинской канцелярии к Главной дворцовой канцелярии, его вместе со всеми остальными канцелярскими служащими перевели в Санкт-Петербург. Карьерный путь от копииста до канцеляриста он прошел в структурах правительствующего Сената. В 1771 г. произошло назначение его провинциальным секретарем. В начале 1770-х гг. его перевели обратно на Урал, где он до открытия Пермского наместничества служил в Пермской провинциальной канцелярии. Уже в первый год пребывания в должности расправного судьи его повысили до титулярного советника и перевели в Пермскую казенную палату. Там с 1785 г. по 1797 г. он занимал должность советника счетной экспедиции²⁶⁷.

Губернским секретарем (XII класс) являлся происходивший из шляхетского рода Алексей Гизелевский. Первый судья нижней расправы Екатеринбурга начал свою карьеру в центральных органах государственной власти в 1758 г. в должности копииста в Главной дворцовой канцелярии, а в 1765 г., уже занимая более высокий ранг подканцеляриста, он продолжил свою деятельность в правительствующем Сенате. Его повышение в должности губернского секретаря и перевод на Урал в структуры Канцелярии главного заводов правления последовали в декабре 1777 г. Когда осенью 1784 г. в Екатеринбурге начал работу первый уездный суд в восточной части наместничества, он был назначен уездным судьей. В 1791 г. его повысили до титулярного советника и перевели в Пермскую область в Оханск также на место уездного судьи²⁶⁸.

В ранге губернского секретаря завершил свою многолетнюю карьеру на государственной службе и Иван Прозоров. Выходец из черносошных крестьян, он в 1764 г. начинал копиистом и служил далее подканцеляристом в Казанской губернии в Вятской провинциальной канцелярии. При основании Вятского наместничества в 1780 г. его перевели в новые структуры. В местной казенной палате Прозоров занимал вначале пост канцеляриста, а весной 1782 г., с повышением до коллежского архивариуса, получил свой первый чин. В том же году он заболел и временно выбыл с гражданской службы. Пять лет спустя из-за недостатка в кадрах Пермское наместническое правление вновь призвало его на службу на вакантную (с момента перевода его предшественника прапорщика Ивана

²⁶⁶ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 15. Д. 112. Л. 34-35. Д. 118. Л. 130-131; Месяцеслов. 1785. С. 316.

²⁶⁷ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 122-124. Д. 47. Л. 4об.; Месяцеслов. 1778. С. 317; 1780. С. 418; Тулисов Е.С. История управления горнозаводской промышленностью Урала. С. 137.

²⁶⁸ Тулисов Е.С. История управления горнозаводской промышленностью Урала. С. 161.

Жулебина на должность уездного казначея в Шадринск) позицию судьи в Чердынской нижней расправе. Там он служил с 1787 по 1794 гг.²⁶⁹ В 1795 г. он получил повышение и, став губернским секретарем, был переведен в Осу также на должность судьи местной нижней расправы²⁷⁰.

Ранг титулярного советника IX класса занимал Иван Бушуев. Карьеру он начал в 1753 г. в Суздальской духовной канцелярии, в 1755--1757 гг. он продолжил службу в главной межевой канцелярии; последующие два десятилетия состоял в рядах Ставропольской пехотной Екатерининской роты. В начале 1780-х гг. он был переведен на Урал сначала на делопроизводительную должность в Соликамскую воеводскую канцелярию, а после реформы стал расправным судьей в Чердыни (1781--1783 г.). Последние годы своей служебной карьеры Бушуев занимал место дворянского заседателя в верхнем земском суде (1783--1789 гг.)²⁷¹. Чин титулярного советника занимал также Федор Поприц, земский исправник в Обвинске в 1782--1784 гг. и в 1785 г. -- в Екатеринбурге. В 1791--1792 гг. он был заседателем в Пермском уездном суде, в следующем году -- ассессором в казенной палате, пока в 1794 г. не занял вакантный судейский пост в нижней расправе Осы²⁷².

Ряд судей Пермского наместничества стояли особняком из-за своего происхождения. Среди них следует отметить уже упомянутого подпоручика нерусского происхождения Филиппа Милле, судью нижних расправы Камышлова (1781--1783 гг.), Верхотурья (1784--1787 гг.) и Кунгура (1788--1797 гг.). Выходец из литовской знати начал свою деятельность лакеем при дворе Елизаветы Петровны. Получив в 1759 г. ранг прапорщика и два года спустя подпоручика, он служил с конца 1760-х до середины 1770-х гг. в Казанской губернии в городе Космодемьянске. Весной 1779 г. Милле был переведен в Шадринск Оренбургской губернии, где он занимал до 1781 г. место в управительской канцелярии Исетской провинции²⁷³. Выходцем из крестьянства, помимо упомянутого выше Ивана Прозорова, был и Григорий Сажин. Начавший свою карьеру на военной службе в 1747 г. рядовым солдатом, он был повышен до чина прапорщика в 1770 г. Для замещения поста расправного судьи Прозоров был переведен в Верхотуре из Омского гарнизона в декабре 1781 г.²⁷⁴ Сибирский дворянин Федор Чаплин не обладал опытом ни военной, ни гражданской службы, заняв пост судьи в нижней расправе Шадринска в

²⁶⁹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 118. Л. 140--142.

²⁷⁰ ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Л. 34--36; Месяцеслов. 1795. С. 264.

²⁷¹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 197--198; Месяцеслов. 1790. С. 251.

²⁷² Месяцеслов. 1784. С. 402; 1786. С. 284; 1791. С. 245; 1793. С. 244

²⁷³ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 179. Л. 5--6.

²⁷⁴ Там же. Л. 1--2.

октябре 1781 г. В 1797 г. он закончил свою карьеру на государственной службе в ранге коллежского регистратора XIV класса²⁷⁵.

Кадровая ситуация в нижних расправах Среднего Урала отличалась высокой степенью флуктуации. Самой низкой была текучесть кадров в нижней расправе Шадринска, где упомянутый уже Ф. Чаплин занимал судейскую должность до ликвидации этого органа власти весной 1797 г. В Красноуфимске и Екатеринбурге смена судей произошла по одному разу; три чиновника занимали судейскую должность в Алапаевске и Верхотурье и четверо – в Чердыни, Далматове и Ирбите. Самые частые кадровые перестановки происходили в нижних расправах Кунгура и Осы, где пять или даже шесть лиц занимали должность судьи в течение непродолжительного времени (1781--1797 гг.). Как можно заметить, в течение рассматриваемого периода частота смены кадров на судейских должностях была примерно в два раза выше в Пермской области, чем на восточной стороне Уральского хребта.

В результате изучения продолжительности службы на одном месте удалось установить, что большинство судей переводились на новые должности в течение первых пяти лет существования учреждения. В восьми случаях перевод происходил после второго года службы, семь раз место судьи занимал другой служащий после первого и пятого года; шесть раз данное решение было принято после третьего года. Кроме Шадринска, только в пяти случаях служебный срок судьи в одном месте составил десять и более лет. Десять лет продержались на судейской должности поручик Александр Пенкин в Ирбите и провинциальный секретарь Василий Смирнов в Алапаевске; двенадцать лет прослужили поручик Алексей Токарев и провинциальный секретарь Василий Логинов в Екатеринбурге и Красноуфимске, 14 лет исполнял обязанности судьи подпоручик Никита Зайков в Камышлове.

Как правило, пост расправного судьи был не единственной должностью, занимаемой соответствующими чиновниками. Вследствие кадрового голода, большинство из них занимало до и после нахождения на судейской должности различные позиции в одном из нижних земских судов региона. Так, например, до своего перевода в Осу подпоручик Николай Желваков в 1789--1790 гг. занимал пост дворянского заседателя в нижнем земском суде Кунгура²⁷⁶. До перевода в Екатеринбург, состоявшегося осенью 1784 г, Алексей Токарев служил дворянским заседателем в Осе (1781--1783 гг.)²⁷⁷. До перевода на вакантную должность судьи в нижнюю расправу Далматова подпоручик Никита Голосов был с 1781 по 1784 гг. дворянским заседателем в том же городе. В

²⁷⁵ Месяцеслов. 1796. С. 275.

²⁷⁶ Там же. 1790. С. 254; 1791. С. 278.

²⁷⁷ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 112. Л. 73--74.

момент повышения до титулярного советника в 1791 г. его перевели в Камышлов на должность земского исправника²⁷⁸. Уже упоминавшийся подпоручик Никита Зайков, занимавший много лет должность судьи в нижней расправе Камышлова, был в первые два года после открытия новых присутственных мест заседателем в нижнем земском суде Камышлова²⁷⁹. Иван Чаплин, родной брат Федора Чаплина, служившего в 1784 г. судьей в нижней расправе Ирбита, являлся дворянским заседателем в нескольких местах: в 1782--1783 гг. -- в Камышлове, в 1791--1792 гг. -- в Шадринске, а в 1793 г. он вернулся в Камышлов на свое прежнее место²⁸⁰.

Должность земского исправника исполняли, помимо уже упоминавшегося Никиты Голосова, еще пять человек. После занятия судейской должности в Кунгуре прапорщик Иван Жулебин занимал должность земского исправника в Чердыни²⁸¹. Через четыре года службы в должности судьи в Красноуфимске прапорщик Яков Верзилов в 1785--1790 гг. руководил нижним земским судом того же города²⁸². Исправниками в двух различных нижних земских судах были капитан Григорий Петров и поручик Александр Пенкин. Первый занимал должность исправника с 1786 по 1789 г. в Перми и позже, с 1790 до 1791 г., -- в Далматове, пока он не сменил своего предшественника, Никиту Голосова, на должности расправного судьи²⁸³. До назначения судьей в Ирбите Александр Пенкин занимал должность земского исправника в Камышлове (1781--1783 гг.) и Перми (1784--1785 гг.). Титулярный советник Федор Поприц, закончивший свою необычайно непостоянную карьеру в 1794 г. в должности судьи Осы, был в 1783--1785 гг. исправником в Обвинске и Екатеринбурге²⁸⁴. В начале 1790-х гг. его перевели в Пермь, где Поприц сначала выполнял обязанности дворянского заседателя в уездном суде, а потом ассессора в казенной палате²⁸⁵.

Всего в учреждения губернского уровня было переведено три лица. После повышения до титулярного советника в 1782 г. и коллежского ассессора в 1783 г., занимавший судейскую должность в Кунгуре Илья Лосев продолжил свою карьеру в структурах казенной палаты. Титулярный советник Иван Бушуев, занимавший в Чердыни пост судьи с 1781 по 1783 г., стал дворянским заседателем в верхнем земском суде в 1784

²⁷⁸ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 47. Л. 14; Месяцеслов. 1785. С. 323; 1792. С. 267; 1794. С. 258; 1796. С. 275.

²⁷⁹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 47. Л. 15.

²⁸⁰ Месяцеслов. 1783. С. 421; 1784. С. 407; 1785. С. 325; 1790. С. 257; 1791. С. 259; 1792. С. 261; 1794. С. 258. 1796. С. 275.

²⁸¹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 47. Л. 12.

²⁸² ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 134--135; Месяцеслов. 1786. С. 283; 1788. С. 277; 1791. С. 312

²⁸³ Там же. 1786. С. 282; 1790. С. 253; 1791. С. 278; 1792. С. 303.

²⁸⁴ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 47. Л. 14об.; Месяцеслов. 1785. С. 318; 1786. 282.

²⁸⁵ Там же. 1784. С. 403; 1786. С. 284; 1790. С. 251; 1792. С. 256; 1793. С. 244; 1796. С. 271.

г.²⁸⁶ Капитан Андрей Листовской, руководивший нижней расправой в Ирбите с 1785 по 1786 гг., после повышения до коллежского асессора получил место прокурора при губернском магистрате Екатеринбурга²⁸⁷.

Пятеро лиц исполняли судебскую должность в нескольких нижних расправах. Занимавший в 1781--1782 г. пост земского исправника в Чердыни прапорщик Иван Жулебин занял вакантное место расправного судьи Кунгура в 1783 г.; год спустя он вернулся обратно в Чердынь, где в 1784--1786 гг. служил судьей нижней расправы до перехода в уездное казначейство Шадринска. Судьей в двух нижних расправах, а именно в Чердыни (1787--1794 гг.) и в Осе (1795--1797 гг.) был и уже упоминавшийся коллежский архивариус И. Прозоров. К группе служащих, занимавших судебские должности в трех различных уездных городах, относились помимо провинциального секретаря Василия Смирнова, служившего, как уже упоминалось, в расправах Далматова, Алапаевска и Кунгура, подпоручик Филипп Милле и прапорщик Григорий Сажин. Первый был назначен судьей в Камышлове при реализации реформ, далее переведен в начале 1784 г. на судебскую должность в Верхотурье и три года спустя -- в Кунгур. Последний в конце 1782 г. был переведен с судебного поста в Верхотурье в Алапаевск, а четыре года спустя -- в Кунгур. В конце 1787 г. он вновь был назначен судьей нижней расправы Верхотурья.

Как было показано в предыдущей главе, в связи с отсутствием специального юридического образования в России последней четверти XVIII в. законодатель для качественного отбора кандидатов на судебские должности формальных критериев практически не выдвигал. Дополнительное представление об ожиданиях, возложенных на служивших в уездных и губернских судебных учреждениях чиновников, дает предоставленный им законодателем класс по Табели о рангах.

И здесь наблюдается возрастающее сверху вниз расхождение между идеалом и действительностью. Суды третьей и второй инстанций преимущественно укомплектовывались чиновниками, сделавшими карьеру в статской службе, чин которых либо соответствовал формальным требованиям (49 %), либо был ниже лишь на один, реже два класса по Табели о рангах. Как уже говорилось выше, на ведущие посты в присутствии верхней расправы Екатеринбурга были назначены высокопоставленные чиновники, которые в основном соответствовали требованиям законодателя. Председатель первого департамента Алексей Михайлов имел в первые три года (1781--1784 гг.) ранг коллежского асессора (VIII класс); с повышением до надворного советника в 1785 г. он поднялся до VII класса, а восемь лет спустя он получил

²⁸⁶ Там же. 1785. С. 401; 1790. С. 251.

²⁸⁷ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 118. Л. Месяцеслов. 1787. С. 293; 1789. С. 276; 1793. С. 247; 1795. С. 266.

соответствующий VI классу чин коллежского советника. Гаврило Иконников, председатель второго департамента с апреля 1782 г., начал свою карьеру в верхней расправе в ранге коллежского асессора и в 1791 г. также получил повышение до надворного советника. Три прокурора учреждения, коллежские асессоры Василий Лазаревич и Николай Колтовский, также, как и секунд-майор (а с 1793 г. -- надворный советник) князь Николай Маматказин, были, согласно предписанию губернского законодательства, государственными служащими VIII класса по Табели о рангах.

В Пермской верхней расправе, однако, как было продемонстрировано на примерах двух первых председателей Антона Бредихина и Гаврило Шестакова, достижение необходимого для исполнения должности ранга было связано с переводом в более значимый суд губернской столицы. По причине такой политики учреждение большую часть времени находилось под руководством титулярного советника (с 1786 г. -- коллежского асессора) Михайло Пилюгина и маркшейдера (а с 1793 г. -- титулярного советника) Ивана Белова, занимающих соответственно ранги IX и VIII классов. В прокурорском отделе Пермской верхней расправы отвечал формальным требованиям только коллежский асессор Алексей Софонов. Остальные, подпоручики Павел Войцехович и Алексей Темяков, на четыре класса отставали от требуемых законодателем минимальных рангов.

Положение в уездах сильно отличалось от должного состояния. Чаще всего уездные суды, нижние расправы и нижние земские суды возглавляли вместо чиновников VIII и IX классов отставные военнослужащие нижних офицерских рангов, в основном поручики, подпоручики и прапорщики, числившиеся в XII--XIV классах. Они далеко не всегда знали толк в делопроизводстве, законах и, тем более, судебной практике.

В изучаемых нами нижних расправах Пермского наместничества из двадцати одного судьи с воинским званием лишь квалификация четверых: находившихся в отставке майоров Ивана Палаткина и Алексея Самарина, а также капитана Григория Петрова и Андрея Листовского, соответствовала формальным требованиям. Из судей, получивших свой ранг на гражданской службе, как указывалось выше, лишь трое имели чин IX класса. Достижение необходимого для исполнения судейской деятельности класса в большинстве случаев сопровождалось переводом в учреждение губернского уровня. По получении ранга титулярного советника Илья Лосев и Иван Бушуев незамедлительно были переведены в Пермь в казенную палату и в верхней земский суд соответственно. После краткого пребывания в должности расправного судьи в Ирбите (1785--1786 гг.) Андрей Листовской продолжил свою карьеру, в должности прокурора в недавно основанном губернском магистрате Екатеринбургa. Уже получивший опыт работы на службе в

центральных органах власти губернский секретарь (XII класс) Алексей Гизелевский руководил с 1784 г. Екатеринбургским уездным судом, подлежащим комплектации одним судьей VIII класса. Практически во всех описанных случаях на место судьи в нижних расправах назначался прапорщик или подпоручик, служивший до этого дворянским заседателем в нижнем земском суде.

Как уже говорилось, по мере роста бюрократизации правительство, помимо привязки занятия определенных должностей к достижению соответствующих чинов по Табели о рангах, предпринимало многочисленные меры, направленные на повышение качества работы чиновников и канцелярских служащих. Создание кодекса служебной этики, определение перечня наказаний за должностные правонарушения в Генеральном регламенте, введение единого тарифа оплаты жалования для гражданских чиновников в 1763 г., а также добавление в формулярные списки графы, содержащей информацию о служебном поведении и пригодности к карьерному росту, предназначались для повышения мотивации к службе и предотвращения девиантного поведения.

Невзирая на принятые меры, такие факторы, как отсутствие профессионального образования для гражданских служащих, неблагоприятные условия труда и не в последнюю очередь недостаток кадров зачастую заводили попытки государства в тупик. Должностные правонарушения, злоупотребление алкоголем и следующие за этим оскорбления, как словесные, так и с применением физического насилия, отнюдь не являлись редкостью. Особенно это было распространено среди служащих учреждений уездного уровня.

Из проанализированных нами документов следует, что к совершению таких правонарушений были также склонны кадры верхних и нижних расправ. На начальном этапе существования органов суда судьи нижних расправ имели склонность к решению конфликтов физическим путем, что, возможно, было обусловлено их военным прошлым и неопытностью на гражданской службе. Капитан Александр Пенкин, например, занимавший в первой половине 1780-х гг. пост земского исправника в нижних земских судах Камышлова и Перми, а позже судьи нижней расправы Ирбита, имел привычку, как было донесено Екатеринбургской верхней расправе, «выходить из благостойности против крестьян»²⁸⁸. Во время службы в Верхотурье прапорщика Григория Сажина неоднократно упрекали в том, что он добивался признания подсудимых с помощью угроз и применения силы²⁸⁹. Подобное поведение, судя по многочисленным жалобам, было характерно и для

²⁸⁸ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 20. Л. 117.

²⁸⁹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 10. Л. 39об.

капитана Григория Петрова, который в 1792 г. стал судьей в Далматове, имея в своем послужном списке должности земских исправников Перми и Далматова²⁹⁰.

Должностные правонарушения были нередко спровоцированы злоупотреблением алкоголем. В ноябре 1781 г. подполковник Ефим Тарбеев, тогда председатель верхней расправы Екатеринбургa, ответственный за открытие учреждений в Камышлове, Алапаевске, Ирбите и Верхотурье, потребовал у наместнического правления отставки Алапаевского уездного казначея капитана Неклюдова. Последний по причине опьянения пропустил официальную часть торжественных мероприятий в честь открытия присутственных мест и явился только к обеду²⁹¹. Особенным способом отметил вступление в должность поручик Комарев, расправный судья Осы. В ночь перед присягой он напился, выпустил на свободу задержанных в суде колодников, затем, с намерением продолжить праздник, зашел домой к своим коллегам, городничему фон Гиттербоку и земскому исправнику капитану Комлеву, оскорбил их и, вернувшись на квартиру, продолжал «пьяное веселие еще несколько дней кряду». За данным эпизодом последовала длительная переписка с верхней расправой в Перми, в течение которой Комарев, ссылаясь на небольшой опыт и незнание фон Гиттербоком традиций русской службы, пытался разрядить ситуацию²⁹².

После года пребывания в должности судьи нижней расправы Кунгура провинциальный секретарь Ефим Соколов был удален со своего поста. На секретаря Сергея Лосева и сельских заседателей был наложен штраф размером в 10 рублей, поскольку они не сообщили в наместническое правление о творящихся в суде беспорядках²⁹³. Схожей была ситуация в нижней расправе Алапаевска. После выхода в отставку в ноябре 1782 г. первого судьи учреждения, поручика Бориса Исакова, его обязанности исполнял регистратор Иван Мальцев. Летом 1783 г. он был уволен с гражданской службы «из-за множества жалоб»²⁹⁴.

В связи с недостатком кадров увольнения с гражданской службы были редким явлением. Упомянутый отставной шихтмейстер Степан Неклюдов в итоге не был уволен, а лишь переведен на должность дворянского заседателя в том же Алапаевске²⁹⁵. Карьера поручика Александра Пенкина, славившегося тем, что «делал многим крестьянам обид»²⁹⁶

²⁹⁰ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 56. Л. 137.

²⁹¹ ГАПК. Ф. 53. Оп. 2. Д. 2. Л. 24.

²⁹² ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 6. Л. 65об. --68.

²⁹³ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 224--226.

²⁹⁴ Там же. Л. 211.

²⁹⁵ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 47. Л. 18.

²⁹⁶ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 47. Л. 15об.

и занимавшего в 1781--1783 гг. должность исправника в Камышловском нижнем земском суде, не была окончена, а продолжилась на посту расправного судьи в Алапаевске²⁹⁷.

Пытаясь ограничить вред, исходящий от низкоквалифицированных и морально непригодных судей, местные власти предпочитали переводить слабых или конфликтных служащих по истечении определенного срока, обычно 2--5 лет, в другое учреждение и заменять их чиновниками, добросовестно исполнявшими свои обязанности. Наглядно это демонстрирует рокировка, проведенная среди судей нижних расправ Верхотурья, Алапаевска и Кунгура.

Первым расправным судьей в Верхотурье был прапорщик Григорий Сажин. Чиновник, не соответствовавший законодательным требованиям ни по своему происхождению, ни по формальной квалификации, он был определен на этот пост лишь из-за отсутствия других кандидатур. Находясь в Омском гарнизоне, выходец из русского крестьянства, он узнал о своем назначении на пост судьи только через месяц после создания Пермского наместничества²⁹⁸. Почти не умея читать и писать, чиновник остался без поддержки компетентного секретаря, судопроизводство ускользало из его рук. На принятие судебных решений влиял городничий Богдан Борг, канцелярист и подканцелярист разворовывали казенные деньги для финансирования собственных эскапад, а сельские заседатели зачастую просто не являлись в суд. Налагаемые вышестоящими инстанциями санкции по причине превышения судебных сроков и допущения делопроизводственных и судопроизводственных ошибок стали обыденным делом²⁹⁹.

Воспользовавшись поводом, что Г. Сажин имел привычку вымогать судебные признания угрозами, летом 1783 г. наместническое правление решило его перевести в Алапаевск на должность расправного судьи³⁰⁰. На этом месте он продержался около трех лет. С началом 1787 г. его сменил провинциальный секретарь В. Смирнов, а Сажин, в свою очередь, занял место в нижней расправе Кунгура. Однако, уже год спустя руководство наместничества отправило последнего снова в Верхотурье³⁰¹.

С июля 1783 г. по начало 1784 г. судебная должность в Верхотурье оставалась вакантной. Обязанности судьи в это время исполнял с весьма посредственным успехом откомандированный в Верхотурье прапорщик Иван Минеев, дворянский заседатель

²⁹⁷ Месяцеслов. 1782. С. 411; 1783. С. 421; 1784. С. 408; 1790. С. 258; 1796. С. 276.

²⁹⁸ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 179. Л. 2. Д. 417. Л. 1-2, 29.

²⁹⁹ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 11. Л. 528--532. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 332а. Д. 370. К этому вопросу см. кроме того Глава 3. Параграфы 2 и 3.

³⁰⁰ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 211. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 10. Л. 42.

³⁰¹ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 21. Л. 37.

Оханского нижнего земского суда³⁰². С начала 1784 г. по конец 1787 г. подпоручик Ф. Милле пытался всеми доступными ему способами восстановить порядок в подведомственном учреждении. Неработоспособный канцелярист Илья Протопопов, временно исполнявший должность секретаря, был переведен в архив³⁰³, а с помощью назначенного из нижнего земского суда канцеляриста Никифора Копылова был дисциплинирован канцелярский аппарат учреждения³⁰⁴. От ведущего неопрятный и аморальный образ жизни подканцеляриста Матвея Бердюгина он безуспешно пытался избавиться путем перевода последнего в Ирбит в уездное казначейство³⁰⁵. А малоквалифицированного копииста Ивана Пономарева ему в конце концов удалось устроить на должность в Екатеринбургском нижнем земском суде³⁰⁶. Также Ф. Милле начал бороться с низкой трудовой моралью сельских заседателей, которые под любым предлогом «продлевали» свои «домовые отпуска»³⁰⁷. Добиться повышения неосвобожденного от уплаты подушного оклада Н. Копылова до секретаря Ф. Милле не смог, но незадолго до перевода в Кунгур ему удалось устроить на вакантную секретарскую должность архивариуса Ивана Решетникова, опытного делопроизводителя из верхней расправы Екатеринбург³⁰⁸.

Когда Ф. Милле в начале 1788 г. сменил Г. Сажина в Кунгуре, он уже был шестым чиновником, занявшим судейскую должность в нижней расправе. Первым был дворянин И. Лосев, переведенный через несколько месяцев в казенную палату. За ним эту должность занимали уже упоминавшиеся Е. Соколов, прапорщик И. Жулебин и провинциальный секретарь В. Смирнов. Квалифицированных кадров для замещения судейской должности также не могли найти в Осе. После увольнения упоминавшегося Комарева судьей был назначен прапорщик Наум Дьяконов, оказавшийся в связи с плохим состоянием здоровья, а также из-за незнания дела ненамного лучшим выбором, чем его предшественник³⁰⁹. После его смерти в конце 1783 г. судейскую должность в Осе занимали секунд-майор Иван Палатикин (1784--1788 гг.), коллежский секретарь Исак Нордман (первая половина 1789 г.), канцелярист того же учреждения Константин Волков (вторая половина 1789 г.), подпоручик Николай Желваков (1790--1792 гг.), титулярный советник Иван Поприц (1793 г.). В последние три года существования учреждения им

³⁰² ГАСО. Ф. 589. Оп. 1. Д. 6. Л. 1об.; Месяцеслов. 1783. С. 415.

³⁰³ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 97а. Л. 139.

³⁰⁴ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 97б. Л. 138, 147--152.

³⁰⁵ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 97. Л. 113.

³⁰⁶ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 98. Л. 69; Месяцеслов. 1788. С. 276.

³⁰⁷ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 99. Л. 42--43, 45, 71, 74--75, 86, 102.

³⁰⁸ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 158. Л. 170--171.

³⁰⁹ ГАПК. Ф. 53. Оп. 2. Д. 4. Л. 15об. --16.

руководил губернский секретарь Иван Прозоров, бывший расправный судья Чердыни (1794--1797 гг.).

Несмотря на то, что в формулярных списках злоупотребления должностными полномочиями зафиксированы были лишь в единичных случаях, редкостью в Пермском наместничестве они вовсе не были, что стало ясно после смерти Екатерины II. Преобразовательные меры ее преемника привели к сокращению государственного аппарата. Переименованная в Пермскую губернию, территория включила в себя двенадцать вместо бывших 15 уездов³¹⁰. Поэтому, а также в связи с частичным отказом от идеи сословной юстиции, был упразднен ряд присутственных мест: на уездном уровне это были все нижние расправы и, соответственно, на губернском уровне – обе верхние расправы. На Среднем Урале под сокращение попало 30% гражданских чиновников³¹¹.

По словам краеведа Михаила Ивановича Капустина (1837--1904 гг.), преподавателя Пермской духовной семинарии и члена Пермской ученой архивной комиссии, назначенный Павлом I губернатор Карл Федорович Модерах, который «первым долгом себе ставил соблюсти не только старшинство, но и достоинство чиновников и их способности»³¹², намеренно оставил 35 мест на гражданской службе вакантными (30%). В первой версии посланного в марте 1797 г. «Списка гражданских чиновников по Пермской губернии в 1797 г.» никто из членов судейского аппарата верхних расправ Екатеринбургa учтен не был, но практически все они находились в расширенном запасном списке. Когда список опубликовали в мае того же года, они все же были включены в штаты новой Пермской губернии. А. Бредихин, бывший судья совестного суда Перми, дослужившись до ранга статского советника, занимал должность уездного судьи Перми в 1802--1804 гг. и стал затем председателем гражданской палаты³¹³. Гаврила Иконников был назначен в ноябре 1797 г. главным земским судьей Екатеринбургской земской конторы³¹⁴. И. Белов, за это время повышенный до надворного советника, стал уездным судьей в Оханске, а последний прокурор верхней расправы Екатеринбургa, князь Маматказин, получивший чин надворного советника в начале века, занял должность городничего в Осе³¹⁵.

В связи с недовольством нового губернатора состоянием судебных учреждений в административных центрах Кунгурского, Красноуфимского, Чердынского, Осинского, Шадринского, Камышловского, Ирбитского и Верхотурского уездов вначале было

³¹⁰ В связи с преобразовательными мерами Павла I были упразднены Алапаевский, Далматовский и Обвинский уезды.

³¹¹ Дмитриев А.А. Очерки из истории губернского города Перми. С. 92; ПСЗРИ-1. Т. 24. № 17634. С. 229—230. 17735. С. 279—280.

³¹² Капустин М. Сто лет назад. С. 116.

³¹³ Месяцеслов. 1802. С. 408; 1804. С. 185.

³¹⁴ Тулисов Е.С. История управления горнозаводской промышленностью Урала. С. 184.

³¹⁵ Месяцеслов. 1802. С. 409--410; 1804. С. 186.

предусмотрено оставить вакантными практически все посты судей и дворянских заседателей (в семи из восьми случаев)³¹⁶. В исправленном списке новое губернское начальство нашло применение немногим бывшим судьям. В. Логинов, судья Красноуфимска, был назначен дворянским заседателем в уездном суде того же города³¹⁷; В. Смирнов, уже будучи титулярным советником, занимал в 1802--1804 гг. должность уездного судьи Камышлова и Екатеринбургa, а капитан Г. Петров, являвшийся в 1793--1797 гг. судьей в Далматове, стал дворянским заседателем в уездном суде Ирбита³¹⁸. Ф. Милле, которому к этому времени уже исполнилось 74 года, подал в 1797 г. прошение о выходе в отставку³¹⁹, но в начале века был возвращен на службу на короткое время, занимая в 1802 г. должность дворянского заседателя в Кунгурском уездном суде³²⁰.

В целом, новый Пермский губернатор оставил вакантными 79 гражданских должностей. Из них 47 чиновников бывшего Пермского наместничества не по собственной воле не были приняты в новые структуры. Таким образом закончилась карьера судей Г. Сажина и Ф. Чаплина³²¹. Было не рекомендовано оставлять на государственной службе тридцать два лица «частию по их судимости, частию по их личным качествам». Перед судом предстали многолетний судья нижних расправ Чердыни, Екатеринбургa и Камышлова губернский секретарь И. Прозоров, поручик А. Токарев и титулярный советник Н. Зайков³²². Повторное назначение на государственную службу поручика И. Чаплина, брата Шадринского судьи Ф. Чаплина, было отклонено по причине его «дурного поведения»³²³.

Сельские заседатели: Проводимые каждые три года под присмотром нижних земских судов выборы на должность сельского заседателя состоялись в Пермском наместничестве в конце сентября – начале октября того года, после окончания сельскохозяйственного сезона. Начало строго нормированному избирательному процессу полагал, как правило, напоминающий о предстоящих выборах указ из наместнического правления, рассылаемый в конце августа во все земские суды. Заканчивался процесс в декабре того же года утверждением в должности нового состава заседателей.

Сам акт передачи должности назначался на 18 октября -- день учреждения наместничества. Торжественное событие включало в себя такие моменты, как богослужение, приведение к присяге новых заседателей, зачитывание текста

³¹⁶ Капустин М. Сто лет назад. С. 106--110.

³¹⁷ Там же. С. 110.

³¹⁸ Месяцеслов. 1802. С. 411--413; 1804. С. 202.

³¹⁹ Капустин М. Сто лет назад. С. 111.

³²⁰ Месяцеслов. 1802. С. 409.

³²¹ Капустин М. Сто лет назад. С. 112.

³²² Там же.

³²³ Там же. С. 113

«Учреждений» городничим, а также награждение уходящей смены заседателей аттестатами «о добропорядочном их в трех годах поведении» (*приложение 1*)³²⁴.

В массе своей кандидаты, избираемые в судебные учреждения Среднего Урала, соответствовали критериям законодателя: они были представителями среднего слоя сельского общества, мужчинами без судимости и пороков, не моложе тридцати лет и при этом достаточно зажиточными, чтобы иметь семью и собственный дом. Судя по формулярным спискам, содержащим данные о сельских заседателях, на должность заседателя в государственные суды выбирали в основном опытных мужчин, средний возраст которых составлял 42 года. Из них четыре человека были на 2 года -- 9 лет моложе установленного минимального возраста, а в четырех случаях селения отправили в суды кандидатов преклонного возраста, старше 55 лет.

Так, 57 лет было мулле Абраму Сулееву, представителю свободного сельского населения в нижней расправе Кунгура в 1781--1784 гг. В нижней расправе Чердыни служили в 1794 г. 58-летний и 61-летний государственные крестьяне Сергей Кабанов и Яков Шликов, а приписной к Гороблагодатскому заводу крестьянин Алексей Жарков, был назначен сельским заседателем в Верхотурье, когда ему уже исполнилось 64 года³²⁵.

Распределение сельских заседателей по учреждениям, как показывает таблица (*таб. 1*), осуществлялось по географическим критериям: в верхней расправе Екатеринбурга и Перми были практически равномерно представлены все уезды соответствующей области.

В восточной части наместничества Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский и Шадринский уезды представили по одному сельскому заседателю. Двое были родом из Арамашевской слободы Алапаевского уезда и трое представителей были присланы из Челябинского уезда. После интеграции Челябинского уезда в состав Уфимского наместничества в декабре 1782 г. было назначено проведение перевыборов. Вакантные места теперь заняли Владимир Устинов, Иван Отритвин и Никифор Першин из Далматовского, Ирбитского и Екатеринбургского уездов³²⁶. Схожая картина складывалась и при рассмотрении Пермской области. Кроме Пермского и Обвинского уездов все административные единицы предуральской части региона были представлены как минимум одним сельским заседателем.

³²⁴ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 111. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 106. Л. 127. Д. 159. Л. 165, 185. Д. 298. Л. 126, 138, 160. Д. 377. Л. 187.

³²⁵ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 122--124, 134--137, 139--140, 194--195. ГАСО. Ф. 491. Д. 179. Л. 1--2, 13--14.

³²⁶ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 61. Д. 23. Л. 6.

Происхождение сельских заседателей в верхних расправах Екатеринбурга и Перми (1781–1784 гг.)

Екатеринбургская верхняя расправа			
Первый департамент		Второй департамент	
	Екатеринбургской округи деревни Шарташской Петр Шапошников		Челябинской округи Балакатайской волости деревни Саринной старшина Сараи Абдулин
	Челябинской округи Микотинской волости деревни Шарзаковой старшинской помощник Аджимес Унбанов		Челябинской области Балактайской волости деревни Кунсарной Кунсар Юнаев
	Алапаевской округи Арамашевской слободы Филат Моторин		Ирбитской округи Усть-Ницинской слободы Михаил Гагарин
	Шадринской округи николаевского села Петр Моряников		Алапаевской округи Арамашевской слободы Григорий Телегин
	Камышловской округи Беляковской слободы Дмитрий Рябков		Верхотурской округи Верхотурской подгородной слободы Тимофей Дурниных
Пермская верхняя расправа			
Первый департамент		Второй департамент	
	Осинкой округи Федор Хлебников		Красноуфимской округи Стафей Некрасов
	Оханской округи Петр Соснин		Чердынской округи Василий Петушкин
	Чердынской округи Савва Баяндин		Соликамской округи Прокопей Кондеев
	Кунгурской округи Дмитрий Чабин		Кунгурской округи Осип Блюшкин
	Иноверец Абдрахим Ягодин		Иноверец Исак Исмаилов

Таблица составлена по данным ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 6. Л. 2об. --3. Ф. 569. Оп. 1. Д. 4. Л. 8--9.

Как показано в следующей таблице (таб. 2) на примере первого состава сельских заседателей в нижних расправах Верхотурья и Екатеринбурга, в уездах при проведении выборов также обращали внимание на то, чтобы кандидаты на пост сельского заседателя происходили их разных деревень, слобод и волостей. В Екатеринбурге в 1781--1784 гг. заседатели от свободного сельского населения были родом из Арамильской, Белоярской и Багаряцкой слобод и из находившегося недалеко от города Екатеринбурга Уктусского села. В Верхотурье первую смену заседателей нижней расправы составляли жители самого города, а также представители из Подгородной и Лялинской слобод.

**Происхождение сельских заседателей в нижних расправах Екатеринбурга и
Верхотурья (1781–1784 гг.)**

Екатеринбургская нижняя расправа		Верхотурская нижняя расправа	
Уктуского подгородного села Дмитрий Белозерев		Города Верхотурья житель Василий Посников	
Арамильской слободы Михаил Бирюков		Подгородской слободы Алексей Жарков	
Багарякской слободы Ефим Восхринцов		Лялинской слободы Степан Митрофанов	
Белоярской слободы Яков Исаков		Верхотурский ямщик Петр Комарев	

Таблица составлена по данным ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 179. Л. 1--2. Ф. 591. Оп. 1. Д. 5. Л. 1об. --2.

Распределение сельских заседателей в судах отражало социальное, этническое и религиозное многообразие состава местного населения. В сельские заседатели избирали в основном выходцев из крестьянства разных категорий. В Верхотурском уезде, например, среди них встречались также ямщики и числившиеся крестьянами городские жители³²⁷.

Интересы нерусского свободного сельского населения защищали в судебных учреждениях представители разных этнических групп: «иноверцы», «инородцы», татары, мурзы и мещеряки. Это особенно касалось уездов, расположенных на юге и юго-западе региона. В 1781--1790 гг. в нижних расправах Красноуфимска и Осы числились заседатели нерусского происхождения Арив Ашихин, Амир Сулейманов, Амир Тимашев, Амухамет Мустаев и Салават Суфхиныгулов (Красноуфимск), а также Феткулла Кучакубаев и Абдуль Каримтапаев (Оса). В Пермской Верхней расправе в 1781--1784 гг. проходили службу двое «иноверцев» Абдрахим Ягодин и Исак Исмаилов, а в 1787--1790 гг. Пермский уезд представляли в верхней расправе Абдузялим Масегутов и Рафек Разимов. Представителями Шадринского и Далматовского уездов в Екатеринбургской верхней расправе были Ишмухамет Калюбеков и мулла Заувзякей Манишев³²⁸.

Местные власти строго следили за сохранением этого равновесия. Так, летом 1783 г. в Далматовской нижней расправе после смерти одного из сельских заседателей было принято решение временно оставить его место вакантным за неимением подходящего кандидата из «инородцев»³²⁹. Сельского заседателя Верхотурской нижней расправы Василия Посникова, переписавшегося весной 1784 г. из государственных крестьян в

³²⁷ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 179. Л. 2, 6, 9.

³²⁸ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 6. Л. 3--5. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 122--124; 134--137. Д. 111. Л. 6, 15. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 179. Л. 1--2, 13--14. Ф. 591. Оп. 1. Д. 5. Л. 3. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

³²⁹ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 221.

купечество, наместническое правление велело заменить по той причине, что он был «к сей должности крестьянами выбран»³³⁰.

Также лишались должности сельские заседатели, морально-этическое поведение которых не соответствовало требованиям законодателя. За самовольное превышение полномочий был привлечен к ответственности Стафей Некрасов, представитель Красноуфимского уезда в Пермской верхней расправе. Находясь в домовом отпуске в ноябре 1781 г., он выдавал себя перед односельчанами за судью и допрашивал и наказывал их за якобы совершенные кражи³³¹. Весной 1782 г. по настоянию казенной палаты был удален с должности еще один сельский заседатель Пермской верхней расправы. При проведении расследования было установлено, что Исаак Измаилов пытался избежать уплаты податей Анненскому и Мотовилихинскому заводам. Оба нанятых им в год до переезда в Пермь для проведения отработок вместо него крестьянина Перевалов и Балахин выполнили свою часть договоренности, но безуспешно ждали оговоренной оплаты, о чем в итоге и сообщили заводской конторе³³².

Аналогично неоднородную картину сельские заседатели региона представляли собой с точки зрения изъявленного правительством пожелания о минимальной грамотности³³³. Основная масса заседателей, прикрепленных к учреждениям губернского уровня, а также представителей местного нерусского населения, как следует из подписей в журналах и под судебными решениями, была обучена как минимум основам грамоты³³⁴.

Исключением среди прочих сельских заседателей являлся монастырский крестьянин Петр Морьяников, представитель Шадринского уезда в верхней расправе Екатеринбурга в 1781--1784 гг. Когда в 1784 г. заканчивался срок его пребывания в суде, он высказал интерес к продолжению своей деятельности на гражданской службе в канцелярской должности. Его инициатива, однако, была отклонена наместническим правлением, что было обосновано тем, что он не может предъявить аттестат и тем самым не обладает формально подтвержденной квалификацией к канцелярской службе³³⁵.

Существенно ниже оказался уровень образованности заседателей русского происхождения в уездных учреждениях, где в среднем один, реже два человека, умели с трудом расписаться³³⁶. В связи с этим с 1784 г. под документами начали появляться индивидуальные печати с аббревиатурой «СЗ» и инициалами соответствующего сельского

³³⁰ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 107. Л. 353.

³³¹ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 6. Л. 42.

³³² ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

³³³ Готье Ю.В. История областного управления в России. Т. 2. С. 269.

³³⁴ ГАПК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 5. Ф. 290. Оп. 1. Д. 6. Л. 1. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 344. Д. 20. Л. 127.

³³⁵ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 344, 386.

³³⁶ ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 1. Ф. 290. Д. 39. Л. 47, 142. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 101. Л. 3. Д. 417. Л. 1.

заседателя; а весной 1786 г. по указу наместнического правления для неграмотных использование таких печатей стало обязательным³³⁷.

2.2. Поиск кандидатов на замещение секретарских должностей

В связи с отсутствием образовательного ценза для судей, а также преобладающим во второй половине XVIII в. инквизиционным принципом в организации судебного процесса, акцент в судопроизводстве смещался с судей на канцелярию. В судах главным «вершителем дела» был секретарь, занимавший промежуточное положение в иерархии между канцелярией и присутствием и выступавший посредником между судом и тяжущимися сторонами³³⁸. Как отметил Д.О. Серов, «не случайно, согласно ст. 10 „Наказа земским дьякам, или секретарям» от 20 апреля 1720 г., за старшими канцелярскими служащими были закреплены, по существу, обязанности юрисконсультов»³³⁹. При Петре I и его преемниках был принят комплекс мер по повышению профессиональных качеств руководителя канцелярии. Должность секретаря была классной, а отбор, назначение, перевод и увольнение со службы секретарей утверждались правительствующим Сенатом³⁴⁰.

В обеих верхних расправах должность секретаря, которую, согласно штатам, подобало укомплектовывать служащими XII класса, занималась пятью различными лицами. В Екатеринбурге секретарем первого департамента учреждения стал Егор Олышев, имевший двадцатидвухлетний опыт гражданской службы и происходивший из «механических детей». Находившийся в 1781 г. в ранге коллежского регистратора, делопроизводитель начал свою карьеру писарем в Пермского горного начальства; в 1760-х гг. последовали повышения до копииста, подканцеляриста и канцеляриста. В 1772 г. он был переведен на Олонецкие заводы, а пять лет спустя, по получению первого классного чина, вернулся обратно на Урал, где до момента реализации реформ занимал канцелярское место в горном начальстве Гороблагодатского завода³⁴¹. Канцелярией второго департамента должен был руководить протоколист Никита Овчинников, приказный служитель из бывшей Конторы земских и судных дел³⁴².

Уже на следующий год Никита Овчинников перешел в состав Пермской верхней расправы. Его сменил «подьяческий сын» Петр Гилев. Последний был послан осенью

³³⁷ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 9. Л. 121. Д. 25. Л. 54. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 161. Л. 3. Д. 218. Л. 3. Д. 283. Л. 10.

³³⁸ Колмаков Н.М. Старый суд // Русская старина. 1886. Кн. 12. С. 515; Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. С. 64–66; Kaiser F.B. Die russische Justizreform von 1864. S. 28–29.

³³⁹ Серов Д.О. Российские судьи и высшее юридическое образование. С. 78.

³⁴⁰ ПСЗРИ-1. Т. 6, № 3571. С. 182–186. Т. 11. № 8550. С. 599–610. Т. 11. № 8865. С. 16–17. Т. 17. № 12665. С. 797–799. Т. 22. № 16528. С. 833–835.

³⁴¹ Тулисов Е.С. История управления горнозаводской промышленностью Урала. С. 158.

³⁴² ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 20. Л. 307–308об.

1781 г. в Пермь для замещения должности секретаря верхней расправы и с тех пор просил руководство наместничества о переводе обратно в областной город, мотивируя свою просьбу оставленными в Екатеринбурге домом и семьей. После длительной переписки Никита Овчинников вначале не соглашался на обмен, а наместническое правление, в свою очередь, не считало возможным его заставить. Несмотря на это, Петру Гилеву удалось настоять на своем. В сентябре 1782 г. его просьба была удовлетворена, и он был назначен на должность секретаря во втором департаменте Екатеринбургской верхней расправы³⁴³.

В конце 1783 г. сорокадвухлетний Петр Гилев тяжело заболел; по указанию руководства верхней расправы: «оная расправа находит его быть при секретарском управлении не способным», он уволился со службы. В начале следующего года вакансия была занята также происходившим из «подьяческих детей» регистратором Иваном Плотниковым³⁴⁴. Последний в 1769 г. вышел на гражданскую службу; с 1770-х гг. он занимал в том числе и должности в Уктусской золотопромывальной конторе. При открытии Пермского наместничества он был переведен в Екатеринбургскую нижнюю расправу для исполнения секретарской должности³⁴⁵.

В середине 1784 г. уже упоминавшийся Егор Олышев был отправлен в Пермь для исполнения секретарской должности в функционировавшей при казенной палате горной экспедиции, а Иван Плотников перевелся в первый департамент. На освободившееся место во втором департаменте поступил канцелярист Лев Рябухин, служивший с 1771 г. до получения обер-офицерского чина в ноябре 1784 г. в экспедиции мраморной ломки и приисках разных родов цветных металлов³⁴⁶. И. Плотников оставался на секретарской должности в Екатеринбургской верхней расправе до конца 1795 г., а Лев Рябухин находился на секретарском месте до момента упразднения учреждения весной 1797 г.³⁴⁷.

В первое время секретариат верхней расправы Перми был укомплектован служащими, переведенными из бывших административных структур. Секретарем в первом департаменте стал служивший до этого в Гороблагодатском горном начальстве Константин Волков, происходивший из «подьяческих детей». В 1788 г. он уволился со службы по причине «старости лет и слабого здоровья»³⁴⁸. Должность секретаря второго департамента занял уже упоминавшийся городской секретарь Петр Гилев (1781--1782 гг.), а с осени 1782 гг. также получивший повышение до городского секретаря Никита Овчинников. В начале 1785 г. Никита Овчинников был переведен в верхний земский суд,

³⁴³ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 11. Л. 31, 44, 188.

³⁴⁴ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 319.

³⁴⁵ ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 5. Л. 59.

³⁴⁶ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 20. Л. 307, 309.

³⁴⁷ Капустин М. Сто лет назад. С. 109.

³⁴⁸ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 2. Л. 31. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 67. Д. 112. Л. 23.

а с 1786 г. -- в наместническое правление. В 1794 г. его повысили до губернского секретаря, а два года спустя до титулярного советника³⁴⁹.

В последующие годы из-за недостатка формально подходящих кандидатов на секретарские должности в Пермской верхней расправе назначали рядовых делопроизводителей собственной канцелярии. Место секретаря первого департамента, остававшееся после увольнения Константина Волкова целый год вакантным, занял в 1790 г. 27-летний протоколист Михайло Патокин, происходивший из обер-офицерских детей. С 1782 г. по 1786 г. он поднялся по карьерной лестнице от копииста до канцеляриста. С осени 1786 г. до зимы 1787/1788 гг. он был откомандирован в нижний земский суд Соликамска. А в дальнейшем, вернувшись в Пермь, он в 1788--1790 гг. занимал должность протоколиста верхней расправы³⁵⁰.

Секретарем второго департамента после перевода Никиты Овчинникова с 1786 по 1794 гг. был происходивший из «подьяческих детей» Михайло Шамонин. Свою карьеру на гражданской службе он начал в 1773 г. писарем Шадринской управительской канцелярии. После основания Пермского наместничества он с 1781 г. по лето 1782 г. был подканцеляристом в местном нижнем земском суде. После его перевода в губернскую столицу он служил сначала помощником протоколиста, а с 1783 г. по 1785 г. подканцеляристом в прокуратуре верхней расправы. Сразу после утверждения Михайло Шамонина на секретарское место его повысили до канцеляриста³⁵¹. В момент повышения до городского секретаря в конце 1794 г. его перевели в гражданскую палату, где он сменил назначенного уездным казначеем Ивана Решетникова³⁵². В последние два года секретарем второго департамента был Василий Любарский³⁵³.

Как уже говорилось выше, в соответствии со штатами, в уездных судах и нижних расправах, сословных судах первой инстанции, а также в являвшихся судебнo-административными и полицейскими органами нижних земских судах, канцелярия находилась под руководством секретаря XIV класса³⁵⁴. В течение первого года их существования без секретаря, соответствующего формальным критериям, осталась половина перечисленных присутственных мест.

Должность руководителя канцелярии была занята в восьми из 15 нижних земских судов, в пяти из одиннадцати нижних расправ и лишь в одном из трех уездных судов. Секретарский чин имели трое: служивший в Ирбитском нижнем земском суде

³⁴⁹ Месяцеслов. 1785. С. 317; 1786. С. 282--283.

³⁵⁰ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 25. Л. 137. Ф. 316. Оп. 1. Д. 118. Л. 28.

³⁵¹ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 25. Л. 30-31, 60. Ф. 316. Оп. 1. Д. 118. Л. 27.

³⁵² Месяцеслов. 1795. С. 263--264.

³⁵³ Там же. С. 272; Капустин М. Сто лет назад. С. 108.

³⁵⁴ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 67. Л. 1--3.

провинциальный секретарь Федор Грамматчиков, а также городские секретари Сергей Лосев и Андрей Короткой из Кунгурской нижней расправы и Пермского уездного суда. Числилось среди них два унтер-шихтмейстера -- Тимофей Тегенцов и Михаил Веселков в Камышловском и Осинском нижних земских судах, а в Чердынском нижнем земском суде должность секретаря исполнял коллежский протоколист Афанасий Христианов. Большинство перечисленных в этом документе секретарей дослужилось до ранга регистратора или коллежского регистратора³⁵⁵.

Все остальные секретарские места числились по официальным данным вакантными. Однако, по факту, эти должности были замещены местными канцелярскими служащими. Обязанности секретаря исполняли тогда младшие по возрасту и, соответственно, с меньшим служебным опытом канцеляристы и подканцеляристы. Об этом свидетельствуют формулярные списки, списки о жаловании и делопроизводственная переписка учреждений. Из канцелярских аппаратов того же учреждения происходили, например, канцеляристы Илья Протопопов, являвшийся в 1782--1784 гг. и 1789--1790 гг. секретарем в Верхотурской нижней расправе, Максим Осипов, служивший в 1784--1795 гг. секретарем Красноуфимской нижней расправы, а также Осип Веселков и Матвей Шляков -- секретари в нижних расправах Осы (1783--1787 гг.) и Чердыни (1786--1797 гг.) соответственно. Для замещения вакансий в другие уездные судебные учреждения были переведены канцеляристы Андрей Ефтюгин, секретарь в Чердынском нижнем земском суде в 1783--1788 гг. и в нижней расправе Осы в 1789--1791 гг., а также канцелярист Кунгурской нижней расправы Тимофей Беднягин, занимавший пост секретаря в нижних расправах Алапаевска (1785--1786 гг.) и Кунгура (1787--1790 гг.)³⁵⁶. В 1783--1784 гг. находившиеся в ранге подканцеляристов Василий Бердюгин и Василий Питерский исполняли секретарские должности в нижних расправах Верхотурья и Екатеринбурга³⁵⁷.

Такого типа повышения, приобретя массовый характер, начали выходить из-под государственного контроля. На это указывает сенатский указ от 11 апреля 1787 г., связавший соблюдение выдвинутых в предыдущих указах требований к претендентам на замещение секретарских должностей с продолжением их финансирования. В нем законодательное санкционирование получило предложение Тобольского генерал-губернатора Е.П. Кашкина. Чиновник был обеспокоен низкими профессиональными и моральными качествами административного корпуса на доверенной ему территории и

³⁵⁵ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 47. Л. 8--16об.

³⁵⁶ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 9. Л. 4, 108. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 156. Ф. 569. Оп. 1. Д. 11. Л. 23, 30, 33. Д. 20. Л. 61. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 179. Л. 2; Месяцеслов. 1783. С. 416; 1784. С. 401--409; 1785. С. 318-323; 1786. С. 282--287; 1787. С. 290--295; 1788. С. 274--278; 1789. С. 265--270; 1790. С. 253--258.

³⁵⁷ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 20. Л. 270. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 111. Л. 147.

выступал за временное приостановление выплаты повышенного жалования нижним канцелярским служащим, занявшим секретарские должности без подтверждения правительствующим Сенатом³⁵⁸.

Реакция Пермского наместнического правления на принятие этого закона не заставила себя долго ждать -- в Петербург на утверждение были немедленно посланы коллективные формулярные списки. В начале осени того же года сенатским указом было утверждено в должности 23 человека, числившихся секретарями в уездных судебных учреждениях, среди них двенадцать канцеляристов: шесть в ранге регистратора (губернского и коллежского) и по одному коллежскому протоколисту, коллежскому архивариусу и городскому секретарю³⁵⁹.

Последнее лишний раз свидетельствовало о том, что секретарей достойного уровня было мало. Как правило, такие люди работали на износ, а зачастую и до самой смерти. Ходатайства об увольнении со службы они подавали лишь по состоянию здоровья, когда «отправлять должность за одержимую болезнь» не могли и переставали «иметь хождения в расправу»³⁶⁰. В таких случаях наместническое правление, испытывавшее кадровый голод, проводило рокировку уездных секретарей. Например, весной 1791 г., когда умер коллежский регистратор Дмитрий Тюкачев, секретарь в Шадринской нижней расправе с момента открытия наместничества, на его место был переведен секретарь Алапаевского нижнего земского суда Петр Шамонин. В Алапаевск, в свою очередь, был отправлен губернский регистратор Борис Решетов, секретарь Ирбитского нижнего земского суда, временно замещавший секретарскую вакансию в Верхотурской нижней расправе³⁶¹.

Распространенным способом предотвращения и разрешения конфликтов также являлись кадровые перестановки. Как видно из формулярных списков, столь нерадивые секретари, например, как вышеупомянутые Андрей Ефтюгин и Борис Решетов, часто перебрасывались с места на место для кратковременного замещения вакансий³⁶². «Славившиеся» тем, что «делали многим крестьянам обиды», поручик Александр Пенкин и регистратор Самсон Чернышев, занимавшие в 1781--1783 гг. должности исправника и секретаря в Камышловском нижнем земском суде, были разделены и переведены в разные города³⁶³. Первый продолжил службу сначала исправником в Перми (1784--1786 гг.), а

³⁵⁸ ПСЗРИ-1. Т. 22. № 16528. С. 833--835.

³⁵⁹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 111. Л. 7--19, 21--23об.

³⁶⁰ ГАПК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 53.

³⁶¹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 262. Л. 174. Д. 276. Л. 14.

³⁶² ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 118. Л. 134, 155.

³⁶³ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 11. Л. 101--102.

потом расправным судьей в Ирбите (1787--1796 гг.), а Самсон Чернышев закончил в 1795 г. свою карьеру в нижней расправе Алапаевска³⁶⁴.

Дела чиновников, совершивших должностное преступление, хотя и разбирались в уголовной палате, редко приводили к увольнению провинившегося. Скорее исключением был случай секретаря Екатеринбургского нижнего земского суда Ивана Новоселова, карьера которого прекратилась в начале 1783 г., «ибо он день от дня умножает свое невежество и плохие поступки»³⁶⁵. За неимением других кандидатов канцелярист Илья Протопопов, пьяница, который к тому же «дела утаивает и домой собою берет», с 1789 по 1790 г. во второй раз исполнял секретарскую должность в Верхотурской нижней расправе³⁶⁶. В Шадринском нижнем земском суде также не был отстранен от должности унтер-шихтмейстер Тимофей Тегенцов, который «бил крестьянина до смерти»³⁶⁷. Тот же Тегенцов оставался на службе, в отличие от многих чиновников, в период кадровых сокращений при Павле I.

Частота кадровых перестановок была высока. Об этом свидетельствуют данные адрес-календарей за 1781--1795 гг. В одиннадцати нижних расправах секретарские должности занимали 34 разных чиновника. Во всех этих учреждениях секретарь сменился от двух до пяти раз. При этом средняя продолжительность пребывания каждого в одном месте составила 4,4 года. Чаще всего смена кадров приходилась на первые три года службы: в двенадцати случаях секретарь был переведен в другое учреждение по окончании второго года; семь раз такое решение было принято после третьего года, а пять раз сразу по окончании первого. В течение достаточно длительного срока – от десяти лет и дольше – пребывали на одном месте всего пять лиц. К этой группе относились канцеляристы Петр Разевин, Александр Мензелинцев и Матвей Шляков, исполнявшие секретарские должности в Екатеринбурге, Ирбите и Чердыни в 1785 и 1786 гг. В Красноуфимске в течение 12 лет (в 1783--1795 гг.) руководителем канцелярии был Максим Осипов, с 1783 г. дела в Камышловской нижней расправе «вершил» коллежский регистратор Андрей Гордеев.

Для многих канцеляристов период, проведенный на секретарском месте в одной из нижних расправ, являлся лишь кратким эпизодом их долгой служебной карьеры. И до, и после своего назначения чиновники состояли в штате другого уездного судебного

³⁶⁴ Месяцеслов. 1784. С. 400; 1785. С. 317; 1786. С. 282; 1787. С. 295; 1792. С. 307; 1794. С. 259; 1796. С. 276--277.

³⁶⁵ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 41--42.

³⁶⁶ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 111. Л. 135.

³⁶⁷ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 11. Л. 198--199.

учреждения, чаще всего в одном из нижних земских судов или в другой нижней расправе, а в двух случаях в одном из уездных судов.

Центром притяжения более перспективных канцелярских служащих являлись присутственные места во вновь созданной столице региона, Перми. В структурах казенной палаты продолжили секретарскую службу унтер-шихтмейстер Василий Логинов из нижней расправы Камышлова (1781--1782 гг.) и канцелярист Андрей Мерзяков, бывший секретарь Далматовской нижней расправы (в 1782 и 1785--1786 гг.) и Ирбитского нижнего земского суда (1783--1784 гг.). Иван Решетников после службы в должностях архивариуса Екатеринбургской верхней расправы (1781--1786 гг.) и секретаря в Верхотурской нижней расправе (1787 -- вторая половина 1789 г.) был переведен на секретарское место в гражданской палате. Сергей Лосев, в первые два года после осуществления реформы секретарь в Кунгурской нижней расправе, продолжил свою карьеру в губернском магистрате – суде второй инстанции³⁶⁸.

Проблема дефицита кадров способствовала ускоренному продвижению по карьерной лестнице, провинциальные судебные канцелярии зачастую находились под руководством делопроизводителей лишь с двух-пятилетним опытом гражданской службы. Такими являлись, например, Матвей Шляков из купечества и Александр Мензелинцев из «солдатских детей», подканцеляристы в Ирбитской и Чердынской нижних расправах, получившие в 1784 г. и 1786 г. соответственно повышение в секретари на втором и третьем году их пребывания на статской службе. Судьба Осинской нижней расправы в 1789 г. находилась в руках 16-летнего канцеляриста Константина Волкова, а в Далматове секретарем нижней расправы в июле 1788 г. стал бывший монастырский крестьянин Петр Моряников, служивший в 1781--1784 гг. сельским заседателем в Екатеринбургской верхней расправе³⁶⁹.

Более того, проблема дефицита кадров способствовала сохранению на должности лиц с низкими моральными качествами. Несмотря на попытки законодателя взять под контроль процесс укомплектования секретарских вакансий, звучащие в упоминавшемся указе нотки сомнения генерал-губернатора Е.П. Кашкина, «все ли они несут должности свои исправно, и могут ли впред в исправления оных быть надежны», были оправданны³⁷⁰.

³⁶⁸ Месяцеслов. 1782. С. 406--414; 1783. С. 415--421; 1784. С. 400--409; 1785. С. 317--324; 1786. С. 281--286; 1787. С. 290--296; 1788. С. 274--279; 1789. С. 266--276; 1790. С. 253--258; 1792. С. 302--308; 1793. С. 244--249; 1794. С. 253--260; 1795. С. 262--267; 1796. С. 271--277.

³⁶⁹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 111. Л. 122. Д. 118. Л. 134, 141, 155, 167. Ф. 569. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

³⁷⁰ ПСЗРИ-1. Т. 22. № 16528. С. 833--835.

По словам М.И. Капустина, «при новой строгой разборке чиновников, многие старцы < ... >, имевшие несчастье составить себе невыгодную служебную репутацию, и держащие своих мест до случая лишь по снисходительности начальства, должны были оставить казенную службу»³⁷¹. Под сокращение попало 30% гражданских чиновников Среднего Урала. На уездном уровне число секретарских должностей сократилось с 29 до 24, а половина лиц, их занимавших, была переведена из старых в новые структуры. Восемь из них занимали должности в одном из сословных судов первой инстанции или нижнем земском суде до 1797 г.; остальные четыре состояли раньше в штатах губернских апелляционных судов³⁷².

Новый пермский губернатор К.Ф. Модерах, сделав «им разбор и самое помещение по начальничьему в способностях и достоинствах рассмотрению», оставил вакантными 79 должностей в гражданской службе. Из них 32 лица не было рекомендовано «частью по их судимости, частью по их личным качествам»³⁷³. В этом списке находилось двенадцать бывших секретарей уездных судебных учреждений. Уголовное дело было возбуждено против двоих: протоколиста Василия Кротова, секретаря в 1795--1797 гг. в Алапаевской нижней расправе, и коллежского регистратора Александра Гордеева, многолетнего руководителя канцелярии в Камышловской нижней расправе. Остальные были «забракованы» из-за пьянства и взяточничества. Закончилась карьера в гражданской службе бывших секретарей нижних земских судов Осы, Оханска, Обвы, Далматова, Камышлова и Алапаевска Василия Галузевского, Семена Фефилова, Ивана Бердюгина, Петра Попова и Михаила Мальцева. Был отстранен от должности Александр Колобов, секретарь в Екатеринбургском уездном суде. Замыкают список секретари нижних расправ Екатеринбурга, Кунгура и Осы, произведенные из канцеляристов тех же учреждений, Петр Разевин, Михаил Попов и Дмитрий Букрин³⁷⁴.

2.3. Формирование штатов делопроизводителей судебных канцелярий

Верхние расправы. При укомплектовании канцелярского аппарата верхней расправы Екатеринбурга местные власти могли опереться на уже сложившиеся структуры. В первые месяцы существования учреждения, с ноября 1781 г. до весны 1782 г., он состоял исключительно из канцелярских служителей бывших Канцелярии главного заводов правления и Конторы земских и судебных дел. На должности регистратора и

³⁷¹ Капустин М. Сто лет назад. С. 101.

³⁷² Там же. С. 106--111.

³⁷³ Там же. С. 115--116.

³⁷⁴ Там же. С. 111--113; Месяцеслов. 1796. С. 271--277.

архивариуса были назначены канцеляристы Обросим Грехов и Иван Решетников; канцеляристами стали Иван Баянов и Никита Вяткин, подканцеляристами – Василий Питерский, Михаил Белозеров и Герасим Тупикин, а копиистами -- Павел Липатников, Федор Суботин и Александр Спешников³⁷⁵.

Последующие годы сопровождались постоянными изменениями в личном составе канцелярского аппарата. Основной причиной этого был острый кадровый голод в присутственных местах других городов наместничества. В новый административный центр из Екатеринбургской верхней расправы кроме упомянутого в предыдущем параграфе Егора Олышева были переведены еще копиисты Павел Липатников и Федор Суботин; первый был передан в наместническое правление, а второй -- в казенную палату. В большей мере, однако, учреждению в качестве вышестоящего суда зауральской части наместничества приходилось компенсировать дефицит квалифицированных делопроизводителей в уездных центрах Екатеринбургской области. На протяжении первых полутора лет канцеляристы Обросим Грехов и Иван Баянов, а также подканцелярист Василий Питерский были отправлены в нижние земские суды Камышлова, Екатеринбурга и Ирбита для исполнения секретарских обязанностей³⁷⁶.

В свою очередь, появившиеся вакансии в верхней расправе заполнялись по большей части за счет канцелярских служащих, прежде числившихся в штатах других присутственных мест области. В 1783--1785 гг. в Екатеринбурге служили, например, канцеляристы из нижнего земского суда и нижней расправы Далматова Афанасий Могильщиков и Николай Потягин. Были переведены из нижних расправ Алапаевска, Камышлова и Екатеринбурга канцелярист Степан Коробов, а также копиисты Никита Киржатский и Григорий и Николай Плотниковы³⁷⁷.

На начальном этапе определенную роль играли повышения по службе собственных, правда, по различным причинам менее перспективных кадров. Летом 1784 г., несмотря на его «весьма посредственную прилежность», подканцелярист Михаил Белозеров был награжден чином канцеляриста. В этом же году Козьма Газников, державшийся на месте копииста в течение 32 лет из-за того, что был положен в подушной оклад, получил должность подканцеляриста, спустя два года он стал числиться «заканцеляристом»³⁷⁸.

³⁷⁵ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 4. Л. 7. Д. 5. Л. 9. Д. 11. Л. 261.

³⁷⁶ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 71, 111, 136. Д. 16. Л. 16, 93, 164-165. Д. 20. Л. 135.

³⁷⁷ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 72, 111, 136. Д. 5. Л. 120. Д. 16. Л. 163. Д. 20. Л. 6. Д. 23. Л. 120. Д. 26. Л. 109.

³⁷⁸ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 122, 146, 157. Д. 60. Л. 52.

Ряды Екатеринбургской верхней расправы пополнялись прежде всего молодыми канцелярскими служащими. В 1783--1785 гг. учреждение приняло одиннадцать новых копиистов. Это были Иван Бирюков, Николай Киржаский, Иван Антонов, Павел Платонов, Афанасий Ярцев, Иван Ермаков, Алексей Коновалов, Андрей Старцев, Василий Сармаков, Петр и Григорий Плотниковы. Большинство из них было повышено до ранга подканцеляриста весной 1785 г., а остальные – в течение второй половины десятилетия³⁷⁹. Помимо этого, в верхней расправе служил постоянный контингент из одного-двух «пищиков», а также нескольких учеников горного училища, будущих канцелярских служащих, получавших первый практический опыт³⁸⁰.

Как уже говорилось, Екатеринбургская верхняя расправа в отличие от многих других присутственных мест в регионе не испытывала дефицита кадров. В ее структурах всегда служили несколько сверхштатных копиистов. Временами в рядах учреждения числились четыре подканцеляриста и канцеляриста -- в два раза больше, чем положено по штатам³⁸¹. Существенно большие проблемы возникали с качественным аспектом подготовки кадров. Возражения руководства учреждения не учитывались. Несмотря на протест, до середины 1780-х гг. наместническое правление отзывало практически всех опытных канцелярских служащих из прежних административных структур. Из прежних, кроме упомянутого выше Козьмы Газникова, остались только Никита Вяткин, Александр Спешников и Герасим Тупиков, также не освобожденные от уплаты подушного оклада и поэтому не подлежавшие повышению³⁸².

Что касается новичков -- за исключением Никиты Киржатского, проделавшего карьерный путь от копииста до канцеляриста за два года³⁸³ -- делопроизводители, переведенные в верхнюю расправу Екатеринбурга, имели весьма неоднозначную репутацию. Так, Степану Коробову, находившемуся в канцелярской должности с лета 1782 г. по март 1783 г., было рекомендовано доверять лишь работу письменного характера и отослать в случае повторных случаев недостойного поведения в Березовский завод³⁸⁴. Переводу Афанасия Могильщикова из Далматова предшествовал его конфликт с уездным казначеем капитаном Давыдовым, завершившийся тем, что Могильщиков запер последнего и его жену в их собственной горнице³⁸⁵. Копиист же Григорий Плотников, продававший фальшивые паспорта крестьянам, не был отстранен от службы только

³⁷⁹ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 121, 136, 144, 146, 158, 171--172. Д. 20. Л. 302. Д. 36. Л. 286--287. Д. 47. Л. 14--15об. Д. 60. Л. 234--236.

³⁸⁰ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 72. Д. 16. Л. 195. Д. 20. Л. 45. Д. 42. Л. 2.

³⁸¹ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 158, 171--172.

³⁸² ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 118. Л. 33--34.

³⁸³ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 118. Л. 32--33.

³⁸⁴ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 11. Л. 107.

³⁸⁵ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 20. Л. 61.

благодаря стараниям своего старшего родственника, секретаря Ивана Плотникова³⁸⁶. Таким образом, количественное подкрепление канцелярии в первое время получала в основном из числа молодых, зачастую многообещающих людей, повышение которых в следующий ранг по причине их неопытности и «за недавнего его определения» было до определенного времени исключено³⁸⁷.

В новой столице региона, как уже говорилось, условия для проведения реформы были существенно менее благоприятными. Если в Екатеринбурге на процесс кадровой комплектации канцелярского аппарата влиял, прежде всего, перевод опытных канцелярских служащих в города области и замена их молодыми и, соответственно, менее опытными делопроизводителями, то в Перми проблемы были иного характера. При открытии Пермской верхней расправы 18 октября 1781 г. канцелярия насчитывала только двух служащих вместо предусмотренных руководством наместничества десяти. На место канцеляриста первого департамента был определен подканцелярист бывшей Шадринской управительской канцелярии подьячий сын Петр Базанов. Копиистом во второго департамента стал также происходивший из подьяческих детей Петр Лопатин, переведенный в Пермь из Канцелярии главного заводов правления³⁸⁸.

В течение следующих недель удалось нанять еще двоих копиистов. 15-летний выходец из церковных детей Федор Чабкан был приведен к присяге 19 октября³⁸⁹. Немного позднее было принято решение нанять и 24-летнего подьяческого сына Федора Шеина, трудившегося с 1774 г. писарем в конторе Мотовилихинского завода. Данное назначение было сделано после некоторых колебаний, поскольку он не был освобожден от уплаты подушного оклада³⁹⁰. На квалифицированные канцелярские должности архивариуса и регистратора до конца года подходящих кандидатов найти не смогли.

В течении всего 1782 г. состав нижних чинов канцелярского аппарата был подвержен постоянным изменениям. В связи с тем, что из трех копиистов один, Федор Чабкан, по причине слабого здоровья редко приходил на службу, а другой -- Петр Лопатин, получил повышение до подканцеляриста, в штат был сначала принят 13-летний подьячий сын Емельян Петров. А чуть позже, после того как были получены справки от том, что податное состояние отца не распространяется на сына, взяли также прежде служившего в конторе Мотовилихинского завода Максима Тюкова³⁹¹.

³⁸⁶ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 26а. Л. 21--30об.

³⁸⁷ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 118. Л. 35.

³⁸⁸ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 5. Л. 39об. Д. 6. Л. 3, 53.

³⁸⁹ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

³⁹⁰ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 5. Л. 58. Д. 6. Л. 23.

³⁹¹ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 11. Л. 29. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 67.

Вышеупомянутый канцелярист Петр Базанов был осенью 1782 г. переведен в «прокурорские дела» при наместническом правлении. Его преемником стал, несмотря на отсутствие освобождения от уплаты подати, также рекрутированный из конторы Мотовилихинского завода мастеровой сын Степан Бекреев. Во втором департаменте канцеляристом был назначен Петр Лопатин³⁹².

В течение 1783--1784 гг. ряды канцелярских служащих пополнились еще шестью копиистами. Из Шадринска был переведен 20-летний Семен Лукьянов, происходивший от церковных детей, а из Кунгура -- 10-летний поповский сын Андрей Кузнецов. Работа в верхней расправе была предоставлена 17-летнему выходцу из обер-офицерских детей Михаилу Патокину, 13-летнему сыну унтер-шихтмейстера Дмитрию Пестереву, 15-летнему подьяческому сыну Семену Нянькину, а также происходившему из семинарских детей Дмитрию Вениаминову³⁹³.

По данным коллективного формулярного списка за 1789 г., к концу десятилетия удалось укомплектовать и руководящие должности канцелярского аппарата. Архивариусом служил происходивший из числа подьячих 42-летний Афанасий Безруков. Поступив на государственную службу в 1760 г., он сначала работал в Пермской провинциальной канцелярии, а в ходе реализации реформ был определен в Пермский уездный суд, заняв вакансию канцеляриста. В 1787 г., после повышения до губернского архивариуса, его перевели в верхнюю расправу. На редкость плавно развивалась карьера Михаила Патокина, преодолевшего путь от копииста до губернского регистратора за недолгие пять лет (1783--1788 гг.). В 1785 г. из перечисленных копиистов, поступивших на службу в первые годы проведения реформы, занял место канцеляриста второго департамента Семен Лукьянов, до подканцеляристов дослужились Семен Нянькин и Дмитрий Пестеров³⁹⁴.

Желающие находились и для заполнения вакансий функционировавшего при прокурорских делах канцелярского аппарата. На должности подканцеляриста и копииста были определены жители Соликамского ставропигиального Преображенского поповского монастыря 43-летний Яков Рогожников и его родной сын Петр 15 лет. Оба выходца из монастырских детей не были освобождены от уплаты подушной подати³⁹⁵.

Ушедший в отставку зимой 1784 г. Яков Рогожников был в марте того же года заменен подканцеляристом Михайло Шамониным. И затем, когда тот для замещения пустующего секретарского места в первом департаменте получил повышение до

³⁹² ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 11. Л. 283.

³⁹³ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 118. Л. 29--31.

³⁹⁴ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 118. Л. 27--31.

³⁹⁵ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 6. Л. 23. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 68.

канцеляриста, его должность, в свою очередь, занял Иван Иванецкий, прежде трудившийся одним из помощников прокурора в наместническом правлении³⁹⁶. Петр Рогожников летом 1784 г. был переведен в Пермский нижний земский суд, в 1786 г. его повысили до канцеляриста, а год спустя, в 1787 г., он стал секретарем того же учреждения «за уряд»³⁹⁷.

В Перми, как было показано на примере верхней расправы, канцелярский аппарат сложился благодаря пополнению извне. Его работоспособность была обеспечена путем перевода делопроизводителей из таких традиционных управленческих центров, как Екатеринбург, Кунгур и Шадринск. При комплектовании штатов канцелярского аппарата играли роль делопроизводители Мотовилихинской заводской конторы, а также выходцы из церковнослужителей.

Нижние расправы Предуралья. Коллективные формулярные списки за 1782 и 1789 гг. дают следующую картину формирования штатов нижних расправ Предуралья, работавших в Кунгуре, Красноуфимске, Осе и Чердыни.

В Кунгуре в первый год после открытия учреждения канцелярский аппарат состоял из четырех человек, трое из которых были переданы из упраздненной в 1781 г. Пермской провинциальной канцелярии. Ими были канцелярист Тимофей Беднягин, занявший должность подканцеляриста, канцелярист Андрей Курбатов и копиист Василий Чебанов. Вторым копиистом учреждения стал рекрутированный в 1782 г. поповский сын Иван Кузнецов³⁹⁸. Семь лет спустя из перечисленных канцелярских служителей начальной фазы работы учреждения остался лишь Тимофей Беднягин, ставший исполняющим обязанности секретаря канцеляристом. Все остальные были приняты на службу в течение 1786--1789 гг. Должности канцеляриста и подканцеляриста заняли выходцы из солдатских детей, канцелярист Михайло Попов и отставной сержант Андрей Баранов. Копиистами были наняты сыновья секретаря Кунгурского нижнего земского суда Исака Рязанова: 16-и летний Григорий и находившийся на тот момент в Перми «у разбору в архивах старых дел» 19-летний Степан. Кроме того, копиистами учреждения числились 14-летний Алексей Беднягин, сын Тимофея Беднягина, а также происходивший из обер-офицерских детей города Иркутска Илья Митрофанов, сын дворянского заседателя нижнего земского суда Кунгура Петра Митрофанова³⁹⁹.

Схожее положение наблюдалось в Красноуфимске и Осе. Нанятый в апреле 1782 г. на должность копииста Красноуфимской нижней расправы Ларивон Медведевский

³⁹⁶ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 25. Л. 30--31, 56, 60.

³⁹⁷ Месяцеслов. 1785. С. 319; 1787. С. 291.

³⁹⁸ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 5. Л. 78. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 123.

³⁹⁹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 124. Д. 118. Л. 126--128; Месяцеслов. 1789. С. 267.

поднялся к концу десятилетия до должности подканцеляриста данного учреждения⁴⁰⁰. Канцеляристом в Осе по-прежнему являлся получивший в 1786 г. ранг губернского регистратора Семен Коробов, который по причине преклонного возраста не подлежал повышению. Должность копииста все еще занимал подьячий сын Василий Нечанов. Покинул канцелярию учреждения в период между 1782 и 1789 гг. подканцелярист Иван Дьяконов, сын бывшего расправного судьи Наума Дьяконова. Сын канцеляриста Семена Коробова Андрей Коробов, занявший в 1782 г. должность копииста, умер. В формулярном списке 1789 г. Семен Коробов числится бездетным⁴⁰¹.

Особенно частыми кадровыми изменениями подвергалась канцелярия Чердынской нижней расправы. В ней в середине 1780-х гг. произошла полная смена персонала делопроизводителей, о чем свидетельствует коллективный формулярный список 1789 г. В указанном в этом документе составе канцелярский аппарат проработал не более одного-двух лет. В связи с этим на девятом году существования учреждения самый большой трудовой стаж среди канцелярских служащих имелся у Ивана Лебедева. До его перевода в нижнюю расправу выходец из Соликамских купцов прослужил с октября 1785 г. до марта 1789 г. канцеляристом в Чердынском нижнем земском суде. Двухлетним опытом работы на гражданской службе обладал 23-летний подьячий сын канцелярист Михаил Вениаминов. Его карьера началась в 1782 г в Гороблагодатском горном начальстве в должности маркшейдерского ученика. В 1787 г. он указом наместнического правления был сначала отправлен в страдавший из-за нехватки кадров Осинский нижний земский суд, а спустя лишь несколько месяцев его перевели в нижнюю расправу Чердыни. В последнем учреждении он занимал должность подканцеляриста, с 1789 г. -- в ранге канцеляриста. Копиистами учреждения числились подканцелярист Емельян Попов, служивший с 1787 по конец 1788 г. копиистом в канцелярии наместнического правления, а также поступивший год назад на штатскую службу 12-летний Петр Шер⁴⁰².

В течение следующих пяти лет, о чем сообщают формулярный список за 1794 г. и ведомость о жаловании за майскую треть того же года, в канцелярии нижней расправы Чердыни вновь произошли существенные кадровые перестановки. Из перечисленных в формулярном списке 1789 г. лиц остался только копиист Петр Шер⁴⁰³. За это время на канцелярские должности было призвано двое новых делопроизводителей из других присутственных мест региона. Одним из них был Иван Прозоров, старший сын и полный тезка своего отца – судьи учреждения, который начал карьеру в Вятской казенной палате.

⁴⁰⁰ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 136. Д. 118. Л. 133.

⁴⁰¹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 156об. Д. 118. Л. 135.

⁴⁰² ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 118. Л. 140--144.

⁴⁰³ ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33. Л. 55.

Во второй половине 1780-х г. его отец добился перевода сына в Пермское наместничество, где Прозоров сначала занял должность в канцелярии казенной палаты, а затем перевелся в Чердынское уездное казначейство. Свой первый классный чин он получил в 1793 г. в возрасте 19 лет⁴⁰⁴. Вторым канцеляристом, Михаил Овчинников, до перевода в Чердынь занимал около десяти лет должность копииста в нижнем земском суде Камышлова⁴⁰⁵. Своим собственным подканцеляристом суд в тот момент не располагал. Эту вакансию временно занял происходивший из солдатских детей Иван Баторин, он являлся канцелярским служителем Пермской уголовной палаты, откуда четыре года назад был откомандирован в Чердынскую нижнюю расправу⁴⁰⁶.

Нижние расправы Зауралья. Менее полная источниковая база относительно функционировавших в Екатеринбургской области нижних расправ не позволяет провести слишком подробный анализ кадровых изменений. Журналы нижних расправ Алапаевска, Далматова, Ирбита, Камышлова и Шадринска не сохранились в архивных фондах. Кроме того, для этих учреждений отсутствуют коллективные формулярные списки за первую половину 1780-х гг.

По состоянию на декабрь 1789 г. канцелярский аппарат нижней расправы Шадринска в перечисленном в формулярном списке составе просуществовал чуть дольше четырех лет. Копиисты Петр Шликов, Ларион Лукьянов и Павел Дубровин были рекрутированы в период с 1783 по 1785 гг. С 1787 г. обязанности подканцеляриста исполнял происходивший из обер-офицеров Оренбургской губернии Симеон Чаплин, младший родственник судьи Федора Чаплина и родной сын уже упоминавшегося Ивана Чаплина. Из числа делопроизводителей бывшей Шадринской управительской канцелярии в 1786 г. на должность канцеляриста был принят Алексей Куракин. Канцеляристом в Камышлове был вступивший в 1785 г. на гражданскую службу происходивший из офицерских детей Александр Шешуков. Должность подканцеляриста занимал с момента основания учреждения Петр Шамонин, а на места копиистов были определены происходившие из церковнослужителей Иван и Никита Иконниковы, а также положенный в подушной оклад 54-летний Федор Токарев, копиист с 1762 г. В Алапаевске трое из канцелярских служителей числились в данном учреждении с 1781 г.: оба подканцеляриста Василий Сibaков и Федор Безруков, а также копиист Алексей Спиридонов. Еще два копииста, Потап Белоусов и Степан Словоцов, были приняты на службу в 1787 г. Большим

⁴⁰⁴ ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33. Л. 52. Ф. 316. Оп. 1. Д. 118. Л. 144.

⁴⁰⁵ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 26а. Л. 161.

⁴⁰⁶ ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33. Л. 93.

количеством вакансий отличалась, согласно данному документу, канцелярия в Ирбите, состоящая в 1783--1786 гг. лишь из четырех вновь рекрутированных копиистов⁴⁰⁷.

Большее количество документов свидетельствует о кадровом обеспечении Екатеринбургской нижней расправы. В областном городе осенью 1781 г. были продолжены без особых затруднений устоявшиеся административные традиции, поскольку первоначальный состав канцелярского аппарата состоял из персонала, переведенного из упраздненных учреждений. В конце октября 1781 г. были приведены к присяге канцелярист Петр Равезин из земской конторы, а также переведенные из Канцелярии главного заводов правления подканцелярист Алексей Кадошников и копиисты Агафон Гилев и Алексей Ялугин; третий копиист Лев Дудин служил до начала преобразований в горной экспедиции⁴⁰⁸. Первые изменения в канцелярском аппарате наметились весной 1782 г. После перевода Алексея Кадошникова и Алексея Ялугина в нижний земский суд и нижнюю расправу Далматова Лев Дудин был помещен на должность подканцеляриста. Кроме того, было набрано три новых копииста: Павел Сорокин, Иван Костромин и Николай Плотников, младший родственник секретаря Ивана Плотникова⁴⁰⁹.

Семь лет спустя состав канцелярии был кардинально изменен. Иван и Николай Плотниковы стали за это время секретарем и подканцеляристом в верхней расправе. Петр Равезин занял секретарскую должность в нижней расправе. К концу десятилетия, как следует из коллективного формулярного списка 1789 г., в учреждении служили одновременно два канцеляриста. Происходивший из детей подьячих Иван Воинов состоял в Екатеринбургской ревизии «заводских щетов». В 1781 г. он был отправлен в Пермь для укомплектования канцелярии городского магистрата, а три года спустя в связи с открытием уездного суда он вернулся в Екатеринбург, где занял сначала должность подканцеляриста, а с ноября 1787 г. -- канцеляриста в нижней расправе. Происходивший из мастеровых детей 51-летний Иван Бабинков служил в ранге канцеляриста с 1762 г., но поскольку он не был освобожден от уплаты подушного оклада, то не подлежал повышению. В конце 1780-х гг. копиистами в данном учреждении являлись Григорий Плотников, еще один родственник Ивана Плотникова, а также переведенные в 1785 г. и в 1789 г. из Шадринских городничих дел Самсон Шликов и 14-летний Василий Михайлов⁴¹⁰.

Среди других нижних расправ особое положение занимала нижняя расправа Верхотурья, одна из четырех организаций-преемников упраздненного в ходе реформ

⁴⁰⁷ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 118. Л. 151--164.

⁴⁰⁸ ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 5. Л. 1--2.

⁴⁰⁹ ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 5. Л. 51.

⁴¹⁰ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 118. Л. 142--144.

комиссарства. В отличие от многих присутственных мест, это учреждение практически не было затронуто проблемой нехватки персонала и обусловленными этим обстоятельством частыми кадровыми перестановками.

Из переведенных в новые административные структуры делопроизводителей двое продолжили службу в нижней расправе. На должность канцеляриста был определен 41-летний Илья Протопопов, который происходил из солдатских детей, а также 24-летний копиист Матвей Бердюгин, выходец из подьяческих детей⁴¹¹. «А как здесь в Верхотурье находятся подьяческие дети», в феврале 1782 г. к присяге были приведены еще три копииста – 17-летний Максим Дрождин и 12-летний Петр Бердюгин, оба из подьяческих детей, имевшие старших родственников, служивших в различных учреждениях города, а также 27-летний казак Степан Архипов. Последнего взяли в штат только после проверки законности положения жителей казачьего поселения, находившегося в пределах города, и уточнения, что данная группа населения «по силе штата бывшего Сибирского приказа 1742 года подати не платят»⁴¹².

Вакантной оставалась в первое время должность подканцеляриста. Прибытие в Верхотурье назначенного на этот пост Космы Гасникова, числившегося в Екатеринбургской верхней расправе на аналогичной должности, сначала несколько раз откладывалось, а осенью 1783 г. было отменено, так как его участие оказалось необходимым при работах по систематизации архивов бывшей Канцелярии главного заводов управления⁴¹³. В итоге, в начале 1784 г. было принято решение закрыть глаза на запись о «весьма нетрезвом состоянии» Матвея Бердюгина в формулярном списке и повысить его в ранг подканцеляриста⁴¹⁴.

Этим административным актом закончилась фаза формирования канцелярского аппарата Верхотурской нижней расправы. В течение следующего десятилетия значительных изменений в его составе не происходило. За неимением других вакансий сыновья канцеляриста Ильи Протопопова, Василий и Дмитрий, были приняты на вспомогательные должности переплетчика и сторожа⁴¹⁵. Копиист Степан Архипов успешно ходатайствовал за своего пятнадцатилетнего сына Григория, и весной 1791 г. того взяли сначала на должность копииста «сверх штата», а позже, после смерти Дмитрия Протопопова в январе 1792 г., на более высоко оплачиваемую вакансию переплетчика⁴¹⁶. Получив повышение в должности подканцеляриста весной 1791 г., Максим Дрождин был

⁴¹¹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 101. Л. 85. Д. 179. Л. 5–6. Д. 417. Л. 1–2об. Д. 427. Л. 1.

⁴¹² ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 101. Л. 83, 85, 106–107об.

⁴¹³ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 26. Л. 57, 83. ГАСО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 107. Л. 486. Д. 179. Л. 8.

⁴¹⁴ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 179. Л. 4, 10.

⁴¹⁵ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 161. Л. 32, 90. Д. 219. Л. 8.

⁴¹⁶ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 260. Л. 89. Д. 261. Л. 65. Д. 283. Л. 13.

исключен из штата учреждения и временно переведен в Ирбитское казначейство, а с июля того же года возвращен в Верхотурье на аналогичную вакансию в нижнем земском суде⁴¹⁷.

В отличие от других нижних расправ региона состав канцелярского аппарата менялся не вследствие влияния извне, а в связи с происходившими внутри него событиями. Лишь в связи с двумя смертями, произошедшими в середине 1790-х гг. (в июле 1793 г. умер Илья Протопопов, а в августе 1795 г. -- Матвей Бердюгин), канцелярский аппарат Верхотурской нижней расправы вновь пришел в движение⁴¹⁸. Летом 1793 г. состоялось перемещение Матвея Бердюгина на должность канцеляриста, Степан Архипов занял пост подканцеляриста, его сына Григория взяли на освободившееся место штатного копииста, а Петр Бердюгин был переведен в Ирбитскую нижнюю расправу для замещения вакансии подканцеляриста⁴¹⁹. Спустя два года после смерти Матвея Бердюгина канцеляристом нижней расправы стал Степан Архипов. Одновременно с позволения наместнического правления в Верхотурье вернулся Петр Бердюгин, занимавший должность подканцеляриста вплоть до его скорой кончины в октябре того же года⁴²⁰.

Однако описанные обстоятельства не привели, как можно было бы полагать, к повышению эффективности труда коллектива канцелярии. На наш взгляд, за видимой стабильностью аппарата делопроизводителей скрывалась стагнация. Проблемным оказалось замещение должности канцеляриста Ильей Протопоповым. Имевший предрасположенность к недостойному поведению: словесным оскорблениям, повторяющемуся пьянству на служебном месте, склонности тратить деньги, собранные за счет судебных пошлин, на для финансирования собственных эскапад, он со временем стал обузой для учреждения⁴²¹. Илья Протопопов, «хотя многократно держан был под караулом и скован в цепи», избежал заслуженного увольнения только «по одному человеколюбию». Его родственник Петр Протопопов был во второй половине 1770-х гг. секретарем в комиссариате Верхотурья, к тому же Илья Протопопов был женат на сестре бывшего подканцеляриста комиссарства Василия Добрыгина. В качестве «наказания» находившийся «у крепостных дел надсмотрщиком» канцелярист был переведен в архив учреждения⁴²².

⁴¹⁷ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 260. Л. 58. Д. 261. Л. 2.

⁴¹⁸ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 299. Л. 16об. --17.

⁴¹⁹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 284. Л. 73. Д. 296. Л. 34. Д. 307. Л. 20.

⁴²⁰ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 355. Л. 4, 102об., 128.

⁴²¹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 101. Л. 53. Д. 108. Л. 887. Д. 112. Л. 178. Д. 307. Л. 5, 9.

⁴²² ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 97а. Л. 139. Д. 111. Л. 135--136об. Месяцеслов. 1778. С. 326; 1779. С. 397.

В результате этого эпизода в 1784--1786 гг. в нижней расправе числилось одновременно два канцеляриста. Сначала учреждение «выручил» 26-летний Василий Бердюгин, родной брат упомянутого Матвея Бердюгина, а затем, после его перевода в нижний земский суд на должность канцеляриста, положение было спасено благодаря временному восстановлению на службе отставного Василия Дрождина, ранее, в 1750--1770-е гг., состоявшего в штате Верхотурского комиссарства⁴²³. Однако названные недостатки Ильи Протопопова не имели какого-либо долгосрочного негативного влияния на его положение на службе. Уже в 1787 г. он был «реабилитирован», и в 1789 г., как обладающий наибольшим стажем член канцелярского аппарата, он во второй раз стал исполнять обязанности секретаря нижней расправы⁴²⁴.

Социальный состав канцелярских служащих. Изучение выборки из 154 канцелярских служащих, основанное на анализе формулярных списков 1782--1792 гг., а также ведомостей о жаловании и именных списках⁴²⁵, показывает, что примерно половина (50,6%) делопроизводителей, состоявших в канцеляриях верхних и нижних расправ Среднего Урала, принадлежала к категориям городского населения. Среди них числились 65 подьяческих детей, пять разночинцев, трое мещан и по одному выходцу из семей учителей, полицейских, «уставщицких детей».

Две следующие крупные группы насчитывали по 25 человек (16,2%), рекрутированные из них сотрудники канцелярий верхних и нижних расправ были военными и представляли различные социальные общности горнозаводского населения. Большинство первой группы составляли солдаты (14 человек), семь человек происходили из обер-офицерских семей, трое были казачьего рода, и один -- из драгунов. Во вторую группу входили так называемые «мастеровые дети» (в ряде случаев использовалось наименование «мастеровой сын», реже встречаются обозначения «сын заводского надзирателя», «заводского мастера сын»).

15,6% канцелярских служащих происходили из духовенства (24 человека). Из них половина была занесена в списки как церковнослужители. Кроме того, среди них находилось пятеро поповских детей, трое семинарских и трое монастырских детей. Наименьшую группу составили выходцы из дворянства -- лишь четыре человека, что соответствует 1,4%. Двое из них происходили из Смоленской шляхты -- Антип и Ларион

⁴²³ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 108. Л. 43. Д. 111. Л. 16. Д. 179. Л. 11.

⁴²⁴ См. напр.: ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 260.

⁴²⁵ ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33. Л. 28, 36, 50-51. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 76, 170. Ф. 290. Оп. 1. Д. 9. Л. 14. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Д. 47. Д. 111. Д. 112. Д. 118. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 2--3, 71--72, 111, 121--122, 136, 143--144, 146--147, 157--158, 171--172. Д. 11. Л. 500--507. Д. 36. Л. 287--288. Д. 47. Л. 14--15. Д. 56. Л. 95, 135. Д. 60. Л. 236, 333--334, 361--362. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 179. Д. 185. Л. 16--17, 36--38. Д. 223. Л. 43--44. Ф. 591. Оп. 1. Д. 5. Л. 2--3, 51, 81.

Медведские, занявшие должности подканцеляриста и переводчика в Красноуфимской нижней расправе.

Как правило, канцелярские служители поступали на статскую службу в юном возрасте. Некоторые начинали свой путь писарями, большинство, однако, было сразу принято на должности копиистов. В первые пять лет существования Пермского наместничества средний возраст верстания в гражданскую службу составил 14,2 лет. Среди вновь назначенных приказных служителей числилось одиннадцать детей в возрасте от десяти до двенадцати лет. Так, например, в верхней расправе Перми и нижней расправе Кунгура служили десятилетние копиисты Андрей Петров и Алексей Безногин. Исключениями происходившие из казаков 40-летний Иван Безотцов (Екатеринбургская верхняя расправа), 27-летний Степан Архипов (Верхотурская нижняя расправа), а также выходец из солдатских детей Александр Манзелинцев, получивший в 26-летнем возрасте должность подканцеляриста в нижнем земском суде Ирбита. Все они начали гражданскую карьеру уже взрослыми людьми. К концу первого десятилетия преобразований средний возраст членов канцелярских служителей органов суда Пермского наместничества составил 28,1 лет. Самым старым на тот момент был 67-летний подканцелярист нижней расправы Алапаевска Федор Безруков. Самый молодой делопроизводитель, 12-летний копиист Петр Шер, числился в Чердыни.

Осуществление реформы привело к массовому набору новых кадров. Из 154 исследованных нами канцелярских служителей 91 человек (59,1%) был нанят в первые четыре года (1781--1785 гг.) после открытия новых присутственных мест. При этом, как уже говорилось, речь шла в первую очередь о молодых, и, соответственно, не имевших большого опыта в канцелярском деле, копиистах.

Реформы ускорили продвижение по карьерной лестнице многих приказных служителей. Делопроизводители в возрасте от 28-и лет и старше, поступившие в массе своей на службу в 1750--1770-е гг., а в двух случаях и в 1740-е гг., преодолевали путь от копииста до канцеляриста в среднем за 14,6 лет. При этом первый этап прохождения по службе от копииста до подканцеляриста занимал в среднем 9,2 года, а срок нахождения на должности подканцеляриста составлял 5,4 года. Следующий шаг -- переход в ранг регистратора, архивариуса или секретаря происходил, как правило, после последующих 7,1 лет. Для относившихся к этой группе делопроизводителей момент продвижения в вышестоящий чин зачастую совпадал с периодом массового набора новых копиистов на государственную службу в первой половине 1780-х гг.

Кроме того, повышенный спрос на кадры привел к тому, что группа приказных служителей, нанятых во время становления наместничества, продвигалась по служебной

лестнице гораздо быстрее, чем предыдущее поколение. Весь путь с момента определения на должность копииста до достижения ранга канцеляриста теперь занимал меньше трети указанного выше времени, в среднем лишь 4,5 года. Далее для достижения первоклассного чина требовалось не более 2,1 года вместо предыдущих 7,1 лет. Примерами этому могут служить вышеупомянутые секретари Матвей Шляков, Александр Мензелинцев, Константин Волков и Михаил Патокин, ставшие руководителями канцелярий своих учреждений незадолго после их поступления на гражданскую службу. В связи с массовым приемом на службу и ускоренным продвижением по карьерной лестнице в некоторых учреждениях служили очень молодые подканцеляристы и канцеляристы. Например, в штате Кунгурской, Красноуфимской, Камышловской и Осинской нижних расправ числились делопроизводители, назначенные в чин канцеляриста в возрасте 16--19 лет.

Невзирая на повторный запрет, представители местной администрации продолжали принимать новых сотрудников на гражданскую службу, а также периодически продвигать по служебной лестнице лиц податных сословий. Положенными в подушный оклад числились, согласно результатам нашего исследования, 23 человека, то есть 14,7% из состоявших на службе в канцеляриях верхних и нижних расправ Среднего Урала. Среди них встречались выходцы из различных групп населения: подьяческих детей и мастеровых, а также из солдат, разночинцев и монастырских детей.

В основном к этой группе относились приказные служители в возрасте от 40 до 67 лет, поступившие на статскую службу в 1750--1760-х гг. Среди них, например, были Екатеринбургские канцеляристы и подканцеляристы Никита Вяткин, Иван Бабников, Козьма Газников, Герасим Тупиков и Александр Спешников, а также Петр Веселков, Федор Токарев и Федор Безруков из нижних расправ Алапаевска и Камышлова. Поскольку они формально не подлежали повышению в чине, их карьеры развивались медленно. Судя по формулярным спискам, они часто «застревали» на одной из ступеней в течение 15--30, а иногда даже 40 лет. Осуществление реформ дало толчок их служебному продвижению. Так, Никита Вяткин, Герасим Тупиков и Козьма Газников получили повышение в 1785 и 1786 гг. в ранг канцеляриста. Петр Веселков стал подканцеляристом осенью 1781 г., а должность подканцеляриста второго департамента Екатеринбургской верхней расправы в 1786 г. занял Александр Спешников.

В периоды острого кадрового голода, как и в период формирования канцелярий учреждений, местные власти не могли позволить себе обращать слишком пристального внимания на соблюдение норм законодательства. В одну Пермскую верхнюю расправу в 1781--1782 гг. было принято на службу четверо неосвобожденных от подушной подати

делопроизводителей. Подобная ситуация возникала в середине десятилетия в Екатеринбурге, когда было решено открыть в областном городе еще два судебных учреждения -- уездный суд (1784 г.) и губернский магистрат (1786 г.) -- и резко выросла потребность в дополнительных кадрах. В эти годы Екатеринбургская верхняя расправа согласилась принять на работу четверых молодых податных копиистов: мастерового сына Ивана Ермакова и подьяческих детей Антипа Усольцева и Андрея Старцева⁴²⁶.

Податным статусом кандидатов руководство интересовались только тогда, когда рынок труда был насыщен. Например, в Верхотурье, где всегда хватало желающих поступить на канцелярскую службу, прошение о принятии на службу ямщика Прокофия Бердюгина, интересовавшегося весной 1782 г. местом копииста в нижней расправе, было отклонено с припиской, указывающей на соответствующий нормативный правовой акт⁴²⁷. В Екатеринбурге, где напряжение в кадровом вопросе было в основном снято к концу 1788 г., было решено уволить одного из положенных в подушный оклад копиистов, чтобы создать вакансию в штате для вновь трудоустроенного Григория Ялугина⁴²⁸. А вышеупомянутый Герасим Тупиков должен был лишиться канцелярской должности в пользу подканцеляриста Евгения Цвиллигева⁴²⁹.

Большая часть канцелярских служителей были холостыми (68 человек или 44%). Основной причиной этого являлся юный возраст приказных служителей. Из тех, кто не обзавелся семьей, 44 человека (65%) не достигло 20-летнего возраста. Соответственно, в группе лиц старше двадцати лет доля холостяков составляла лишь 35% (24 человека). Различия прослеживаются и в связи с происхождением. Особенно много холостых канцелярских служителей встречалось среди детей подьячих (34). Также относительно высокий процент неженатых наблюдался у лиц, происходивших из духовенства (16).

Из 86 состоявших в браке лиц половина (54%) была жената на женщинах -- представительницах городских сословий, что в основном совпадало с социальным составом самих канцелярских служителей. Соответственно, самую большую группу жен составили женщины из купечества и мещанства (21 человек). Десять делопроизводителей заключили брак с женщинами, происходившими из семей военных, то есть были женаты на солдатских дочерях или дочерях прапорщиков. Зачастую они выбирали супругу из своего окружения: в восьми случаях канцелярские служители были женаты на подьяческих дочерях (дочери отставного канцеляриста, дочери протоколиста пермской провинциальной канцелярии, дочери дьяка, дочери бывшего подканцеляриста

⁴²⁶ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 157. Д. 11. Л. 505.

⁴²⁷ ГАСО.Ф. 491. Оп.1. Д. 101. Л. 85.

⁴²⁸ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 21. Л. 33.

⁴²⁹ Там же. Л. 31об.

верхотурского комиссарства). Четверо жен происходили из семей полицейских чинов или разночинцев. На представительницах сельских групп населения были женаты 16 человек (18,8%); из них 14 имели жен из крестьянства, и по одному жен -- дочерей ямщиков и казаков. Также были распространены бракосочетания с женщинами из горнозаводской среды: на дочери заводского старосты, на унтер-шихтмейстерской дочери, на дочери заводского служителя, на дочери мастерового были женаты 12 человек (14,3%). Десять жен (11,3 %) имели происхождение из духовенства -- поповская дочь, дочь священника, дочь монастырских служителей, дочь церковнослужителей. И только один канцелярский служитель состоял в браке с женщиной знатного происхождения.

Около половины состоявших в браке делопроизводителей (47 человек) имели детей мужского пола в возрасте семи лет и старше. Судя по формулярным спискам, сыновья возрастной группы от семи до пятнадцати лет находились большей частью «при отце», под его наблюдением обучаясь либо на дому, либо в канцелярии «российской» грамоте и письму. Некоторые из них были записаны в школы. В Екатеринбургском народном училище получал свое образование Яков Спешников, сын подканцеляриста Екатеринбургской верхней расправы. Екатеринбургское горное училище закончили копиисты верхней расправы Иона Грамматчиков, сын умершего учителя Федора Грамматчикова, и Василий Рябухин, младший родственник секретаря верхней расправы Льва Рябухина⁴³⁰. Более старшие сыновья с 13--14 лет определялись, за единичными исключениями, на гражданскую службу. В основном они получали назначения в учреждения того же города, где служил их отец или другие старшие родственники.

Местная администрация не могла себе позволить быть толерантной в вопросах владения грамотностью претендентов на посты в канцеляриях. Соблюдение законодательных норм, обязывавших состоявших на гражданской службе отцов обучить и затем определить в ту же службу своих сыновей, регулярно контролировалось. Сведения об их актуальном образовательном статусе или деятельности приводились в последней графе формулярных списков, обозначенной как: «на ком женат, кто дети и где обретаются». После завершения обучения юношами, длившегося, как правило, до достижения 13--15 летнего возраста, отцы или опекуны должны были представить их в присутственных местах города (предпочтительно в том же учреждении, в штате которого они сами числились) и ходатайствовать об их определении в штат делопроизводителей. При получении положительного решения молодой человек приводился к присяге и принимался на должность писаря или копииста⁴³¹.

⁴³⁰ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 38. Д. 47. Л. 16.

⁴³¹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 260. Л. 89. Д. 261. Л. 65.

Кандидатуры соискателей, уровень грамотности которых не соответствовал требованиям, отклонялись. Так, например, по решению руководства Екатеринбургской верхней расправы не был трудоустроен выпускник арифметической школы Михаил Храмцов, сын умершего канцеляриста Федора Храмцова. Наместническому правлению было сообщено, что данный ученик пишет «весьма тихо и неисправно»⁴³². Поручителей, ходатайствовавших за не выдержавших «вступительный экзамен» кандидатов, могли за такое нарушение привлечь к ответственности. Так случилось с 15-летним Андреем, сыном подканцеляриста Екатеринбургского земского суда Ивана Сорокина. Присутственные места Екатеринбурга не приняли его на службу, мотивируя свой отказ тем, что его зачисление означало бы обиду для остальных; а отцу пригрозили правовыми последствиями⁴³³.

Даже в периоды повышенного спроса слабых кандидатов брали неохотно. Такие записи в формулярных списках, как «не старается к делам, и худаго письма», существенно осложняли процесс трудоустройства. Примером этому может служить дело Ивана Пономарева, числившегося в 1783--1786 гг. «сверх штатным» копиистом в Верхотурской нижней расправе. Невзирая на все старания и многократные обращения в Пермь, трудоустроиться ему удалось только в 1787 г.⁴³⁴ После недолгого пребывания в рядах Екатеринбургского нижнего земского суда, его следы временно теряются. В 1794 г. он появился в составе копиистов Красноуфимской нижней расправы⁴³⁵. Но, видимо, и там он не прижился. В конце рассматриваемого периода, когда вследствие преобразовательных мер Павла I система местного управления была подвергнута изменениям, Иван Пономарев снова оказался среди тех канцелярских служителей, кто находился в поиске вакансии. В 1797 г. его приняли во вновь открывшуюся Контору судных и земских дел на прежнюю должность копииста⁴³⁶.

Как уже говорилось, в течение XVIII в. правительство, контролируя приток желающих поступить на гражданскую службу, осторожно открывало последнюю для все более широких групп населения. Путем принятия мер, строго регулирующих условия их рекрутирования, верстания и ухода со службы, канцелярские служители, спрос на которых был особенно высок, постепенно были превращены в своеобразное сословие. Запрет сыновьям приказных делопроизводителей поступать на какую-либо службу, кроме гражданской, а также указ, обязывавший отцов обучать их с детства грамоте, поощряли

⁴³² ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 77.

⁴³³ Там же. Л. 171.

⁴³⁴ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 98. Л. 210. Д. 99. Л. 63. Д. 111. Л. 286. Д. 112. Л. 154.

⁴³⁵ ГАПК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 76.

⁴³⁶ ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 295. Л. 27.

возникновение целых династий канцелярских служителей⁴³⁷. Таким образом, положения законодательства не только способствовали количественному укомплектованию канцелярий выходцами из тех групп населения, которые были предусмотрены правительством для поступления в статскую службу, но заодно привели к еще большему росту значения семейных связей. Последнее нередко оказывалось решающим моментом при найме молодых делопроизводителей и, что вполне естественно, при их продвижении по карьерной лестнице.

В нижней расправе Верхотурья доминировали три семьи: Бердюгины, Дрождины и Протопоповы. Родственные связи играли роль в пусть незначительном, но все же повышении Максима Дрождина, а также, вероятно, помогли при получении разрешения из Перми на своевременное возвращение Петра Бердюгина из Ирбита. К членам названного узкого круга обращались за устранением временного кадрового недостатка, возникшего в связи с постепенно снижавшейся работоспособностью Ильи Протопопова. И того, в свою очередь, не отстранили от должности только по семейным соображениям.

Труднее давался карьерный рост пришедшим со стороны. Федор Удинцев, несмотря на хороший уровень подготовки к службе, держался в течение пяти лет на должностях копииста «сверх штата» и переплетчика, пока не открылась подходящая вакансия в нижнем земском суде⁴³⁸. Подобные проблемы испытывал и прилежный, практически непрерывно исполнявший обязанности «приходчика и расходчика» Степан Архипов. Его повышение в следующий чин в течение долгого времени откладывалось. В 1784 г. предпочтение было отдано Матвею Бердюгину, а спустя семь лет Максиму Дрождину. В итоге Степан Архипов начал продвигаться по службе поздно: подканцеляристом он стал только на двенадцатый год после поступления на службу, а вершины своей скромной карьеры – должности канцеляриста – он достиг лишь в сорокалетнем возрасте⁴³⁹.

Нижняя расправа Верхотурья отнюдь не являлась исключением. Схожая ситуация наблюдалась почти во всех городах региона. Канцелярский аппарат нижнего земского суда Кунгура в конце 1782 г. состоял из членов лишь одной семьи: отец Никита Фомин служил копиистом, а его сыновья, 20-летний Прохор и 22-летний Игнатий, заняли в том же учреждении должности канцеляриста и подканцеляриста⁴⁴⁰. В 1794 г. копиистами в нижней расправе Красноуфимска числились Андрей и Михаил Осиповы, младшие

⁴³⁷ Архипова Т.Г. История государственной службы в России XVIII--XX веков. С. 19--38; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. С. 417--420.

⁴³⁸ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 79. Л. 3--4, 7, 11. Д. 161. Л. 90. Д. 175. Л. 86.

⁴³⁹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 408. Л. 59--61.

⁴⁴⁰ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 117--118.

родственники секретаря того же учреждения, Максима Осипова⁴⁴¹. Среди копиистов Екатеринбургской верхней расправы находились Андрей Токарев и Филипп Питерский, сыновья судьи нижней расправы и канцеляриста верхней расправы⁴⁴². Иван Костромин, занимавший первое время должность копииста Екатеринбургской нижней расправы, в 1789 г. пристроил своего 15-летнего сына Андрея в верхнюю расправу того же города. Гаврило и Афанасий, сыновья архивариуса верхней расправы Никиты Вяткина, были приняты на службу в 1797 г. на должности копиистов в воссозданную Канцелярию главного заводов правления⁴⁴³.

Иметь родственников в том же учреждении было для канцелярских служителей крайне предпочтительным, поскольку они являлись своего рода социальной страховкой и гарантом ускоренного карьерного роста. К тому же, что было не менее важным, принадлежность к одному из семейных кланов, доминирующих в канцеляриях присутственных мест того или иного города, обеспечивала защищенность. Показательным примером этому могут служить хлопоты, которые брал на себя Иван Плотников, секретарь Екатеринбургской верхней расправы, с целью покрытия и продвижения своих младших родственников. Для последовавших за ним в 1783--1789 гг. в данное учреждение Григория, Николая и Петра Плотниковых он был истинным защитником, который не жалея сил, несмотря на их отнюдь не безупречное поведение, добился карьерного роста, соответствующего их рангу⁴⁴⁴.

Находясь в должности копииста Екатеринбургской нижней расправы, Григорий Плотников в 1785 г. злоупотребил служебными полномочиями. Совместно с учеником немецкой школы Василием Некрасовым он продавал крестьянам поддельные паспорта. Совестьный суд приговорил его, «чтобы впредь руки не прикладывал ложно», к восьмидневному аресту и лишению чести -- «к стыду употреблять за надлежащим присмотром повседневно улицы мести»⁴⁴⁵. Но заслуженного увольнения со службы не последовало. В 1791 г., безусловно, не без помощи своего родственника, он занял должность подканцеляриста в верхней расправе⁴⁴⁶.

На просьбу своего родного сына Николая, подканцеляриста в том же суде, объявившего осенью 1789 г. о том, что он к гражданской службе «склонности не испытывает»⁴⁴⁷ и предпочитает продолжить свою карьеру на военном поприще, секретарь

⁴⁴¹ ГАПК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 234об.

⁴⁴² ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 47. Л. 14--15.

⁴⁴³ ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 295. Л. 32.

⁴⁴⁴ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 118. Л. 173. Д. 3. Л. 147, 171. Д. 60. Л. 361. ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 5. Л. 51.

⁴⁴⁵ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 26а. Л. 25.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 21--30.

⁴⁴⁷ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 42. Л. 49--50.

отреагировал немедленно. Используя свои связи в Перми, он добился своевременного повышения своего протезе до канцеляриста. А уже с этой позиции Николая Плотникова в феврале 1790 г. приняли в Сибирский корпус⁴⁴⁸.

Петру он смог оказать две ценные услуги. Зимой 1788/89 г. его прошение о переводе на место подканцеляриста из Пермской уголовной палаты на соответствующую должность в Екатеринбургской верхней расправе было удовлетворено в кратчайшие сроки. Менее чем за месяц ему удалось перевести Петра Плотникова на место подканцеляриста Матвея Цвилицева, который в свою очередь высказал желание поменять гражданскую службу на военную. Тот факт, что пост подканцеляриста уже был обещан копиисту Василию Старкову в качестве награды за его образцовое поведение и старательность, не помешал Ивану Плотникову настоять на кандидатуре родственника⁴⁴⁹. Пять лет спустя Иван Плотников помог ему снова. Находясь в сложной финансовой ситуации, Петр Плотников занял у купца города Екатеринбурга Дмитрия Буркова двенадцать рублей, которых он не смог вернуть вовремя. Чтобы избежать возбуждения судебного дела, старший родственник обеспечил его медицинской справкой. Пока Петр Плотников выздоравливал, конфликт потерял свою остроту. В итоге было найдено компромиссное решение, когда его долги постепенно были вычтены из жалованья⁴⁵⁰.

Канцелярские служители, как уже говорилось, имели весьма ограниченные возможности влиять на ход своей карьеры и личную судьбу. Не всегда места службы соответствовали их личным предпочтениям. Прощения о переводе были достаточно частым явлением. Мотивированы они были, в основном, пожеланием воссоединения семьи, и, сопровождаясь долгой перепиской, удовлетворялись зачастую по прошествии нескольких месяцев или даже лет. Особенно ярко свое отчаяние по поводу затянувшейся на четыре года командировки в Чердынь высказал подканцелярист Иван Батурич: «имею желание пребывать определенным у должности в каком есть другом присутственном месте городов Кунгуре или Перме по близости с престарелыми родственниками отцом и матере также с женой»⁴⁵¹.

Канцелярская служба была по сути своей закрытой. Долгое время увольняться из нее приказные служители могли только по состоянию здоровья. Некую «лазейку» мог представлять переход в военную службу. Хотя закон, официально санкционировавший переводы в присутственных местах из гражданской на военную службу, последовал только в 1790 г., на практике такие случаи встречались и раньше. Зимой 1784 г.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 62, 100.

⁴⁴⁹ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 36. Л. 73, 77.

⁴⁵⁰ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 56 Л. 29, 34, 47.

⁴⁵¹ ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33. Л. 92.

руководство Екатеринбургской верхней расправы подало прошение в казенную палату для увольнения Петра Беспалова и «для сыскания по способности его службы». Весной 1782 г. выходец из Малороссии был указом наместнического правления был определен на гражданскую службу. Но к ней бывший егермейстерский ученик дворцовой конюшенной канцелярии «по небытию никогда при письменных делах» привыкнуть не смог⁴⁵².

В первые годы преобразований местным властям удалось занять большую часть должностей в исследуемых нами судах. Главным источником рекрутирования как классных чиновников, так и персонала канцелярий были упраздненные в ходе реализации реформ органы. Также роль, хоть и меньшую, играли должностные переводы из других, в основном соседних, регионов страны. Реже вакансии заполнялись лицами, служившими до этого в центральных учреждениях. Судейские коллегии состояли в основном из отставных военнотружущих, перешедших на гражданскую службу в рангах от подполковника до прапорщика. Немногие из них были знатного происхождения; в обеих верхних расправах лица, служившие на руководящих должностях, получали дворянские титулы по принципу выслуги. На должности председателей в нижних расправах в большинстве случаев назначались представители нижних офицерских рангов: поручики, подпоручики и прапорщики. Выборы сельских заседателей происходили в соответствии с законом и под надзором нижних земских судов. При этом учитывались социальные, этноконфессиональные и географические факторы. В первые годы наблюдался массовый прием канцелярских служителей, спрос на которых был особенно велик. В основном канцелярии наполнялись за счет младших родственников уже состоявшихся на службе делопроизводителей. Большинство канцеляристов составляли «подьяческие дети», некоторые были набраны из горнозаводских групп населения, церковнослужителей, а также из солдатских детей.

Несмотря на заполнение всех учреждений канцелярскими служащими, местной администрации не удалось выполнить установленные законодателем предписания об обеспечении их качественного уровня. Лишь в присутствии верхней расправы Екатеринбурга служили чиновники, прошедшие часть карьеры в статской службе, чин которых либо соответствовал формальным требованиям, либо был ниже лишь на один класс, чем требовалось законодателем. В Перми ситуация была иной. При повышении в ранг коллежского асессора или надворного советника, как правило, следовал перевод должностного лица в вышестоящий суд, а председателями назначались капитаны и титулярные советники. Четче всего просматривались отличия между законодательными нормативами и практикой в уездах: должности расправного судьи не удавалось

⁴⁵² ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 20. Л. 47об. --50.

укомплектовать чиновниками IX класса. В связи с отсутствием образовательного ценза для судей это имело существенное значение. Профессионализму должны были заменить навыки, приобретенные на службе. Дефицит пригодных государственных служащих порождал высокую текучесть кадров. Отсутствие грамотных делопроизводителей делало служащих практически неувольняемыми. Дисциплинарные нарушения только в исключительных случаях приводили к отстранению от должности. Самым распространенным способом разрешения конфликтов являлись кадровые рокировки.

Проблематичным оказался выбор административного центра. Пермь, в отличие от Екатеринбурга, не обладала необходимыми кадровыми ресурсами, что привело к «утечке мозгов» из областного города.

Высокий спрос на канцеляристов привел к занятию должностей молодыми канцелярскими служащими. Это, в свою очередь, ускорило карьеру других делопроизводителей, которые зачастую были ненамного старше последних. Таким образом, канцелярии нижних расправ нередко имели руководителей-секретарей не старше 16--18 лет.

Для вербовки кадров предпочитали пользоваться старинным излюбленным способом. Назначение младших родственников на канцелярскую службу и обязанность готовить их к ней привела к тому, что, как резюмировал Ю.В. Готье, при реализации реформ «старые учреждения отходили в область истории, но личный их состав был мостом, соединившим старое областное управление с новым»⁴⁵³.

Кадровый дефицит сделал закон, запрещавший брать на канцелярскую службу лиц, положенных в подушный оклад, практически неприменимым. Не освобожденные от уплаты подати лица занимали должности и продвигались по карьерной лестнице. Но если трудовой рынок насыщался, их тотчас заменяли другими кандидатами. Что касается требований к грамоте, планка не понижалась: соискатели на должность в канцелярской службе должны были доказать свои навыки, а в случае, если они не справлялись, это могло повлечь юридические последствия для родственников или опекунов, отвечавших за образование подрастающего поколения.

⁴⁵³ Готье Ю.В. История областного управления в России. 1941. С. 280.

Глава III. Функционирование верхних и нижних расправ Среднего Урала

3.1. Организация судопроизводства и делопроизводства в верхних и нижних расправах Среднего Урала

Судопроизводство. Деятельность нижней и верхней расправ регулировалась по-прежнему действующим Генеральным регламентом 1720 г., а также XXIII и XXIV главами «Учреждений». Помимо этого, организация судопроизводства и делопроизводства регламентировалось большим количеством практически несистематизированных частных указов и иных правовых норм, скопившихся с момента последней правовой кодификации в 1649 г. Как уже говорилось, «Учреждения» содержат достаточно четкую инструкцию относительно порядка укомплектования должностей, порядка переноса дел по судебным инстанциям, контрольных механизмов, позволявших гарантировать непрерывное течение дел.

До сих пор, однако, остается не совсем понятным, как справедливо отмечают в своем исследовании о принципах работы Екатеринбургского уездного суда К.Д. Бугров и М.А. Киселев, регулирование собственно деятельности судебных учреждений⁴⁵⁴. Обязанности всех действовавших на уровне уезда сословных судов описывались всего в нескольких пунктах. Согласно статье 199 главы XV и статье 339 главы XXIII, в обязанности суда входило осматривать совместно с присяжным землемером границы спорных земельных участков. В статьях 200 и 341 идет подробное описание процедуры переноса дела в соответствующий кассационный суд⁴⁵⁵. «Но между этими двумя пунктами», как подчеркивают исследователи, «оказалось пропущенным само судебное разбирательство, о котором в “Учреждении” не говорилось!»⁴⁵⁶.

Анализ частично сохранившихся документов данных учреждений позволяет заполнить эти пробелы. Информация, содержащаяся в журналах заседания, реестрах и делах «с записками из разных мест, указами, сообщениями и другими делами», а также в делах, содержащих уголовные случаи, позволяет реконструировать ход судебного заседания и делопроизводственного процесса. Из них можно получить ответы на вопросы о функционировании и эффективности исследуемых учреждений. С помощью анализа данных документов возможно получение знаний о факторах в отдельно взятом регионе, способствовавших или мешавших деятельности органов власти. Кроме того, благодаря этой информации мы можем оценить способы и механизмы, которыми в ежедневной

⁴⁵⁴ Бугров К.Д., Киселев М.А. Насколько регулярным было «регулярное государство» в России XVIII в.? Принципы работы по входящим делам в Екатеринбургском уездном суде // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 2. С. 29--36.

⁴⁵⁵ Там же. С. 31.

⁴⁵⁶ Там же. С. 31.

практике руководствовались представители местных судов для того, чтобы совместить ожидания и требования законодателя с имеющимися в их распоряжении людскими, материальными и, что не менее важно, информационными ресурсами. В этом контексте особую ценность представляют два сочиненных весной 1785 г. по требованию наместнического правления описания деятельности Екатеринбургского уездного суда и нижней расправы Верхотурья, принадлежавшие перу их руководителей⁴⁵⁷. Эти документы содержат сведения о видах деятельности и степени загруженности названных учреждений, а также, что нам кажется не менее важным, дают представление о том, как разработанные правительством идеи административной реформы были восприняты и реализованы на локальном уровне.

Круг обязанностей, возложенный на сословные суды первой инстанции, был обширным. Помимо судебной деятельности они должны были выполнять ряд хозяйственных, фискальных и управленческих функций: 1) ведение реестров договоров с целью проверки имущественного положения лиц -- представителей различных сословных групп. При осуществлении выкупов казенного имущества они предоставляли информацию о ликвидности заинтересованных частных лиц; 2) реализовывали фискальные задачи, собирали подушные и канцелярские сборы и направляли их в уездное казначейство. Далее, 3) они отвечали за актуализацию и обновление хранимых в нижних земских судах ревизских сказок, и 4) в нижних расправах фиксировались и затем передавались в городской магистрат сведения о перешедших в городское сословие крестьянах.

Однако главной задачей исследуемых нами учреждений являлось отправление правосудия. Как вытекает из отправленного в наместническое правление отчета Верхотурского судьи подпоручика Филиппа Милле, в нижнюю расправу «вступали больше всего дела уголовные, интересные и следственные, случившиеся в уезде»⁴⁵⁸.

В момент вступления Екатерины II на престол в процессуальном праве существовали параллельно две формы осуществления правосудия. Это являлось следствием, с одной стороны, противоречивых правовых реформ Петра I, а, с другой, более новых законов, регулировавших течение судебного процесса и изданных правительствами его преемников.

⁴⁵⁷ Описание порядка, по которому в Екатеринбургском уездном суде организована работа по поступающим делам (Название публикаторов. Сам документ не имеет заглавия и начинается следующим предложением: «В Екатеринбургском уездном суде по вступаемым во оной делам производится нижеследующим порядком»). ГАСО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 27. Л. 6–10об.. Ф. 491. Оп. 1. Д. 112. Л. 196--198.

⁴⁵⁸ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 112. Л. 197об.

Постулирующие розыскной, или инквизиционный процесс закон 1715 г. «Краткое изображение процессов и судебных тяжб» и Воинский Артикул 1716 г. представляют собой попытку повышения объективности в процессе отправления правосудия. Инквизиционный процесс, то есть процесс без предварительного иска физического лица, когда начало следствия и следующий за ним судебный процесс протекали по инициативе государства и строились на принципе презумпции вины. Из этого вытекало, что в рамках процесса перед судом находились не стороны, а суд сам устанавливал как отягчающие, так и смягчающие вину обстоятельства, тем самым объединяя обвинение и защиту. Чтобы это обеспечить, судьи должны были сильнее опираться на формальные доказательства, имеющие различный вес. Самым ценным доказательством считалось признание. Далее следовали свидетельские показания, наличие улик и клятвы.

Изданный семь лет спустя указ от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» преследовал две цели. Он должен был заменить инквизиционный процесс состязательным, а также ввести устность судопроизводства. Этот шаг, однако, остался незавершенным: предыдущие два закона – «Краткое изображение процессов» и Воинский Артикул -- не теряли юридической силы. Возникшую по этой причине дилемму должен был разрешить указ 1725 г., регулировавший вопрос, в каких случаях должна была применяться какая форма процесса. А указом 1765 г., изданным Екатериной с целью внесения ясности, инквизиционный процесс был заменен во всех отраслях права на состязательный. На практике, однако, чаще всего отдавали предпочтение первому⁴⁵⁹.

Помимо этих основополагающих процессуальных вопросов Екатерина с начала своего правления неоднократно предпринимала попытки внести изменения в систему норм процессуального права. Целью отдельных законов было упрощение судебного процесса для борьбы с распространенной волокитой.

Одну из причин данного зла она видела -- это следует из именного указа «О правилах производства апелляционных дел» от 30 июля 1762 г. -- в неповоротливом и в связи с этим трудоемком судебном делопроизводстве⁴⁶⁰. Для ускорения и повышения эффективности кассационного процесса она постановила, чтобы все попадающие в Сенат апелляции содержали вместо полных описаний только краткие экстракты совершенного деяния⁴⁶¹. В указе были сокращены сроки подачи документов на апелляцию до одной недели, а срок для начала апелляционного производства был установлен в один год.

⁴⁵⁹Чистяков О.И. Процессуальное законодательство. С. 867--869; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII -- начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 2003. С. 50--51; Смыкалин А.С. Судебная система российского государства от Ивана Грозного до Екатерины II. С. 62--63.

⁴⁶⁰ ПСЗРИ-1. Т. 16. № 11629. С. 29--31.

⁴⁶¹ Там же.

Кроме того, введением приказания «не требуя на опись гербовой бумаги, но на простой», были уменьшены административные издержки, связанные с таким процессом. Наплыв нерешенных за установленные сроки судебных дел и связанные с этим вредное для состояния общества переполнение тюрем мотивировали императрицу обратить внимание на более четкую структуризацию уголовного процесса. Об этом свидетельствует именной указ «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству» от 21 февраля 1763 г., следуя которому расследование должно проводиться и завершаться судами в течение одного месяца⁴⁶².

Екатерининские «Учреждения» устанавливали четкий порядок судопроизводства. Согласно законодательному акту, процесс начинался в низшей инстанции судебной системы, и, в зависимости от тяжести преступления, выносился на рассмотрение судов первой, второй и третьей инстанций. С принятием решения и вынесением приговора дело направлялось наместнику, который скреплял подписью приговор и, в случае необходимости, направлял его в Сенат⁴⁶³.

В связи с разделением этапов суда и предварительного следствия, являющегося одним из наиболее значимых новшеств в судопроизводстве последней трети XVIII столетия, суды первой инстанции перестали действовать по собственной инициативе. В соответствии со статьей 338 нижняя расправа начинала свою работу исключительно «по жалобе, или иску» того или иного лица, а также на основании поручения вышестоящей судебной инстанции «по поведению той губернии наместнического правления, или палат, или верхней расправы».

В большинстве случаев отправной точкой процесса была передача дела в соответствующую нижнюю расправу по представлению от нижнего земского суда -- следственного органа уезда, соединявшего в себе полицейские и судебные функции. Наряду с рапортом, содержащим подробное описание всего происшествия, протоколы допросов и показания свидетелей, дело, как правило, включало в себя дополнительные материалы, которые могли пролить свет на причины начала судебного процесса: копии писем -- корреспонденцию с иными нижестоящими инстанциями, справки, а в некоторых -- описи вышеперечисленных документов.

Объем передаваемых в суды первой инстанции дел определялся видом преступления и количеством институтов, задействованных в нем. Таким образом, в зависимости от сложности дела, в момент его поступления из низшего суда в нижнюю расправу оно могло насчитывать от 6 до 32 листов. Примером может служить дело

⁴⁶² ПСЗРИ-1. Т. 1. 16. № 11750. С. 154—157.

⁴⁶³ ПСЗРИ-1. Т. 1. 20. № 14392. С. 229—304.

сбежавшего зимой 1783 г. из Нижнетурина завода и пойманного в Гороблагодатском заводе мастерового Парфена Шапова. Поскольку эти заводы относились к различным судебным округам, в следственных действиях, продолжавшихся с весны по осень того же года, помимо заводских контор были задействованы три нижних земских суда Алапаевска, Ирбита, Верхотурья. Соответственно, выросло число протоколов допросов, заключений и иного рода координирующей данное дело переписки. Именно поэтому при передаче его в нижнюю расправу 27 сентября 1783 г. дело имело объем в 29 листов (*приложение 2*).

Согласно статьям 231, 232 «Учреждений» дела из нижнего земского суда, в который заявления поступали в большинстве случаев от принадлежащих к данному судебному округу волостных судов или заводских контор, предавались в сословные суды первой инстанции (в рассмотренных нами случаях -- в нижнюю расправу)⁴⁶⁴.

Из «Учреждений» следует, что процесс также мог быть инициирован вышестоящим судом, который обязывал надлежащую нижнюю расправу, а также подчинявшиеся ей инстанции, расследовать случай, если инцидент относился к ее судебному округу. На практике, когда уголовно наказуемые деяния совершалось лицом, имевшим место жительства за пределами данного судебного округа, процедура была следующей. Дело арестованного в июне 1790 г. недалеко от Петропавловской крепости Ишимского уезда конокрада Савы Красноярова из Мурзинской волости было передано нижней расправе Алапаевска через соответствующие судебные учреждения Ишима, Тобольска, Перми и, наконец, Екатеринбурга⁴⁶⁵.

Кроме того, частные лица также могли обращаться в сословные суды первой инстанции за правовой защитой. Этой возможностью, например, воспользовался стряпчий Верхотурского уездного казначейства Роман Иванов. В октябре 1789 г. он подал иск в нижнюю расправу против жены регистратора нижнего земского суда Афанасия Черемисова Мавры Василевы дочери. Когда Роман Иванов проходил мимо дома Черемисовых, она обозвала его пьяницей, обманщиком и «б... ишаком», чем, согласно его показаниям, «меня подданного, а не меньше всех домашних моих обесчестила»⁴⁶⁶.

⁴⁶⁴ Противоречивым остается регулируемое в ст. 229 и ст. 231--233 законодательного акта передача дел из поля влияния полиции (нижнего земского суда) в руки юстиции (сословный суд первой инстанции). Если в ст. 231 установлено, что при наличии дел, которые «не до его решения принадлежат», передача в уполномоченный судебной орган происходит в обязательном порядке, то согласно ст. 229 и ст. 233 подключение соответствующего сословного суда первой инстанции является только опцией. Таким образом, истец, в случае несогласия с решением нижнего земского суда, имел возможность подать иск в уездный суд или нижнюю расправу. При этом эта процедура не должна была, согласно закону, рассматриваться как апелляция.

⁴⁶⁵ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 84.

⁴⁶⁶ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 219. Л. 1--7.

Как правило, судебное разбирательство начиналось в день поступления дела. Обвиняемый и свидетели представлялись судебной коллегии и после прочтения «о чистосердечном признании именного Ея императорского величества 1763-го года февраля 10-го числа указа» еще раз допрашивались⁴⁶⁷. Допросы обвиняемых и опросы свидетелей следовали, как видно из протоколов, единой нормированной схеме. Вслед за фиксацией личных данных следовала информация о слушании религиозных заповедей «у исповеди и святого причастия ежегодно бывает»⁴⁶⁸, а также об уровне образования и прежних судимостях: «грамоте неучен, в штрафах и наказаниях не бывал». Ход событий во время преступления реконструировался с помощью вопросов о месте и времени преступления, о круге замешанных лиц и приведших к деянию обстоятельствах: «... допросом показал, что подлинно в минувшем феврале он Иванов видел, кода поверенного Манакова жена Матрена Афанасьева на вышку ходила, а что именно прятала или нет, того не знает. Только посылала она его за лопатой, а для чего она была надобна, о том Иванов не знает...»⁴⁶⁹. В конце обвиняемый заверял правдивость своих показаний: «В наказаниях не бывал, в допросе показал самую сущую правду, ничего не утаил», и подписывал документ. Если он не умел читать и писать, то подпись производилась его доверенным лицом: «к всему допросу вместо государственного крестьянина Архипа Пономарева его прозбой сотник Тихон Матвеев руку приложил»⁴⁷⁰.

В связи с преобладающим в процессуальной процедуре второй половины XVIII в. инквизиционным процессом, при рассмотрении фактов, имеющих в распоряжении суда для расследования дела, признание считалось наиболее весомым доказательством. Независимо от тяжести совершенного преступления в большинстве исследованных случаев обвиняемый совершал признание уже на первом допросе или решался на него в

⁴⁶⁷ Неоднозначна позиция Екатерины II относительно применения пыток при допросе – вопросе, занимавшем ее с начала ее правления. В именном указе «о порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству» от 10 февраля 1763 г. она в случае с обвиняемыми, признавшими свою вину при первом допросе, представила возможность судам «избавить их при расспросах от истязания и пыток» (ПСЗРИ-1. Т. 16. № 11750. С. 154--157). Это было подтверждено в следующем году именным указом «Об определении ученых священников для увещевания преступников ...» от 14 августа 1764 (ПСЗРИ-1. Т. 16. № 12227. С. 689--690). В главе «о производстве суда вообще» Наказа она повторно вернулась к данному вопросу. Там четко просматривается дилемма между ее просвещенными взглядами с одной стороны: «Употребление пытки противно здравому естественному рассуждению», и признанием обычной практики судебного процесса, с другой: «Есть законы, кои не позволяют пытать кроме только в тех случаях, когда ответчик не хочет признать себя не виноватым ниже невинным» (ПСЗРИ-1. Т. 18. № 12949. Ст. 123--124). Еще одно ограничение было наложено в именном указе «О производстве пыток в провинциальных и губернских канцеляриях только по приказанию губернатора» от 13 ноября 1767 г. «Для большого сбережения рода человеческого от напрасного кровопролития», согласно которому на уровне уезда или губерний пытки могли применяться только с согласия губернатора (Документ № 277 // Законодательство Екатерины II. Т. 2. С. 914).

⁴⁶⁸ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 384. Л. 4. Исключение составляли среди местного населения старообрядцы, которые не бывали «у исповеди и святого причастия от рода [...] потому что стояли в двойном раскольническом оброке» (ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 14. Л. 3).

⁴⁶⁹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.

⁴⁷⁰ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 83. Л. 5.

дальнейшем в ходе следствия. Более сложной оказывалась ситуация, когда обвиняемый отказывался от сделанных в нижнем земском суде показаний, запутывался в противоречиях или полностью отказывался от признания. Тогда нижняя расправа запрашивала через нижний земский суд или городнические дела дополнительную информацию и предписывала проведение повторных допросов всех свидетелей, повального обыска и очных ставок.

В качестве примера можно привести поведение вдовы священника Знаменской церкви Верхотурья Матрены Ильиной, которая, несмотря на обличающие свидетельские показания, категорически сопротивлялась обвинению в краже шубы и посуды общей стоимостью в 20,25 рублей⁴⁷¹. Даже при проведении процедуры дачи показаний под присягой в присутствии священника она настаивала на том, что эти вещи нашли случайно на ее участке: «живущий у меня [...] ящик Илья Левашев, во дворе чистил и принес в дом ко мне некрытую шубу»⁴⁷². В таких случаях основания для вынесения приговора отсутствовало, и дело закрывалось.

После получения материалов дела из нижестоящих инстанций и их изучения нижняя расправа выносила приговор или мнение⁴⁷³. Последний содержал наряду с повторным обобщением хода преступления и протоколов допросов, выдержки из действующих законов. В случае незначительного преступления приговор нижней расправы был окончательным. Далее следовала переписка с ответственными за исполнение приговора органами пока дело, считавшееся законченным, сдавалось в архив⁴⁷⁴.

В случае совершения тяжкого преступления дело направлялось на пересмотр в верхнюю расправу. Там описанная процедура повторялась: фиксировалось поступление дела, зачитывалось временное решение нижней расправы, которое впоследствии дополнялось, отменялось или подтверждалось. На основе этого выносилось дальнейшее решение и, в зависимости от вида преступления, оно отправлялось в гражданскую или

⁴⁷¹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 146. Л. 1--22.

⁴⁷² Там же. Л. 19.

⁴⁷³ При незначительных делах ценностью до 25 рублей в гражданском и уголовном производстве, не касающихся убийства и потери достоинства, решение суда первой инстанции было окончательным и заканчивалось принятием решения. При более тяжких преступлениях суды уездного уровня составляли «мнение», своего рода черновик решения, служивший вышестоящим инстанциям в качестве ориентира для принятия решения.

⁴⁷⁴ Уголовное судопроизводство входило в компетенцию нижних земских судов. Они приводили в исполнение телесные наказания «на месте», иногда «при собрании народных в страх других». В случаях, когда преступник отбывал свое наказание в работном доме, на заводе и т.д. или ссылался в другие регионы страны для, например, постройки крепостей (Азов), нижний земский суд докладывал нижней расправе о начале отбывания наказания и соответственно о его окончании и возвращении преступника «на прежнее место жительства». (ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 151. Л. 18. Д. 397. Л. 7. Ф. 591. Оп. 1. Д. 11. Л. 7. Д. 12. Л. 14. Ф. 771. Оп. 1. Д. 4. Л. 23).

уголовную палату в Пермь. Далее нижняя расправа оповещалась о течении дела: «... из Екатеринбургской верхней расправы в Екатеринбургскую нижнюю расправу во исполнение указа из Пермской уголовной палаты возвращенное из оной об ревизованное белоярской волости о крестьянине Осипе Боярском дело к хранению ...»⁴⁷⁵.

Дело считалось нераскрытым, если следственные действия оставались безрезультатными, как например, в случае с пойманным в Казани беглецом, указавшим в допросе придуманные имя и место жительства. Тянувшаяся более четырех лет переписка между руководством Казанского и Пермского наместничеств, а также нижним земским судом и нижней расправой в Алапаевске прояснила, что в деревне Осипове в Глинской волости чернослошный крестьянин по имени Данила Осипов не числится и в ревизских списках не зафиксирован⁴⁷⁶. После этого дело было закрыто со следующим примечанием: «... а потому более исследовать не о чем, того ради оное дело отдать на хранения в архив»⁴⁷⁷.

Вышестоящие инстанции регулярно критиковали суды первой инстанции за совершение ошибок в судопроизводстве. Прежде всего предъявленные претензии касались незнания порядка рассмотрения дел и следовавших из этого превышения полномочий, а также неумения придерживаться в деятельности требований нормативных актов.

Нижние инстанции, как показывают документы, затруднились соблюдать впервые введенный «Учреждениями» принцип отделения следствия от судебного процесса. С достаточной регулярностью в нижние расправы поступали из Перми напоминания не начинать процесс в обход ст. 338 на основании рапорта какого-либо суда из волости или заводской конторы⁴⁷⁸. Проблемы возникали и с исполнением именного указа «О важности государственных уставов и о неотговорке судьям несведением законов, по производимым делам под опасения штрафа» от 22 января 1724 г. Закон, подтвердивший введенный в 1722 г. принцип о том, что «неведение о Государственных уставах» не освобождает судей от ответственности, урегулировал обеспечение присутственных мест текстами вновь принятых нормативных правовых актов по мере их издания⁴⁷⁹. На Среднем Урале количество сборников законов для полного укомплектования ими всех судебных учреждений в первое время было недостаточным, о чем свидетельствует, например, «реестр узаконений», составленный в январе 1782 г. в Осинской нижней расправе

⁴⁷⁵ ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.

⁴⁷⁶ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 81. Л. 1--13.

⁴⁷⁷ Там же. Л. 15.

⁴⁷⁸ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 37. Л. 41. Ф. 569. Оп. 1. Д. 7. Л. 89. Д. 26. Л. 73. Д. 42. Л. 44--45. ГАСО. 491. Оп. 1. Д. 112. Л. 177, 371. Д. 298. Л. 64. Д. 408. Л. 54

⁴⁷⁹ ПСЗРИ-1. Т. 7. № 4436. С. 216.

(приложение 3). При обеспечении процесса правосудия служащие данного суда могли опереться лишь на более старые законы. В «библиотеке» учреждения числились по одному экземпляру всех «классических» больших законодательных актов первой половины XVIII в., а, судя по перечню, текст самых «Учреждений», главного для них руководства, им пока не был выслан. Относительно обеспечения частными указами в списке выявляются существенные пробелы: полностью отсутствовали книги указов, изданных в правление Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Петра III. Что касается екатерининского времени, учреждение не располагало указами, выпущенными после 1766 г.

Система снабжения присутственных мест сборниками нормативных правовых актов работала лишь условно. Не были гарантированы комплектность и систематичность, вследствие чего судебная практика нижних инстанций далеко не всегда соответствовала должному уровню. Примером для этого может служить применение именного указа «О суде и наказании за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех Губерниях» от 3 апреля 1781 г., согласно которому лица, судимые не больше трех раз за совершение незначительных имущественных правонарушений, должны были отработать украденную сумму в специально учреждаемых для этой цели рабочих домах карательно-исправительного характера⁴⁸⁰. Рабочные дома такого рода были открыты в Перми и Екатеринбурге, однако, не ранее начала 1790 г.⁴⁸¹ До этого момента судебные решения принимались на основании ряда указов Пермского наместнического правления, согласно которым осужденные «для зарабатывания» отсылались на заводы или выполняли иные полезные для общества работы⁴⁸². В судебной практике, однако, эти нормативно-правовые акты временного характера зачастую применялись вплоть до конца рассматриваемого периода⁴⁸³.

В период преобразований за такого рода погрешности суды уездного уровня подвергались выговору со стороны вышестоящих учреждений, но не штрафовались. Летом 1782 г. нижние инстанции Екатеринбургской области игнорировали исполнение требования «судить по форме 1723 года», за что верхняя расправа угрожала им сначала возложением пени на сумму 500 рублей. Но затем взыскание было снято «по новости открытия дел и присутственных мест»⁴⁸⁴. Кроме того, руководствуясь, скорее всего, поручительскими соображениями, в первое время вышестоящие учреждения

⁴⁸⁰ ПСЗРИ 1. Т. 21. № 15147. С. 108—109.

⁴⁸¹ Корчагин П.А. Губернская столица Пермь. С. 30--31.

⁴⁸² ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 151. Л. 19. Ф. 591. Оп. 1. Д. 12. Л. 12. Ф. 771. Оп. 1. Д. 4. Л. 3. Д. 32. Л. 35. Д. 38. Л. 31.

⁴⁸³ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 56. Л. 35.

⁴⁸⁴ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 11. Л. 60.

информировали все суды уездного уровня об ошибках в отправлении правосудия, совершенных тем или иным учреждением: «о сей дать знать всем уездным судам, нижним расправами городовым магистратам»⁴⁸⁵. Позднее, однако, такого рода «неисправности в производстве сего дела» санкционировались: сочинялся «по сию обстоятельству особый протокол» и присутствию учреждения выносился штраф от пяти, а чаще до 10 рублей⁴⁸⁶.

Делопроизводство. Суды первой инстанции подчинялись судебным учреждениям губернского уровня не только по вопросам поступления и передачи судебных дел, но и по порядку делопроизводства. Справки о том, какие следственные и уголовные дела в них ведутся, нижние расправы региона обязаны были предоставлять в первый департамент соответствующего вышестоящего органа -- верхнюю расправу, а если дело касалось гражданско-правовых вопросов -- во второй департамент. На этом уровне, однако, иногда происходили нарушения предписанного законом порядка. При отправлении служебной почты в апелляционные суды канцелярские служители нижней расправы периодически забывали указать департамент или посылали судебные дела или отчетные ведомости уголовно-правового содержания во второй департамент и наоборот. Ошибку такого рода, например, допустил канцелярист Далматовской нижней расправы в апреле 1784 г. Почтовая передача вернулась с указанием назвать получателя и с распоряжением от Екатеринбургской верхней расправы в будущем придерживаться делопроизводственного порядка⁴⁸⁷. Схожие делопроизводственные ошибки происходили порой и на губернском уровне. Первый департамент Пермской верхней расправы превысил в октябре 1786 г. свои служебные полномочия, потребовав от подчинявшихся ему судов уездного уровня прислать ему формуляры гражданско-правового содержания⁴⁸⁸. Причиной возникновения противоречий являлось нечеткое разделение на практике судебной системы во второй инстанции между гражданским и уголовным судопроизводством. Уголовные дела были более трудоемкими нежели гражданские. Поэтому канцелярия первого департамента довольно регулярно прибегала к помощи второго департамента. Так в июле 1783 г. руководство Екатеринбургской верхней расправы дало распоряжение секретарю второго департамента Петру Гилеву до получения дальнейших указаний три дня в неделю трудиться на благо первого департамента⁴⁸⁹.

⁴⁸⁵ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 354. Л. 321.

⁴⁸⁶ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 25. Л. 124. Ф. 569. Оп. 1. Д. 11. Л. 95--96. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 97а. Л. 47. Д. 107. Л. 373, 533. Д. 108. Л. 176, 534. Д. 112. Л. 271. Д. 354. Л. 231.

⁴⁸⁷ ГАПК. Ф. 596. Оп. 1. Д. 21. Л. 38об.

⁴⁸⁸ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 25. Л. 133.

⁴⁸⁹ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 163.

С целью сокращения времени судопроизводства нижние расправы, как и остальные суды уездного уровня, были обязаны регулярно отчитываться перед вышестоящими инстанциями.

В первый департамент соответствующей верхней расправы необходимо было посылать ведомости установленного образца. Это были в первую очередь выставляемые ежемесячно «ведомости о содержащихся колодниках по уголовным делам» (*приложение 4*). Они выявляли, как это демонстрирует приложение 4, данные о продолжительности и месте ареста, о личности обвиняемого и о характере дела. Учреждения, помимо этого, были обязаны отчитываться об отклонениях от заданного рабочего плана. Последняя графа «Зачем дела продолжаются» этого документа вынуждала соответствующее учреждение высказаться по поводу допущенных отклонений.

Этот вид ведомостей не имел, судя по всему, строго нормированной формы; в регионе курсировали разнообразные формуляры, по образцу которых надлежало создавать подобные документы.

Это видно на примере разработанной в ноябре 1781 г Кунгурской нижней расправой ведомости, содержавшей не три, а пять пунктов. Три из них касались личности подсудимого (1. Кто именно и какого рода; 2. Сколько от роду лет) и характера совершенного преступления (3. По каким делам кто винулся). Два других фиксировали дату поступления процессуальных актов (с которого числа содержится) и причину нарушения процессуальных сроков (Что по делам их учинено или зачем следствие не окончено).

Также в первый департамент направлялся еще один вид отчетности: «ведомость о решенных и нерешенных делах». Этот документ был разработан не только как ежемесячный, но и подводил итог каждому периоду заседания. Он состоял из двух частей: 1) статистического обзора о количестве поступивших, закрытых и пока незакрытых дел в определенный период в определенном органе; 2) подробных выдержек из содержащегося в судебном протоколе описаний соответствующего дела (*приложение 5*).

Во второй департамент верхней расправы надлежало в начале каждого года (в январе или феврале) посылать перечневые и именные ведомости. Они содержали перечень всех социальных групп населения того или иного судебного округа, подсудных нижним расправам. Ведомость включала в себя сведения об оплачиваемых ими государственных податях, а также о том, какое звание имел глава хозяйства и каково было количество членов его семьи.

Согласно Генеральному регламенту и дополнившему его новейшему законодательству, внутреннее делопроизводство надлежало организовывать следующим

образом. Все входящие документы заносились в докладной регистр. На его основе составлялся журнал заседаний -- важнейший документ, свидетельствующий об активности соответствующего учреждения. В него записывалась информация о текущих делах, рассуждения, доклады и представления присутствия. Здесь также фиксировалось время явки на службу каждого из членов судейского аппарата. Эти журналы подлежали архивированию только после выполнения всех резолюций, принятых по делам.

Столь идеального состояния не достигло практически ни одно исследованное нами учреждение. Что касается журналов нижних расправ, мастерство и рвение канцелярий могли сильно различаться. Примеры образцового ведения журналов, как это видно из выдержки от 13 марта 1785 г. журнала присутствия нижней расправы в Верхотурье -- исключение, объясняемое недавней переменой секретаря (*приложение б*).

Никифор Копылов, как говорилось выше, был по инициативе судьи Ф. Милле переведен в данное учреждение после того, как прошлый руководитель канцелярии поверг его в хаос. Для выполнения данного поручения он был подходящей кандидатурой. Положенный в подушный оклад разночинец мог выслужиться только при примерном служебном поведении.

Большинство учреждений, однако, не затрудняли себя такими «мелочами». Страницы журналов заседания содержали, как правило, минимум формальностей: дату, короткие записи о присутствующих членах судейского аппарата, краткий обзор заслушанных во время заседания дел и подпись секретаря. Разграничение по уголовно-правовой или гражданско-правовой направленности, как правило, не проводилось. Учреждения также пренебрегали необходимостью оставлять место для предусмотренной двойной каймы -- время и бумага были в дефиците.

Помимо этого, в обязанности канцелярий входил учет следующих категорий в приходных и расходных книгах: 1) жалование, 2) канцелярский расход, 3) приход с пошлинных дел, 4) приход по апелляциям, 5) суммы, взимаемые по вексельным претензиям, и прочим сборам.

3.2. Материальное обеспечение верхних и нижних расправ на Среднем Урале

Размещение учреждений. Административные и судебные реформы последней четверти XVIII в. потребовали значительного расширения государственного аппарата, что, соответственно, привело к существенному увеличению количества государственных служащих, преимущественно средних и мелких чиновников и затабельных канцелярских служащих. Кроме того, успех реформ зависел в значительной мере от бесперебойного функционирования административного

ап

Введение

Актуальность темы. На сегодняшний день факт значительной роли суда в каждом государственно организованном сообществе является неоспоримым. Именно судебная власть занимает ключевую позицию в процессе разрешения конфликтов и стабилизации общественных структур. Благоприятное социально-экономическое развитие, обусловленное своевременным реагированием государства на существующие в социуме потребности, также во многом определяется состоянием и качеством суда. Поддержание последнего на должном уровне возможно только в условиях периодического пересмотра и модернизации принципов организации судебных учреждений.

Как отмечает Д.О. Серов, в истории России можно выделить шесть периодов реформирования судебной системы страны: судебные реформы Петра I, Екатерины II, Александра II, а также более поздние судебные реформы 1922, 1956--1964 и 1990-х -- начала 2000-х годов. Определяя основные вехи развития судебной системы России, исследователь понимает под судебной реформой «совокупность взаимосвязанных, системных, нормативно закрепленных на общегосударственном уровне (в том числе и кодификационно) изменений в области судоустройства и судопроизводства, предпринятых с целью достижения максимальной эффективности функционирования судебной системы и осуществленных в исторически ограниченный период»¹.

В рамках данного исследования нами была изучена судебная реформа Екатерины II, введенная законодательным актом «Учреждения для управления губерний всероссийской империи» («Учреждения») от 7 ноября 1775 г. Эта судебная реформа во многом не раскрыта во всей ее многогранности историками-исследователями, занимающимися изучением вопросов истории развития государства и права.

В отличие от вызвавших радикальный разрыв с прошлым реформ Петра I, преобразования последней четверти XVIII в. проводились в более благоприятных условиях. Период осуществления главных реформ Екатерины II (1775--1785 гг.) совпадал с фазой относительной стабильности страны. К тому же изменения в административной и судебной системах происходили на уже заложенной ее предшественниками основе. Все это дало императрице возможность внедрить постепенные и осторожные нововведения, учитывавшие особенности российского общества последней трети XVIII в.²

¹ Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. Монография. М., 2009. С. 15.

² Каменский А.Б. Просвещенные реформы Екатерины Великой в свете современного реформаторского опыта // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М. 2008. С. 46--53.

парата многочисленных вновь созданных уездных и губернских учреждений, то есть от вопросов, связанных с их укомплектованием, финансированием и, что кажется не менее важным, их размещением в приспособленных для службы зданиях.

Последняя предпосылка играла на Среднем Урале особую роль, поскольку, как было сказано, в отличие от многих других регионов, даты создания Пермского наместничества и губернской столицы Перми совпали во времени. Большая часть выданных правительством кредитов – в первый год они составили 12 000, а в последующие и все 20 000 рублей -- была использована для возведения и комплектации резиденций и служебных зданий в новой столице⁴⁹⁰. Относительная величина этой суммы просматривается из списка покупок, составленного в августе 1782 г. Только закупка базовой комплектации для организаций в Перми: 11 кресел, 56 столов, 159 стульев, а также других предметов (подсвечников, настольных колокольчиков, настенных зеркал, коробок, замков, кандал) -- обошлась в 5 000 рублей⁴⁹¹.

Особые затруднения возникали в тех местах, в которых невозможно было опереться на уже существующие административные структуры, например, в только что созданных с целью выполнения законодательных предписаний уездных городах. Каким, в частности, являлся населенный в основном крестьянами и преобразованный из экономической деревни в город Оханск или возникший из заводского поселения Алапаевск. Данную ситуацию можно обрисовать на нескольких примерах. В декабре 1781 г. Пермский верхний земский суд обратился в казенную палату с просьбой материально поддержать подчиненный ему Оханский уездный суд. Судебный орган располагался в ветхом жилом доме, помимо этого требовались деньги для приобретения стульев, бумаги, сургуча и свечей⁴⁹². В Алапаевске представители нижней расправы от безвыходности положения решили в первый месяц работы выйти из положения собственными силами и заняли в Верхотурском комиссарстве 240 рублей для покупки первичного оснащения мебелью и канцелярскими припасами⁴⁹³.

В еще более трудной ситуации находились присутственные места в Ирбите и Чердыни. Оба уездных города были в начале 1790-х гг. практически полностью разрушены пожарами. В ночь на 24 апреля 1790 г. в Ирбите сгорели административные здания. Спасти удалось только небольшую часть инвентаря. В верхнюю расправу было заявлено, что сохранить удалось лишь несколько книг – законодательных сборников и

⁴⁹⁰ Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II. С. 320; Корчагин П.А. Губернская столица Пермь. С. 30--31.

⁴⁹¹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 42. Л. 1об. --11.

⁴⁹² ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 5. Л. 49.

⁴⁹³ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 11. Л. 286.

печати присутственных мест⁴⁹⁴. В Чердыни большая часть города сгорела при губительном пожаре 2 июля 1792 г. Тогда были уничтожены все казенные строения и хранившиеся в них документы. Нижняя расправа, городской магистрат, нижний земский суд и управа благочиния располагались в последующие годы в обывательских домах⁴⁹⁵.

Представление о материальном обеспечении учреждений, открывшихся в старых административных центрах региона в первое время преобразований, мы можем получить с помощью сравнения Екатеринбургской верхней расправы и Верхотурской нижней расправы. Оба суда находились осенью 1781 г. в привилегированном положении, поскольку имели возможность перенять у упраздненных по ходу реформ организаций-предшественников -- Канцелярии главного заводов правления и Верхотурского комиссарства -- помещения, мебель и прочие вещи.

При открытии присутственных мест в Екатеринбурге 16 ноября 1781 г. верхней расправе и подчиненным ей уездным учреждениям: нижней расправе и нижнему земскому суду, было передано в использование крыло в двухэтажном каменном здании Канцелярии главного заводов правления и находившийся в нем инвентарь, включая мебель различной ценности и состояния, канцелярские припасы (бумага разных сортов, сургуч, сальные свечи, дрова) и прочие вещи⁴⁹⁶. Как вытекает из составленного в первую неделю работы инвентарного списка, в названном здании верхняя расправа заняла пять помещений -- две судейские каморки для присутствия первого и второго департамента, две подъяческих, и еще одна была выделена для функционирующей при расправе прокуратуры. Кроме того, описанный комплекс охватывал коридор и сени⁴⁹⁷.

Председатели верхней расправы Алексей Михайлов и Ефим Тарбеев распределили мебель и другие предметы обихода по своему усмотрению. В соответствии с иерархией помещения, предназначенные для судейской коллегии и прокуратуры, обставлялись наиболее репрезентативными и ценными предметами. Так, было решено оборудовать их не только функциональной мебелью: столами, стульями и шкапами, но и предметами декоративными и более роскошными: обтянутыми малиновым плюшем креслами, обитыми кожей стульями, а также медными часами, механизм которых был сделан в Китае. Стены украшал портрет ее величества императрицы Екатерины Алексеевны в позолоченной резной раме с короной, перед которым горела лампадка. Рядом висели портреты ушедшей императрицы Екатерины Первой в черной раме и императрицы Анны Иоанновны, а

⁴⁹⁴ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 42. Л. 173--174.

⁴⁹⁵ ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

⁴⁹⁶ Корепанов Н.С. Очерки истории Екатеринбурга 1781--1831 гг. Екатеринбург, 2004. С. 7; ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

⁴⁹⁷ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 5. Л. 152--153.

также икона Божьей Матери тоже в позолоченной резной раме. На столах, укрытых бордовыми драпировками, стояли медные тройные подсвечники, свинцовые чернильницы, судейский колокол из меди и украшенное гербом в медном обрамлении судебное зеркало⁴⁹⁸.

Скромнее было убранство канцелярских «коморок». Большая часть мебели -- простые деревянные стулья и столы -- была повреждена. На шкафах и ящиках для документов отсутствовали замки, а подсвечники и чернильницы, если вообще имелись, то были свинцовыми. На стене над лампадкой стояла икона Казанской Божьей Матери в деревянной раме⁴⁹⁹.

Некоторые покупки были необходимы срочно: не хватало простых, но целых стульев-и таких предметов обихода, как подсвечники, бумажные скрепки и чернильницы. Но бюджет не позволял совершить и их. Таким образом, купленные за счет казенной палаты по случаю торжественного открытия новых судебных учреждений бордовые драпировки для прикрытия судейских и секретарских столов, остались единственным новоприобретением⁵⁰⁰.

Финансовые трудности размещенных в том же здании уездных учреждений, нижней расправы и нижнего земского суда, были еще заметнее. По указанию верхней расправы, они должны были довольствоваться оставшимся после вышеописанного распределения инвентарем⁵⁰¹.

Само здание, его помещения и часть интерьера подлежали ремонту или должны были полностью заменяться. Это вытекает из составленной три года спустя ведомости, содержащей перечень срочных ремонтных работ, стоимость необходимых материалов и вознаграждения, причитавшегося работникам. В судейских палатах обоих департаментов, канцелярской каморке первого департамента, в прокуратуре, коридоре и сенях были испорчены окна. Стоимость починки 18 окон с заменой стекла составила 20,73 рубля. Во втором департаменте и в судейских и в канцелярском помещениях следовало заменить пол. Для закупки и выкладки 50 половых досок было запланировано 9,90 рублей. Также в обоих департаментах и в прокуратуре не работали печи. Для закупки 200 кирпичей, трех стальных шарниров и выплаты вознаграждения рабочему был предусмотрен 21,20 рубль. Починка часов в судебной палате второго департамента должна была стоить 5 рублей⁵⁰².

⁴⁹⁸ Там же.

⁴⁹⁹ Там же.

⁵⁰⁰ Там же.

⁵⁰¹ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 11. Л. 261.

⁵⁰² ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 20. Л. 217--220.

К тому же выяснилось, что для приспособления помещений согласно потребностям новых административных структур, необходимо было провести перепланировку пространства. Поскольку ожидалось, что в расположенной в проходной комнате прокуратуре будет большой поток препятствующих работе посетителей, было принято решение возвести дополнительную стену-перегородку. Стоимость материалов и вознаграждения рабочих составляла пять рублей, еще 3,10 рублей были предусмотрены за обработку стен и потолков⁵⁰³.

Из данной ведомости также следует, что верхняя расправа имела лишь право пользования находившимся в помещениях инвентарем. Собственником вещей, стоимость которых составляла 120,83 рубля, являлась казенная палата. Требующуюся для ремонта сумму в 57,52 рубля расправа, однако, выделить не могла «за неимением в той расправе наличной канцелярской суммы»⁵⁰⁴.

Несмотря на вышеописанные трудности, можно констатировать, что судебные органы областного города Екатеринбурга начали свою деятельность при относительно хороших стартовых условиях.

Иначе, нежели в Екатеринбурге, складывались обстоятельства в уездном городе Верхотурье, хотя и там переход от старого к новому порядку протекал постепенно. При осуществлении реформы оказалось возможным опереться на давно устоявшиеся структуры. 25 ноября 1781 г. три вновь созданных учреждения: нижний земский суд, нижняя расправа и уездное казначейство, въехали в здание приказных палат, где ранее находилось ликвидированное в ходе реформ комиссарство, обстановка и канцелярские принадлежности которого перешли им по наследству⁵⁰⁵.

Согласно «Росписному списку» кремля и гостиного двора 1777 г. комиссара Салманова – самому точному из ныне известных описаний построенного в 1700 г. каменного административного здания -- оно находилось в юго-восточной части кремлевской стены (Рисунок 1). Одноэтажное строение приказных палат состояло из четырех помещений и сеней. Туда вели два входа, расположенных на городской стороне (7, 8). Через один из них можно было сразу попасть в судейскую каморку (1), а через другой -- в сени (5). Два помещения, расположенные в центральной части здания -- подъяческие палаты, были выделены из канцелярии (2, 3); от одного из них,

⁵⁰³ Там же.

⁵⁰⁴ Там же.

⁵⁰⁵ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 101. Л. 85. Д. 417. Л. 1--2 об. Д. 427. Л. 1.

располагавшегося ближе к внутренней стороне кремля, было отделена караульная (6). С правой стороны здания был расположен архив (4)⁵⁰⁶.

Рисунок 1
Реконструкция предположительной схемы приказных палат г. Верхотурья
(1700-1825 гг.)⁵⁰⁷

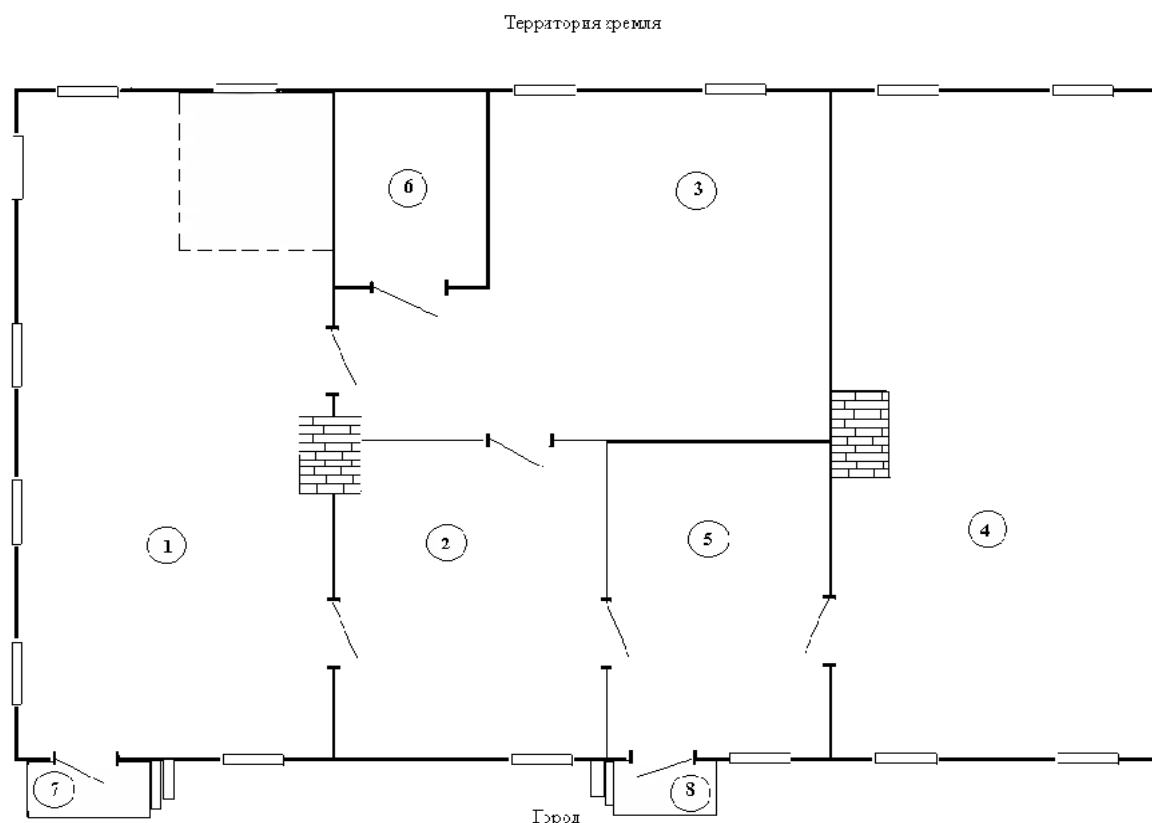

Рисунок составлен по данным «Росписного списка» кремля и гостиного двора
Верхотурья 1777 г комиссара Салманова⁵⁰⁸.

В рассматриваемый период здание приказных палат находилось далеко не в идеальном состоянии. Мебель и инвентарь были ветхими уже в конце 1770-х гг., а при пожаре 1738 г. сильно пострадало само здание: с одной стороны рухнула крыша. Поверхностные ремонтные работы последующих лет не смогли предотвратить проникновение дождевой воды в помещения в летние и осенние месяцы, что не только привело к повреждению мебели, но и к уничтожению существенной части документов, хранившихся в архиве, располагавшемся как раз в поврежденной части здания⁵⁰⁹.

Для проведения срочного капитального ремонта помещения у города не имелось финансовых средств. В начале следующего десятилетия состояние здания еще больше

⁵⁰⁶ Корчагин П.А. «Росписной список» кремля и гостиного двора Верхотурья 1777 г. // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С. 59--60.

⁵⁰⁷ Там же. С. 60--62.

⁵⁰⁸ Там же.

⁵⁰⁹ Там же. С. 60--62

ухудшилось, так что было практически невозможно работать в архиве и в соседней канцелярской камере. Потолок так и остался неотремонтированным, стекла окон отсутствовали, а внешняя стена опустилась настолько, что зданию грозило обрушение.

О столь печальном состоянии административного здания в Верхотурье руководство наместничества в Перми было хорошо осведомлено. Регулярно пересылаемые в наместническое правление и казенную палату отчеты и отчаянные просьбы о выделении средств на ремонт в связи с исходящей от здания опасностью оставались не услышанными⁵¹⁰. Собственные инициативы для решения этой проблемы также не были замечены. Так, без ответа осталось разработанное расправным судьей Г. Сажиним предложение использовать колодников в качестве рабочей силы, «выдавая им за то самое время кормовые и казенные деньги»⁵¹¹. Летом 1793 г. служащие безуспешно пытались добиться разрешения об эвакуации архива в пустующее на тот момент здание народного училища⁵¹².

О бедности государственных учреждений в уездном городе Верхотурье свидетельствует другой инвентарный список, составленный расходчиком и приходчиком нижней расправы Степаном Архиповым в январе 1789 г. Семь лет после открытия нижней расправы во владении учреждения находилось три стола: один судейский, покрытый красным сукном, другой, тоже покрытый сукном, для секретаря и один ветхий на шесть человек с выдвигаемыми ящиками, служивший рабочим местом канцелярским служащим. Также имелось семь стульев, шестью из которых пользоваться было почти невозможно. На столах стояли два настольных колокольчика, три свинцовые чернильницы с песком и двое ножниц. Также были в наличии один ящик, кандалы (5 штук, 2 из меди и 3 из другого металла, с замками). Помещение украшали два портрета государыни в стеклянных рамах, судебные зеркала в позолоченной раме, написанные «полууставом»⁵¹³.

Работе судейского и канцелярского аппаратов мешала и теснота. В вышеописанных помещениях палат, согласно штатам Пермского наместнического правления, должны были служить более тридцати человек⁵¹⁴. Речи о продуктивной рабочей атмосфере идти не могло. Судебная канцелярия была отгорожена от уездного казначейства лишь дощатой перегородкой, что приводило к неудобствам из-за шума, «когда в казначействе денежная казна, принимаемая медную монету, то от оной происходит великий гром»⁵¹⁵. Это

⁵¹⁰ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 97а. Л. 150--151, 166--168. Д. 112. Л. 266. Д. 260. Л. 94. Д. 262. Л. 258--259. Д. 84. Л. 72.

⁵¹¹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 97а. Л. 168.

⁵¹² ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 298. Л. 107--108.

⁵¹³ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 161. Л. 168--168об.

⁵¹⁴ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 21. Л. 2--8.

⁵¹⁵ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 416. Л. 96.

препятствовало записи протоколов и проведению допросов; кроме того, в столь непрочном ограждении таилась опасность возможных краж и подслушивания доверительной информации.

Власти Верхотурья смогли принять необходимые меры лишь спустя сорок лет после осуществления Екатерининских реформ на Среднем Урале. В 1825 г. здание канцелярии было, наконец, снесено, а на его месте возведено новое строение, соответствующее требованиям реформированной административной структуры⁵¹⁶.

Финансирование. Жалование государственных служащих было установлено Манифестом от 15 декабря 1763 г. Кроме того, для Пермского наместничества штаты, вступившие в силу 29 января 1781 г., соответствовали штатам Рязанского наместничества. Согласно этому документу нижние расправы финансировались в размере 21 472 рублей ежегодно (затем, после перехода Челябинского уезда в Уфимское наместничество, годовой бюджет составлял 20 274 рубля).

Обе верхние расправы получали из казны 7 096 рублей в год. Для жалования чиновников в каждом из органов была предусмотрена сумма в 2 520 рублей. Из них руководство учреждения, оба председателя и прокурор, получали соответственно 360 и 300 рублей. Стряпчим платили 200 рублей, секретарям -- 250. Сельские заседатели получали денежное вознаграждение в размере 60 рублей в год⁵¹⁷.

Оставшаяся сумма размером в 1 028 рублей была предназначена на финансирование канцелярии. В Пермском наместничестве было решено принять на работу тринадцать канцелярских служащих, для оплаты труда которых требовалось потратить 948 рублей. Для оплаты самых квалифицированных должностей регистратора, архивариуса и переводчика, занимающих ранги XIV класса, требовалось по 120 рублей. Как и в других судах губернского уровня, жалование канцеляристов составляло 90 рублей, подканцеляристы получали 70 рублей в год, копиисты -- 50 рублей, сторож -- 24 рубля. На канцелярские расходы была предусмотрена сумма в 80 рублей в год⁵¹⁸.

Финансирование вначале двенадцати, впоследствии одиннадцати, нижних расправ стоило государству 14 376 (позже 13 178) рублей ежегодно. На годовой оклад судейской коллегии запланировано было 690 рублей в год. Как следует из таблицы, годовое жалование расправного судьи составляло 250 рублей. Секретарю полагалось

⁵¹⁶ Байдин В.И. Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края. С. 16, 167--168; Корчагин П.А. Застывшая история. Легенды и были Верхотурского кремля // Уральское краеведение: Ист.-лит. Альманах. Екатеринбург, 1996. С. 70--71.

⁵¹⁷ ПСЗРИ-1. Т. 42. Ч. 2. № 17498. С. 252--254; ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 22. Л. 10об.

⁵¹⁸ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 67. Л. 3--4.

вознаграждение в 200 рублей в год, сельские заседатели получали, также, как и в верхних расправах, по 60 рублей⁵¹⁹.

Согласно упомянутой смете от 29 января 1781 г., для финансирования канцелярий нижних расправ были запланированы 508 рублей⁵²⁰. Однако до реализации этих финансовых планов дело не дошло. При осуществлении реформ осенью того же года бюджетный план существенно сократили. Согласно находившейся в журнале нижней расправы Екатеринбурга выписке из положений от 16 ноября, сумма на содержание канцелярии данного суда составляла лишь 342 рубля в год. Из них только 50 рублей были предусмотрены на покрытие канцелярских расходов. Оставшаяся сумма должна была покрыть выплату жалования пяти служащих канцелярии различных рангов, а именно одного канцеляриста (80 руб.), одного подканцеляриста (50 рублей), и трех копиистов (40 рублей). Также в канцелярском аппарате служили и выполняли вспомогательные функции переpletчик, получавший 24 рубля, и сторож, получавший 18 рублей⁵²¹.

Что касается принятия на работу служащих канцелярии и выплату им жалования, по-прежнему действовало уже упомянутое законодательство, а именно Указ от 31 июля 1725 г. и Манифест от 15 декабря 1763 г. В первом говорилось, что жалование выплачивается в течение года в три этапа: по истечении январской, майской и сентябрьской третей. Согласно второму нормативному правовому акту, установленные законодателем нормы финансирования кадрового состава канцелярий, не имели фиксированных рамок, а представляли собой всего лишь ориентир. Точное число служащих низших чинов, таким образом, было предметом компетенции местных властей и устанавливалось в различных органах по-разному⁵²².

Несмотря на повсеместную нехватку квалифицированного персонала в традиционных административных центрах, упомянутая особенность законодательства привела к тому, что учреждения наняли большее количество канцелярских служащих, чем это было предусмотрено по штату. При повышенной потребности в канцелярских кадрах, как это было в верхней расправе Екатеринбурга в 1780-х гг., для разрешения срочных и кратковременных задач был задействован двойной комплект канцелярских служащих⁵²³. «Сверх штата» работали, как правило, молодые приказные служащие, получавшие первый опыт в области административной и делопроизводственной деятельности⁵²⁴. Их жалование было существенно ниже установленного тарифа, что

⁵¹⁹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 22. Л. 12.

⁵²⁰ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 67. Л. 8.

⁵²¹ ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 5. Л. 2--3.

⁵²² ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 258. Л. 54.

⁵²³ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 158, 171--172.

⁵²⁴ ГАПК. Ф. 569. Оп. 42. Л. 2. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 111. Л. 290--290об. Д. 179. Л. 3, 8, 11об.

показывает пример нижней расправы Верхотурья. В отличие от основных копиистов, получавших от 10 до 13 рублей за треть года, внештатные служащие работали лишь за половину, а иногда и за треть этой суммы, рассчитывавшейся, исходя из общего количества внештатных сотрудников в данном учреждении⁵²⁵. Заработать таким образом на жизнь было нельзя, не говоря уже о создании семьи или поддержке родственников – пожилых родителей, малолетних братьев и сестер. Поэтому, если в присутственных местах родного города вакансий не оказывалось, они старались перевестись в другой. Это было занятием, требующим больших временных затрат. Так, копиист из Верхотурья Иван Пономарев просил в течение трех лет о переводе в Екатеринбург или Алапаевск, и только в июне 1787 г. его прошение было удовлетворено⁵²⁶. Даже при наличии свободных мест заявления о переводе и стоящие за ними мотивы подвергались тщательной проверке. Алексей Дудин, претендовавший на место в государственном административном аппарате, получил отказ из Перми с обоснованием, что данные о его финансовом положении не соответствуют действительности, и, следовательно, необходимости в переводе нет⁵²⁷.

Другим распространенным способом улучшения своего материального положения являлась подработка на вспомогательных должностях. В нижней расправе Верхотурья, ждавший с 1783 по 1789 гг. постоянного трудоустройства копиист Федор Удинцов оформился помимо своей основной работы на место сторожа⁵²⁸. Схожее решение принял Григорий Архипов, пятнадцатилетний сын копииста Степана Архипова; узнав о том, что в штате нет вакансий, отец определил его еще на место переплетчика⁵²⁹.

Согласно пункту 27 Манифеста от 15 декабря 1763 г., точная сумма жалования канцелярского служащего выплачивалась в индивидуальном порядке, в зависимости от отношения к службе и успехов⁵³⁰. Так, при использовании бюджета, выделяемого на финансирование канцелярии, руководство учреждения имело некоторую свободу. На практике величина выплат определялась в первую очередь по принципу выслуги лет, поэтому начинающие канцелярские служащие оплачивались часто ниже предусмотренного для данной категории тарифа. Но, как было сказано, не последнюю роль играло их поведение на государственной службе. Таким образом, наряду с формулярными списками, выплата жалованья была еще одним инструментом повышения мотивации и стимулирования кадров.

⁵²⁵ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 122, 146, 158. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 258. Л. 53об.

⁵²⁶ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 97. Л. 113. Д. 98. Л. 210. Д. 99. Л. 63. Д. 111. Л. 99об. --100, 286.

⁵²⁷ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 36. Л. 79.

⁵²⁸ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 161. Л. 32.

⁵²⁹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 283. Л. 13.

⁵³⁰ ПСЗРИ-1. Т. 16. № 11989. С. 462—468.

Первое жалование, выделенное делопроизводителям Екатеринбургской верхней расправы, следовало соответствующему их рангу тарифу. В январе 1782 г. лица на классных канцелярских должностях оплачивались 15 рублями. Оба канцеляриста получили по 11,20 рублей, три подканцеляриста 8,74 рубля и три копииста по 6,24 рубля. Переплетчику были заплачены 4,50, а сторожу 3 рубля⁵³¹.

В следующих ведомостях, в отличие от первой, уже просматривается дифференциация окладов. В сентябре 1783 г., например, было решено «убавить три рубля» из жалования подканцеляриста Михайло Белозерова, поскольку в последнее время он был «весьма посредственен в прилежности к делам»⁵³². Освободившаяся таким образом сумма была использована для поддержания мотивации более активных служащих. Канцелярист Никита Вяткин «за прилежности к делам» получил дополнительную премию два рубля, а семнадцатилетний выпускник горного училища Иван Бирюков получил в качестве поощрения дополнительный рубль⁵³³. Жалование за годовую треть отличавшегося особой надежностью и компетентностью канцеляриста Никиты Вяткина регулярно находилось на уровне 0,50--1,25 рубля выше предусмотренного оклада. Также суммы на 6--9% выше обычного «тарифа» выплачивались Василию Киржацкому, образцовому делопроизводителю, проделавшему карьерный путь от копииста до канцеляриста менее чем за два года⁵³⁴.

Определенный вес при распределении жалования имело и происхождение канцелярского служащего. Несмотря на идентичный служебный стаж, размер оклада копиистов нижней расправы Верхотурья Степана Архипова и Михаила Дрождина зачастую расходился на 0,25--0,70 рубля в пользу последнего⁵³⁵. Дрождины, как уже говорилось, доминировали в канцелярии нижнего земского суда города, а Архипов был человек чужой в этой среде -- казак, женатый на дочери ямщика. Секретарь Екатеринбургской верхней расправы Иван Плотников не упускал возможности позаботиться о подобающем денежном обеспечении своих младших родственников. Далеко не образцовая служебная мораль Николая и Петра Плотниковых никоим образом не влияла на их жалование. Цифры напротив их фамилий и отзывы об их профессиональных качествах вносились в ведомости «задним числом» почерком их старшего родственника⁵³⁶.

⁵³¹ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. 3. Л. 2--3об.

⁵³² Там же. Л. 71--72.

⁵³³ Там же.

⁵³⁴ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 111, 121--122, 126, 143--144, 146--147, 157--158, 172--173. Д. 23. Л. 119. Д. 47. Л. 14--15об.

⁵³⁵ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 108. Л. 82--82об. Д. 111. Л. 290--290об. Д. 112. Л. 139--140. Д. 161. Л. 32.

⁵³⁶ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 157--158, 171--172. Д. 42. Л. 107. Д. 56. Л. 126.

В реформированной административной системе высшим хозяйственным органом являлась казенная палата, заменившая упраздненные в ходе реформ Камер- и Ревизион-коллегии. На это создаваемое в каждом губернском городе учреждение была возложена ответственность за ассигнование присутственных мест. Также казенная палата должна была контролировать полноценность и своевременность поступления сборов с договоров и пошлин в казну. Роль исполнительных органов играли местные представительства казенной палаты, подчиненные ей уездные казначейства, а также, если это было предусмотрено в штатах (как, например, в случае с Пермским наместничеством), областное казначейство. Административные полномочия уездных казначейств были незначительными. В связи с распространенной проблемой казнокрадства они не были уполномочены самостоятельно распоряжаться денежными доходами и расходами и являлись лишь хранителями государственной казны, в руках которых не должны были накапливаться существенные суммы⁵³⁷.

На уровне учреждения материальную ответственность за государственное имущество нес расходчик и приходчик в одном лице. Он отчитывался за доходы и расходы, вел шнуrowые книги, составлял инвентарные списки, списки необходимых покупок, а также заполнял формуляры ведомостей о жаловании.

До середины 1790-х гг. для доходов и расходов существовали отдельные отчетные формуляры. О сумме, потраченной на канцелярские припасы, проведение мелких ремонтных работ и т.д., каждый месяц составлялся документ (*приложение 7*). «Ведомость о канцелярской сумме» предусматривала полное наименование вида покупки или услуги, данные о продавце или лице, оказавшем услугу, точную дату реализации (месяц и день) и потраченную сумму в рублях и копейках. В конце календарного года информация, содержащаяся в этих ведомостях, объединялась и вносилась в реестры.

Три раза в год, по истечению январской, майской и сентябрьской третей, заполнялся формуляр «ведомости о жаловании», которое полагалось выплатить членам присутствия и канцелярским служителям учреждения, который затем отправлялся в казенную палату (*приложение 8*). Этот документ, как показано на примере канцелярии Верхотурской нижней расправы, содержал информацию о кадровом составе учреждения и о его финансировании в указанный период. В нем были приведены сведения о величине оплачиваемой суммы по штатам, а также о размере выделяемой суммы по факту.

С целью повышения эффективности управленческого процесса к началу 1795 г. был введен еще один вид отчетности: «форма ежемесячной счетной выписки о приходе,

⁵³⁷ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14392. Гл. IX. Ст. 117--123; Гл. XI. Ст. 134--137; Гл. XII. 138--143. Гл. XIII. С. 144--163.

расходе и об остатке денежной казны канцелярской суммы», объединявшая данные как о доходах, так и о расходах (*приложение 9*). В верхней части выполненного в форме таблицы документа следовало записывать доход учреждения и сведение о его источнике. В нижней части заносились подробные отчеты расходов текущего месяца по жалованию и канцелярским припасам. Кроме того, документ включал в себе столбцы, куда вносилась информация об оставшейся сумме и, что немаловажно, о ее месте нахождения.

Такой же процесс документирования проходили и доходы учреждений, получаемые из различных пошлин. О них также составлялись ежемесячные ведомости, соединявшиеся ежегодно в регистр, содержащий данные о дате, виде и величине расходов за каждую отдельную услугу (*приложение 10*). Здесь, как видно на примере «настольного регистра из разных мест разных пошлин» нижней расправы Верхотурья за 1796 г., речь идет, прежде всего, о сборах за составление договоров купли-продажи домов и иной недвижимости, сборах за использование гербовой бумаги, судебных пошлин при мировых соглашениях, а также за подлежащее оплате составление закладных листов.

Приходчик и расходчик нес ответственность за кассу учреждения. Служба его была исключительно исполнительской, то есть он действовал не по собственной инициативе, а только по указанию вышестоящего лица. Без соответствующего указа и подписи секретаря у него не было полномочий для выплаты жалования или выписки документов.

В судах Пермского наместничества обязательства приходчика и расходчика исполнял один из делопроизводителей учреждения, которого выбирали сроком на один год из круга сослуживцев. При удовлетворительном выполнении обязанностей срок, как правило, продлялся. Перевыборы назначались в случае перегруженности приходчика и расходчика. Например, когда руководству верхней расправы Екатеринбурга стало ясно, что работа для отставленных от прежних административных структур служителей более трудоемка, чем предполагалось, архивариус учреждения И. Решетников был освобожден от всех дополнительных обязанностей. В начале 1784 г. его материальная ответственность была перепоручена канцеляристу А. Могильщикову⁵³⁸. Также причиной для проведения перевыборов являлась утрата доверия руководства учреждения. Уже упоминавшийся Верхотурский копиист М. Дрождин, занимавший пост приходчика и расходчика в 1783--1785 гг., оказался не чист на руку, и расправный судья Ф. Милле принял решение его сменить⁵³⁹.

⁵³⁸ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 20. Л. 6об.

⁵³⁹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 161. Л. 90.

Служители на должности приходчика и расходчика материально не поощрялись, а их оклад не отличался от других канцелярских служителей того же разряда⁵⁴⁰.

Расчетным днем для осуществления финансирования считался день открытия присутственных мест. До этой даты персонал, переведенный из прежних административных структур, оплачивался по старым тарифам. С этого дня по всем вопросам, касавшимся бюджетирования новых учреждений, необходимо было обращаться в казенную палату и ее уездные представительства.

Для того, чтобы инициировать процесс выплаты жалования, каждое учреждение должно было выслать в казенную палату списки состоящих в их штате чиновников и канцелярских служителей. Это происходило в зависимости от конкретной даты открытия присутственных мест в том или ином городе в период с ноября до последних дней декабря 1781 г.⁵⁴¹ Система, однако, дала сбой. Из-за повсеместного недостатка кадров судебские и канцелярские аппараты не сразу формировались⁵⁴². Затруднения возникали и в связи с мало реалистичным требованием занимать вакантные места строго в соответствии с Генеральным регламентом. К тому же роль играло и то, что сама казенная палата как орган только что созданный должна была для начала войти в рабочий ритм.

Итак, новый административный механизм запустился с трудом. Ошибки в межведомственной коммуникации привели к тому, что из 23 уездных учреждений ведомости о жаловании не были отправлены в Пермь. В результате они оставались без финансирования в течение всего первого года преобразований.

Екатеринбургская нижняя расправа, как одно из пострадавших учреждений, пыталась связываться с казенной палатой. Старания оказались, однако, напрасными. На регулярные напоминания о том, что «Екатеринбургская нижняя расправа, имея рассуждение, что как январская сего года треть уже истекает, за которую из положенных по штату пермского наместничества окладов надлежит по указу Ея императорскаго величества жаловать расправному судье Гизелевскому, сельскими заседателями [...] всего 387,32 рублей», ни ответа, ни жалования получено не было⁵⁴³.

Объяснительное письмо от руководства наместничества пришло в нижнюю расправу Екатеринбурга только 7 октября 1782 г. Тогда выяснилось, «что в разные всего наместничества города по неприсылке в настоящее время требования при ассигновании за январскую всего года треть жалования не отпушено имянно в нижние расправы

⁵⁴⁰ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 135, 172. Д. 36. Л. 287.

⁵⁴¹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 42. Л. 20, 34, 45, 67об., 75, 91об.

⁵⁴² ГАПК. Оп. 1. Д. 11. Л. 5об. --6, 10--14, 106--107об., 178.

⁵⁴³ ГАСО. Ф. 591, Оп. 1. Д. 5. Л. 34об --35; кроме того, см. многократно повторяющиеся просьбы о выплате жалованья: там же. Л. 10, 13, 18об., 24--25, 34--35, 40, 47, 58.

Кунгурскую, Ирбитскую, Верхотурскую, Екатеринбургскую, Чердынскую...», а всем учреждениям «от палаты зделаны предписании, чтобы требования свои присылали немедленно времени и в пред наступлением каждой трети присылали заблаговременно [...]»⁵⁴⁴.

Проблема касалась и учреждений губернского уровня. Их обращения в Пермь, как показывает пример Екатеринбургской верхней расправы, не имели особого успеха. Выплата жалования за январскую треть 1782 г. не произошла даже 22 июля. И 25 ноября того же года руководство расправы отчаянно просило о выделении хотя бы части суммы на содержание канцелярии, поскольку уже к началу зимы заканчивались дровяные запасы⁵⁴⁵.

Описанные трудности не были явлением переходной фазы. В течение всего рассматриваемого периода неполные выплаты жалования были скорее правилом, нежели исключением. Бюджетирование учреждений редко осуществлялось по установленному тарифу. Большую часть времени высылаемые из Перми денежные средства находились чуть ниже установленного в штатах лимита. Работникам канцелярии Екатеринбургской верхней расправы в течение десятилетия (с 1783 по 1793 гг.) было выплачено жалования 95,15% от должного объема (штрафы и премиальные в расчет не включены). В январскую треть 1783 г. -- 93,80%, в майскую треть 1783 г. -- 95,60%, в майскую треть 1784 г. -- 92,90%, в январскую треть 1795 г. -- 97,40%, в майскую треть 1785 г. -- 96,10%, в сентябрьскую треть 1788 г. -- 94,70%, в сентябрьскую треть 1790 г. -- 94,10%, в январскую треть 1792 г. 95,30% и в январскую треть 1793 г. -- 96,45%⁵⁴⁶.

Схожая ситуация наблюдалась в уездах. Здесь после вычета жалования членов присутствия для финансирования канцелярии оставалось 111--113,5 рублей на треть года. Из этой суммы должны были оплачиваться семь человек: пять канцелярских служителей, переплетчик и сторож. Отклонения объяснялись прежде всего необходимостью нанимать дополнительный «сверх штатного» персонал. Кроме того, сумма в 16,5--16,7 рублей была предусмотрена для покрытия текущих расходов. Это соответствует действительности, если исходить из годовой суммы в 342 рубля: 97,4% -- 99,5 %⁵⁴⁷.

Существенным изменениям подвергались канцелярии нижних расправ в конце 1780-х гг.: их бюджет сократился тогда на более чем 40%; вместо 342 рублей ежегодно им теперь начали выплачивать лишь 260--270 рублей. На практике это означало, что сумма,

⁵⁴⁴ Там же. Л. 65.

⁵⁴⁵ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 9, 19--20, 46, 57.

⁵⁴⁶ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 71--72об., 111, 121--122, 136, 143--144, 146--147, 157--158, 172--173. Д. 23. Л. 34, 119. Д. 36. Л. 287--288. Д. 47. Л. 14--15об.. Д. 56. Л. 125--126, 135.

⁵⁴⁷ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 159. Л. 157--157об.

выделяемая для выплаты жалования, снизилась с 96,97 до 83,84 рублей на треть года. Соответственно на канцелярский расход оставалось лишь 9,10 рублей вместо предыдущих 16,65 рублей. Последствия бюджетных сокращений были ощутимы. Об этом свидетельствуют ведомости о жаловании Чердынской нижней расправы за январскую и майскую трети 1794 г. В указанный период канцеляристы Иван Прозоров и Михаил Овчинников получили по 22,80 и 20 рублей, что соответствует, если исходить из установленных в штатах 80 рублей в год, 85,40% и 74,90% учрежденной нормы. Подканцелярист Иван Батурин получил 15,20 рублей и 14,80 рублей (91% и 88,60%) от предыдущих денег в счет жалования. Ниже всех оказалось жалование копииста Петра Шера: выплаченные ему 10 и 10,50 рублей соответствовали лишь 75,2 % и 78,95% положенной ему по рангу суммы⁵⁴⁸.

Иным способом реагировало на изменившуюся ситуацию руководство нижних расправ Верхотурья и Красноуфимска. Оба учреждения сократили после 1788 г. свой канцелярский аппарат с пяти до четырех человек, а «сверх штатные» работники больше не принимались. Таким образом, удалось сохранить большую часть жалования оставшимся кадрам⁵⁴⁹.

Кроме описанных событий возникали и более серьезные бюджетные проблемы, как показывает эпизод, случившийся в 1787 г. в Верхотурской нижней расправе. Здесь два независимых друг от друга обстоятельства привели к тому, что канцелярии пришлось обойтись бюджетом более чем на 100 рублей ниже запланированного. Первое заключалось в том, что секретарь учреждения Н. Копылов в связи с тем, что подлежал подушному сбору, не мог получить жалование в 150 рублей, как это было предусмотрено законодателем для канцеляристов, исполняющих секретарскую должность⁵⁵⁰. Чтобы как-то поддержать материально прилежного секретаря, ему выплатили компенсацию за счет общего бюджета⁵⁵¹. Более того, денежные переводы из Перми поступили в уездное казначейство не в полном объеме⁵⁵². Несмотря на это, судья Ф. Милле настаивал на поощрении Н. Копылова, что оказалось не очень дальновидным решением. Во-первых, таким образом годовое жалование остальных канцелярских служителей уменьшилась на 54,45 рубля. И, во-вторых, учреждению пришлось брать деньги в долг. Дыра в бюджете

⁵⁴⁸ ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Л. 24--25об.

⁵⁴⁹ Оба органа располагали примерно одинаковым бюджетом, как следует из различных ведомостей 1788, 1790, 1794 годов (83,15 руб., 84,06 руб. и 83,95 рублей в Верхотурье и 83,60 руб., 85,15 руб., весной и летом 1794 г. в Красноуфимске). ГАПК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 33--33об.. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 161. Л. 90. Д. 257. Л. 55. Д. 277. Л. 5об., 11.

⁵⁵⁰ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 158. Л. 128.

⁵⁵¹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 159. Л. 98.

⁵⁵² Там же. Л. 143.

была слишком велика, чтобы расплачиваться с торговцами и мастерами за товары и оказанные услуги⁵⁵³.

Инцидент являлся еще и потому контрпродуктивным, что послужил возникновению трещины во взаимоотношениях между сотрудниками. Оказавшийся в более выгодном положении Н. Копылов был сначала избит сослуживцами⁵⁵⁴, а затем последние взломали казну учреждения, оправдывая свое деяние тем, что «они за невыдачею из казначейства положенной на них суммы, а паче за неполучению ассигнаций со всеми домашними за дороговизной хлеба приходят во всекрайнейшее разорение»⁵⁵⁵. Принятые затем меры -- взыскание штрафов и пеней, а также обращения судьи Ф. Милле в казенную палату о переводе недошедших 54,45 -- оказались безрезультатными⁵⁵⁶. Деньги не поступили, и канцелярия осталась настроена против руководства: Ф. Милле вскоре был переведен в Кунгур, Н. Копылов вернулся в родной Ирбит на канцелярскую должность в уездном казначействе⁵⁵⁷.

Если мы говорим о проблеме недостаточного финансирования местных органов власти, возникает вопрос о том, что подразумевалось под понятием «низкий оклад» в рассматриваемый нами период. Представление об этом могут дать цены на хлеб и другие основные продукты питания в соответствующем регионе. По мнению Л.Ф. Писарьковой, ссылавшейся в своих описаниях на мемуары Ф.Ф. Вигеля, до конца 70-х гг. XVIII в. жалованье канцелярских служащих в Российской империи было вполне достаточным для того, чтобы вести жизнь в скромном достатке и быть уважаемым человеком⁵⁵⁸. Однако с начала 1780-х гг. стали отчетливо проявляться последствия ценовой революции, произошедшей в России позже, чем в большинстве европейских стран⁵⁵⁹. Как показал Б.Н. Миронов в своей монографии «Хлебные цены в России за два столетия», в последней четверти XVIII в. в большинстве регионов России цены на распространенные сорта зерновых (рожь, ячмень, пшеница, греча) и основные продукты питания (свежая говядина, топленое масло и мед) существенно выросли.

Средний Урал не являлся исключением. Это демонстрирует приведенная ниже таблица (таб. 3) на примере роста рыночных цен на некоторые традиционные сорта зерновых в четырех городах Пермского наместничества: Верхотурье, Екатеринбурге, Кунгуре и Шадринске, в период с 1781 по 1796 гг. Из таблицы следует, что в год

⁵⁵³ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 111. Л. 289.

⁵⁵⁴ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 98. Л. 312.

⁵⁵⁵ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 111. Л. 122об.

⁵⁵⁶ Там же. Л. 131, 146.

⁵⁵⁷ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 21. Л. 37. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 106. Л. 73.

⁵⁵⁸ Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII - первой половине XIX века. С. 136; Записки Ф.Ф. Вигеля. С. 27--28.

⁵⁵⁹ Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII -- XIXвв.). Ленинград, 1985. С. 186--188.

основания наместничества цена за четверть пуда ржи на рынках Екатеринбурга составляла 101 копейку, а в Верхотурье -- 135 копеек. К концу рассматриваемого периода она возросла до 517 копеек в Кунгуре и до 840 копеек в Верхотурье, что соответствует среднему росту цен в 598%. Схожее развитие цен просматривается в указанных городах и для других сортов зерновых. На овес, ячмень и пшеницу цены в последние пятнадцать лет правления Екатерины II поднялись в среднем на 613%, 487% и 357% соответственно.

Таблица 3

Развитие розничных цен за зерновые в Пермском наместничестве за 1780-1790-е гг. (в номинальных копейках за четверть)				
	Верхотурье	Екатеринбург	Кунгур	Шадринск
Рожь				
1781	135	101	132	-
1796	840	787	517	675
Прирост цены в %	622	779	392	-
Овес				
1781	85	-	43	-
1796	528	-	260	420
Прирост цены в %	621	-	605	-
Ячмень				
1781	110	108	126	-
1796	720	490	444	-
Прирост цены в %	655	454	352	-
Пшеница				
1781	292	265	250	600
1796	1120	1125	1128	1000
Прирост цены в %	384	425	451	167

Таблица составлена по данным Б.Н. Миронова «Хлебные цены». Таб. 6.⁵⁶⁰

Данные о рыночных ценах на другие продовольственные товары являются менее точными, поскольку они относятся к так называемому Восточному району (по данному источнику -- Вятская, Пермская, Оренбургская, Уфимская и Самарская губернии), сильно отличавшемуся по своим климатическим и природным условиям. Ценовое развитие, указанное в золотых копейках, соответствующих 1/10 империи за период 1771--1780 гг. и 1781--1790 гг., выглядит следующим образом: гречка (1771--1780 гг.: 218; 1781--1790 гг.: 499), говядина (свежая) (1771--1780 гг.: 59; 1781--1790 гг.: 58), мясное сало (1771 г.: 193; 1781--1790 гг.: 223) и мед (1771--1780 гг.: 341; 1781--1790 гг.: 473). Эти числа свидетельствуют о процентном росте на данные продукты на 193,3%, 183,1 % и 189,4%, соответственно⁵⁶¹.

⁵⁶⁰ Там же. Таблица 6.

⁵⁶¹ Там же.

Описанные трудности ужесточились в неурожайные 1782 и 1783 гг. В первый год была затронута северная часть наместничества. Это были находившиеся в зоне рискованного земледелия Чердынский, Соликамский и Верхотурский уезды. Но в следующем 1783 г. проблема распространилась и на «житницы» Среднего Урала: от низкого урожая пострадали Шадринский, Далматовский и Камышловский уезды. Традиционная система перераспределения зерновых дала сбой. Генерал-губернатор Е.П. Кашкин спешил достичь договоренностей с соседними Казанским и Вятским наместничествами о поставке продовольствия в особо пострадавшие районы подчиненной ему территории. Исполнительным органам было дано указание взять под контроль проблему снабжения: лимитировать потребление зерновых и форсировать работу на заводах, чтобы закупить на дополнительные средства зерновые в других регионах. Меры местных властей не везде приводили к желаемому результату. В сильно пострадавшем Верхотурском уезде крестьяне прекратили платить подати, а также отказались от заводских работ⁵⁶².

Дополнительным фактором, снижавшим покупательную способность получающих казенное жалование лиц, являлось перманентное падение курса введенных в 1769 г. ассигнаций. Активная внешняя политика страны, а также весьма затратное содержание царского двора (в этом Российская империя ни в чем не отличалась от остальных европейских держав той эпохи) стали главной причиной существенных дефицитов (до 20%) в казне. В последней трети XVIII в. государственные расходы выросли приблизительно в четыре раза, что в конце 1780-х гг. побудило правительство к почти неограниченной эмиссии бумажных денег. Это повлияло на курс ассигнаций по отношению к серебряному рублю. Если бумажные рубли стоили в 1769--1786 гг. 98--99 серебряных копеек, то в последние года правления Екатерины курс ассигнаций находился практически в свободном падении. В период с 1787 по 1796 г. бумажный рубль потерял около 18% стоимости. Своего промежуточного пика инфляция бумажных денег достигла, однако, в 1793--1795 гг., когда рубль ассигнациями стоил 70% серебряного рубля⁵⁶³.

Учитывая описанные обстоятельства: галопирующую инфляцию при практически неизменившихся с 1763 г. окладах «бюджетников», задержки или сокращения выплат жалования могли привести к тяжелым последствиям. Лишение практически единственного источника дохода заставило канцелярских служащих, как они, однако, не

⁵⁶² Побережников И.В. Проведение областной реформы Екатерины II на Урале (на материале пермского наместничества).

⁵⁶³ Каменский А.Б. Россия в XVIII в.. С. 128--130; Миронов Б.Н. Хлебные цены. С. 36--37.

без свойственной им театральности, выразились, подумывать о «продаже домов и прожитков как своих, так и семейств своих»⁵⁶⁴.

Как уже говорилось, из бюджета присутственных мест выделялась определенная сумма для покрытия расходов на содержание канцелярии, которая тратилась на обеспечение технического функционирования управленческого процесса. Величина суммы определялась местными властями и зависела от статуса учреждения. В Пермском наместничестве высшие судебные органы -- уголовная и гражданская палаты -- получали 120 рублей в год. Такую же сумму имели в своем распоряжении сословные суды второй инстанции для дворян и городского населения, верхний земский суд и губернский магистрат. В обеих верхних расправах данная статья бюджета составляла 80 рублей. Всем судебным учреждениям уездного уровня -- уездным судам, городским магистратам и нижним расправам, а также нижним земским судам – ежегодно выделялось для покрытия текущих расходов 50 рублей (таб. 4).

Таблица 4

Размер ежегодно выплачиваемой суммы на канцелярский расход			
	Количество учреждений по наместничеству	Количество подчиненных учреждений	Канцелярский расход в рублях
Учреждения уездного ранга			
Уездный суд	4	-	50
Городской магистрат	8	-	50
Нижняя расправа	11	-	50
Нижний земский суд	15	-	50
Учреждения областного ранга			
Верхний земский суд	1	4	120
Губернский магистрат	1	8	120
Верхние расправы	2	11	80
Учреждения наместнического ранга			
Гражданская палата	1	3	120
Уголовная палата	1	3	120

Таблица составлена по данным ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 21.

Преобладающая часть данной суммы уходила на покупку канцелярских принадлежностей, из которых наиболее затратным оказалось приобретение бумаги. В два последние десятилетия XVIII в. стопа бумаги третьего сорта стоила, в зависимости от места приобретения, от 1,35 до 2,00 рублей, второго сорта – от 1,80 до 3 рублей, а первого

⁵⁶⁴ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 111. Л. 131.

– от 2,50 до 3 рублей. В 1784 г. Верхотурская нижняя расправа закупила 19 стоп бумаги второго и третьего сортов на сумму в 32,35 рубля⁵⁶⁵. Верхняя расправа Екатеринбургa истратила 69,50 рублей на 31 стопу бумаги⁵⁶⁶. Это позволяет сделать вывод, что оба учреждения потратили только на покупку бумаги 64,7% и 86,9% всего предусмотренного для покрытия канцелярских нужд бюджета. В этом они не являлись исключением. Судя по другим изученными нами ведомостям, Красноуфимская, Осинская и Чердынская нижние расправы использовали на покупку бумаги от 71,3% до 81,6% соответственной статьи бюджета⁵⁶⁷.

К тому же для обеспечения делопроизводственного процесса необходим был сургуч, стоимостью за фунт от 0,40 до 0,75 рубля за третий сорт и 1,20--1,80 рублей за второй сорт, а также нитки, фунт которых стоил 0,50--0,60 рубля, конопля или ее волокна для изготовления шнуров, иголки. Стоимость поставки чернил или соответствующего сырья для их изготовления составляла 0,50--0,60 рубля. Гусиные и лебединые перья купили десять штук за 0,20--0,30 рубля, и осетровый клей за 0,25 рубля⁵⁶⁸.

В зимние месяцы расходы возрастали еще по двум статьям. Запас сальных свечей, стоивших на Среднем Урале в 1780-х гг. от 2,10 до 2,50 рубля за пуд, обошелся в ноябре 1783 г. верхней расправе Екатеринбургa в 16,80 рублей. На освещение помещения Верхотурская нижняя расправа потратила в феврале 1784 г. 10,98 рублей, а в декабре 1787 г. 12,50 рублей, то есть 63,2%, 66,1% и 75,3 % бюджета. Для отопления зданий в зимние месяцы требовались между одиннадцатью и четырнадцатью сажень соснового или березового дерева, стоившего 0,24--0,29 рубля за сажень⁵⁶⁹.

Для замены интерьера и мебели в казенных зданиях средств почти не оставалось, поэтому их старались поддерживать в сносном состоянии посредством ремонта и починки. За небольшие суммы от 0,15 до 0,55 рублей покупались замки, крючки, петли, которые монтировались на дверях, ящиках. Чинили и подсвечники, заменяли столешницы. Закупка материалов для ремонта печи и оконных стекол, а также оплата работы мастеров стоили от 1,50 до 2,75 рублей⁵⁷⁰.

В первые годы преобразований определенную роль играли единичные приобретения. Так, в соответствии с указом от 23 октября 1781 г. для всех гражданских чиновников были введены единообразные мундиры. Внешний вид мундиров не был

⁵⁶⁵ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 107. Л. 373--373об.

⁵⁶⁶ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 20. Л. 164--165об.

⁵⁶⁷ ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33. Л. 31, 92об. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 114. Ф. 53. Оп. 2. Д. 11. Л. 44.

⁵⁶⁸ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 111. Л. 73--74, 288--289об.

⁵⁶⁹ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 26. Л. 27--27об. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 159. Л. 89--89об. Д. 161. Л. 68--69. Д. 175. Л. 86об. Д. 277. Л. 1--5об.

⁵⁷⁰ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 159. Оп. 1. Д. 168--168об.

строго регламентирован, лишь цветовая гамма должна была соответствовать губернскому гербу, покрой же и качество материалов, из которых были сшиты кафтан и воротник, могли варьироваться⁵⁷¹. Мундиры были далеко не дешевыми. За их покупку, как показывает запись в журнале Екатеринбургской верхней расправы от сентября 1782 г., учреждению был выставлен счет на сумму в 125,82 рубля. Мундиры коллежских асессоров Г. Иконникова, А. Михайлова, В. Лазаревича стоили каждый по 37,15 рублей. Более скромные модели были куплены для секретарей учреждения. Стоимость мундира губернского секретаря Е. Олышева составила 28,38 рублей, и на обмундирование Н. Овчинникова, занявшего чин регистратора, были потрачены 23,14 рубля⁵⁷².

Ни в Екатеринбурге, ни в Верхотурье учреждениям не удавалось уложиться в предусмотренный для канцелярского расхода бюджет. Существенную роль в регулярном превышении бюджета на 18%--20% играла потребность в бумаге. Наиболее этой проблеме была подвержена Екатеринбургская верхняя расправа.

Годовой бюджет для покрытия канцелярских расходов составил в верхних расправах 80 рублей. При установлении суммы законодатель, скорее всего, исходил из того, что в их подчинении будет находиться не более 2-4 нижних расправ. В Пермском наместничестве, однако, дела обстояли иначе. Как уже говорилось, создание двух апелляционных судов для сельского населения было обусловлено особенностями социального состава местного населения. Одна Екатеринбургская верхняя расправа отвечала за 14 уездных учреждений: за семь нижних расправ, а также, в связи с отсутствием верхнего земского суда в зауральской части наместничества, за все нижние земские суды.

При согласовании штатов Пермского наместничества местные власти не в должной мере учли позицию Екатеринбургской верхней расправы. Невзирая на расширенный объем обязанностей, верхняя расправа финансировалась строго по закону, в соответствии с квотами, выделяемыми апелляционному суду для сельского населения губернии. Таким образом, все другие судебные учреждения Среднего Урала: верхний земский суд и городской магистрат, а также уголовная и гражданская палаты, находились в более выгодном финансовом положении. Несмотря на меньшую степень загруженности их канцелярий – им подчинялись от 4 до 9 учреждений -- их бюджет был сравнительно высок: ежегодно они получали по 120 рублей.

⁵⁷¹ Лобанов Д.А. Геральдическая комиссия Пермской области. Штатные команды Пермского наместничества 1781–1796 гг. Особенности комплектования, вооружения, снаряжения и обмундирования [Электронный ресурс] // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Административно-территориальные реформы в России. -- Режим доступа: http://bergenschild.ru/publicacii/Statnye_komandy_Perm_1781.pdf

⁵⁷² ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 51.

В Пермском наместничестве материальное обеспечение изученных нами судебных учреждений и их финансирование были недостаточными; реальные потребности удовлетворялись лишь частично. В трудном положении оказались не только присутственные места во вновь созданных городах, проблем хватало и в традиционных административных центрах. Низкий уровень материального снабжения препятствовал беспроblemному течению управленческого процесса в судах как в Екатеринбурге, так и в Верхотурье.

В первый год преобразований финансирование присутственных мест задерживалось, поскольку еще не были выработаны межведомственные взаимоотношения. В итоге бюджетирование учреждений было начато не ранее октября 1782 г. Как было показано на примере нижней расправы Верхотурья, от недофинансирования страдали прежде всего члены канцелярского аппарата. Усугубило проблему экономическое положение страны – рост цен на продукты питания при одновременном падении курса ассигнаций.

Не без последствий для качества делопроизводственного процесса прошли повторные сокращения канцелярского бюджета. В нижних расправах Пермского наместничества бюджет был и так на 166 рублей ниже установленного законодателем годового тарифа (342 рубля вместо положенных 508 рублей). В конце 1788 г. он был еще более урезан и составлял лишь 260--270 рублей в год, что привело к кадровым сокращениям и еще более серьезным проблемам со снабжением.

Выделяемого для канцелярских нужд бюджета хватало мало-мальски для обеспечения присутственных мест бумагой и отопительными материалами. Не хватало средств на более чем необходимый ремонт казенных строений, что пагубно сказывалось на эффективности работы размещенных в них присутственных мест. Особенно остро стояла эта проблема в Верхотурье, где приказные палаты находились в «аварийном состоянии» уже в начале рассматриваемого периода.

3.3. Функциональность коммуникационной системы на Среднем Урале

Следующим не менее важным фактором, влиявшим на эффективность деятельности исследуемых учреждений, являлась функциональность системы коммуникаций. От качества путей сообщения зависела скорость, с которой служебная почта перевозилась по трактам и проселочным дорогам в данном регионе. И, что не менее важно, от качества организации почтовых сообщений зависел срок, за который передаваемая информация становилась доступной.

Основным источником сведений для этого являются докладные реестры, в которых тщательно фиксировалась вся внутренняя и внешняя документация учреждений. Регистрировались проходной номер, дата получения документа и его отправления, отправитель и адресат. В реестре входящих документов также предоставлялись данные о принимаемом управленческом акте. Таким образом, эти источники дают не только информацию о количественном документообороте соответствующего учреждения. Сравнение данных входящей и исходящей документации позволяет понять состояние и степень функциональности коммуникационной сети рассматриваемого региона. Последняя графа дает представление о трудовой интенсивности и уровне загруженности того или иного учреждения, что имеет огромное значение для оценки возможности исполнения правительственных директив.

В 1781 г. состоялось официальное открытие Большой почтовой дороги, связавшей на территории Пермского наместничества Оханск, Пермь (67 верст / 71,5 км⁵⁷³), Кунгур (82 версты / 87,5 км), Екатеринбург (272 версты / 290,2 км) и Камышлов (126,5 верст / 135 км). Перенесение главного пути сообщения на юг существенно улучшило почтовую инфраструктуру. Сибирский тракт, пролежавший через Владимир, Нижний Новгород, Чебоксары, Свияжск, Казань, Кунгур, Екатеринбург и Тюмень сократил расстояние между Москвой и Тобольском с 2 409 до 2 000 верст (с 2 590 до 2 134 км). Качество дороги также позволяло экономить время. Бывшая главная транспортная артерия, соединявшая Соликамск, Верхотурье и Туринск, -- Бабиновская дорога – проходила через густые леса и горную местность, почва которой была глинистой, и бездорожье, затягивавшееся часто до летних месяцев, делало путь непроходимым⁵⁷⁴.

Остальные уездные города Среднего Урала, располагавшиеся в стороне от Московско-Сибирского тракта, были соединены с главной дорожной сетью ответвлявшимися от главной магистрали почтовыми и проселочными дорогами. В первый

⁵⁷³ Одна верста равняется 1,0668 км.

⁵⁷⁴ Экономически более выгодный, так как более короткий, путь через Екатеринбург (до 1723 г. от Уктусского завода), Уткинскую слободу, Кунгур и пролегающий около Камы путь между европейской частью страны и Сибирью использовался торговыми караванами со второй половины XVII века параллельно. Уже в 1720 г. В.И. Татищев безуспешно пытался добиться легализации «неуказной дороги». Переход через Урал в обход таможенной станции в Верхотурье был позже санкционирован. Смягчение запрета последовало с указом от 27 сентября 1754 г. «О тракте, по которому купцы и другого звания люди из Российских городов в Сибирь и оттуда чрез Верхотурье проезжать обяваны». По настоянию Берг-коллегии для почтовых передач (указов и других писем) в и из казенных и партикулярных заводов был открыт южный путь на Урал и в Сибирь. Почта должна была доставляться по данному пути два раза в неделю. На созданных почтовых станциях надлежало держать по четыре лошади. Для транспортировки любых иных товаров Бабиновская дорога оставалась единственным официальным путем в Сибирь. Окончательно свое значение она утратила с 1763 г., когда была закрыта таможенная станция в Верхотурье (Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII -- XIX вв. Новосибирск, 2004. С. 86--89; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в XVI -- начале XVIII в. С. 111, 122--126; ПСЗРИ-1. Т. 16. № 10302. С. 231-233).

год преобразований на территории Пермского наместничества имелось 55 трактов и главных дорог.

Из губернского города Перми вела почтовая дорога через Соликамск (277 верст / 295 км) в Чердынь (372,3 версты / 397 км). В уездный город Оса можно было попасть двумя способами: зимой и летом через Юговской и Анненский заводы (111 верст / 118,4 км), а в межсезонье требовалось добираться в обход, через Оханск. В расположенный на юго-западе от губернского города Красноуфимск почта из Перми следовала через Кунгур и Ачитскую крепость.

Главным транспортным узлом зауральской части наместничества был Екатеринбург. Отсюда в уездный город Алапаевск почта шла через Верхнюю Пышму и Липовское село (135 верст / 144 км). Далее в районе деревни Останина дорога разветвлялась: поворот налево вел через Салдинский погост в находящееся в 291 верстах (310,4 км) от областного города Верхотурье. Поворачивая направо, дорога шла вдоль левого берега реки Нейвы в расположенный на северо-востоке от Алапаевска город Ирбит. Дорога, ведущая в уездные центры на юго-востоке наместничества, ответвлялась от Сибирского тракта в Косулинском селе (25 верст / 26,7 км от Екатеринбурга) и дальше следовала через Каменский завод, Катайскую слободу в Далматов (154 версты / 164, 3 км) и Шадринск (199 верст / 212,3 км)⁵⁷⁵.

Так же, как и ее предшественники, Екатерина работала над улучшением почтовой инфраструктуры. Она планировала издание почтового учреждения. Ориентиром служил проект, разработанный генерал-прокурором А.А. Вяземским в 1770 г. В соответствии с этим документом, ориентируясь на условия нового Нарвского тракта, каждая почтовая станция должна была укомплектовываться 10-ю квалифицированными служащими и иметь не менее 25 лошадей, шесть из которых во избежание задержек должны были круглосуточно находиться в надлежащей готовности. Чтобы обеспечить максимально простую смену лошадей, каждая почтовая станция должна была оснащаться 10 санями, седлами и дилижансами; вожжи, недоуздки и другая экипировка лошадей должна была всегда наличествовать в достаточном количестве. Согласно подсчетам Вяземского, таким образом, в зависимости от времени года, могла быть достигнута скорость курьерской и ординарной почты в 11--12 верст (11,7--12,8 км) в час, что означало бы существенное улучшение почтового сообщения. В петровскую эпоху от почтовых курьеров ожидали, что они смогут проехать 8 верст (8,12 км) за один час⁵⁷⁶.

⁵⁷⁵ Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт. С. 87--90; Историческо-географическое описание Пермской губернии. 1801. §§ 50, 57, 67--68, 73, 76, 82, 89, 95, 100, 106--107.

⁵⁷⁶ ПСЗРИ-1. Т. 19. № 13435. С. 35--40; Cvetkovski R. Modernisierung durch Beschleunigung: Raum und Mobilität im Zarenreich. Frankfurt a.M., 2006. С. 116--117; Randolph J. Communication and Obligation: The

Децентрализация управленческого аппарата в 1775--1785 гг. сделала улучшение путей сообщения на уровне провинций и уездов необходимостью. В 1781--1782 гг. губернаторы призывались сообщать точные данные о состоянии на вверенных им территориях дорог и почтовых трактов, ведущих в Санкт-Петербург. После всех полученных сведений правительству следовало приняты меры по улучшению сети почтовых дорог и станций⁵⁷⁷. Старания не прошли даром. Согласно исследованиям американского историка Дж. Рандольфа, в последние три десятилетия XVIII в. количество почтовых лошадей увеличилось в 9 раз, а почтовых станций в 6 раз. Если в 1769 г. для почтовой подготовки и транспортировки использовались 574 станции и 3 866 лошадей, то в 1801 г. уже работали 3 222 станции, располагавшие 37 840 лошадьми⁵⁷⁸. В конце рассматриваемого периода Средний Урал обладал довольно густой сетью почтовых станций. Смена лошадей была возможна в среднем каждые 21,4 версты / 22,9 км. На главной дороге между Оханском и Камышловом располагались 25 станций, а между Пермью и Чердыню 13. Отрезок длиной в 125 верст (133,4 км) между Пермью и Осой был разделен на шесть этапов. Областной город Екатеринбург и Верхотурье соединяли 10 почтовых станций, и восемь раз можно было поменять лошадей на отрезке Екатеринбург -- Шадринск⁵⁷⁹.

Однако количество находящихся на станциях лошадей было и к концу века существенно ниже, чем рекомендовалось в проекте Вяземского. Из историко-географического описания Пермской губернии 1800 г. следует, что в конце 1790-х гг. на

Postal System of the Russian Empire, 1700--1850 // *Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600--1850*. Cambridge, 2017. С. 170.

⁵⁷⁷ Указ от 26.10.1781 г. генерал-губернатору Малороссии князю Петру Румянцеву-Задунайскому указывает на недостатки почтовой связи и неудовлетворительное состояние дорог между городами губернии и соответствующими уездами и повелевает заняться решением данной проблемы (ПСЗРИ-1. Т. 21. № 15256. С. 925). Указ от 13.01.1782 г. повелевает изготовить карты всех почтовых дорог в стране и собрать для этого все необходимые данные (ПСЗРИ-1. Т. 21. № 15323. С. 378--379).

⁵⁷⁸ Сравни Randolph J. *Communication and Obligation: The Postal System of the Russian Empire*. С. 179. Используемые в описании цифры основаны на данных дорожника 1801 г., а также из описаний А.Л. Шлецера в книге Schlözer A.L. *Vom Postwesen im Russischen Reiche // J.J. Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Russland*. Bd. 1. Riga und Mietau, 1769. S. 301--307.

⁵⁷⁹ Принятые в начале 1780-х гг. меры по улучшению инфраструктуры привели к расширению дорожной сети. К примеру, на Среднем Урале произведено обновление дороги между Пермью и Соликамском, осуществленное параллельно с официальным открытием Московско-Сибирского тракта, благодаря которому расстояние между этими городами сократилось с 281 на 187 верст (с 299,8 на 199,5 км.). Повышению эффективности почтовых услуг на этом отрезке дороги, это, однако, не способствовало, так как курьерам разрешалось пользоваться только официальными почтовыми дорогами. (ПСЗРИ-1. Т. 15. № 11535. С. 1005). Соответственно, почтовое обеспечение Соликамска и Чердыни осуществлялось по старой дороге, длина которой составила 281 и 376 версту / 299,8 и 401,2 км. Схожей являлась ситуация относительно почтового сообщения между Пермью и Верхотурьем, проходившего через Екатеринбург (650 верст / 693,4 км.). Дорога, ведущая через Соликамск, была существенно короче: лишь 460 верст / 490,7 км. Также по дороге в Осу почта круглый год следовала через Оханск, а не по прямому пути (Попов Н.С. *Хозяйственное описание Пермской губернии*. Ч. 2. С. 130--131).

Среднем Урале почтовые станции вдоль Московско-Сибирского тракта были оснащены 15 лошадьми каждая, а на второстепенных дорогах четырьмя лошадьми⁵⁸⁰.

В соответствии с расписанием почта принималась в Перми по четвергам, а в Екатеринбурге по пятницам. Почтовые передачи, направлявшиеся в Москву и Санкт-Петербург, рассылались в зависимости от поступления почты в Сибирь. По этому графику работала почтовая доставка в городах, расположенных вдоль главного пути⁵⁸¹. Организация почты в уездных центрах, размещавшихся вдоль второстепенных дорог, осуществлялась один раз в неделю так называемыми экспедиторами⁵⁸².

Информацию о действенности сети коммуникаций и почтовой связи Пермского наместничества мы получаем, в первую очередь, из сравнения данных о входящей и исходящей документации в проанализированных нами журналах регистрации документов (реестрах). По почтовой дороге расстояние между губернским городом Пермью и Верхотурьем составляло 650 верст (693,4 км.). На первой части в 359 верст / 383,4 км дорога выходила на Московско-Сибирский тракт, далее на отрезке Екатеринбург -- Верхотурье (291 версту / 310,4 км) она следовала по уездным дорогам через станцию Шайтанку, Алапаевский завод и в конце – через Салдинский погост (*приложение 11*).

Для преодоления этой дистанции почте в 1792 г. требовалось в среднем 11 дней, что соответствовало скорости путешествия в 2,5 верст (2,7 км) в час. Лучший результат был достигнут в конце февраля -- начале марта 1792 г. Отправленная в этот период почта, содержащая четыре документа для нижней расправы, последний из которых был датирован 26 февраля, прибыла в самый северный уездный город Екатеринбургской области 3 марта⁵⁸³. Существенно менее выгодными оказались условия двумя месяцами позже: документы, датированные 13--15 апреля, были лишь три недели спустя, 3 мая, занесены в регистр нижней расправы. В течение 1792 г. из Перми в нижнюю расправу Верхотурья поступили всего 52 почтовых передачи. Регистр входящих дел учреждения свидетельствует о 21 случае быстрой транспортировки писем, когда почтовая доставка между городами занимала 8--9 дней. Кроме того, регистр содержит информацию о длительных случаях пересылки документов. В этих случаях почтовая доставка находилась в пути 15 дней и более.

⁵⁸⁰ Историческо-географическое описание Пермской губернии. §§ 42--43.

⁵⁸¹ Там же. §§ 51, 83, 101.

⁵⁸² При установлении подсчетов составители расписания ориентировались на времена года с относительно хорошими дорожными условиями. Например, из Ирбита зимой и летом почта отправлялась по субботам и воскресениям, а весной время рассчитать было нельзя, и доставка осуществлялась лишь два раза в месяц или реже (Историческо-географическое описание Пермской губернии. § 93).

⁵⁸³ 1792 год был високосным.

То, что природно-климатические условия имели прямое воздействие на состояние дорог, не требует дальнейшего обоснования. Таяние снегов, продолжавшееся на Среднем Урале в зависимости от широты местности с конца марта по начало – середину мая, регулярно превращало дороги в сплошное месиво⁵⁸⁴. Не удивительно, что в этот период росло количество задержек. Почтовые передачи, отправленные из Перми между 25 марта и 6 мая, поступали в Верхотурье в среднем через 15 дней, что означало превышение среднего годового показателя на четыре дня. Ранней осенью (со второй половины августа до конца сентября) начинавшиеся дожди также мешали транспортировке, хотя и в меньшей мере, чем весной. В это время для почтовой передачи на данном отрезке дороги требовалось 13 дней.

В зимний период, с октября по начало марта, а также во время двух-трех летних месяцев (с последней декады мая -- начала июня до первой -- второй декады августа) средняя продолжительность почтовой передачи на указанном участке дороги составляла 9,8 дней. Исключения, однако, встречались и в выгодное для транспортировки, то есть большей частью сухое, время года. В рассматриваемый 1792 г. почтовым курьерам в конце ноября -- начале декабря (24.11--10.12) понадобилось для транспортировки целых 17 дней, а в середине июля (10.07--24.07) они находились в пути две недели. Помимо объективных факторов, то есть возможной плохой погоды, внезапной оттепели или гроз, причину надо искать в так называемом «человеческом факторе», то есть в проблемах организации: недостаточное оснащение и обеспечение почтовых станций имело, само собой разумеется, прямое воздействие на скорость смены лошадей и тем самым на сроки транспортировки почты.

Как известно, зимой по насту сани могли передвигаться гораздо быстрее, нежели почтовые кареты по грунтовым дорогам⁵⁸⁵. Тем не менее, на круглосуточно функционировавшую почтовую службу это не оказало какого-либо заметного ускоряющего воздействия: и зимой, и летом среднее время доставки составляло 9,7 дней, что соответствовало скорости в 2,8 верст (3 км) в час. На работоспособность почтовых курьеров влияли, скорее всего, световые условия. В летние месяцы светлое время суток длится на Среднем Урале 16--18 часов, и 6,5--10 часов с конца октября по конец февраля, то есть в период стабильных морозов⁵⁸⁶. В крайне лесистой и гористой местности это

⁵⁸⁴ Подробное описание климата на Среднем Урале см. исследование Н. Штиглица: Штиглиц Н. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – Вып. 31: Пермская губерния: по сведениям 1869 г. СПб., 1875. С. 119–129).

⁵⁸⁵ Randolph J. Communication and Obligation: The Postal System of the Russian Empire. С. 183.

⁵⁸⁶ Названное время относится к Екатеринбург, т. е. самой южной точки дороги. Расхождение между Григорианским и Юлианским календарем, составляющее в XVIII в. одиннадцать дней, было учтено.

имело решающее значение. Указанные ранее рекордные 7 дней на отрезке Пермь -- Верхотурье выпадали на первую неделю весны, когда почва была, по всей вероятности, еще промерзшей, а продолжительность дня при этом составляла уже 11,5 часов.

Не менее положительно сказывались на скорости транспорта заботы правительства о улучшении логистики. Строительные работы для совершенствования, расширения и содержания в исправности главной магистрали между центрами страны и ее восточными окраинами велись непрерывно⁵⁸⁷. Меры, предпринятые с целью «сближения» Сибири с европейской частью России, являлись вполне успешными. Это становится ясно из анализа реестра входящих дел нижней расправы Верхотурья за первую четверть 1786 г., который содержит данные о продолжительности времени доставки документов, следовавших из верхней расправы Екатеринбурга (таб. 5). Согласно источнику, для преодоления расстояния между областным городом и Верхотурьем (291 версту / 310,4 км) требовалось в среднем 8,6 дней, что соответствует скорости в 1,4 версты (1,5 км.) в час. Путь в Верхотурье, как уже говорилось, проходил по второстепенным дорогам. В связи с этим средняя скорость почтовой доставки на отрезке Екатеринбург-Верхотурье была на 1,1 версту (1,2 км) в час ниже, чем на отрезке Пермь-Верхотурье, следовавшей большей частью (55,2%) по Московско-Сибирскому тракту.

Таблица 5

Сроки транспортировки и доставки документов из Екатеринбурга в Верхотурье (по данным реестра входящих дел за 1786 г.)

Дата регистрации входящего документа (входящих документов) по прибытию в Верхотурье	Дата регистрации исходящего документа (исходящих документов) при отправлении из Екатеринбурга	Время в пути	Срок доставки документов
Январь			
10.01. 1786	02.--05.01. 1786	5 дней	6–9 дней
17.01. 1786	31.12. 1785--13.01. 1786	4 дня	5–17 дней
28.01. 1786	12.--20.01. 1786	8 дней	9–17 дней
Февраль			
09.02. 1786	18.--29.01. 1786	11 дней	12–21 дней
23.02. 1786	03.--17.02. 1786	6 дней	7–21 дней
Март			
15.03. 1786	28.02.--06.03. 1786	9 дней	10–16 дней
20.03. 1786	09.03.--12.03. 1786	8 дней	9–12 дней
29.03. 1786	11.--20.03. 1786	9 дней	10–11 дней

⁵⁸⁷ О нормативах по строительству и содержанию состояния дорог, в особенности касательно Московско-Сибирского тракта, см. (Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт. С. 120--138); также см. соответствующий параграф «о дорогах в Губернии» в «Хозяйственном описании Пермской губернии» Н.С. Попова (Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. 2. С. 106–113).

Апрель			
07.04. 1786	21.03.--24.03. 1786	13 дней	14–17 дней
19.04. 1786	30.03.--07.04 1786	11 дней	12–19 дней
28.04. 1786	13.--17.04. 1786	11 дней	12–16 дней

Таблица составлена по данным ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 158. Л. 1--8об.

Описанные наблюдения подтверждаются отдельными записями в реестрах за 1787 г., свидетельствующими о качестве почтовой связи между Верхотурьем и рядом других городов, расположенных как на территории Пермского наместничества, так и за его пределами (таб. 6).

Таблица 6

Сроки доставки документов в Верхотурье из разных городов за 1787 г.

Город отправления	Расстояние между городами (в верстах/километрах)	Время в пути (в датах)	Время в пути до Верхотурья (в днях)
Алапаевск	156 / 166,4	1. 06.--09.02.1787 2. 18.--25.09. 1787	1. 3 дня 2. 7 дней
Ирбит	217 / 231,5	08.--16.04. 1787	8 дней
Красноуфимск	495,5 / 528,6	03.--19.12. 1787	16 дней
Оханск	717 / 764,9	13.--26.12. 1787	13 дней
Соликамск	273 / 291,2	18.--23.11. 1787	5 дней
Ишим (Тобольское наместничество)	873,5 / 931,8	17.02.--08.03. 1787	19 дней
Иркутск	4037,5 / 4307,4	19.12.1786--10.01. 1787	22 дня

Таблица составлена по данным: ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 158. Л. 1--52.

Указ надворного суда, покинувший Иркутск 19 декабря 1786 г., был зарегистрирован в Верхотурье 22 дня спустя, то есть 10 января 1787 г. Основная часть маршрута (4 037,5 верст / 4 307,2 км) проходила по Московско-Сибирскому тракту; последний отрезок дороги -- за Камышловом -- почта сворачивала на трассы второстепенного значения, пролегая по Ирбитскому почтовому тракту и далее по уездным дорогам на северо-запад и составляя лишь 4,5 % от общего пути. Таким образом, почтовая карета двигалась со средней скоростью в 7,65 верст (8,2 км) в час.

Пропорционально этому почтовая карета, покинувшая расположенный в 837, 5 верстах (893,5 км) от Верхотурья уездный город Ишим 17 февраля и зарегистрированная 8 марта, двигалась существенно медленнее. Юго-запад Тобольского наместничества и Верхотурье были в основном связаны проселочными дорогами. По Московско-Сибирскому тракту вела только одна пятая часть пути между Тюменью и Камышловом

длиной в 181 версту (193,1 км). Соответственно, средняя скорость транспортной доставки могла быть и ниже, составляя 1,83 версты (1,95 км) в час⁵⁸⁸.

Расстояние между Верхотурьем и центрами соседних Алапаевского, Ирбитского и Соликамского уездов насчитывало 156, 217 и 273 версты (166,4, 231,5 и 291,2 км). Для преодоления этих расстояний почте требовалось от 3 до 8 дней. В периоды хороших дорожных условий почта между Верхотурьем и Алапаевском (156 верст / 166,4 км) шла 3 дня, а в Соликамск, следуя по Бабиновскому тракту, почта доставлялась в течение 5 дней (273 версты / 291,2 км.), что соответствует скорости передвижения в 2,2 и 2,3 версты (2,4 и 2,5 км) в час. В межсезонье скорость почтовых курьеров была заметно ниже, 1,1 и 0,96 версты (1,2 и 1 км) в час. В середине сентября 1786 г. почта из Алапаевска в Верхотурье находилась в пути 7 дней, но отправление из Ирбита 8 апреля того же года прибыло в Верхотурье лишь 16 апреля.

На почтовой дороге, которая, как уже говорилось, проходила не по прямой, расстояние между Пермью и Чердыню, самым северным уездным городом наместничества, составляло 372 версты (397 км). На первом этапе до Соликамска дорога вела сначала на северо-восток. Она пересекала реки Сылву, Половину, Комриху, проходя далее через Верхний Чусовской городок -- самую восточную точку пути, где она наталкивалась на реку Чусовую, и, пересекая ее, двигалась в северо-западном направлении через деревни Пахомову, Кыс и «через места сырые, грязные и речку Пескорку, а дальше такими же местами до реки Косвы». Далее дорога шла через села Пермское, Никулино и Романово; а на последних километрах перед Соликамском дорога упиралась в Каму и вела до Соликамска по затопленной в весеннее время местности⁵⁸⁹. Расстояние от Соликамска до Чердыни в 95 верст (101,4 км) почтовая карета преодолевала по глинистой и песчаной почве, более 20% пути проходили через болота и иного рода влажные местности и преодолевались с помощью мостов⁵⁹⁰.

За 1793 г. из губернского города в Чердынь поступили 44 почтовые передачи. В среднем почтовые курьеры преодолевали эту дистанцию за 10,2 дня, что соответствует скорости 1,4 версты (1,5 км) в час. Идеальными были условия в середине августа этого года: адресованные нижней расправе документы, последний из которых датирован 16 августа, были доставлены со скоростью 3,1 версты (3,3 км) в час и прибыли в Чердынь

⁵⁸⁸ Схожие выводы можно сделать по поводу дорожных отрезков Оханск – Верхотурье (717 верст / 765 км.) и Красноуфимск – Верхотурье (495,5 верст / 528,6 км). Первый из отрезков, составлял 59,5 % от главной дороги и преодолевался за 13 дней, что означало среднюю скорость в 2,3 версты (2,5 км) в час. Почта же, доставлявшаяся из Красноуфимска по Московско-Сибирскому тракту, имела лишь 36% отрезка пути и занимала 16 дней, что означает скорость в 1,1 версту (1,2 км) в час. В обоих случаях транспортировка происходила в декабре.

⁵⁸⁹ Историческо-географическое описание Пермской губернии. §50.

⁵⁹⁰ Там же. § 52.

уже 21 августа. Месяцем ранее, однако, почта из Перми шла целые три недели. Отправленная 7 июля, она была занесена в реестр нижней расправы лишь 27 июля и доставлена со средней скоростью 0,78 верст (0,83 км) в час (*приложение 12*).

Если рассматривать год в целом, то длительность почтовых доставок в Чердынь зависела от сезонных изменений. Весной, в период с 30 марта по 5 мая, продолжительность перевозки была на три-четыре дня больше среднегодового показателя. Но в сравнении с вышеописанными почтовыми передачами из различных городов в Верхотурье, различия были не столь явными. Например, в 1793 г. почтовым курьерам несколько раз удавалось преодолеть путь до Чердыни в течение недели (от 6 до 8 дней), но происходило это без очевидной системы. К тому же, сложно судить о транспортных сообщениях, связывавших Чердынь с общей коммуникационной сетью. Почтовое обеспечение самого северного уездного города производилось через Соликамск. Но информации о том, осуществлялась ли там еще какая-либо, приводившая к задержкам, сортировка почтовых отправок, у нас нет.

Можно вполне согласиться с мнением Б.Н. Миронова, что в России прогресс в передаче информации проходил неспешно. Пропать между желаемым и действительным в первые годы после введения почтовых услуг в России была огромной. Введенная в 1684 г. норма скорости для транспортировки почтовых отправок в 5 верст (5,3 км) в час была практически невыполнимой даже в более оснащенных с точки зрения инфраструктуры регионах европейской части страны. Поэтому время доставки в течение 80 дней на отрезке Москва -- Тобольск в 2 431 км со средней скоростью в 1,3 км в час неудивительно⁵⁹¹.

На Среднем Урале разница между фактически достигаемой скоростью и законодательным нормативом в последней четверти XVIII в. была еще более явной. Уже для первой трети столетия Д.А. Редин отметил относительно высокий уровень развития транспортных коммуникаций на Среднем Урале и в соседних регионах, что, по его мнению, являлось следствием «успешной хозяйственной колонизации предшествующего столетия»⁵⁹². Подъем горнозаводской промышленности, развитие привело к улучшению инфраструктуры, что коснулось и сети коммуникаций внутри региона и установлению его связи с общероссийской дорожной системой. Но тем не менее, как следует из нашего описания, достижение средней скорости транспортировки в 11--12 верст или около 13 км

⁵⁹¹Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017. С. 186--187.

⁵⁹²Редин Д.А. Транспортные коммуникации Сибири XVIII в. как элемент системы управления (постановка вопроса и проблема источников) // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Ч. 1: Академические исследования Северо-Западной Сибири в XVIII в.: история организации и научное наследие. Екатеринбург, 2006. С. 158.

в час, как того требовал законодатель⁵⁹³, осталось утопией. Не была достигнута даже норма, установленная сто лет назад. Ни одна почтовая передача, как было показано выше, не достигала 5,3 км в час на трактах и дорогах Пермского наместничества.

От приведенного Б.Н. Мироновым сравнения состояние русского почтового дела с успехами, достигнутыми в этой области крупными империями античности, становится грустно. И персам, и древним римлянам удавалось то, что в Российской империи XVIII в. оказалось невозможным: их курьеры, торговые караваны и колонны солдат действительно достигали заветные 13 км в час⁵⁹⁴.

Но справедливо ли такое сравнение? На наш взгляд, скорее всего, нет. Планка, установленная законодателем, была традиционно завышена. Нормативные правовые акты не были ориентированы на действительные возможности российской дорожной сети. Примером служила, как правило, парадная дорога в районах с развитой инфраструктурой, например, транспортная артерия, связывавшая Ригу и ряд городов северо-запада России, или построенный в последней трети XVIII в. тракт между Петербургом и Нарвой⁵⁹⁵. К тому же относительно достижений курьерских услуг в древней Персии, не стоит забывать о том, что они передвигались через степи и полупустыни, по климатическим условиям не сравнимым с российскими, особенно в северных и восточных регионах. Более подходящим, когда говорим о возможностях организации почтовых доставок, нам кажется предложение Д.А. Редина, сравнить Урал с Пиренеями. В первые десятилетия XVIII в. горный массив между Францией и Испанией также был периферийным регионом, отличавшимся, в связи с неблагоприятными природно-климатическими условиями, схожими затруднениями в коммуникационных связях подобно Среднему Уралу⁵⁹⁶.

Если оторваться от (мало реалистичных) нормативных установок, в рассматриваемом регионе строительство дорожной сети велось вполне успешно. Развитие горной промышленности, административно-техническая интеграция Сибири и губернская реформа Екатерины II приносили свои плоды. Однако, даже рекордные показатели, как и раньше, не превышали 3--3,4 км в час, а установленный в 1733 г. рекорд скорости в среднем 3,96 км в час на отрезке Тюмень -- Екатеринбург оставался еще полвека непревзойденным⁵⁹⁷.

Очевидными становятся улучшения дорожной сети, если мы рассмотрим сроки почтовой доставки в течение одного года. Здесь в последние десятилетия XVIII в., средняя

⁵⁹³ ПСЗРИ-1. Т. 19. № 13435. С. 35—40.

⁵⁹⁴ Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. С. 186--187.

⁵⁹⁵ ПСЗРИ-1. Т. 2. № 1082. С. 625—626. Т. 19. № 13435. С. 35—40.

⁵⁹⁶ Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ: западные уезды Сибирской губернии в 1711--1727 гг. Екатеринбург, 2007. С. 387--389.

⁵⁹⁷ Редин Д.А. Транспортные коммуникации Сибири XVIII в. как элемент системы управления. С. 150.

скорость на главной магистрали достигала 2,5--2,8 км в час и 1,5--1,7 км на второстепенных почтовых дорогах. В петровское время такие достижения являлись еще исключением: только при идеальных условиях, как они описаны Д.А. Рединым для 1721 г., почтовым курьерам удавалось преодолевать расстояние в 256 км между Уктусом/Екатеринбургом и Кунгуром за 6 дней, что соответствует средней скорости в 1,8 км в час. Анализируя общегодовые показатели, мы видим, что средняя скорость на дороге, проходившей через Кунгур, Уткинскую слободу и Верхнюю Бисерт, считавшейся самым прямым путем, было не выше 1,1 км в час⁵⁹⁸.

Еще одним индикатором прогресса является заметная стабилизация почтовой системы. В конце века почтовая доставка была подвержена менее существенным временным колебаниям нежели в начале столетия. На упомянутом отрезке Уктусский завод -- Кунгур почтовые курьеры осуществляли доставку документов в течение 6--40 дней. Семьдесят лет спустя разница во времени даже на более длинных и тем самым более подверженных плохо поддающимся расчетам случайностям дорожных отрезках, была значительно меньше. В 1792--1793 гг. на почтовых трактах, связавших Пермь с Верхотурьем (693,4 км) и Чердыню (397км) колебание между минимальным и максимальным сроком транспортировки удалось сократить на 13--14 дней.

Как следует из переписки Екатерины с первым генерал-губернатором Пермского наместничества, императрица предупреждала Е.П. Кашкина об отнюдь не идеальном состоянии дорожной сети на Среднем Урале⁵⁹⁹. Но о полном отсутствии функциональности дорожной инфраструктуры даже в год основания наместничества на самом деле не может быть и речи. Свидетельством этому может служить плотный график открытия учреждений в уездных центрах и областном городе Екатеринбурге. Это задание было поручено четырем чиновникам (губернатору И.В. Ламбу, подполковнику Е. И. Тарбееву, надворному советнику Г.П. Козмину и коллежскому советнику А.Ф. Голубцову), успешно выполнившим его за 7 недель (с 21 октября по 5 декабря 1781 г.). Один Е.И. Тарбеев, ответственный за проведение торжеств в Верхотурье, Алапаевске, Ирбите и Камышлове, состоявшихся в период с 25 ноября по 9 декабря, справился с расстоянием (если отнять 8--10 дней, которые ушли на проведение праздничных церемоний) в 387,4 верст (413,4 км) за неделю, путешествуя по Бабиновскому тракту, уездным дорогам и на последнем этапе по Ирбитскому почтовому тракту⁶⁰⁰.

⁵⁹⁸ Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ. С. 378--385.

⁵⁹⁹ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 9. Л. 57--58, 99.

⁶⁰⁰ Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии Т. 1. Пермь, 1873. С. 548; Хохолов Д.Е. Управление Пермским наместничеством (1780--1796 гг.). Дисс. С. 74--75.

Решающим фактором для оценки эффективности учреждений является, однако, не только время транспортировки документации (количество дней в пути). Более важным был момент действительного поступления информации (срок доставки документов). Между ними расхождение могло быть существенным. Согласно расписанию, в городах Пермского наместничества почта принималась или доставлялась один раз в неделю. Соответственно, передача документов из учреждений Перми и Екатеринбурга в уездные города осуществлялась четыре-пять раз в месяц (реже два--три раза). А документы, которые составлялись в промежуточное время, накапливались в канцеляриях до следующего почтового дня.

Как уже говорилось, за 1793 г. в Чердынь поступили 47 почтовых передач из Перми, что соответствует 3,7 доставкам в месяц. В общем количестве эти почтовые передачи содержали 313 адресованных нижней расправе документов из наместнического правления, верхней расправы и казенной палаты, распределявшихся следующим образом (таб. 7):

Таблица 7

**Количество почтовых доставок/ полученных документов нижней расправой
Чердыни за 1793 г.**

Месяц	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Количество почтовых доставок	4	5	5	3	3	4	4	3	3	3	5	5
Количество документов	26	47	22	59	42	22	9	30	9	14	24	9
Итого	313 документов						Среднее количество за месяц			26,1 документов		

Таблица составлена по данным ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л.1а--33об.

Объем зарегистрированных в Чердыни, почтовых передач различался друг от друга. В послужившем нам примером 1793 г. средняя почтовая передача содержала 6,7 документов. Половину из них можно отнести к мелким передачам объемом в 1--3 документа; пять раз в нижнюю расправу было доставлено 15 и более документов одновременно. Самая большая доставка содержала 33 датированных 13--16 апреля документа, занесенных в реестр 30 апреля⁶⁰¹. Из изложенного следует, что в зависимости от частоты поступления почтовых передач и количества содержащихся в них

⁶⁰¹ Сравнимые данные имеются для иных учреждений. В нижнюю расправу Верхотурья поступили в первой четверти 1787 г. 11 почтовых передач из Екатеринбурга, содержащие в общем 54 дела. Реестр входящих документов того же учреждения 1792 г. свидетельствует о поступлении документов в 44 дня. В 1784 г. нижняя расправа Осы получила 49 почтовых передач из Перми, которые содержали 349 документов, составленных в разных присутственных местах губернского города. (ГАПК. Ф. 53. Оп. 2. Д. 14. Л. 1--66. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 158. Л. 1--8об. Л. 263. Л. 2--25об.)

документных единиц существовали большие расхождения между временем транспортировки почты с одной стороны и моментом поступления информации с другой. В Чердыни оно составила в 1793 г. в среднем 4,6 дней. В Верхотурье в 1792 г. касательно документов, следовавших из Перми, разница составила 3,3 дня, а в отношении к документам, отправленных в первой трети 1787 г. из Екатеринбурга, -- 7,4 дня. Это еще лучше видно, если обратить внимание на отдельно взятые дни. На отрезке Пермь -- Чердынь около четверти почтовых передач содержала документы, даты составления которых расходились на неделю и в двух случаях даже на полмесяца. Касательно поступивших в Верхотурье документов, это относилось к половине почтовых передач из Екатеринбурга и к четверти почтовых доставок, содержавших документы из наместнического правления.

Таким образом, даже рекордные сроки, как правило, нивелируются. Та передача из Екатеринбурга, которая в середине января 1787 г. преодолела путь в Верхотурье лишь за 4 дня, содержала в том числе документы, датированные 31 декабря предыдущего года. А тот факт, что некоторые из прибывших 21 августа 1793 г. в Чердынь документов были составлены более половины месяца тому назад, существенно умаляет вышеупомянутый рекорд в 5 дней при расстоянии в 397 км.

Как нами было показано выше, дорожная система Среднего Урала улучшилась до конца рассматриваемого периода. Это, в первую очередь, вытекает из сравнения средних скоростей, достигнутых на почтовых трактах в первой трети XVIII в., с теми, которыми почта доставлялась в конце столетия. С расширением административного аппарата увеличился и документооборот. Вследствие осуществления губернской реформы сместились административные и судопроизводственные функции из центра в провинции страны. Соответственно, возросла потребность в почтовой связи, эффективно работающей на коротких и средних дистанциях. С точки зрения чисто временных показателей, улучшение дорожной сети способствовало сближению городов Среднего Урала. Но, что касается не менее важного для функционирования учреждений момента доставки документов, почта, чтобы соответствовать новым реалиям, должна была бы отправляться чаще, чем раз в неделю. Однако для необходимого увеличения материального и кадрового обеспечения почтовых услуг у государства не хватало ресурсов и, возможно, соответствующего логистического ноу-хау.

3.4. Степень загруженности судебных канцелярий

Упомянутые в предыдущем параграфе докладные регистры содержат информацию об объеме работ, выполняемых изученными нами судебными учреждениями. Проведение количественного и качественного анализа входящих и исходящих документов позволяет определить степень загруженности того или иного учреждения: докладные регистры не только дают описание всего комплекса совершаемых управленческих актов, но и способствуют определению коммуникативной цели каждого документа, создавая тем самым достаточно четкое представление о трудозатратах, необходимых для его обработки.

Количественный анализ. Как видно из таблицы 8, в Верхотурскую нижнюю расправу за 1784--1795 гг. поступало в среднем 328,7 документов в год. Достоверность этих данных, однако, ограничена, поскольку мы не обладаем сведениями за все годы: не хватает данных для 1785, 1788 и 1794 гг. Кроме того, ситуация осложняется тем, что в нижних расправах, видимо, велись регистры нескольких видов: в одних в основном регистрировалась только переписка с вышестоящими учреждениями, в других фиксировалась информация о документах, полученных из равнозначных или подчиненных присутственных мест того же судебного округа, а в регистрах третьей группы вся эта информация была сведена воедино -- туда вносились все входящие документы независимо от статуса их отправителя. О документах, исходящих из нижней расправы, мы располагаем относительно немногими данными, лишь за 1786--1787 гг. и за 1791--1793 гг. Судя по регистрам исходящей корреспонденции, канцелярия учреждения выпускала ежегодно в среднем 463 различные делопроизводственные единицы (*таб. 8*).

Таблица 8

Количество входящих и исходящих документов в нижней расправе Верхотурья за 1784--1795 гг.

Год	Количество входящих документов	Количество исходящих документов
1784	303	
1786	525	646
1787	233 ⁶⁰² 151 ⁶⁰³	525
1789	193 ⁶⁰⁴ 115 ⁶⁰⁵	--
1790	168 ⁶⁰⁶	--

⁶⁰² Документы отправлены исключительно из равноправных учреждений судебного округа.

⁶⁰³ Документы созданы вышестоящими учреждениями Перми и Екатеринбурга.

⁶⁰⁴ Документы отправлены исключительно из равноправных учреждений судебного округа.

⁶⁰⁵ Документы созданы вышестоящими учреждениями Перми и Екатеринбурга.

⁶⁰⁶ Документы отправлены исключительно из равноправных учреждений судебного округа

1791	216	376
1792	150 ⁶⁰⁷ 133 ⁶⁰⁸	256
1793	572	512
1795	349	--

Таблица составлена по данным ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 99. Л. 1--52, 358--412. Д. 106. Л. 2--18. Д. 107. Л. 2--34. Д. 158. Л. 1--72об. Д. 165. Л. 1--14. Д. 175. Л. 1--32. Д. 256. Л. 1--33. Д. 260. Л. 1--40, 125--147. Д. 263. Л. 2--36. Д. 283. Л. 1--11, 133--152. Д. 298. Л. 1--48. Д. 299. Л. 69--84. Д. 356. Л. 2--54.

Исходя из приблизительного количества в 220 рабочих дней в году, канцелярия Верхотурской нижней расправы ежемесячно принимала и регистрировала 27,61 документов, а сама за это время составляла и отправляла в другие учреждения 38,93 документов.

На практике, однако, количество входящих и исходящих документов неравномерно распределялось по месяцам и дням; следовательно, периоды повышенной трудовой активности чередовались с менее интенсивными фазами. В 1787 г., например, количество ежемесячно зарегистрированных документов заметно колебалось: между максимальной цифрой в 32 единицы (из 233 в год) в апреле и минимальной в 7 в ноябре того же года. Обусловлено это было частично тем, что поступление абсолютной массы документов, следовавших из вышестоящих учреждений Перми и Екатеринбурга, приходилось на почтовые дни. Более равномерно по рабочим дням распределялась регистрация документов, полученных из присутственных мест того же судебного округа, что не требует дальнейших объяснений, поскольку зачастую они были размещены в одном и том же здании.

Однако возникает вопрос о репрезентативности служащей нам примером Верхотурской нижней расправы. Как оценить объем регулярно осуществляемого делопроизводства? Был ли он высоким или низким по сравнению с тем объемом документов, поступивших в другие учреждения Пермского наместничества? Представление об этом дают регистрационные номера, поступивших из других присутственных мест документов.

По количеству исходящих дел лидировало Пермское наместническое правление. По данным 1785 г. и 1791--1792 гг., из органа, выполнявшего функцию главного координатора присутственных мест региона, в среднем ежегодно исходило 19,5 тысяч документов⁶⁰⁹. Среди судов третьей инстанции гражданская палата оказалась более

⁶⁰⁷ Документы созданы вышестоящими учреждениями Перми и Екатеринбурга.

⁶⁰⁸ Документы созданы вышестоящими учреждениями Перми и Екатеринбурга.

⁶⁰⁹ 20 091 документ насчитывался 26.12. 1785, 17 314 -- 24.12. 1791 и 21 233 -- 27.12. 1792. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 98. Л. 2. Д. 263. Л. 1, 30.

востребованной нежелезной уголовная. Первая отправила за год около 1 250 документов (1 261 и 1 325 за 1785 и 1786 гг.). Существенно реже обращалась в другие учреждения уголовная палата. Направленный в Верхотурье 19 декабря 1785 г. указ был лишь 639 документом за данный год⁶¹⁰. Относительно Екатеринбургской верхней расправы цифры колеблются. До конца декабря 1785 г. суд второй инстанции отправил 1 329 документов⁶¹¹. Схожи были показатели в следующем году. На 17 марта 1786 г. верхней расправой было отправлено 234 документа с начала года, что с учетом возможных подъемов и спадов соответствует приблизительно 1 325 документам в перерасчете на весь календарный год. Заметно ниже было количество исходящих документов шесть лет спустя. За первые пять месяцев 1792 г. из верхней расправы было отправлено не более 400 документов (по приблизительному подсчету примерно 950 документов за год)⁶¹².

По объему исходящих делопроизводственных единиц Верхотурская нижняя расправа занимала среднюю позицию среди других нижних расправ Уральского региона. Похожие показатели по количеству исходящих документов были отмечены в функционировавшей в соседнем Алапаевском уезде нижней расправе, обращавшейся за 1787 г. 529 раз в другие присутственные места. Более высокой делопроизводительной активностью отличалась Ишимская нижняя расправа Тобольского наместничества, которую покинули за первые пять месяцев того же года 364 документа, т.е. приблизительно 835 единиц до конца года. Менее загружена в этом году была канцелярия Красноуфимской нижней расправы: до начала декабря в регистр «исходящих дел» были занесены 235 документа⁶¹³.

Более востребованными, чем нижние расправы оказались уездные суды. Оханский и Пермский уездные суды за первые 6 и 10 недель 1786 и 1787 гг. произвели 89 и 121 документов соответственно -- согласно предварительным итогам около 712 и 580 отправленных документов за год⁶¹⁴.

В пределах Верхотурского судебного округа показатели нижней расправы были ниже среднего. С совершенно другой интенсивностью трудились канцелярии органов с более обширным кругом обязанностей. До конца декабря 1787 г. из уездного казначейства было отправлено 895 документов, из городских дел 857 и нижний земский суд обратился в другие присутственные места 2 631 раз. Более активная переписка велась и в городском магистрате: сообщение, направленное в нижнюю расправу 23 декабря 1787 г.,

⁶¹⁰ Там же. Д. 98. Л. 2, 28об.

⁶¹¹ Там же. Д. 98. Л. 5об.

⁶¹² Там же. Д. 98. Л. 29. Д. 263. Л. 15.

⁶¹³ Там же. Д. 158. Л. 11, 67, 82об.

⁶¹⁴ Там же. Д. 98. Л. 27. Д. 158. Л. 4.

было зарегистрировано под номером 781. Менее востребованным по сравнению с нижней расправой было только духовное правление, выпустившее 346 документов до 30 декабря того же года⁶¹⁵.

Степень вовлеченности нижних расправ в комплекс регулярно осуществляемых управленческих актов определялась ее позицией во вновь созданной судебной системе. Являясь сословным судом первой инстанции, она принимала из вышестоящих инстанций Екатеринбург и Перми (наместническое правление, казенная, уголовная и гражданская палаты, Екатеринбургская верхняя расправа) указы, а из равноправных учреждений уездного уровня (городской магистрат, уездное казначейство, духовное правление, уездные суды и нижние расправы) и заводских контор сообщения. Из подчиненных им органов, нижних земских судов, волостных судов, ямских дел и мирских изб, поступали в нижние расправы рапорты. В соответствии с теми же правилами, нижняя расправа посылала рапорты в Пермь и Екатеринбург, сообщения в уездные учреждения и указы в нижестоящие организации⁶¹⁶.

Как показывает приведенная ниже таблица (таб. 9) за первый квартал (с 3 января по 6 апреля) 1786 г., отправленные из организаций Перми и Екатеринбурга указы составляли три четверти всех входящих документов (106 из 143). При этом первое место занимала верхняя расправа Екатеринбурга. В указанное время из апелляционного суда поступил в Верхотурскую нижнюю расправу 51 указ, что соответствует чуть больше трети всего потока документов. Около четверти (23,07%) документов прибывали из наместнического правления, и 7--8% зарегистрированных документов следовало из казенной и гражданской палат, уголовная палата обратилась в нижнюю расправу в течение зимы -- весны 1786 г. лишь один раз.

Что касается интенсивности делопроизводственной переписки внутри Верхотурского судебного округа, нижняя расправа прежде всего состояла в контакте с нижним земским судом. Из него за указанный период поступило 14 рапортов -- в основном подтверждения о получении указов из нижней расправы, а также рапорты, сопровождавшиеся описями и экстрактами из судебных дел. На втором месте стояли внутриведомственные документы: отпускные билеты, отчеты приходчика и расходчика, о выплате жалования или доходах от написанных на гербовой бумаге документов и судебных пошлин составляли 8,39 % всех входящих документов. От одного до трех документов поступало из других функционировавших в Верхотурье присутственных мест.

⁶¹⁵ Там же. Д. 158. Л. 69--72.

⁶¹⁶ ПСЗРИ I. Т. 20. № 14392. Ст. 413--427.

**Количество документов, поступивших в нижнюю расправу Верхотурья из
разных присутственных мест**

Наименование учреждения-адресанта	Количество вступивших оттуда документов в цифрах	в	Количество вступивших оттуда документов в процентах
Пермское наместническое правление	33		23,07%
Казенная палата	10		6,99%
Уголовная палата	1		0,69%
Гражданская палата	11		7,69%
Екатеринбургская верхняя расправа	51		35,66%
Верхотурский городской магистрат	1		0,69%
Верхотурское уездное казначейство	1		0,69%
Верхотурское духовное правление	1		0,69%
Верхотурская нижняя расправа	12		8,39%
Верхотурский нижний земский суд	14		9,79%
Верхотурские городнические дела	3		2,09%
Учреждение уездного уровня другого судебного округа	2		1,39%
Частное лицо	3		2,09%
Итого	143		100%

Таблица составлена по данным ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 98. Л. 2--23об.

Если говорить о количестве отправленных Верхотурской нижней расправой документов, то в следующем 1787 г. сложилась следующая картина⁶¹⁷. В отличие от регистра входящих документов за первую четверть 1786 г., где преобладали поступившие из Перми и Екатеринбурга указы, наблюдается более уравновешенная ситуация. Примерно половина составленных в нижней расправе документов была адресована вышестоящим организациям губернского и областного городов (220 документов, то есть 52,88%). Получателями остальных 196 документов (47,12%) были организации уездного назначения или частные лица (*таб. 10*).

⁶¹⁷ Согласно регистрационным номерам в 1787 г. из нижней расправы в Верхотурье были отосланы 525 документов. Но сам регистр не сохранился полностью, в связи с чем, в нашем распоряжении находятся только два больших блока: с января по апрель (05.01 по 09.05) и с августа по декабрь (02.08 по 31.12). Относительно летних месяцев 1787 г. данные отсутствуют. Поэтому наш анализ охватывает 416 документов.

Таблица 10

**Количество документов, отправленных из нижней расправы Верхотурья в
разные присутственные места**

Наименование учреждения-адресата		Количество отправленных туда документов в цифрах	Количество отправленных туда документов в процентах
Пермское наместническое правление		117	28,12%
Казенная палата		28	6,73%
Губернская прокуратура		1	0,24%
Приказ общественного призрения		1	0,24%
Гражданская палата		3	0,72%
Пермский верхний земский суд		1	0,24%
Екатеринбургская верхняя расправа	1 департамент	32	7,69%
	2 департамент	25	6%
Верхотурский нижний земский суд		34	8,17%
Верхотурский городской магистрат		27	6,49%
Верхотурское уездное казначейство		21	5,04%
Верхотурская нижняя расправа		22	5,28%
Верхотурские городнические дела		30	7,21%
Верхотурское духовное правление		3	0,72%
Объединения социальных групп, функционировавших на территории города Верхотурья		9	2,16%
Заводская контора		4	0,96%
Учреждение уездного уровня другого судебного округа		8	1,92%
Частное лицо		50	12,01%
Итого		416	100%

Таблица составлена по данным ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 158. Л. 231--318.

По их коммуникативной заданности документы, поступившие из присутственных мест Перми и Екатеринбурга, в основном носили чисто информационный характер. Большинство разосланных наместническим правлением указов содержало новости о делах и событиях национального и регионального масштабов (65%). Благодаря им распространялись сведения о кадровых перестановках в центральном и местном аппарате управления. Это касалось, прежде всего получения нового чина и продвижения по службе отдельных лиц, а также отстранения или увольнения со службы по причине состояния здоровья или совершения должностных преступлений. Через указы передавалась информация о внешнеполитических событиях и, зачастую, о сопутствующих им изменениях условий несения воинской повинности. Кроме того, в провинцию таким

образом проникали придворные новости, как, например, о рождении внучки императрицы княжны Марии Павловны 15 февраля 1786 г.

Другую группу в этой категории составили указы, посвященные проблемам местного характера (27,3%). В них обычно речь шла о таких вопросах, как внесение данных в ревизионные списки, переход какого-либо лица из одного состояния в другое или меры по устранению кадрового или материального дефицита в том или ином присутственном месте⁶¹⁸. Таким же образом передавались в суды уездного уровня законодательные новшества, модификации или инструкции по их применению на практике. Нижестоящие суды достаточно регулярно обеспечивались образцами ведомостей различных форм. Кроме того, с целью предотвращения ошибок им напоминалось, по каким критериям положено составлять и распространять объявления о розыске, как правильно рассчитывать материальный ущерб, нанесенный конокрадством и т.д.

Адресантом самого большого контингента зарегистрированных в нижней расправе в период с января по апрель 1786 г. документов была Екатеринбургская верхняя расправа (35,66%). Прежде всего, это учреждение рассылало справки о имущественном состоянии различных жителей области. Так называемые «разрешения и запрещения крепостей» составили почти две трети всех отправленных из Екатеринбурга в Верхотурье документов (62,74%). Кроме того, из апелляционного суда следовали напоминания о нарушении порядка делопроизводства и судопроизводства (13,27%), документы ознакомительного характера (13,27%), а также возвращавшиеся кассационные дела (9,80%)⁶¹⁹.

Сведения о состоянии ликвидности составляют и большинство документов, поступивших из казенной и гражданской палат. В корреспонденции с организациями Перми и Екатеринбурга преобладали документы докладного характера. В Пермь отправлялись почти исключительно только рапорты, подтверждавшие получение указов, а в исходящей переписке с верхней расправой доминировали ведомости, рассылавшиеся в зависимости от их содержания в первый или второй департамент учреждения.

⁶¹⁸ Так, например, в связи с переводом Березовского рудника в состав Екатеринбургской горной экспедиции золотых промыслов учреждениям было велено обращаться теперь непосредственно в экспедицию. Для улучшения обеспечения нормативными актами каждое учреждение должно было отослать в Пермь по одному исправному канцелярскому служителю для переписки изданных между 1729--1762 г. указов.

⁶¹⁹ К вопросу репрезентативности: согласно регистру, за 1792 г., доля входящих документов, поступивших из верхней расправы Екатеринбурга, была существенно меньше (23 из 150). Относительно их пропорциональности, складывается схожая с 1786 г. картина: на первом месте стоят также сообщения о имущественном положении частных лиц (9 документов), далее следовали напоминания о соблюдении судебных сроков и нормы делопроизводства (6 документов). Меньшим было число возвращенных судебных дел из кассационных судов (5 документов), а также сообщения информационного характера (3 документа). ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 263.

Качественный анализ. Однако, проводя чисто количественный анализ, мы не получаем полной картины действительного масштаба загруженности учреждения. Для того, чтобы оценить объем работы, необходимо рассмотреть цель создания каждого документа, а также обратить внимание на последнюю графу регистра входящих документов. В рубрике «а по оным резолюции» канцеляриям следовало отчитываться о мерах и действиях, предпринятых для исполнения содержащегося в документе приказания.

Трудоемкость указов, направлявшихся в нижние расправы из вышестоящих учреждений (наместнического правления и апелляционных судов второй и третьей инстанции) заключалась в их количестве. Но содержали они, прежде всего, только информацию «для сведения». С ними, как правило, поступали следующим образом: «О получении рапортовать, а указ впред для ведома приобщить к прочим в столб».

О действиях совершенно другого масштаба трудовой интенсивности свидетельствует делопроизводственная переписка с учреждениями того же судебного округа. На этом уровне, что следует из изученных нами регистров входящих и исходящих документов, производилась основная часть работы, начиная с подготовительных, предварявших судебный процесс, и заканчивая его завершением. Вслед за возбуждением судебного дела в постоянном контакте с местными полицейскими органами, нижним земским судом и городническими делами, волостными судами и заводскими конторами, а также ямскими делами и мирскими избами, вызывались подсудимые и свидетели и осуществлялся привод колодников, наводились справки о имущественном положении и земельных отношениях. Весь собранный материал влиял на решение суда (или вынесение приговора). На основе полученных сведений выдавались «билеты» -- судебные повестки, паспорта, а также долговые обязательства и крепостные письма. В переписке с равноправными и нижестоящими организациями доминировали документы, побуждавшие к действию.

Здесь, однако, необходимо отметить, что даже на вид безобидное приказание «о получении рапортовать...» стало причиной возникновения огромного потока документации. По нормативам установленного Генеральным регламентом коллежского делопроизводства этот, по сути, «невинный» административный наказ, как доказал Д.А. Редин в своей монографии «Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ», опираясь на собственные данные и сопоставляя их с результатами исследования Е.В. Анисимова, инициировал достаточно длительный бюрократический процесс, требовавший от канцелярии учреждения-адресата как минимум десятикратного копирования изначально поступившего документа для передачи из вышестоящих органов

в подчиненные им учреждения и создание значительного объема сопроводительной документации⁶²⁰.

Согласно уральскому историку, одним из новшеств административной практики XVIII в. было резкое «усиление законотворческой деятельности». По сравнению со второй половиной XVII в. интенсивность законодательных процессов возросла в 4,5 раза. Тогда в среднем издавалось 36 указов в год, а во время правления Петра I -- 160 указов за тот же период. Этот подсчет охватывает только указы, включенные в «Полное собрание законов Российской империи», но не учитывает бесконечные не учтенные в 1830 г. указы, нормативные правовые акты локального значения и результаты межведомственной делопроизводственной переписки⁶²¹.

Если данные выводы перенести на екатерининское время, то мы придем к следующему результату: за 34 года правления императрицы был принят 6 031 указ (внесенный в «Полное собрание законов»), что соответствует в среднем 173 указам в год⁶²². По сравнению с петровским временем это означало увеличение на 8%, а в фазы повышенной законодательной активности – вторую половину 1762--1766 гг. и 1781--1783 гг.⁶²³, в год было выпущено, соответственно, 271 и 265 законов, что по сравнению с первой четвертью столетия означает прирост в 69,4% и 65,6% (а в сравнении со средней законодательной производительностью Екатерины это означает увеличение на 56,7% и 53,2%).

В применении к конкретному случаю на Среднем Урале ситуация усугубилась еще и тем, что последняя из фаз повышенной законотворческой активности, пришедшаяся на начало 1780-х гг., совпала с периодом осуществления губернской реформы. Реорганизация местной судебной системы привела к глубоким изменениям в судебных и административных структурах; особенно в первые годы, когда сотрудники канцелярий были более чем заняты процессом адаптации к новым порядкам. Появление множества новых учреждений, производивших объемы делопроизводственного материала невиданного доселе масштаба, привело всю систему «на грань невозможного»⁶²⁴, как уже констатировал Д.А. Редин по поводу предшествующего периода реформ первой четверти XVIII в.

При таких обстоятельствах внесенное 14 августа 1792 г. в регистр Верхотурской нижней расправы сообщение, осведомлявшее о создании ратуши в Крохинском посаде,

⁶²⁰ Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ. С. 438--440.

⁶²¹ Там же. С. 437.

⁶²² ПСЗРИ-1. Т. 16--23. (28 июня 1762 г. -- 31 октября 1796 г.).

⁶²³ Там же. Т. 16--17, 21.

⁶²⁴ Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ. С. 459.

бывшем селе в Белозерском уезде Новгородского наместничества⁶²⁵, вряд ли было принято с большим энтузиазмом. Не в последнюю очередь из-за большого количества такого рода «балластной» информации, и без того перегруженные канцелярии «трещали по всем швам».

К вышеописанным трудностям, влиявшим на функционирование реформированной судебной системы, добавлялась в нашем случае еще одна проблема, правда, менее часто упоминаемая в научной литературе. В традиционных административных центрах, где открытие новых присутственных мест происходило при облегченных стартовых условиях, вновь созданным организациям был передан функционал упраздненных в ходе реформ предшественников. В таких случаях фаза привыкания к новой административной системе и выполнение обязанностей, оставшихся от старой, проходили параллельно.

Екатеринбургской верхней расправе вменялось в ответственность продолжение работы в архивах Канцелярии Главного заводов правления и Конторы судных и земских дел. Работа была трудоемкая: решенные дела объединялись в книги, нередко насчитывавшие несколько тысяч листов, складывались в ящики, снабжались реестрами и затем, в зависимости от их содержания, отправлялись в Пермь, в наместническое правление или казенную палату. По нерешенным делам сначала составлялись описи, затем они рассылались в те нижестоящие учреждения, под компетенцию которых их решение теперь подпадало⁶²⁶.

Кроме того, у учреждения хватало и текущих обязанностей. В своей роли регионального координатора оно рассматривало дела, представленные на ревизию нижними расправами, и передавало их в уголовную или гражданскую палату, а также принимало и проверяло отчеты и ведомости из нижестоящих учреждений, чтобы затем отправить их в наместническое правление. В свою очередь из Перми поступали рассмотренные дела и указы, которые приходилось регистрировать, переписывать и затем пересылать всем уездным учреждениям в области. Соответственно, объем работы был огромным. Поэтому в некоторые годы учреждение нанимало двойной состав канцелярских работников⁶²⁷. Для разбора архивов были привлечены несколько дополнительно числившихся в штате уездных учреждений должностных лиц: Алексей Гизелевский и Петр Разевин, занимавшие в первые годы в Екатеринбургской нижней расправе должности расправного судьи и секретаря, а также подканцеляристы Карп

⁶²⁵ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 263. Л. 19.

⁶²⁶ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 2. Л. 9--10. Д. 5. Л. 209--371. Д. 16. Л. 44. Д. 26а. Л. 64--65, 78.

⁶²⁷ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 102--103.

Русаков и Козьма Газников, до того определенные в нижние расправы Алапаевска и Верхотурья⁶²⁸.

Невзирая на приложенные усилия, верхней расправе не удалось решить поставленную задачу в срок. Наместническое правление настаивало на завершении архивных работ до конца 1784 г., но еще в октябре 1787 г. в казенную палату был отправлен ящик, содержащий 2262 решенных дела, датированных преимущественно 1746--1749 гг.⁶²⁹ Страдала и текущая работа. Контрольные меры, проведенные наместнической прокуратурой в январе 1786 г., выявили, что Екатеринбургская верхняя расправа в первые четыре года оставила без ответа 2008 указов вышестоящих учреждений⁶³⁰.

В Верхотурье за продолжение ведения архива, прекратившего в 1781 г. свою деятельность комиссарства, теперь должны были отвечать в равных долях нижний земский суд и нижняя расправа⁶³¹. На самом же деле работу осуществляла нижняя расправа. Ее просьбы помочь, предоставив часть канцлерских служителей, руководство нижнего земского суда, ссылаясь на обширность судебного округа и перегруженность учреждения, отклоняло⁶³².

«Тяжким крестом» Верхотурской нижней расправы оказался разбор так называемого старого архива. Слабый канцелярский аппарат, постоянно менявшиеся секретари, малокомпетентный судья одинаково губительно влияли на деятельность данного учреждения. В итоге именно эта «дополнительная нагрузка» стала причиной того, что суд функционировал хуже остальных учреждений того же уровня⁶³³.

Работа по систематизации старого архива являлась приоритетной, поскольку она производилась по заданию правительства. В конце 1786 г. генерал-прокуратор князь А.А. Вяземский обратился к руководителям губерний уральско-сибирского региона, в том числе и генерал-губернатору Пермского и Тобольского наместничества Е.П. Кашкину: «Милостивый государь мой Евгении Петрович! Ея императорскому величеству благоугодно дабы по препровождаемой при сем росписи документам, хранящимся в сибирских архивах, с позначением о них в архиве книг и номеров, доставлены с них были как наискорее вернейшая копия в Москву к господину тайному советнику его сиятельству

⁶²⁸ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 2. Л. 9. Д. 20. Л. 277. Д. 26. Л. 57, 83. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 179. Л. 10--11.

⁶²⁹ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 20. Л. 277. Д. 26а. Л. 64.

⁶³⁰ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 60. Л. 3--6об.

⁶³¹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 298. Л. 108.

⁶³² ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 112. Л. 265. Д. 298. Л. 153.

⁶³³ По поводу малопродуктивности и низкого профессионального уровня кадров Верхотурской нижней расправы см. исследовательские результаты Д.Е. Хохолева. Согласно его оценке, названное учреждение отстало «даже на фоне равнозначимых судебных мест, не отличавшихся работоспособностью». (Хохолев Д.Е. Управление Пермским наместничеством (1781--1796 гг.). Дисс. С. 113--114).

князе Михаилу Михайловичу Щербатову для сочинения общей истории Российской, о чем сообщаем Вашему превосходительству ...»⁶³⁴. Далее следовал наказ «приказать, чтобы с тех документов, которые хранятся в архивах в вверенных Вам, милостивому государю моему, губерниях упомянутся копии сколь можно скорее списаны и доставлены были прямо к его сиятельству князе Михаилу Михайловичу Щербатову...»⁶³⁵, который был адресован присутственным местам старых уральских городов Чердыни, Соликамска и Верхотурья. Кроме того, письмо сопровождалось списком необходимых Щербатову для завершения его научных исследований документов (*приложение 13*).

«Роспись документам, надлежащим к сочинению общей истории Российской из Сибирских архивов», впечатляет своей обширностью. Из находившихся в верхотурском воеводском архиве документов М. Щербатова интересовали, как показывает таблица, например, грамота 7107 г. от царя Бориса Федоровича Годунова о «увольнении от всех податей на 7108 г.» (на 27 страницах), грамота от царицы Марии Григорьевны и от царя Федора Борисовича «о смерти царя Бориса Федоровича» (на 78 страницах), «Клятвенное обещание Гришке Отрепиеву» (на 56 страницах), а также грамота от патриарха Игнатия «о вступлении на престол Гришки Отрепиева» (на 55 страницах)⁶³⁶. Как видно из таблицы, изображающий не весь список, а только его первые десять пунктов, канцелярия Верхотурский нижней расправы должна была восстановить, переписать, систематизировать, и «связывать в тетради», а затем отправить в Пермь 551 страницу документов. Это была лишь малая часть предстоящей работы. В своем полном объеме перечень включал 273 единицы документов. На плечи нижней расправы легла таким образом обработка документов, насчитывающих в общей сложности 3 255 страниц⁶³⁷. Маловероятно, что и в более благоприятных условиях канцелярия Верхотурской нижней расправы справилась бы с приготовлением «вернейших копий грамот бывших здесь правительств».

⁶³⁴ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 114. Л. 2. Литератор и историк князь М.М. Щербатов (1733--1790 гг.) посвятил последние два десятилетия своей жизни написанию трактата «История Российская с древнейших времен». За это время вышли семь томов, посвященных периоду с древнейших времен до 1610 г. Работа продвигалась медленнее, чем планировалось, поскольку Щербатов, воодушевившись опытом Г.-Ф. Миллера, опирался не только на хроники, но использовал и многочисленные архивные источники. Проект осуществлялся с поддержкой Двора. Вероятно в 1767 г. Щербатов был представлен Екатерине II и затем получил неограниченный доступ к патриаршей и типографской библиотекам. Также и касательно обеспечения архивными источниками он мог рассчитывать на поддержку самой высокой инстанции. В 1787 г. Щербатов уволился по собственному желанию с гражданской службы, чтобы заниматься исключительно литературными и историческими исследованиями (Г. Лучинский. Щербатов Михаил Михайлович / Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890--1907. Т. 79. 1904. С. 65--66).

⁶³⁵ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 114. Л. 2.

⁶³⁶ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 114. Л. 3--6.

⁶³⁷ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 114. Л. 3--18об.

В течение большей части рассматриваемого периода Верхотурский архив находился в ведении канцеляриста нижней расправы Ильи Протопопова, выделявшегося многочисленными нарушениями служебной дисциплины. После особенно серьезного инцидента весной 1785 г. И. Протопопов был временно отстранен от должности канцеляриста, содержался под стражей в остроге, а затем был посажен на хлеб и воду и прикован цепью в архиве, за который он продолжал отвечать до своей смерти весной 1793 г.⁶³⁸ Своим поведением Илья Протопопов мало соответствовал ожиданиям законодателя, согласно которому в архивариусы должны были выбираться люди «трезвого жития и неподозрительных, в пороках и иных пристрастиях не примеченных»⁶³⁹. С другой стороны, такое назначение не было исключением. Перевод в архив малоспособных канцелярских служителей был обычным делом, поскольку работа в нем считалась не слишком престижной⁶⁴⁰.

Продвижение дел осуществлялось крайне медленно. Помимо названных проблем ситуация была осложнена плохим состоянием части здания, выделенной для размещения архива. Как уже говорилось, годами сквозь худую крышу протекала в помещение дождевая вода. Часть документов погибла, часть из-за необходимой перестановки не могла быть найдена⁶⁴¹. Несмотря на это, из Перми регулярно следовали напоминания о необходимости завершения архивных работ в срок. Руководство нижней расправы увеличило штаб архивных работников. На сортировочные работы была откомандирована половина кадров учреждения: оба сына И. Протопопова, недавно нанятый Григорий Архипов, сын копииста Степана Архипова, а также копиист Петр Бердюгин. К тому же И. Протопопова обязали еженедельно отчитываться о прогрессе архивных работ перед руководством суда. После смерти Щербатова в 1790 г. проект не был приостановлен, а продолжался с неизменным рвением и энтузиазмом⁶⁴².

Весной 1794 г. терпение руководства наместничества окончательно иссякло: нижней расправе был предъявлен ультиматум закончить архивные работы до первого июля текущего года. Судья Сажин взял шефство над архивом. Ответственность за него была возложена на секретаря Степана Ромодина, архивариусом был назначен канцелярист

⁶³⁸ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 111. Л. 135. Д. 299. Л. 16--17.

⁶³⁹ ПСЗРИ-1. Т. 18. № 13127. С. 682—683.

⁶⁴⁰ Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С. 56.

⁶⁴¹ Описание состояния данного здания, где располагались и нижняя расправа, и нижний земский суд, и уездное казначейство см. пар.1 данной главы.

⁶⁴² ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 106. Л. 73. Д. 107. Л. 604. Д. 159. Л. 150, 154, 157, 169. Д. 160. Л. 133--134. Д. 165. Л. 1--16, 18--20. Д. 175. Л. 7, 42. Д. 260. Л. 94. Д. 262. Л. 258. Д. 284. Л. 74.

С. Архипов⁶⁴³. Однако вопреки всем стараниям, и этот срок истек без достижения желаемого результата⁶⁴⁴.

Как показано на примере Екатеринбурга и Верхотурья, осуществление модернизационных мер требовало использования значительных людских и финансовых ресурсов, которыми государство, особенно в отдаленных провинциях страны, не располагало в достаточном объеме. Превышая пределы своих возможностей, государственная власть была вынуждена воспользоваться уже имевшимися средствами и поэтому пыталась провести реформы с наименьшими финансовыми затратами. Подобные проблемы особенно остро чувствовались там, где, как в описанных выше случаях, период адаптации к изменившимся условиям совпал с необходимостью выполнения перешедших от прежних административных структур обязательств. В то время как Екатеринбургская верхняя расправа ввиду сравнительно более благоприятных стартовых условий располагала достаточными резервами, чтобы выдержать описанную двойную нагрузку, относительно нижней расправы в Верхотурье можно, на наш взгляд, говорить лишь условно об удовлетворительном функционировании учреждения.

Намерения правительства приблизить власть к своим подданным грозили провалиться из-за несовместимости с условиями жизни российской провинции там, где ответственным, полагающимся лишь на собственные силы, не хватало средств для осуществления реформ. В тех местах, где вследствие внутренних кадровых проблем и отсутствия поддержки со стороны крайне ветхие здания использовались до их фактического разрушения, а в и без того перегруженных канцеляриях работали явно несоответствующие требованиям делопроизводители, которые годами держались на ключевых постах. На фоне таких обстоятельств предпринимаемые время от времени судьями нижней расправы Верхотурья Г. Сажина и Ф. Милле попытки форсировать ускорение работ в архиве представляются нам не столько эффективными мерами по восстановлению общей дисциплины, сколько кратковременным всплеском активности в ответ на регулярно поступающие из Перми напоминания.

3.5. Меры повышения эффективности работы судебных учреждений

Посещаемость присутственных мест: требования и реализация: Установленные в главах III, IX и X Генерального регламента нормативы рабочих дней, праздников и отпусков действовали в исследуемый период без изменений. Согласно этому фундаментальному закону, в государственных учреждениях дни церковных праздников,

⁶⁴³ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 309. Л. 18--20.

⁶⁴⁴ Там же. Л. 42.

субботы и воскресенья были выходными. Членам присутствия и канцелярии полагался четырехнедельный отпуск. Дополнительный отпуск в восемь дней запрашивался по потребности. Нарушение трудового распорядка: опоздания или более длительные несанкционированные отлучки со служебного места, подлежали наказанию⁶⁴⁵.

Как описывает Л.Ф. Писарькова, опираясь на архивные источники, в конце столетия календарный год насчитывал 220 рабочих дней, что соответствует 18--19 рабочим дням в месяц⁶⁴⁶. Эти расчеты распространяются и на Пермское наместничество. Исследования Д.Е. Хохолева показали, что на календарный 1790 г. приходилось всего 52 выходных дня (кроме субботних и воскресных дней). Составленный им список охватывает помимо церковных праздников дни рождения и именины членов царской семьи, а также такие торжественные дни, как, например, день восхождения на престол и коронования государыни императрицы Екатерины Алексеевны (28 июня и 22 сентября) или день победы русских войск под Полтавой (27 июня)⁶⁴⁷. С учетом того, что некоторые выходные регулярно попадали на и без того выходные субботы или воскресенья, мы приходим в рассматриваемом регионе к 220 рабочим дням.

Согласно закону, присутствие и канцелярия работали по различным графикам. Относительно коротким был рабочий день членов судейского аппарата. Анализ подлежащей ежемесячному заполнению «ведомости о присутствии» показал, что в позднее екатерининское время у классных чиновников была 30-часовая рабочая неделя. Что касается достоверности этого источника, Л.Ф. Писарькова выражала свои сомнения. На неточности указывали не только непропорционально высокое количество рабочих дней, но и стереотипность, с которой данные заносились в отчетные формы. Все чиновники взятого ею в качестве примера учреждения приходили к восьми часам и покидали учреждение во втором часу⁶⁴⁸.

Насколько эти наблюдения подходят к исследуемому нами региону? На первый взгляд, все было так, как описано. «Ведомости о явке на службе» очевидно заполнялись не ежемесячно, а постфактум в конце года или, что тоже не исключено, лишь по случаю проверки. Кроме того, в отчетах настораживает большое количество упомянутых дней, проведенных на службе. Согласно соответственным ведомостям, члены судейского аппарата регулярно собирались по субботам, что соответствует трудовой нагрузке в 266 рабочих дней в году⁶⁴⁹. Совершенно другой результат, однако, дает анализ журналов

⁶⁴⁵ ПСЗРИ-1. Т. 5. № 3128. С. 524.

⁶⁴⁶ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII --- до конца XVIII века. С. 467.

⁶⁴⁷ Хохолов Д.Е. Управление Пермским наместничеством. Дисс. С. 157.

⁶⁴⁸ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII --- до конца XVIII века. С. 465--467.

⁶⁴⁹ ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 35. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 134. Ф. 53. Оп. 2. Д. 2а. Л. 34, 51, 78об. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 181. Л. 1--18. Д. 184. Л. 1--12. Д. 222. Л. 1--15.

присутствия тех же учреждений. Подписи под решениями, протоколами заседаний и т. д. показывают, что верхние и нижние расправы Пермского наместничества иногда заседали по субботам и воскресениям, но учитывая весь исследуемый период, это было скорее исключением, чем правилом⁶⁵⁰.

Что касается рабочих часов, которые приписывали себе судебские коллегии, то и тут преобладала та же картина. Члены присутствия Верхотурской нижней расправы также собирались все вместе в восьмом часу и покидали учреждение пунктуально во втором часу⁶⁵¹. Аналогичное впечатление складывается при знакомстве с формулярными данными других учреждений, к примеру, нижних расправ Осы и Чердыни, где рабочий день обычно длился до третьего, а иногда до четвертого часа пополудни. В Красноуфимске, наоборот, суд собирался только в первой половине дня: члены присутствия являлись в седьмом часу и дружно покидали учреждение в первом часу⁶⁵². По сравнению с ведомостями только что названных учреждений ведомости нижней расправы Верхотурья были более дифференцированными. В формуляры оказались также занесены дни, пропущенные по причинам болезни, отпуска или иных требующих отъезда дел⁶⁵³.

Причины легкомысленного отношения к вышеуказанным формам отчетности, на наш взгляд, кроются не в корыстных мотивах, а в хроническом недостатке времени⁶⁵⁴. Канцелярии учреждений были и без того перегружены; им попросту не хватало ни временных, ни кадровых ресурсов для того, что заполнять формы ведомостей, сверяя их с журналами.

Это не означает, что к вопросам соблюдения служебных обязанностей относились с излишней снисходительностью. Для отлучки со служебного места требовалось официальное разрешение от руководства наместничества, сообщение о причинах отсутствия: болезни, выездных заседаниях или отпуске, которые заносились в журнал заседания. Сведения об отпусках также вносились в формулярные списки⁶⁵⁵. Запросы об увольнении со службы, которые могли быть отклонены, были связаны не только с бюрократическими хлопотами. Примером может служить дело пожилого сторожа нижней расправы Верхотурья Петра Мосягина, процесс увольнения в отставку которого затянулся

⁶⁵⁰ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 26а. Л. 5. Д. 42. Л. 112. Д. 56. Л. 43об. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 49. Л. 3, 6. Д. 98. Л. 212. Д. 107. Л. 11, 373, 381. Д. 108. Л. 499. Д. 112. Л. 139, 163, 166, 177, 180, 226, 271. Д. 115. Л. 71. Д. 159. Л. 73, 74, 79, 89, 145. Д. 161. Л. 87. Д. 175. Л. 39, 74, 112, 140. Д. 218. Л. 2, 5. Д. 256. Л. 44. 60. Д. 258. Л. 201. Д. 261. Л. 28, 37. Д. 298. Л. 129. Д. 354. Л. 231. Д. 377. Л. 187. Ф. 589. Оп. 1. Д. 3. Л. 1. Ф. 771. Оп. 1. Д. 24. Л. 3. Д. 107. Л. 13.

⁶⁵¹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 181. Л. 1--18. Д. 184. Л. 1--12. Д. 222. Л. 1--15.

⁶⁵² ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 35. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 134. Ф. 53. Оп. 2. Д. 2а. Л. 34, 51, 78об.

⁶⁵³ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 181. Л. 1--18. Д. 184. Л. 1--12. Д. 222. Л. 2--15.

⁶⁵⁴ Это мнение подтверждается и тем, что в документы иногда заносились не существующие в календаре дни, например, 31-е апреля и 31-е июня. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. 158. Л. 33. Д. 261. Л. 37.

⁶⁵⁵ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 6. Л. 7, 17--20, 31--38. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 66, 135, 137, 155. Д. 118. Л. 130, 169. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 159. Л. 62, 73--75, 89, 156. Д. 284. Л. 48, 98. Д. 355. Л. 64, 84.

более чем на два года -- с августа 1785 до сентября 1787 г. Сначала его ходатайство было отклонено. В связи с вакантной должностью лекаря в городе он не смог предъявить требуемый от него медицинский аттестат. При повторной попытке возникла проблема из-за того, что у сторожа не было семьи в Верхотурье, которая взяла бы на себя уход за пожилым родственником. В итоге его ходатайство было удовлетворено лишь тогда, когда жители города, ямщик Лаврентий Иванов и мещанин Семен Батуриин, обязались перед городническими делами материально поддерживать Петра Мосягина⁶⁵⁶.

Несмотря на плотную сеть контрольных механизмов, среди чиновников Среднего Урала было достаточно «паршивых овец», пытавшихся всячески обойти обязанность своего пребывания в учреждении в присутственные часы. При проверке журналов присутствия Далматовской нижней расправы в январе 1797 г. выяснилось, что члены судейского аппарата «не посещали нужное количество часов», за что из годового жалования судьи, составлявшего 250 рублей, было высчитано 78 рублей, а сельские заседатели лишились 40% из их окладов⁶⁵⁷. Данный инцидент не был единичным. Об этом свидетельствует адресованный различным присутственным местам указ наместнического правления, напоминающий о том, чтобы без официального разрешения «присутствия по своим прихотям никуда разъездов не чинили»⁶⁵⁸. Но о систематическом уклонении от служебных обязанностей, которое иногда описывается в литературе⁶⁵⁹, в исследованных нами учреждениях не может быть и речи.

Совершенно другие критерии действовали относительно продолжительности и организации рабочего дня в канцелярском аппарате. В отличие от присутствия подчиненная прослойка работала в две смены. Первая длилась с раннего утра до обеда; вторая начиналась в позднее послеобеденное время и длилась, в зависимости от занятости учреждения, до вечера или до ночи. Как следует из мемуаров, среди канцелярских служащих могла существовать внутренняя иерархия. Если нижестоящие чины нередко приходили на службу к пяти или шести утра, квалифицированный персонал прибывал позднее, а секретари являлись на службу лишь незадолго до появления членов присутствия⁶⁶⁰.

Ударность канцелярской работы четко отражена в документации. Сопоставление регистра входящих и исходящих документов с календарем соответствующего года показывает, что делопроизводители регулярно приходили на службу в выходные. В 1787,

⁶⁵⁶ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 106. Л. 113. Д. 112. Л. 273--274.

⁶⁵⁷ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 242а. Л. 166.

⁶⁵⁸ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 101. Л. 316.

⁶⁵⁹ См. напр.: Снежневский В.И. Приказные люди в Нижегородском наместничестве. С. 43--50.

⁶⁶⁰ См. воспоминания Батуриина. Батуриин П.С. Жизнь и похождения. Г.С.С.Б. Повесть справедливая, писанная им самим // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 57--78.

1789--1792 и 1795 гг. в нижней расправе Верхотурья в среднем работали 17,14 суббот и даже 7,16 воскресений в год⁶⁶¹. Это учреждение не было исключением. Приказным служителям в других учреждениях региона -- как на уровне уезда, так и на уровне губерний -- была уготована та же судьба⁶⁶². В 1781 г., то есть в год начала реализации губернской реформы на Среднем Урале, канцелярия наместнического правления работала даже в рождественские дни⁶⁶³.

Как уже говорилось, эффективное функционирование нижних расправ зависело, в отличие от остальных судов, не только от управляемых правительством факторов (финансирование, размещение, укомплектование кадрами), но и от уровня потребности у свободного сельского населения региона обратиться для решения споров в коронный суд. К тому же, не менее важным кажется вопрос о действительной интеграции сельских заседателей в деятельность суда.

Установление наличия и степени интеграции -- сложная задача. Ее решение зависит от учета многочисленных взаимосвязанных объективных и субъективных факторов. Продуктивным методом получения достаточно достоверных сведений о действительной вовлеченности в производственный процесс является установление степени регулярного присутствия сельских заседателей на заседаниях принимающего учреждения как основополагающего условия для интеграции.

Обращение к этим показателям позволяет сделать выводы о соблюдении принципа сословности в судебной системе. Несмотря на то, что этот вопрос является ключевым для оценки функционирования верхних и нижних расправ, пока он не получил достаточного освещения⁶⁶⁴.

Традиционно превалирующее в историографии мнение можно обобщить следующей цитатой из автобиографического романа «Между людьми» писателя Ф.М. Решетникова (1841--1871 гг.)⁶⁶⁵: «были у нас еще другие заседатели, [...] которые по

⁶⁶¹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 158. Л. 1--72об. Д. 165. Л. 114. Д. 356. Л. 1--23. Д. 260. Л. 1--40, 125--147. Д. 261. Л. 2--29об. Д. 263. Л. 2--36. Д. 283. Л. 1--11, 133--152. Д. 356. Л. 2--54.

⁶⁶² ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 1--66об. Д. 11. Л. 2--53об. Ф. 53. Оп. 1. Д. 5. Л. 12. Ф. 290. Оп. 1. Д. 9. Л. 29. Ф. 316. Оп. 1. Д. 42. Л. 46, 51, 58, 91. Ф. 591. Оп. 1. Д. 3. Л. 25. Д. 11. Л. 5, 32, 412, 532. Д. 16. Л. 61, 147. Д. 20. Л. 62. Д. 26. Л. 83, 222. Д. 26а. Л. 69. Д. 42. Л. 14--15, 111, 157, 174. Д. 60. Л. 141. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 108. Л. 84, 108. Ф. 591. Оп. 1. Д. 5. Л. 40. Ф. 771. Д. 86. Л. 1а. Д. 110. Л. 3.

⁶⁶³ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 42. Л. 117.

⁶⁶⁴ Подробный историографический обзор данной проблемы находится в введении к данной работе.

⁶⁶⁵ Происходивший из разночинцев Федор Михайлович Решетников родился в Екатеринбурге и вырос в доме своего дяди В.В. Решетникова, чиновника почтовой конторы, в Перми. После окончания Пермского народного училища он поступил на гражданскую службу. В 1859--1863 гг. служил в канцелярии Екатеринбургского уездного суда и Пермской казенной палате. В 1863 г. переехал в Санкт-Петербург, чтобы посвятить себя полностью писательской деятельности. В упомянутом романе 1865 г. «Между людьми» он описывает свои впечатления и воспоминания о традиция канцелярского быта в так называемом «старом суде» (Житкова Л.Н. Решетников Федор Михайлович // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 460)

безграмотству, прикладывали свои печати. Они были в земском суде в то время, когда они нужны были для подписывания бумаг, когда не доставало полного числа членов или в земском, или в уездном судах. Больше они не нужны были не на какие потребности, и, хотя они носили форму, но служащие земского суда часто посылали их за водкой и колотили пьяных. Эти люди – заседатели из крестьян и выбираются в заседатели сельским обществом»⁶⁶⁶. Приверженцем противоположного мнения является В.А. Воропанов. В урало-сибирского регионе, как констатирует челябинский специалист по истории права, сельские заседатели приняли новшества при наличии взаимного согласия и безропотно: «Судебные представители непосредственно участвовали в охране государственных интересов, общественного порядка, усиливая легитимность уголовно-правовой политики абсолютной монархии. Расправы продуктивнее воеводских канцелярий реагировали на исковые прошения и жалобы населения, [...], поощряя обывателей к обращению в государственные инстанции»⁶⁶⁷. Вывод, который невольно вызывает ассоциации с понятием «общество как государственное мероприятие» (по смыслу: Общество как государственный проект), введенным полвека назад немецким русистом Д. Гайером⁶⁶⁸.

Однозначный и удовлетворительный ответ на вопрос о степени интеграции и интегрируемости сельских заседателей в коронную судебную систему найти непросто. Для рассматриваемого региона осуществление избирательного процесса, описанного в предыдущей главе диссертации, является мало информативным. Он проходил под надзором полицейских органов⁶⁶⁹, что оставляло, соответственно, немного пространства для самоопределения и свободы действий. Как уже говорилось, более перспективным способом для получения достаточно достоверных сведений о действительной вовлеченности в процесс судопроизводства является установление степени регулярного присутствия сельских заседателей на заседаниях принимающего учреждения как основополагающего условия для интеграции.

Согласно закону, как члены судейского аппарата, сельские заседатели имели право на увольнение «в домовые отпуска» продолжительностью до 29 дней в течение одного периода заседания. В свое место жительства им разрешалось отлучаться как между периодами заседания суда, так и во время неотложных сельскохозяйственных работ, в связи с праздниками, в случае заболевания, либо по семейным обстоятельствам и другим личным причинам. Отказы на частые просьбы о временном увольнении в изученных

⁶⁶⁶ Ф.М. Решетников. Между людьми. М., 2012. С. 165--166.

⁶⁶⁷ Воропанов В.А. Власть и население в российской провинции. С. 99.

⁶⁶⁸ Geyer D. „Gesellschaft“ als staatliche Veranstaltung. С. 21--53.

⁶⁶⁹ При вступлении на службу каждая смена сельских заседателей, только принесших присягу, уже обладала личной печатью со своими инициалами. (ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 298. Л. 138).

документах не встречаются. Как правило, в журнал присутствия заносились дата, срок и причина увольнения. Затем обеспеченные билетом сельские заседатели возвращались на 10–20 дней в свои деревни или поселения «для своих домашних надобностей», чтобы поднять хозяйство заболевшего родственника, посвататься или взять из дома зимние вещи и припасы⁶⁷⁰. Однако чаще всего сельские заседатели «продлевали» свое пребывание в родном селе, чтобы лечиться, например, от «приключившейся весьма тяжелой болезни на руке»⁶⁷¹.

Прецедент Верхотурской нижней расправы показывает, что на практике подобное истолкование предоставленного им права нередко приводило к явному расхождению между установленным законодательством и фактическим количеством присутственных дней. Так, из ежемесячно отправляемых в вышестоящие инстанции ведомостей «о присутствии Верхотурской нижней расправы» следует, что в период с 1785 по 1790 гг. сельские заседатели находились на месте службы от 28% до 87 % присутственных дней в году⁶⁷².

Описанное поведение вполне одобрялось руководством этого суда. Превышение же позволенных сроков (от нескольких дней до целого месяца) было достаточно распространенным явлением. Такие нарушения либо совсем не упоминались (в таких случаях о возвращении сельского заседателя на служебное место свидетельствует лишь соответствующая запись в журнале присутствия), либо вели к напоминаниям. В итоге, однако, для опоздавшего они никаких более серьезных последствий, чем требования прочесть именной указ «о скорейшем решении дел» от 10 февраля 1763 г., не имели⁶⁷³.

Реакция руководства суда на проверочные мероприятия позволяет предположить, что подобная «снисходительность» была мотивирована стремлением убедить вышестоящие инстанции в безупречном функционировании учреждения. В начале 1786 г. областной прокуратурой было обнаружено, что в части выставленных Верхотурским сельским заседателям отпускных билетов не были указаны сроки. После этого вопросу посещаемости начали уделять более пристальное внимание⁶⁷⁴. Впоследствии в журналах 1786 и 1787 гг. все передвижения сельских заседателей тщательно фиксировались. Теперь длительные задержки влекли за собой наведение справок через волостного старосту, земского исправника или лекаря. Важным рычагом дисциплинарного воздействия стало использование системы коллективного поручительства. В феврале 1787 г. служебная

⁶⁷⁰ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 175. Л. 121. Д. 261. Л. 1. Д. 283. Л. 10, 17. Д. 356. Л. 118.

⁶⁷¹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 98. Л. 212, 280, 288. Д. 256. Л. 67. Д. 260. Л. 121. Д. 377. Л. 47.

⁶⁷² ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 46. Л. 4об. Д. 159. Л. 75, 81, 89, 94. Д. 181. Л. 1, 5, 7, 9--13, 16--18. Д. 184. Л. 1--12. Д. 222. Л. 1 4, 7, 10--13. Д. 424а. Л. 164.

⁶⁷³ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 112. Л. 150--151. Д. 175. Л. 5, 11, 78.

⁶⁷⁴ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 99. Л. 71.

мораль упала до максимально низкого уровня, и судья Милле для борьбы с этим выбрал следующее средство: все четыре сельских заседателя должны были подписать обязательство о том, что в случае запоздалого возвращения одного из них, у каждого из оставшихся вычтут десять рублей из жалования⁶⁷⁵.

Скоро, тем не менее, все вернулось в прежнее русло. Сельским заседателям разрешалось, «буде нет дел чрезвычайных», увольняться⁶⁷⁶. Из Перми следовали напоминания о том, «чтобы отлучило присутствие только для выездных заседаний»⁶⁷⁷. В журналах присутствия по-прежнему отмечаются довольно длительные периоды отсутствия одного или нескольких заседателей при одновременном наличии их индивидуальных печатей под документами⁶⁷⁸.

Верхотурская нижняя расправа не представляла исключение. Подобная практика была распространена и в других учреждениях региона. Сельские заседатели отпрашивались в свои дома по состоянию здоровья, на похороны родственника или для того, чтобы подготовиться к зиме. В большинстве случаев, однако, они задерживались по той причине, что в их хозяйствах теперь не хватало мужских рук⁶⁷⁹. Наличие подписей и личных печатей под документами указывает на то, что в заседаниях присутствия редко принимали участие все четыре заседателя, а если это происходило, то чаще всего приходилось на период начала сессии. К середине периода заседания чаще всего «дежурили» по одному-два человека⁶⁸⁰.

Представители из селян регулярно вовлекались в деятельность принимавших их судов. Во время проводимых совместно с нижним земским судом выездных заседаний знания сельских заседателей о местных условиях и обычаях, несомненно, были на пользу. Они помогали улаживать земельные и иные споры, допрашивать сбежавших с заводской работы крестьян, надзирать за строительными работами, оказывали переводческие услуги⁶⁸¹.

Гораздо сложнее оценить характер деятельности сельских заседателей в самом судебном учреждении. Известно, что двое из них, когда предстояли неотложные дела, должны были оставаться и между периодами заседания на служебном месте. Кроме того,

⁶⁷⁵ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 99. Л. 42--43, 45, 75, 86, 102--103.

⁶⁷⁶ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 261. Л. 1. Д. 283. Л. 17.

⁶⁷⁷ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 101. Л. 316.

⁶⁷⁸ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 101. Л. 16, 89. Д. 161. Л. 97--108. Д. 175. Л. 3--28. Д. 377. Л. 47--64, 104.

⁶⁷⁹ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 6. Л. 7, 22. Ф. 569. Оп. 1. Д. 26. Л. 165--166. Д. 60. Л. 147.

⁶⁸⁰ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 95. Д. 26а. Л. 3. Д. 56. Л. 176. ГАСО. Ф. 491. Д. 84. Л. 7. Д. 130. Л. 11. Ф. 771. Оп. 1. Д. 14. Л. 3. Д. 110. Л. 8. Д. 179. Л. 13.

⁶⁸¹ ГАПК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 23. Д. 6. Л. 181, 193. Ф. 290. Оп. 1. Д. 9. Л. 105. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 115. Л. 2--3.

в случае отсутствия кворума, их могли вызвать из отпуска⁶⁸². Во время выездов или командировок расправного судьи и секретаря на сельских заседателей как формальных членов судейского аппарата возлагалась ответственность за учреждение. В таких случаях им доверялась казенная печать, повелевалось хранить, но не открывать до возвращения присутствия, входящую почту. Присутствие, о чем свидетельствуют записи в журналах, в эти дни отменялось⁶⁸³.

Полноценному вовлечению в процесс отправления правосудия мешал низкий уровень образованности сельских заседателей. Указания на то, чтобы в судах соблюдался принцип коллегиальности, чтобы о текущем деле действительно докладывал тот член присутствия, «на которого пал жребий»⁶⁸⁴, периодически встречаются в документации учреждений губернского уровня, реже -- в журналах судов первой инстанции⁶⁸⁵. Чаще всего это предписание игнорировалось. Из серии напоминаний «господам присутствующим метать жребии», отправленных в период с января по февраль 1790 г. в нижние расправы и нижние земские суды, следует, что оно редко распространялось на сельских заседателей⁶⁸⁶. Кроме того, однократность мероприятия по рассылке напоминаний дает основание предполагать, что оно было осуществлено в результате очередного контроля по указанию сверху.

Таким образом, можно констатировать, что к сельским заседателям, проходившим службу в сословных судах Пермского наместничества, не относились с «пренебрежительным равнодушием», как порой представляется в научной литературе⁶⁸⁷. Но анализ документов также не позволяет говорить о полной реализации всех правительственных намерений, то есть о воплощении в жизнь созданной сверху общественной структуры, в которой все сословные группы сознательно пользовались представленными им правами⁶⁸⁸. На наш взгляд, доминирующим фактором во взаимоотношениях между представителями сельского населения и руководством принимающих судебных учреждений являлось стремление соблюсти все формальности. Обе стороны объединяло на данном этапе, прежде всего, их обоюдное старание совмещать требования законодательства с возможностями их осуществления в условиях отдаленной провинции, отличавшейся неоднородным социальным, этническим и религиозным составом населения.

⁶⁸² ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 9. Л. 152.

⁶⁸³ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 175. Л. 74. Д. 258. Л. 24. Д. 261. Л. 59.

⁶⁸⁴ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14392. Ст. 367.

⁶⁸⁵ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 24. Л. 229. Д. 26а. Л. 19. Д. 36. Л. 98. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 101. Л. 252, 283.

⁶⁸⁶ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 42. Л. 1, 2, 6, 8, 15, 16, 29, 43, 44, 51, 92, 94.

⁶⁸⁷ См. напр.: Гессен В.М. Старый суд. С. 10.

⁶⁸⁸ Воропанов В.А. Практика местного правосудия. С. 149.

Положение и восприятие роли сельских заседателей в местной судебной системе были во многом неоднозначны, что и нашло свое отражение в формулярных списках присутствия. В документах одних учреждений данные о сельских заседателях были включены, в других сведения о них отсутствуют; в списках третьих учреждений они следовали в очередности за секретарем, а четвертые поступали каждый год по-новому⁶⁸⁹.

Руководство судебных учреждений решало этот вопрос в индивидуальном порядке, в зависимости от того, какой статус данная организация была готова отвести представителям сельского населения.

Подобная точка зрения подтверждается и снисходительностью, с которой местные власти относились к реальным возможностям сельских заседателей оказывать влияние на процесс отправления правосудия, и, соответственно, принимать на себя часть ответственности за деятельность суда. Взыскания за несоблюдение сроков и формальностей, как правило, налагались не на весь состав судейского аппарата, а исключительно на расправного судью и секретаря⁶⁹⁰.

Документы, свидетельствующие о проявлении инициативы самими представителями крестьянства, редки. Известие, авторами которого являлись сельские заседатели первой смены Верхотурской нижней расправы Василий Посников, Семен Митрофанов, Петр Комаров и Анисим Жарков, подтверждает определенную обособленность их позиции в суде⁶⁹¹. В своем обращении к руководству суда они ссылаются на случившийся в конце 1782 г. инцидент. Занимавший тогда пост судьи Иван Минеев⁶⁹² и исполняющий обязанности секретаря канцелярист Илья Протопопов должны были совместно с нижним земским судом урегулировать земельные конфликты. Во время выездного заседания суда проводились допросы приписанных к Богословскому и Петропавловскому заводам приписных крестьян. При этом в относившейся к этому случаю документации появились кое-какие «недочеты»: дело в срок закрыто не было, а судебный приговор содержал ряд серьезных ошибок. Впоследствии судья Минеев был лишен должности. Новое присутствие учреждения: судья Филипп Милле, секретарь Василий Копылов, и сельские заседатели, были привлечены к ответственности за ошибки их предшественников. Но принять такое решение сельские заседатели были не готовы. Их вины здесь не было никакой, так как они даже не присутствовали на заседании. Отрицая

⁶⁸⁹ ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33. Л. 17. Ф. 316. Оп. 1. Д. 46. Л. 99, 122--124, 134--137, 139--140, 154--157, 168--169, 194--195. Д. 47. Д. 111. Д. 112. Ф. 569. Оп. 1. Д. 3. Л. 2--3. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 179. Л. 1--2, 13--16, 22--24, 34--36. Д. 290. Л. 16--17, 31--32.

⁶⁹⁰ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 25. Л. 124. Ф. 569. Оп. 1. Д. 56. Л. 181. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 107. Л. 250--253, 373. Д. 108. Л. 499.

⁶⁹¹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 285. Л. 97.

⁶⁹² Об укомплектовании судейского корпуса нижней расправы Верхотурья сравни главу II, пар. 1 данной работы.

любую форму участия в этом деле, они не только дистанцировались от обвинений суда, но вели себя к тому же с чувством собственного достоинства. Даже с учетом того, что судья Милле поддерживал позицию сельских заседателей перед наместническим правлением, а потому им не стоило бояться негативных последствий⁶⁹³, из этого эпизода можно заключить, что крестьяне были не просто безответными статистами, запуганными превалировавшей в сословном суде знатью. Они были хорошо осведомлены о происходившем в суде и относились к нему с определенной долей скепсиса и прагматизма.

Два других дела, отражающих личное мнение сельских заседателей, четко показывают, что относительно крестьянского состояния какая-либо форма сословного сознания -- основной предпосылки защиты сословных интересов -- в исследуемый период пока не появилась. Во-первых, прошло слишком мало времени для формирования чего-либо подобного коллективной идентичности. Во-вторых, это было обусловлено отсутствием чувства общности. Сравнительно недавно созданная социальная категория «свободных сельских обывателей» охватывала множество гетерогенных подгрупп. В Пермском наместничестве наряду с крестьянами различных категорий и горнозаводским населением (мастеровыми и работными людьми) к ней относились представители национальных меньшинств, проживавшие на территории Среднего Урала, а также ямщики и казаки. Новое административное деление, осуществленное на низовом уровне в 1782 г. (участок земского начальника — стан — волость — сельское общество — селение — крестьянский двор), тоже не способствовало развитию ясно выраженной самоидентификации. При объединении различных видов селений (деревни, села, поселения, слободы) в волости были учтены количественные, а не исторические критерии, что не способствовало, по крайней мере на первом этапе, преодолению дробности территорий.

Это демонстрирует разгоревшийся в 1783--1785 гг. в Верхотурье скандал вокруг сельского заседателя нижнего земского суда Василия Машкина, ставшего жертвой конфликта интересов между местными чиновниками, земским исправником и городничим Богданом Боргом, и крестьянами Кушвинской волости. Василий Машкин надзирал летом 1783 г. за строительством моста недалеко от города, когда однажды доверенные ему крестьяне безо всякого предупреждения явились в Верхотурский кремль. Там они были взяты под стражу и допрошены. На следующий день им выдали зерновые припасы и отпустили в свою волость. Мотивы крестьян и после допроса остались неясными, так же, как и роль местных властей в этом инциденте. Согласно официальной версии,

⁶⁹³ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 285. Л. 98.

единственным виновным в этом эпизоде оказался сельский заседатель В. Машкин, которому вменялось многократное нарушение его надзирательских обязанностей по причине алкогольного опьянения. В длившемся более двух лет судебном разбирательстве главными свидетелями против В. Машкина выступили два сельских заседателя нижней расправы⁶⁹⁴. Таким образом, показывается, что крестьяне, не обязательно были готовы поддержать выходцев из того сословия, если их не связывало личное знакомство.

Более выражено была развита готовность оказывать поддержку своим односельчанам, что показывает случай, произошедший в 1786 г. в Верхотурье. За арестованного за кражу крестьянина Федора Устюжанина из Гороблагодатского завода, заступились приписанные к тому же заводу заседатели Дмитрий Зотеев и Алексей Толмачев. Благодаря своему привилегированному статусу им удалось успешно ходатайствовать у городнических дел. Была подписана поручная запись, и Ф. Устюжанина отпустили из-под ареста⁶⁹⁵.

Намерение законодателя определить правовой статус свободного сельского населения обуславливалось стремлением найти компромисс между вполне очевидным желанием распространить государственную судебную систему на свободное сельское население, с одной стороны, и его опасением того, как подобное вмешательство в существующее общественное устройство могло быть воспринято дворянством, с другой. Подобные мотивы подвигли авторов «Учреждений» к вышеупомянутым ограничениям: к решению оставить создание крестьянских сословных судов факультативным, а также к дополнению о том, что в заседатели сельских судов могут быть выбраны и представители других сословий⁶⁹⁶. По той же причине правительство не решилось на предоставление чина заседателям крестьянского сословия. Решение на такой шаг, не учитывавший нюансов межсословных отношений, как, на наш взгляд, справедливо отметил А.Б. Каменский, ссылаясь на О.А. Омельченко, оказалось бы невысказанным в условиях России второй половины XVIII в.⁶⁹⁷

Распространение государственной правовой и судебной системы на часть крестьянства являлось своего рода социальным экспериментом, к реализации которого законодатель приступал постепенно и с большой осторожностью. Решение самого

⁶⁹⁴ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 115. Л. 1--39об.

⁶⁹⁵ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 159. Л. 131.

⁶⁹⁶ ПСЗРИ-1. Т.20. № 14392. Ст. 335. Эта статья в губернском уложении имеет своим истоком различные позиции новгородского губернатора Я.Е. Сиверса и Екатерины касательно основания сословных судов. Законодательное закрепление в итоге получил предложенный Я.В. Завадовским компромисс. На нем основано правило о том, что заседателями расправ могут быть избраны не только крестьяне, но и дворяне, разночинцы и «ученые люди». Ср. описания М.П. Павловой-Сильванской. Павлова-Сильванская М.П. «Учреждение о губерниях» 1775 года и его классовая сущность: дис. ... канд. ист. наук. М., 1964. С. 190--233.

⁶⁹⁷ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. С. 430.

сложного вопроса: определение правового статуса сельских представителей, было длительным процессом, и к тому времени, когда реформа начала проводиться во всех регионах страны, еще далеко не законченным. Возникавшие в ходе реализации реформы проблемы нередко становились поводом к появлению новых решений и разъясняющих документов.

Так, на Среднем Урале вскоре после открытия новых присутственных мест интересовавшиеся своим положением сельские заседатели стали поднимать вопрос об их «увольнении от исправления заводских работ». Наместническое правление в ответ на это приняло решение, чтобы они в течение всего срока исполнения должности «заводские работы исправили наймом или каким другим образом беспрепятственно», поскольку статус сельского заседателя не предполагал освобождения от платежа государственных податей⁶⁹⁸.

Правительственные усилия систематизации и рационализации губернского делопроизводства: Канцелярии исследуемых нами судебных учреждений, как уже говорилось, были безнадежно перегружены. Несмотря на сверхурочную работу, которая была скорее правилом, нежели исключением, канцелярским служащим не хватало сил для того, чтобы справиться с установленной нагрузкой. Правительственные нормативы, ориентированные на идеал, не были совместимы с реальностью, которая так же, как и в начале столетия, «поставила работу государственных учреждений на грань невозможного»⁶⁹⁹.

Поэтому здесь встает вопрос о том, что правительство могло этому противопоставить?

Екатерина применила в основном традиционный и пользующийся популярностью уже у ее предшественников метод закручивания гаек. В последней трети XVIII в. правительство в первую очередь надеялось на дисциплинирующее воздействие издаваемых нормативных новелл. По-прежнему в своем большинстве это были установления все более узких временных границ и создание или актуализация соответствующего перечня санкций за нарушение сроков, в основном состоящего из денежных взысканий⁷⁰⁰.

⁶⁹⁸ ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 4. Л. 31. Д. 5. Л. 386, 390–400. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 101. Л. 85.

⁶⁹⁹ Цит. по: Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ. С. 459.

⁷⁰⁰ Воинский устав. Гл. XLIX. Ст. 6; Морской устав. Кн. III. Гл. V. Ст. 6; ПСЗРИ-1. Т. 7. №. 4174. С. 26–27. Т. 8. № 5565. С. 283–284. № 5640. С. 339. № 6799. С. 568–570. Т. 10. № 7713. С. 676–679. Т. 15. № 11169. С. 585–587. Т. 16. № 11703. С. 105–107. № 12137. С. 716–720. Т. 17. № 12417. С. 166–167. № 12710 С. 871–876.

Как было указано выше, согласно «Учреждениям», годовое жалование служащих суда, пропустивших судебные сроки, подлежало удержанию, оно выплачивалась потерпевшей от пропуска срока убытки процессуальной стороне (или ее наследникам, или уездной школе) в качестве компенсации. На Среднем Урале эта статья, однако, не применялась. Из исследованных документов следует, что члены судебных коллегий привлекались к ответственности только согласно Сенатскому Указу от 5 октября 1782 г.⁷⁰¹ Данный нормативно-правовой акт устанавливал введение в силу действовавших до этих штрафных предписаний. О нарушениях служебной дисциплины, совершенных в судах на уездном уровне, наместническое правление оповещалось вышестоящими инстанциями. Оно устанавливало соответствующий штраф, обычно в десять рублей, но иногда и выше, который вычитался впоследствии из жалования присутствия и секретарей⁷⁰².

Судьи, в свою очередь, были уполномочены наказывать канцелярских работников. Установленные в первой четверти века санкции продолжали действовать почти неизменно. Распространенными дисциплинирующими мерами не только за проступки по службе, но и за допуск легких или средних производственных ошибок, остались сверхурочные часы работы, телесные наказания и лишение свободы⁷⁰³. За такого рода производственные упущения виновные запирались в канцелярии на хлеб и воду на срок, требовавшийся для отработки упущенного⁷⁰⁴.

Императрица не испытывала особого доверия к корпусу судебных служащих и не переоценивала действие законодательных норм. Как и ее предшественники, она обезопасила себя созданием обширных контрольных механизмов. Вместе с прокуратурой, надзиравшей за законностью действий судов, и усилившимся в «Учреждениях» ревизионным началом⁷⁰⁵, Екатерина также полагалась на действенность регулярных донесений с мест. Как уже говорилось выше, непрерывная и полная отчетность должна была поддерживать задуманную императрицей комплексную конструкцию и обеспечивать оперативное течение правосудия.

Старания монархини повысить эффективность системы отчетности путем ее стандартизации не были новшеством; предшественники Екатерины предпринимали

⁷⁰¹ ПСЗРИ-1. Т. 21. № 15567. С. 722—723.

⁷⁰² ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 39. Л. 7. Ф. 569. Оп. 1. Д. 16. Л. 224--226. Д. 21. Л. 32. Д. 26а. Л. 93. Д. 42. Л. 157. Д. 56. Л. 56. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 107. Л. 250--253, 373, 533. Д. 108. Л. 121--122, 150, 176, 362, 499, 543, 657. Д. 111. Л. 127--128. Д. 285. Л. 102.

⁷⁰³ История Правительствующего сената за двести лет. 1711--1911. Т. 2. СПб., 1911. С. 192. См. описание «Приказные люди в Нижегородском наместничестве» известного краеведа-исследователя и правителя дел Нижегородской губернской ученой архивной комиссии В.И. Снежневского (1861--1907), данные которого основаны на анализе журналов Нижегородского наместнического правления 1781--1784 гг. Снежневский В.И. Приказные люди в Нижегородском наместничестве. С. 45--46.

⁷⁰⁴ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 111. Л. 296--297. Д. 112. Л. 122. Д. 159. Л. 173. Д. 354. Л. 231.

⁷⁰⁵ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14392. Гл. XXVII. Ст. 404--410.

аналогичные попытки оптимизации делопроизводственного процесса. Но соответствующее законодательство не было завершено. В последней трети столетия канцелярский обряд основывался на неизменно действующих пунктах Генерального регламента. Дальнейшие меры для упорядочения губернского делопроизводственного процесса обнаруживаются в частных указах, изданных прямыми преемниками Петра и в первые годы правления Екатерины⁷⁰⁶. Но стремление внедрить неуклонное соблюдение сроков и формальностей при составлении текстов судебных решений, отчетных форм и журналов имело противоположный эффект. Процветанию волокиты способствовало огромное количество различных формуляров. При реализации реформ опыт первых, основанных согласно «Учреждениям», губерний более чем ясно показал необходимость основательного реформирования трудозатратного коллежского делопроизводства. В последующие годы были приняты нормативные акты с целью сделать губернское делопроизводство прозрачнее и эффективнее: целью сенатского указа от 24 августа 1776 г. было сокращение числа формуляров и ведомостей, направляемых в вышестоящие учреждения, а дополненная в январе 1780 г. главой XXIX первая часть «Учреждений» регулировала порядок взаимодействия и переписки присутственных мест разной иерархии и ведомств⁷⁰⁷.

Во второй половине 1780-х гг. Екатерина подвергла основательной переработке принципы губернского делопроизводства. Поставленная задача -- издание нового, заменяющего Генеральный регламент, административного кодекса «Обряд порядочного производства дел», однако, не была достигнута за время ее правления⁷⁰⁸. Первым шагом на пути к унификации делопроизводства явился указ «О составлении общего положения к скорейшему производству дел» от 27 сентября 1784 г.⁷⁰⁹ В соответствии с указом «для сделания единообразного положения, относительно порядка канцелярского» генерал-губернаторы должны были предоставить сведения о том, какие формуляры находятся в

⁷⁰⁶ ПСЗРИ-1. Т. 8. № 5512. С. 254. Т. 16. № 12173. С. 785—786. Т. 17. № 12709. С. 870—871. № 12710. С. 871—876. Т. 18. № 12824. С. 29. № 12894. С. 127—129. № 12923. С. 155—156. № 13032. С. 404—405. Т. 19. № 14150. С. 644. Т. 20. № 14342.

⁷⁰⁷ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14392. Ст. 413--427, № 14501. С. 409—413. № 14833. С. 783--785.

⁷⁰⁸ Согласно результатам исследования О.А. Омельченко, Екатерина доверила разработку соответствующего проекта реформ комиссии под руководством государственного секретаря П.В. Завадовского. Ее результатом было появление нового документа: «Канцелярский порядок председателя наместнического правления», состоящего из 10 глав и более 500 статей, который был представлен правительству в 1787 или 1788 году, и составил основу для уже упомянутого «Обряда порядочного производства дел», которым императрица занималась в последние годы своего правления (Омельченко О.А. Законодательные проекты Екатерины II // *Opera omnia*. М., 2004. С. 381--382).

⁷⁰⁹ ПСЗРИ-1. Т. 22. № 16074. С. 221—222. Сравни также выводы украинского историка А.А. Лукашевича: Лукашевич А.А. Модернизация формуляра документа государственного делопроизводства законодательством первой четверти XVIII в. // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода: Сб. статей. М., 1993. С. 201--202; Он же. Бюрократичний інтелект на службі в губернському управлінні XVIII ст. (примус до творчості) // Український історичний журнал. 2010. № 5. С. 71.

обороте на вверенных им территориях и какие из них преимущественно используются. Кроме того, всем губернским и уездным учреждениям было предложено излагать подробное мнение «об удобствах или неудобствах их [формуляров. – А.П.] и о способах к сокращению излишнего и к поспешнейшему делу отправлению»⁷¹⁰.

В правление Екатерины удалось реализовать лишь первую часть данной реформы. Весной 1785 г., что следует из документов Екатеринбургского уездного суда и Верхотурской нижней расправы, у руководства присутственных мест Пермского наместничества были затребованы их мнения⁷¹¹. Благодаря использованному при законотворчестве индуктивному методу, мы можем узнать, что с точки зрения законодателя больше всего помешало реализации ускоренного процесса прохождения бумаг.

Из двух документов, которыми мы располагаем, особенный интерес для исследования представляет собой ответное письмо из Верхотурской нижней расправы. В отличие от ответа Екатеринбургского уездного судьи Гизелевского, ограничившегося детальным описанием круга задач и компетенции своего учреждения, прапорщик Ф. Милле предпринял попытку высказать предложения в адрес вышестоящей инстанции «во отвращении замедленности или скорейшему успеху к решению делам».

Для упомянутого судьи вопрос являлся более чем щекотливым: за несколько месяцев до этого он был вызван в Пермь для объяснений по ряду серьезных упущений⁷¹². Возможно поэтому в своем письме Ф. Милле сконцентрировал свое внимание на низком качестве работы в подчиненных ему учреждениях. «Если капитан-исправник был качества как о нем в учреждениях сказано», «излишних продолжений к решению дел» можно было бы избежать и не пришлось бы «колодников дольше содержать под стражею». Особенно критично он высказался о должностном поведении членов волостных судов округа. Туда, по его словам, «обыкновенно принимают таких пищиков кои уже иногда за какими негодностями или пьянство от каких-нибудь мест брошены или отложены»⁷¹³. Помимо этого, отчет Ф. Милле содержал одно конструктивное предложение. Он советовал во избежание задержек в делопроизводстве относиться с большей тщательностью к отбору волостных писцов и направлять многообещающих молодых людей в канцелярии государственных учреждений «для навывания к приказному обряду»⁷¹⁴.

⁷¹⁰ Там же.

⁷¹¹ ГАСО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 27. Л. 1--10. Ф. 491. Оп. 1. Д. 112. Л. 197--198об.

⁷¹² ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 99. Л. 62.

⁷¹³ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 112. Л. 197--197об.

⁷¹⁴ Там же. Л. 198.

Доклад расправного судьи особенно ценен, однако, тем, что в нем дается достаточно четкое представление о том, какие механизмы повышения продуктивности делопроизводственного процесса считались наиболее эффективными на разных уровнях системы государственного управления. Если правительству по причине повсеместного недостатка кадров приходили в голову только меры модернизации, экономящие время и ресурсы, то сами канцелярии уездных учреждений воспринимали попытки систематизации и рационализации законодателя как дополнительную нагрузку. На это указывает анализ документов, составленных в ответ на распоряжения о составлении ведомостей, регулярно направляемых в вышестоящие органы. Именно неумение применения стандартизированных формуляров являлось основным источником ошибок и впоследствии причиной разногласий между ведомствами⁷¹⁵. Несмотря на то, что вышестоящие органы власти рассылали пошаговые инструкции и образцы о правильном составлении формуляров, в уездах канцелярская процедура не становилась проще, как это предполагалось законодателем⁷¹⁶.

Поэтому неудивительно, что в ответном письме расправного судьи Ф. Милле отсутствуют упоминания интенсивных мер по оптимизации делопроизводства. Решение проблемы он видел в применении исключительно экстенсивных методов, в расширении государственного аппарата: «можно выбрать волостные суды, выборных и прочих сотников и десятников самых лучших [...] чтоб старались иметь своих пищих изб ответственного общества»⁷¹⁷.

Замысел законодателя, направленный на повсеместное использование в делопроизводственном процессе единых формуляров, имел целью сглаживание количественного недостатка людских ресурсов. Но формализация рабочего процесса канцелярии требовала от делопроизводителей профессионального опыта и определенной гибкости мышления -- качеств и навыков, как мы уже видели, отсутствовавших у большинства кадров уездных присутственных мест.

Различие между поставленной целью и реализацией на практике было огромным. В этом смысле нижние инстанции судов, действовавшие в 1780--1790-е гг. на Среднем

⁷¹⁵ ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5. Л. 21, 26. Ф. 290. Оп. 1. Д. 39. Л. 7. Ф. 569. Оп. 1. Д. 11. Л. 387--388. Д. 26а. Л. 38--40. Д. 42. Л. 19, 102, 261. Д. 56. Л. 100--106. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 108. Л. 82--84, 499, 769. Д. 307. Л. 9. Д. 354. Л. 271.

⁷¹⁶ Формуляры-образцы самых распространенных ведомостей и инструкции для правильного заполнения Пермские и Екатеринбургские учреждения рассылали не только на начальном этапе. До конца 1790-х гг. суды на уездном уровне регулярно снабжались инструкциями (ГАПК. Ф. 569. Оп. 1. Д. 7. Л. 127. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 97а. Л. 150--151. Д. 97б. Л. 102--103. Д. 108. Л. 116, 320--321. Д. 112. Л. 222. Д. 289. Л. 1). В 1794 г. наместническое правление разослало заготовку формулировок в виде приложения к очередному напоминанию о нарушении и с традиционными угрозами, грядущими в случае неисполнения (ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 16. Л. 208--209). Однако ничего не изменилось.

⁷¹⁷ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 112. Л. 198.

Урале, не отличались ни от своих организаций-предшественников, ни от других судебных организаций в России. Архивные документы пестрят описаниями делопроизводственных проблем и их последствий.

Как следует из указов Екатеринбургских и Пермских учреждений, причинами, препятствовавшими быстрому исполнению предписаний, были медленность исполнения ранее посланного указа, злоупотребление своим положением, несоблюдение действующего законодательства и превышение процессуальных сроков⁷¹⁸. Вышестоящие органы прежде всего раздражало постоянство, с которым получались неправильно и не в полном объеме заполненные ведомости. Как уже было сказано, все старания, приучить учреждения к данному формату отчетности, не привели к успеху. Канцелярские служащие, ни нижней расправы, ни нижнего земского суда, ни городского магистрата не смогли справиться с этой задачей⁷¹⁹.

Практически ни одному из исследуемых нами судов не удавалось закрывать дела в рамках одного периода заседания в положенные сроки. Перенос дел на следующий или второй, или третий по очередности период заседаний не был редкостью⁷²⁰. Причиной задержек помимо неявки процессуальных сторон на судебном заседании считались такие проблемы коммуникации, как сложности с доставкой справочного материала, затребованного в других инстанциях, или потерянные в почтовом пути документы⁷²¹. Иногда случалось, что дела оказывались не вершеными не по вине судебных инстанций. В 1788 г. нижняя расправа Верхотурья по заданию казенной палаты безрезультатно искала арендатора для расположенных вблизи от города сенных покосов. Заинтересованные лица найдены не были, и это дело кочевало из месяца в месяц в «ведомости о решенных и нерешенных делах»⁷²².

Также было крайне сложно закрыть дела, начавшиеся до реформы, процессуальные акты которых доставлялись посредством наместнического правления. Иногда деяние было совершено более двадцати лет назад, а поиск преступников, свидетелей и других втянутых в конфликт лиц был практически невозможен.

Весной 1784 г. губернская прокуратура проверяла суды первой и второй инстанции во всем наместничестве и пришла к следующему неутешительному выводу: в течение

⁷¹⁸ ГАПК. Ф. 290 Оп. 1. Д. 17. Л. 121. Ф. 569. Оп. 1. Д. 7. Л. 89. Д. 11. Л. 59--60, 72, 95--96. Д. 21. Л. 3. Д. 23. Л. 243. Д. 38. Л. 63, 94. Д. 42. Л. 261.

⁷¹⁹ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 25. Л. 124. Д. 39. Л. 7. Ф. 569. Оп. 1. Д. 7. Л. 89. Д. 11. Л. 59--60, 72, 95--96, 111--113. Д. 23. Л. 108--109, 243. Д. 26а. Л. 38--40. Д. 42. Л. 44--45. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 107. Л. 169, 533. Д. 159. Л. 137. Д. 354. Л. 59, 198.

⁷²⁰ ГАСО. Оп. 1. Д. 262. Л. 48--50, 58. Д. 296. Л. 9. Д. 408. Л. 234--235. Д. 424. Л. 155.

⁷²¹ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 5. Л. 124--125. Ф. 569. Оп. 1. Д. 26а. Л. 38--40. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 112. Л. 222. Д. 159. Л. 83--84. Д. 296. Л. 6--7, 9.

⁷²² ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 181. Л. 2--8.

почти трех лет после реализации реформ отсрочки и задержки в высших и нижних расправах и нижних земских судах составили суммарно более 38 лет⁷²³.

Необходимо проанализировать, в чем причина столь безнадежного положения. Как могло случиться, что правительство, инициировавшее такой колоссальный по объему работы, прогрессивный и, без сомнения, смелый проект, не смогло сделать необходимые выводы из опыта и ошибок своих предшественников? Неужели нельзя было предвидеть, что реализация на практике столь сложной системы административных, судебных и хозяйственных учреждений, как ее описывают «Учреждения», требовала такой структуры кадров и логистики, которой попросту не существовало?

Ответ на этот вопрос может быть двояким. Многое действительно улучшилось. Например, в Пермском наместничестве за исследуемый период можно отметить некоторые успехи. Среди них -- усилия по улучшению эффективности системы коммуникаций: строительству дорог и попыток упрощения канцелярского обряда, что требовало больших усилий и было необходимым из-за недостатка кадров. После преодоления первых трудностей получилось также занять вакантные должности в учреждениях. Некоторые местные начинания принесли позитивные плоды, например, открытие первой типографии, созданной по инициативе чиновников верхнего земского суда для разгрузки канцелярий⁷²⁴. Начавшая работу в июле 1792 г. типография сократила дистанцию между столицами и уездными городами. Множество указов обрабатывалось теперь механически и экономно с точки зрения кадров.

Но кадровая проблема в целом оставалась нерешенной. Основным недостатком был уровень профессиональной подготовки канцелярских служащих. С усилением специализации внутри бюрократической машины возросли требования к кадрам государственного аппарата. Но лица, занимавшие посты в делопроизводственном секторе, как убедительно, по нашему мнению, аргументирует американский историк Дж. Ле Донн, не могли считаться бюрократами в узком смысле этого слова⁷²⁵. Лишь немногие посещали школу или иное светское или церковное учебное заведение, не говоря уже о профильном

⁷²³ ГАПК. Ф. 290. Оп. 1. Д. 17. Л. 208.

⁷²⁴ Ссылавшись на сенатский указ «о вольных типографиях» (ПСЗРИ-1. Т. 21. № 15634. С. 792) и с обоснованием, что создание типографии поможет компенсировать недостаток ресурсов -- таково описание Пермского земского деятеля и краеведа Д.Д. Смышляева (1828--1893 гг.), -- наместник А.А. Волков получил разрешение Сената на реализацию данного начинания (Смышляев Д.Д. Сб. статей Пермской Губернии. Пермь, 1891. С. 92).

⁷²⁵ В своей статье «The eighteenth-century Russian nobility: Bureaucracy or ruling class?» Дж. Ле Донн высказался за дифференцированное использование понятия «бюрократия» для России XVIII в. Служащих низших рангов, затабельных канцелярских служителей и чиновников, занимавших так называемые секретарские должности (XII--XIV классы), по его мнению, нельзя рассматривать бюрократами в узком смысле этого слова. Их материальное и правовое положение соответствует, с его точки зрения, понятию «household staff of the ruling class» (С. 141). Le Donne J.P. The eighteenth-century Russian nobility: Bureaucracy or ruling class? // Cahiers de monde Russe. 1993 (34). С. 139--147.

образовании. Учебники приказным служителям в последней четверти XVIII в. не предоставлялись, а первые печатные юридические справочники и канцелярские самоучители появились лишь в николаевское время⁷²⁶. Обучение во время работы было по-прежнему самым распространенным средством для получения основных знаний, но оно не оказалось успешным при реализации губернской реформы. Недостаток кадров не только привел к массовому набору новых людей, но и к их ускоренному карьерному росту. Целое поколение приказных служителей прошли канцелярскую иерархию за очень короткое время, которого не хватило для отработки навыков и приобретения необходимой рабочей квалификации. Здесь стоит напомнить о сельском заседателе Екатеринбургской верхней расправы Петре Моряникове, который после четырех лет службы оказался в формулярных списках Далматовской нижней расправы в должности секретаря.

⁷²⁶ См. напр. изданный в Москве в 1839 г. «Канцелярский самоучитель или краткое руководство к познанию делопроизводства». Этот содержащий практическое руководство, формуляры и помощь в формулировках учебник основывался на материалах, собранных протоколистом Дворцовой опеки города Зарайска Рязанской губернии, Федора Русанова. Также см. «Руководство к Российским законам», изданное в 1848 г. профессором Петербургского университета Николаем Рождественским.

Глава IV. Судебная активность

4.1. Механизмы передачи дел из низших инстанций в коронные суды

Информация о характере деятельности судей, объеме работы и загруженности членов присутствия содержится в журналах заседаний. Как правило, в них отмечались начала работы присутствия и запись о наличии членов судейского аппарата (судьи и грамотные заседатели расписывались, другие ставили свои личные печати), далее следует выписка из протокола рассматриваемых дел. По правилам действовавшего тогда делопроизводства, судебное заседание начиналось с рассмотрения самых важных, так называемых «интересных дел» (дела финансово-правовой природы). Все остальные находившиеся на повестке дня вопросы гражданско-правовой, уголовно-правовой или иной природы рассматривались после них. На практике, однако, от этого правила иногда отклонялись, а порядок рассмотрения подлаживался под имевшиеся в повестке дня вопросы. Последней в документе стояла подпись секретаря и его запись об окончании служебного дня (*приложение б*).

При рассмотрении журналов присутствия нижней расправы бросается в глаза, что сама судейская коллегия не была занята постоянно. Дни, в которые ничего не происходило, не были исключением. Довольно часто встречается запись следующего содержания: «Сего числа вступивших дел не было, то читаны изданные из высочайшего учреждения законы и 1763 года февраля 10-го числа указ. Вышли из присутствия по полу дня в 2-ом часу»⁷²⁷. Не только в этот день -- девятого января 1789 г., -- но и в другие 66 дней за первые десять месяцев этого года судейский аппарат нижней расправы Верхотурья собирался, хотя дел для рассмотрения не было⁷²⁸. Учитывая, что год насчитывал около 220 рабочих дней, это соответствует приблизительно трети общего рабочего времени. Изучение случайной выборки показало, что и в другие годы аппарат присутствия этого судебного учреждения не «переутомлялся»⁷²⁹. Если судить по записям в журналах, то и в присутствиях нижних расправ Красноуфимска, Осы и Чердыни не

⁷²⁷ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 161. Л. 3.

⁷²⁸ Там же. Л. 6, 8, 11--12, 15, 17, 19, 39, 42--44, 46--48, 51, 54, 56, 61--64, 67, 73, 78-79, 85--89, 97, 99, 102, 106--107, 109--113, 116, 120, 126. Данной деятельностью члены присутствия занимали существенную часть рабочего времени, как в период заседаний, так и вне его. Только в марте 1789 г. зафиксированы 15 записей такого рода.

⁷²⁹ См. напр.: ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 99. Л. 16, 38об. Д. 107. Л. 24. Д. 165. Л. 37, 52об. Д. 256. Л. 3, 11об., 61. Д. 276. Л. 19, 22--24об., 198. Д. 283. Л. 8, 54, 71об. --72. Д. 309. Л. 44, 101, 233об.

меньше рабочего времени посвящалось лишь повышению юридической грамотности сотрудников⁷³⁰.

Это наблюдение приходит в резкое противоречие с заключениями, к которым мы пришли в предыдущих параграфах. В то время как судебные канцелярии были чрезмерно загружены, объем работы судебной коллегии периодически не был достаточным для того, чтобы занять тридцатичасовую рабочую неделю. Одно возможное объяснение этого феномена недостаточной занятости судей вытекает из анализа уже упоминавшихся ведомостей решенных и нерешенных дел. В приведенной ниже таблице объединены данные за двенадцать периодов заседания верхотурской нижней расправы за 1785, 1787, 1793 и 1794 гг. По таблице номер 11 можно увидеть, какое количество гражданских, челобитных, уголовных и казенных дел поступили в учреждение за период с 1785 по 1794 гг., и сколько дело было закрыто за один период заседания, а сколько остались нерешенными. Если рассматривать динамику поступления дел в канцелярию за указанный период, то можно установить тенденцию падения. В 1785 г. поступило 361 дело, а в последнем указанном в таблице году -- лишь 332. Но для оценки объема работы эта тенденция почти не является релевантной, поскольку количество рассматриваемых дел в месяц колебалось между 30 и 27,7 делами. Что касается неоконченных дел, за указанный период наблюдается тенденция к снижению их количества. Но здесь нижняя расправа Верхотурья не является репрезентативной. Улучшение показателей, как было описано во второй главе, скорее всего произошло благодаря кадровым перестановкам. Существует ли взаимосвязь между повышением трудовых достижений и адаптацией к новым управленческим структурам, судить, следовательно, трудно.

Внимательное рассмотрение отдельных рубрик таблицы показывает, что казенные дела (дела делопроизводственного характера) составляли абсолютное большинство дел: между 82% и 85% всех дел можно отнести к делопроизводственным документам внутреннего и внешнего назначения. Судебные кейсы в узком смысле этого слова, разрешающие в судебном порядке конфликты интересов между частными лицами или рассматривающие преследуемое государством правонарушение составляли всего лишь 15--17,5% дел и играли, соответственно, далеко не главную роль. Дифференцированный взгляд на рубрики «гражданские», «челобитные» и «уголовные дела» позволяет отметить, что первые составляли большую часть судебных кейсов, а именно 32 и 42 дела в год, что соответствует процентному соотношению в 9,5% и 11,6%. Очень незначительную часть дел составляли челобитные дела: всего 6--8 случаев в год. Немного выше было число

⁷³⁰ ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 18. Д. 11. Л. 42. Д. 5. Л. 51об., 68. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 17, 28об. Д. 6. Л. 15. Ф. 53. Оп. 2. Д. 2а. Л. 10об., 18. Д. 14. Л. 21, 39.

рассмотренных в Верхотурской нижней расправе уголовных дел. В первой инстанции в течение года разрешалось 9--13 деликтов из области нарушения прав собственности, насильственных преступлений, преступлений против нравов.

Таблица 11

Количество решенных и нерешенных дел в нижней расправе Верхотурья за 1785, 1787, 1793 и 1795

	1785		1787		1793		1794	
	В цифрах	%	В цифрах	%	В цифрах	%	В цифрах	%
Количество решаемых (вступивших) дел								
Гражданских	42	11,63	34	9,55	32	9,32	36	10,84
Челобитных	8	2,21	6	1,68	8	2,33	7	2,10
Уголовных	13	3,60	10	3,37	12	3,20	9	2,71
Казенных	298	82,54	304	85,39	292	85,13	280	84,33
Итого	361		356		343		332	
Количество дел, оставшихся нерешенными								
Гражданских	11	26,19	7	20,58	4	12,50	5	13,88
Челобитных	1	12,05	1	16,66	1	12,50	1	14,28
Уголовных	3	23,07	3	25	3	27,20	3	33,33
Казенных	6	1,66	11	3,61	5	1,71	7	2,5
Итого	22	6,04	22	6,17	13	3,79	16	4,81

Таблица составлена по данным ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 46. Л. 112, 121об., 130. Д. 98. Л. 46, 53, 62. Д. 296. Л. 9, 18, 26об. Д. 299. Л. 37, 51, 60об.

В явном контрасте с этим находится количество рассмотренных в срок или разрешенных с задержкой в один-два периода заседания дел. Здесь количество несвоевременно решенных казенных дел составляет лишь незначительные 3,61%. Существенно реже суду удавалось завершить в предусмотренные законом сроки рассмотрение гражданских и в особенности уголовных дел. Из первой группы в среднем каждое шестое дело лежало дольше, чем было предусмотрено законодателем (от 12,50% до 26,19%), а что касается уголовных дел, то даже каждое третье-четвертое (от 23,07% до 33,33%).

Нижняя расправа Верхотурья не была единичным случаем. Сравнение с имеющимися у нас в наличии ведомостями решенных и нерешенных дел нижней расправы Осы за 1788 г. и 1790 г. показывает схожую картину⁷³¹. И здесь большую часть

⁷³¹ ГАПК. Ф. 53. Оп. 1. Д. 5. Л. 2об. --18. Д. 9. Л. 33, 36--47. За летний период у нас отсутствуют данные. В 1788 г. это касается июля и августа; а за 1790 г. нет ведомости за июль.

составляют дела, зарегистрированные под названием «по указам (сообщениям, доношениям)» (71,13% и 56,79%). А дела, относящиеся к «классическим» группам, рассматривались существенно реже. В 1788 г. суду на рассмотрение поступили 8 уголовных (4,12%), 23 гражданских (11,85%) и 19 интересных дел (9,79%). Два года спустя уголовных дел было 14, а гражданских споров -- 28, то есть 8,13% и 16,27%, при этом нижняя расправа в Осе рассмотрела 11 интересных дел, что соответствует 6,39%.

Соблюдение судебных сроков и здесь оказалось проблематичным; в 1788 г. и в 1790 г. в рубрике «затем к сему месяцу в нерешенных осталось» насчитывалось всего 42 и 36 дел соответственно (21,64% и 20,93%). Так же, как и в Верхотурье, суд опаздывал при разрешении гражданско-правовых и уголовно-правовых дел (46,42% в 1788 г. и 67,56% в 1790 г.). Делопроизводства как такового это касалось в меньшей степени; в 1788 г. 9,42% дел должны были переноситься на следующий период заседаний, а в 1790 г. -- 17,34%.

Из анализа ведомостей видна явная диспропорция между давящим, парализующим канцелярии массивом документов делопроизводственного характера и ничтожно малой долей судебных дел. В обоих служивших нам примером судебных учреждениях собственно судебная активность была крайне низкой. Как в Верхотурье, так и в Осинском уезде за период заседаний, длившихся, как уже говорилось, от 2 до 3,5 месяцев, рассматривалось не более 4,27 (Верхотурье) и 3,66 (Оса) уголовных и 7,62 (Верхотурье) и 8,66 (Оса) гражданско-правовых дел. Количество решений, вынесенных в срок, или направлений в вышестоящий суд было еще более низким.

Судебный аппарат нижних расправ был мало загружен. Рабочий день членов присутствия был достаточно свободен, что позволяло им заниматься изучением нормативной базы. Объясняется это наблюдение, во-первых, особенностями преобладавшего во второй половине XVIII в. розыскного процесса, в котором акцент в судопроизводстве смещался с судей на делопроизводителей. Следующей причиной была низкая судебная активность жителей уезда. Количество споров сельского населения, попадавших на рассмотрение в сословные суды, было невелико. Почему спрос был столь малым? Следует изучить этот вопрос, если мы хотим понять, как функционировали данные учреждения.

Как уже говорилось выше, «Учреждения» 1775 г. подробно регулируют содержание судебных полномочий и процессуальных компетенций. Неполно и противоречиво были прописаны процедуры заведения уголовного или гражданско-правового дела и начала судебного процесса, то есть порядка передачи дела из низших инстанций в соответствующий сословный суд первой инстанции. Следовательно, для дальнейшего исследования ключевую роль играют находившиеся вне системы коронных

судов низшие суды: нижние земские суды, а также, что касается изучаемого нами региона, волостные суды.

На нижние земские суды, выполнявшие административно-полицейские и судебные функции, законодатель возложил как ответственность за проведение предварительного следствия, так и компетенцию рассмотрения незначительных судебных дел. Ответ на вопрос, разгружало ли отделение следствия от судебного процесса юстицию, как предполагал законодатель, по-нашему мнению, остается спорным. Нижние земские суды оказались, скорее всего, проблематичным институтом, поскольку являлись результатом компромиссных решений.

Во время разработки статей «Учреждений» самыми спорными пунктами, давшими повод для затяжных дискуссий и обсуждений, являлась проблема организации полицейской власти в уезде, самого «слабого звена» в управлении страной, а также стоявший на повестке дня вопрос о распространении коронной судебной системы на крестьянство.

Моделью для создания конгломерата различных ведомств послужило законодательство остзейских провинций, регулировавшее деятельность низших судебных инстанций в данном регионе (эстляндские, лифляндские и финляндские маннгерихты, гакенгерихты, ландгерихты и орднунгсгерихты); помимо этого, влияние оказали и идеи и представления, содержащиеся в «Инструкции для комиссаров» от 6 мая 1774 г., нормативного правового акта, изданного под впечатлением событий эпидемии чумы 1771 г. Роль сыграли также убеждения самой Екатерины, приверженной последовательному внедрению в судебную систему принципа сословности, а также предпочтения относительно этого вопроса некоторых ее советников, прежде всего, А.А. Вяземского, Я.Е. Сиверса, Г.-Р. Ульриха⁷³².

Никакой иной из созданных в 1775 г. судебных органов не претерпел на стадии подготовительных работ стольких изменений и корректировок, как нижний земский суд. Это привело к тому, что, как справедливо отметила Е.П. Павлова-Сильванская, «в главе о

⁷³² Как следует из анализа черновых вариантов «Учреждений», проведенного М.П. Павловой-Сильванской в ее диссертации, существовал план создания двух независимых структур на уездном уровне. Исполнительную власть в уезде намеревались отдать в руки уездного надзирателя или земского судьи. А дела нижних судебных инстанций (судебное разбирательство мелких дел о драках, перепашке меж, порубке леса и т.д.) передавались на рассмотрение существующего ранее крестьянского самоуправления под руководством специально созданной должности «комиссара». Эта предпочитаемая Екатериной модель вызвала сопротивление влиятельных знатных советников императрицы. Особенно новгородский губернатор Я.Е. Сиверс, опытный администратор, высказывался резко против основания «мужичьих судов». Его мнение, так пишет Павлова-Сильванская, оказалось решающим для создания нижних земских судов в той форме, в которой они урегулированы в «Учреждениях» (Павлова-Сильванская М.П. «Учреждение о губерниях» 1775 года и его классовая сущность. С. 190–233).

нижнем земском суде больше неясностей и недомолвок, чем в какой-либо другой главе «Учреждения о губерниях»⁷³³.

Круг обязанностей этого учреждения, объединявшего вопреки прежним намерениям—исполнительную и судебную власть, был так же разнопланов, как и колоссален. На нижний земский суд был возложен весь объем полицейско-государственных функций. Земский исправник как гарант сохранения тишины и спокойствия в уезде следил за выполнением паспортного и фискального законодательства, а также за местной торговлей и состоянием дорог и мостов во вверенном ему округе. Служащие нижнего земского суда составляли отчеты об изменении цен на продовольствие и другие продукты первой необходимости, принимали меры по общественному призрению и были также ответственными за пожарную охрану и борьбу с эпидемиями. Таким образом, проведение следствия и отправление правосудия являлись лишь частью многообразных и трудоемких обязательств, возложенных законодателем на нижние земские суды⁷³⁴.

В резком противоречии с большим объемом работ находилось крайне ограниченное кадровое и материальное оснащение нижнего земского суда. Присутствие данной категории судов состояло из земского исправника IX класса и двух дворянских заседателей X класса. При рассмотрении дел, касавшихся правовых интересов сельского населения, от соответствующей нижней расправы откомандировывались два заседателя в нижний земский суд⁷³⁵. В изучаемом регионе канцелярский аппарат нижних земских судов комплектовался не иначе как в нижней расправе одним секретарем XIV класса, одним канцеляристом и подканцеляристом и четырьмя копиистами. Это же касалось и расходного бюджета. На покрытие канцелярских расходов нижних земских судов Пермского наместничества предусматривались 50 рублей в год⁷³⁶.

Соответственно, было не удивительно, что нижние земские суды Среднего Урала были перегружены. Свидетельством этого может служить объем делопроизводства. Документооборот был огромен. Например, в нижнем земском суде Верхотурского уезда, второй по величине площади административно-территориальной единицы наместничества, количество исходящих документов составляло 2 452 единицы в год и было в 6,5 раз выше, чем зафиксированное количество документов нижней расправы за тот же период времени. При этом нельзя забывать, что последняя не справлялась с

⁷³³ Там же. С. 233.

⁷³⁴ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14392. Ст. 235--252.

⁷³⁵ Там же. Ст. 23, 35, 52, 53, 65, 66, 75, 223, 336.

⁷³⁶ ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 22. Л. 7. ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

ежегодной нагрузкой в 294 входящих и 377 исходящих документов. Соответственно, можно легко представить себе, что творилось в канцелярии нижнего земского суда⁷³⁷.

На этом фоне оговорка законодателя, что нижние земские суды, функционировавшие в особенно обширных уездах, могли быть укомплектованы тремя заседателями вместо двух⁷³⁸ не имела никакого практического значения.

Эти наблюдения, казалось, противоречат другим данным: несмотря на высокую загруженность нижних земских судов, они на удивление хорошо справлялись со своими обязанностями. В большинстве случаев следственное производство не затягивалось. С момента подачи инициативного документа -- объявления (искового заявления) частного лица или рапорта из волостного суда/заводской конторы -- до передачи рапорта, снабженного «экстрактом» судебного решения и описью в компетентный сословный суд первой инстанции, проходило в среднем не более пяти недель⁷³⁹. За это время проводились выездные заседания, допросы свидетелей, очные ставки и т. д., производилась переписка с другими присутственными местами и частными лицами, и затем принимались судебные решения. О трудоемкости описанного процесса свидетельствуют описи дел, состоящие в среднем из 8--12 листов. С учетом того, что в нижних земских судах судопроизводство являлось лишь одним из множества направлений деятельности, пятидневная скорость рассмотрения дела является невероятным достижением. Наши выводы подтверждают результаты исследований О.И. Головановой, изучавшей организацию судопроизводства Тюменского нижнего земского суда. В соседнем Тобольском наместничестве следственные работы производились с такой же скоростью, как и на Среднем Урале⁷⁴⁰.

⁷³⁷ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 99. Л. 1--27; 28-61. Д. 106. Л. 2--47, 151-208. Д. 107. Л. 93. Д. 111. Л. 2--53. Д. 112. Л. 2--121. Д. 165. Л. 1--14. Д. 175. Л. 2--35, 199--226об. Д. 256. Л. 1--33об. Д. 260. Л. 1--40, 125--147об. Д. 298. Л. 2--24, 26--40. Д. 299. Л. 163--188об. Д. 356. Л. 2--54. И в сравнении с другими органами региона подлежащий обработке в нижнем земском суде объем документооборота был экстремально велик. Так, нижние расправы Алапаевска и Красноуфимска в 1787 г. в почтовом выходе 225 и 422 документа соответственно. Уездное казначейство Верхотурья за тот же период выпустил 894 документа (ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 158). Выходящая документация Екатеринбургской верхней расправы составляла в 1785 и 1788 гг. 612 и 930 документов соответственно. (ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 158. Л. 1--52).

⁷³⁸ ПСЗРИ-1. Т. 20. №14392. Ст. 223.

⁷³⁹ См., например, дело жителя Нижнетагильского завода Максима Козшина, укравшего со двора своего сослуживца четыре хомута. О преступлении Нижнетагильский волостной суд сообщил в нижний земский суд Верхотурья 22 марта 1785 г. Передача дела в нижнюю расправу состоялась три недели спустя 15 апреля того же года. (ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 40. Л. 1--3). Только в отдельных случаях, когда в ходе дела возникали сложности, или при наличии большого количества вовлеченных в происшествие людей, следственные процедуры затягивались до двух-трех месяцев. Производство против крестьянской девки Марфы Лаптевой занимало нижний земский суд Верхотурья с конца марта по начало июля 1787 г., так как обвиняемая долгое время по состоянию здоровья не могла быть допрошена (Там же. Д. 130. Л. 1--13). Но в основном с момента поступления дела в нижний земский суд и до момента его перевода в суд первой инстанции проходили от одной до семи недель. (ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 21, 151, 167, 306, 314, 348. Ф. 771. Оп. 1. Д. 4, 19, 32, 35, 42, 104, 106, 156, 243).

⁷⁴⁰ Голованова О.И. Документы Тюменского нижнего земского суда (1782--1796). Книга первая: тексты. С. 31--39.

О том, как данным учреждениям удавалось, несмотря на сложные условия, укладываться в столь короткие сроки, можно только спекулировать, так как от нижних земских судов Среднего Урала архивных документов практически не сохранилось, а исследование делопроизводственного материала нижних расправ позволяет сделать лишь косвенные выводы. Тем не менее, наиболее вероятными можно признать два сценария.

Согласно первому, нижние земские суды работали лишь по собственному усмотрению. Степень перегруженности учреждений и ограниченные возможности позволяли реагировать только на определенное количество «вызовов». С такой точки зрения, продекларированное в ст. 238 «Учреждений» решение о том, что сословные суды первой инстанции не должны были действовать по собственной инициативе⁷⁴¹, стало в какой-то степени фатальным. Поскольку само стремление правительства сделать начальный этап судопроизводства более простым и быстрым, превратилось в свою противоположность: для того, чтобы судебный механизм заработал, большинство дел должно было «пролезть через игольное ушко» нижнего земского суда. С другой стороны, весьма вероятно, что судебная активность в нижних земских судах была столь же низкой, как и в нижних расправах. Это бы говорило о высокой степени поглощения дел волостными судами, принявшими на себя в урало-сибирском регионе функцию «дополнительного фильтра».

Реорганизация судоустройства и судопроизводства по принципу сословности сопровождалась передачей широких полномочий корпоративным институтам правосудия. Логичным последствием этого развития являлось, как, по нашему мнению, справедливо отметил В.А. Воропанов, «огосударствление» традиционной юстиции. Относительно сельских сословий законодатель стремился включить крестьянские общества в механизм публичной власти. Соответственно, в последней трети XVIII в. был издан ряд указов, нацеленных на упорядочение мирских судов и оформление их статуса в реформированной системе правосудия⁷⁴².

⁷⁴¹ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14392. Ст. 238.

⁷⁴² См. в первую очередь следующие статьи В.А. Воропанова: Воропанов В.А. О роли представителей сельских сословий в сфере осуществления правосудия в Тобольском наместничестве в конце XVIII в. // Азиатская Россия: Люди и структуры империи. Омск, 2016. С. 223--233; Он же. Особенности юрисдикционной деятельности в отношении сельского населения Западной Сибири в конце XVIII в. // Сибирский юридический вестник. 2011. № 1. С. 3--8; Он же. Низшие суды в системе правосудия Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере губерний Урала и Западной Сибири) // Социум и власть. 2010. № 1. С. 112--117. Новаторская роль выпала прежде всего двум нормативно-правовым актам. Сенатским указом от 9 апреля 1763 г. за выборными из государственных крестьян было закреплено право самостоятельно провести судебное разбирательство в тех случаях, когда возникали в их среде «между народом всякие ссоры». Как было отмечено Н.А. Миненко, своего рода уточнением является «Инструкция сотскому с товарищи» от 19 декабря 1774 г. Законодательный акт, возлагавший на представителей крестьянского мира весь спектр «полицейских» обязанностей, привлекал, среди прочего, крестьян и к расследованию уголовных дел (Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII--XIX в. С. 127--128.

Преобразования 1775--1785 гг. не остановились на уровне уезда. Реформаторская деятельность проникла гораздо глубже: наряду с включением свободных от частной зависимости крестьян в систему коронных институтов администрации и правосудия изменениям подверглись и их территориальное и общественное устройство. Как уже говорилось выше, необходимость считаться с интересами своего ближнего окружения при дворе и забота о сохранении своих позиций удерживали Екатерину от издания третьей жалованной грамоты. «Сельское положение», составленное по аналогии с жалованной грамотой для городских слоев населения, оказалось в итоге проектом слишком смелым, чтобы получить статус закона. Но со своим замыслом внести в структуру и компетенцию разнообразных органов крестьянского самоуправления единообразия императрица все-таки не рассталась. Так, ее одобрение получили местные нормативные правовые акты следующего содержания: «Наставление на постановление волостных судов» Пермского и Тобольского генерал-губернатора Е.П. Кашкина (1782 г.) и «Установление сельского порядка в казенных Екатеринбургского наместничества селениях, директору домоводства подведомственных» (1787 г.). В 1790 г. году опыт этих локальных нормативно-правовых актов, согласно которым за сельскими обществами был закреплен юридический статус коллективного субъекта права, был распространен и на другие регионы Российской империи⁷⁴³.

Согласно прежнему замыслу, коренной модернизации подвергались лишь управление и юстиция центральных губерний. Следовательно, их реалии и потребности служили образцом при разработке «Учреждений». Решение распространить реформы и на окраины государства было принято позднее⁷⁴⁴. В восточных регионах страны, безграничные просторы которых до сих пор находились под общим управлением Казанской и Сибирской губерний, правительство столкнулось с совершенно иными социально-экономическими условиями, с другими культурой и этическими представлениями. Также от европейской части страны отличались структура и состав местного населения, для интеграции которого в административную и правовую систему страны требовались существенные модификация и дополнение концепций, функционировавших в других регионах. Судебная система, основанная в своем исходном варианте на трех столпах, там бы не сработала, и, следовательно, их базис пришлось адаптировать к местным потребностям. В Тобольском, Колыванском и Иркутском

⁷⁴³ Писарькова Л.Ф. Развитие местного управления в России до великих реформ: обычай, повинность, право. С. 29; Миненко Н.А. и др. Самоуправление у русских крестьян Урала в XVIII -- середине XIX века. С. 23; Ибнеева Г.В. Екатерина II и развитие законодательства по отношению к государственным крестьянам в конце XVIII в. // Хозяйствующие субъекты аграрного сектора России: история, экономика, право. Казань, 2012. С. 306--311; Дунаева Н.В. Между сословной и гражданской свободой. С. 15--16.

⁷⁴⁴ Бабенко В.Н. Судебная система России: История и современность. М., 2007. С. 102.

наместничествах нужды в открытии сословных судов для дворян не было. Их заменили нижними и верхними надворными судами для осуществления юрисдикции в отношении государственных служащих. Тяжбы башкир, мешеряков и других нерусских групп населения, компактно проживавших на территории проживавших Уфимского наместничества, передавались в специальные учреждения, так называемые «вторые» нижние расправы⁷⁴⁵.

Таким образом, одной из таких «гибких реакций» на местные обстоятельства можно рассматривать реформу Е.П. Кашкина, первого генерал-губернатора созданных в 1781--1782 гг. Пермского и Тобольского наместничеств. На Урале и в Сибири, где большая часть городов была основана в результате реализации губернской реформы, а дворянство представляли лишь чиновники, большая часть населения принадлежала к созданной Екатериной собирательной социальной категории «свободные сельские обыватели». Поэтому было логичным именно здесь, а не в европейской части страны, укрепить уже существовавшие тенденции вышеупомянутого «огосударствления» волостного управления и закрепить результат этого эксперимента, в рамках которого предполагалось превратить лично свободное сельское население в полноценное сословие.

На Среднем Урале реализация статута «Учреждений» и «Наставлений для установления порядка в сельской жизни», составленного Е.П. Кашкиным по поручению Екатерины документа для проведения «малой реформы»⁷⁴⁶, проходили практически одновременно. Между открытием Пермского наместничества и осуществлением первого шага на пути воплощения «Наставления» -- объединения низовых административно-территориальных единиц (остроги, слободы, вотчины, погосты, ямы) в так называемые волости -- не прошло и двух лет.

⁷⁴⁵ Воропанов В.А. Юрисдикция над Башкирами в конце XVIII в.: о «национальном» факторе организации и деятельности судебной системы Российской империи // Вестник Башкирского университета. 2012. № 4. С. 1920--1924; Он же. Этнокультурный вопрос в судебной политике Екатерины II // Вестник Южно-Уральского гос. Университета. Серия соц.-гум. наук. 2005. № 7. С. 34--42.

⁷⁴⁶ Единственная пока известная копия этого памятника, полное название которого «Наставление для внутренняго между сельскими обитателями установления порядка в сельской жизни, надзора и благочиния, и для разбирательства случающихся маловажных дел, а при том и в случае важных дел же и преступлений как поступать для внутренняго между сельскими обитателями установления порядка в сельской жизни, надзора и благочиния, и для разбирательства случающихся маловажных дел, а при том и в случае важных дел же и преступлений как поступать», хранится в фонде Тырышкинского волостного суда Государственного архива Новосибирской области (ГАНО. Ф. 112. Оп. 1. Д. 1. Л. 1--16об.) К сожалению, доступа к ней у нас нет и поэтому наши описания основываются на литературе, в которой она была проанализирована (Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века; Он же. «Наставления для установления порядка в сельской жизни». Источники и состав памятника). С. 73--83; Акишин М.О., Ремнев А.В. Управление Сибири: XVI--XX века: административная политика, структура и люди. С. 7--231; Суворова Н.Г. Нормативная база крестьянского суда в Сибири в конце XVIII -- первой половине XIX в.; Она же. «Крестьянское самоуправление в государственной деревне Западной Сибири в 60-е гг. XVIII -- первой половине XIX вв.

Примером для охватывавшего в общей сложности 122 статьи проекта Кашкина служили «Учреждения» и «Устав благочиния» 1782 г. Как и губернская реформа, этот нормативный правовой акт предусматривал помимо уже упоминавшихся территориальных преобразований административную и судебную реформы. Вновь создаваемые органы должны были подчиниться нижним земским судам, функции и обязанности которых они дублировали на уровне волости.

В «Наставлениях» уделяется особое внимание волостным судам. Документ содержит инструкцию укомплектования судебных коллегий, выдвигает требования к кандидатам, претендующим на должность судьи, и, кроме того, в проекте находится подробное описание круга их обязанностей и полномочий. Касательно данных критериев автор также ориентировался на уже оправдавшую себя нормативную базу. Максимально эффективную деятельность, по его замыслу, должны были развивать представители достаточно зажиточных слоев сельского населения. Упор делался на так называемые «гибкие навыки» («soft skills»): ключевыми компетенциями для кандидатов, избираемых на должности в сельских судах, являлись способность к работе в команде и моральная устойчивость. Относительно их уровня образования требования были реалистичными: грамотными следовало быть лишь волостным писцам.

Занявшие самую низкую ступень в местной судебной системе волостные суды, имели два назначения: во-первых, они должны были «разгрузить» коронные суды и, во-вторых, одновременно предоставить крестьянам возможность получить близкий и быстрый, менее бюрократичный суд. С целью повышения их привлекательности при реализации концепции шли двумя путями: судопроизводство и судебная практика происходили на основании обычного права. Суд имел примирительные функции, и рассмотрение дел проходило в устной форме. Делопроизводство, однако, требовалось вести «полноценное»: как для внешней, так и для внутриведомственной документации волостных судов действовали одинаковые нормы, имевшие силу для всех коронных учреждений. Выполнение указанных предписаний контролировалось компетентным нижним земским судом.

Судебные и процессуальные компетенции были урегулированы менее четко. Согласно законодательству, юрисдикция волостных судов распространялась на разрешение лишь «маловажных споров». Но что именно подразумевалось под этим понятием, не ясно. Не следовало ни конкретного определения, ни какого-либо приложения в виде перечня подсудных в низовых судах дел. Помимо этого, решения волостных судов даже в незначительных, мелких делах не были обязательными. В случае несогласия с вынесенным в крестьянском суде решением тяжущиеся стороны имели право

в установленном законом порядке обратиться за защитой своих интересов в соответствующий коронный суд, то есть в нижнюю расправу.

Как уже говорилось, судебная активность в узком смысле этого слова в нижних расправах была низкой; невелика была среди рассматриваемых дел и доля уголовных судебных разбирательств. Но, несмотря на это, противоречие по отношению к отчету, составленному уездным судьей Екатеринбургского А.И. Гизелевским весной 1785 г., здесь лишь мнимое. По словам чиновника, служившего до осени 1784 г. расправным судьей в том же городе, «в Екатеринбургском уездном суде по вступаемым во оной делам производится нижеследующим порядком»⁷⁴⁷: суд занимался в первую очередь имущественными правонарушениями и побегам. Гражданско-правовые дела и вынесение административных актов играли в рамках данного перечисления весьма незначительную роль⁷⁴⁸.

По нашему мнению, несправедливо рассматривать данную оценку неверной или ошибочной. Возможно, что такое впечатление сложилось по нескольким причинам: 1) описанный в «Учреждениях» порядок прохождения дел по судебным инстанциям имел явный уголовно-правовой уклон. 2) в ежедневной практике уголовно-правовые дела были по сравнению с гражданско-правовыми более заметными и в контексте судебного делопроизводства, и в чисто повседневном смысле -- они выходили за рамки обыденности.

Несмотря на то, что в инквизиционном процессе личностный контакт был ограничен, судебные стороны, свидетели и подсудимый существовали не только на бумаге. О присутствии колодников свидетельствовали не только соответствующие ведомости, но и содержащиеся в здании суда под арестом люди, отделенные от судебной палаты лишь стеной. Нельзя недооценивать и психологический эффект. Девиантное поведение и человеческие судьбы воспаляют наше воображение и подталкивают фантазию, оставляя более глубокие следы в субъективной памяти, нежели административные акты, внесение записей в земельный кадастр, заверения договоров купли-продажи или наделение арендными правами. Особенно это касается непрофессионалов, которых среди провинциальных судей исследуемого периода было большинство.

«Ни одно общество, ни один коллектив не обходится без конфликтов, составляющих неотъемлемую часть повседневной жизни и являющихся своего рода регулятором взаимоотношений внутри того или иного общества. [...] Одной из форм

⁷⁴⁷ ГАСО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 27. Л. 6.

⁷⁴⁸ Там же. Л. 6--10об.

конфликтов являются межличностные столкновения, проявляющиеся в ссорах, взаимном оскорблении, нанесении побоев и пр.»⁷⁴⁹. Такими словами начинается часть «Криминальный Бежецк» известной монографии А.Б. Каменского «Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века». Следующее примечание Каменского: «В России XVIII в. следствием подобных столкновений была, как правило, подача одной из сторон явочной челобитной с жалобой на обидчика и требованием возбудить судебное дело»⁷⁵⁰, лишь условно поддается переносу в контекст нашего исследования. Время, регион и сословия были иными. Каменский рассматривал маленький гарнизонный город на северо-западе европейской России в историческом промежутке от Петра I до Екатерины II, а акторы, и их разбираемые перед городским магистратом внутригородские и внутрисемейные конфликты относились к городской среде или имели в ней корни своего происхождения.

В анализируемой нами ситуации все сложнее. Мы уже пришли к выводу о том, что сословные суды не пользовались большим спросом у сельского населения. Но если мы хотим прояснить, какие конфликты проникали сквозь установленный законодателем фильтр из нижестоящих судов и попадали в компетентные коронные суды, то есть нижние расправы, нам надо понять, как и по каким причинам запускался процесс уголовного судопроизводства. При этом здесь не имеется в виду классический ответ на этот вопрос в рамках истории права, строго различавший подачу судебного иска частного лица и открытие судебного дела в силу закона (*ex officio*). Такое разграничение является чисто формальным и не учитывает в достаточной мере, что и в инквизиционном процессе юстиция тоже зависит от степени сотрудничества с населением. Даже в тех случаях, когда органы при подозрении на совершение преступления должны были проявить инициативу и начать расследование, намеки, указания и доносы со стороны населения играли в нем ключевую роль.

Вопрос о причинах начала судебного разбирательства является важным еще и потому, что он обнажает грань, проходившую между обществом и правовой системой. Одновременно этот момент является для исследователя одним из самых сложных из-за отсутствия достаточного количества доступных источников, особенно для таких периодов, как раннее новое время. Следовательно, крайне трудно прояснить, предшествовал ли производству формальный иск, неформальный донос, или органы

⁷⁴⁹ Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М., 2006. С. 141.

⁷⁵⁰ Там же.

начинали действовать по собственной инициативе⁷⁵¹. Поэтому, если мы хотим достичь более глубокого понимания в данном вопросе, нам следует попытаться взглянуть через «замочную скважину» судебных актов на огромное пространство юстиции, в котором акторы борются за то, какие именно действия должны стать предметом судебного разбирательства.

Следовательно, предметом нашего исследования должны быть взаимодействия между различными формами до- и внесудебного урегулирования споров (инстанциями неформального социального контроля) и судебной формой разрешения конфликтов с помощью юстиции и ее формализованного контроля. С этой точки зрения конфликтующие стороны могли первоначально пытаться разрешить конфликт мирным путем, без вмешательства извне. Чаще, однако, третьи лица привлекались в качестве советчиков, посредников или третейских судей. Это могли быть формальные и неформальные авторитеты, пользовавшиеся уважением в своем сообществе лица или представители какого-либо учреждения.

Для России дискуссия о готовности крестьян обращаться для разрешения правовых проблем к помощи судов не является новой. Как уже говорилось во введении, преобладающие в российской и зарубежной научной литературе мнения можно разделить на два лагеря. С точки зрения одной стороны, правовой дуализм являлся непреодолимым препятствием, делавшим невозможным любое взаимодействие между деревней и правительством. Согласно взглядам приверженцев данного лагеря, для русских крестьян был характерен правовой нигилизм, обусловленный их социальным положением, культурным и религиозным контекстом. Для решения конфликтов они прибегали зачастую к внесудебным мерам, таким как самосуд или поджоги⁷⁵². Представители другого лагеря расценивали данные радикальные проявления стихийного «справедливого возмездия» как единичные акции, которые происходили от безысходности и скорее являлись исключением из правил. Они констатировали наличие у крестьян довольно высокого уровня правосознания. По мнению исследователей этой группы, сельское население не только хорошо ориентировалось в нормативной базе, но и демонстрировало способность применения этих знаний перед судом для защиты своих интересов и

⁷⁵¹ По этой проблематике см. краткое описание в книге Г. Шверхофа (Schwerhoff G. *Historische Kriminalitätsforschung*. Frankfurt a.M., 2011. S. 80--81).

⁷⁵² В российской исторической науке подобное мнение было распространено особенно у дореволюционных историков. Но его придерживались, как и советские историки, так и их зарубежные коллеги (частично из-за недостаточного доступа к архивным источникам). Помимо указанных во введении работ см. (Kucherov S. *Courts, Lawyers and Trials under the last three Tsars*. New York, 1953. 399 p.; Mironov B.N. *The Russian Peasant Commune after the Reforms of the 1860s* // *Slavic Review*. 1985. (44/3). P. 438--467; Lewin M. *Customary Law and Russian Rural Society in the Postreform Era* // *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. London, 1985. 355 p.; Frierson C.A. *Crime and Punishment in the Russian Village: Rural Concepts of Criminality at the End of the Nineteenth Century* // *Slavic Review* (46) Nr. 1. 1987. P. 55--69).

удовлетворения потребностей⁷⁵³. Созданные правительством правовые инстанции были приспособлены к нуждам крестьян, и последние ими охотно пользовались. По мнению американского историка Джейн Бурбэнк в ее известной монографии «Russian Peasants Go to Court»⁷⁵⁴: «Going to court was not a random event itself, but the evidence of the small problems of daily life that brought people to court» (обращения в суд не являлись исключительным событием, а доказательством того, что мелкие повседневные проблемы приводили людей в суд).

Большая часть перечисленных работ анализирует деятельность судов, созданных в результате принятия Судебных уставов 1864 г. Исследования о юридических практиках предшествующего периода российской истории и работы, посвященные изучению судебной активности среди податных групп населения, не так многочисленны, а их излюбленным предметом являются низшие социальные слои городского населения⁷⁵⁵.

Что касается рассматриваемого нами региона в эпоху правления Екатерины, то его глубоко изучил в своих работах В.А. Воропанов, представивший некоторые данные о частоте обращений в сельские суды, а именно об обращениях в сословные суды первой инстанции, а также в органы суда провинциального уровня. В этом контексте историк придерживался позиции, что политика, направленная на огосударствление суда, была весьма успешной. Она сохраняла нормативный и институциональный плюрализм, оставляя для населения альтернативные процедуры разбирательства мелких правонарушений и удовлетворяла таким образом правовые потребности селян. В уралосибирском регионе нижние расправы и находящиеся за пределами данной системы низшие суды выполняли предусмотренную им законодателем функцию. Автор доказывает свою позицию, опираясь на внушительный массив архивных источников. Приводя ряд примеров, он демонстрирует, что в действительности крестьяне не только использовали все многообразие исковых форм для обращения в государственные суды, но и в такой

⁷⁵³ Czap P. Peasant-class Courts and Peasant Customary Justice in Russia, 1861--1912 // *Journal of Social History*. Vol. 1. N. 2. (Winter, 1967). P. 149—178; Farnsworth B. Popkins P. Peasant Experiences of the late tsarist State: District Congresses of Land Captains, provincial Boards and legal Appeals process, 1891--1917 // *Slavonic and East European review*. 78. N 1 (January, 2000). P. 90--114; Burbank, J. Insult and Punishment in Rural Courts [The Elaboration of Civility in Late Imperial Russia] // *Études rurales*, N° 149--150, 1999. P. 147--171; Она же. *Russian Peasants Go to Court*.

⁷⁵⁴ Burbank J. *Russian Peasants Go to Court*. P. 15.

⁷⁵⁵ См. напр. след. работы: Акельев Е.В. Профессиональные преступники Парижа и Москвы первой половины XVIII в.: механизмы криминализации // *Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI -- XX вв.)*. СПб., 2011. С. 217--228; Он же. *Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки каина*. Серия: «Живая история: Повседневная жизнь человечества». М., 2012. 416 с.; Каменский А.Б. *Россия в XVIII столетии: общество и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти*. СПб., 2017. 338 с.; Он же. *Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века*. М., 2006. 403 с.; Кошелева О.Е. «Бесчестье словом» петербургских обывателей петровского времени и монаршая власть // *Одиссей. Человек в истории*. 2003. М., 2003. С. 140--169; Kollmann N.S. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. *New Studies in European History*. Cambridge, 2012. 488 p.

степени разбирались в законодательстве, что, не тушуясь, подавали в суд на лиц, принадлежавших к той же или схожей среде⁷⁵⁶.

Не желая опровергнуть столь оптимистичный взгляд на действенность губернской реформы и созданной ею судебной системы, стоит, тем не менее, отметить, что при чтении работ исследователя порой создается впечатление, что автор слишком зависим от перспективы «птичьего полета» Анализ судебного делопроизводства и рассмотренных в нижних расправах Среднего Урала дел показывает более неоднозначную картину. Кроме того, для оценки судебной активности в крестьянских судах, по нашему мнению, целесообразно расширить базу исследования за счет привлечения норм обычного права.

Более убедительным кажется менее идеализирующий взгляд Н.А. Миненко, указавшей на то, что волостные судьи, например, склонялись к превышению своих компетенций. Свой суд был ближе, в связи с чем периодически встречались нарушения порядка передачи судебных дел из нижних в коронные инстанции⁷⁵⁷. Но это не стоит рассматривать как своеволие или результат подкупа. Причины, можно полагать, были заложены в различиях норм позитивного и обычного права и их интерпретации в зависимости от тяжести того или иного правонарушения, разные представления о вине и чести⁷⁵⁸. Именно с этими обстоятельствами были тесно связаны те ожидания и надежды, которые возлагались на ход судебного процесса и его результаты, при помощи которых предполагалось обеспечить правосудие в соответствии с представлениями о нем той или иной социальной группы.

Учитывая, что общая масса дел перед попаданием в сословный суд первой инстанции проходила через нижестоящие суды, нам стоит придерживаться в вопросе судебной активности нижних расправ этого дифференцированного подхода. Таким образом, возможна оценка того, насколько осуществимым в данном регионе являлась реализация пассивной стороны социального эксперимента, каким и было расширение позитивного права на часть крестьянства. Необходимо найти удовлетворительный ответ

⁷⁵⁶ По этой теме см. в особенности след. труды В.А. Воропанова: Воропанов В.А. О деятельности судебных представителей сельских сословий в уездах Русского Севера в конце XVIII века // *Genesis: исторические исследования*. 2015. № 2. С. 104--120; Он же. Практика местного правосудия: государственные суды для сельских обывателей Оренбургской губернии в последней четверти XVIII -- начале XIX в.; Он же. Власть и население в Российской провинции.; Он же. Особенности юрисдикционной деятельности в отношении сельского населения Западной Сибири в конце XVIII в.

⁷⁵⁷ Миненко Н.А. Русская крестьянская община. С. 130--133.

⁷⁵⁸ См. посвященные этой теме многочисленные исследования тамбовского историка В.Б. Безгина: Безгин В.Б. Кражи в российском селе второй половины XIX -- начала XX века // *Юридические исследования*. 2013. № 6. С. 285--319; Он же. Правовая культура русского села (вторая половина XIX -- начало XX веков); Он же. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX -- начала XX века; Он же. Правовые обычаи в быденном сознании и повседневной жизни российского крестьянства второй половины XIX -- начала XX века // *Право и политика*. 2013. №10. С. 1373--1380; Он же. Крестьянская повседневность: традиции конца XIX -- начала XX века.

на вопрос, кто и при каких обстоятельствах был действительно готов следовать наставлениям указа, разосланного по всем поселениям судебного округа, т. е. подавать «свои просьбы и объявления в нижнюю расправу, где и удовольствие безволочитное на основании законов получить могут...»⁷⁵⁹.

4.2. Использование коронных судов сельским населением

Исследованию проблемы обращений крестьян в суды низшей инстанции способствует относительно благополучная ситуация с источниками. Особенно хорошо сохранилась документация по уголовным процессам. Уголовное судопроизводство было, согласно установленному в «Учреждениях» порядку прохождения дел по судебным инстанциям, более кропотливым и трудоемким с точки зрения документирования. В уголовном процессе каждое дело, в зависимости от степени сложности (количества задействованных в конкретном случае лиц, тяжести совершенного преступления и т. д.), имело объем от 10 до 30 листов, в редких случаях -- более 50. Это, возможно, одна из причин, почему уголовно-процессуальные дела доминируют в архивных фондах. Отличающиеся высокой степенью сохранности фонды Алапаевской и Верхотурской нижних расправ (ГАСО. Ф 491, 771) содержат 249 и соответственно 368 судебных дел, из которых уголовные составляют 173 и 228 соответственно (71,88% и 61,95%). Только в рудиментарно сохранившемся фонде нижней расправы Екатеринбургa содержится всего 12 дел (ГАСО. Ф 591), десять из которых относятся к области уголовного права. Первичные свидетельства о судебной деятельности апелляционных судов имеются только по Екатеринбургской области, данные по которой сосредоточены в Государственном архиве Свердловской области (Ф. 589), все 36 дел фонда являются уголовными. Относительно Предуралья мы не имеем много информации, но дела, сохранившиеся от нижних расправ Красноуфимска, Осы и Чердыни (ГАПК. Ф. 3, 4, 53), подтверждают выводы о превалировании уголовного производства.

Количественно среди рассмотренных в нижней расправе уголовных дел доминировали преступления против собственности, составлявшие в Алапаевске и Верхотурье 44,59 % всех уголовных дел⁷⁶⁰. В основном речь шла о кражах, но, возможно, поскольку разграничение между различными видами уголовных правонарушений проводилось редко, часть из них имели характер преступлений: содержали элементы

⁷⁵⁹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 417. Л. 5.

⁷⁶⁰ Преступления против собственности составляли 47,97% всех совершенных в Алапаевском судебном округе уголовных преступлений (83 из 173 указанных в описи уголовных дел). В Верхотурье к этому виду правонарушения относятся 94 из 228 уголовных дел (41,22 %).

разбоя или грабежа⁷⁶¹. Перед судами первых инстанций рассматривались в том числе и дела о пропаже крупных денежных сумм. Таковым было дело государственного крестьянина Андрея Неклюдова из деревни Голиковой, укравшего в августе 1782 г. у священника городской слободы Никиты Рычкова 80 рублей, 60 из них серебром и 20 медных⁷⁶². Нести ответственность перед судом вынужден был и мастеровой Иван Бирюков с Быньговского завода, на участке которого в ноябре 1796 г. были найдены пропавшие на производстве 50 пудов железа⁷⁶³. Особую роль, однако, среди тяжких имущественных преступлений играло конокрадство⁷⁶⁴. Лишение транспортного средства, средства уборки урожая и «двигателя» могла привести хозяйство к разорению. Конокрадство считалось довольно серьезным преступлением: конокрадов преследовали за пределами наместничества, следы и слухи об угнанных лошадях проверялись⁷⁶⁵.

Но по большей части нижние расправы судили за так называемые мелкие имущественные правонарушения. Под данное понятие подпадали, согласно закону, кражи на сумму менее 20-ти рублей⁷⁶⁶. Этот вид уголовных дел, за совершение которого осужденный должен был отработать стоимость украденного имущества в специально с этой целью созданных работных домах, составили, согласно описям, почти 80% краж. Субъектами преступления были в основном мужчины всех возрастов: крестьяне разных категорий, ямщики, имевшие свое жительство в деревнях, слободах и заводских поселках названных судебных округов или на территории самих уездных городов, а также

⁷⁶¹ В зарегистрированном под названием «дело о нанесении обиды Верхотурскому ямщику Ивану Суворову ямщиками Яковом Меншиковым и Антипом Коробейниковым» деле, речь шла, как выяснилось при его анализе, о разбое. Последние ограбили недалеко от деревни Жарковой ямщика Ивана Суворова, перевозившего руду и песок из Богословского завода в уездный город, избивали его и отняли товар и транспортное средство. Раненного нашел крестьянин Емельян Коптелов, который, в свою очередь, сообщил о происшествии старосте (ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 10. Л. 1--41).

⁷⁶² ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 6. Л. 1--18об.

⁷⁶³ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 189. Л. 1об. --11.

⁷⁶⁴ Описи служивших нам примером Алапаевского и Верхотурского судебных округов свидетельствуют о совершении 39 краж лошадей. Угоняли обычно от 1 до 3 лошадей; при этом преступление сопровождалось нередко кражей других видов и иными составами преступлений, так как беглые мастеровые или колодники обеспечивали себя всем необходимым: продуктами, одеждой и средствами передвижения.

⁷⁶⁵ Примером может служить дело работника Воткинского казенного завода Матвея Пушкина и его товарища, экономического крестьянина Григория Фертикова, жителя Осинского округа. Они совершили на протяжении двух лет, как сообщила нижняя расправа Сарпула, серию конокрадств у различных крестьян Воткинской и Светлянской волости и предстали весной и летом 1782 г. перед судебными инстанциями как Пермского, так и Вятского наместничества. (ГАПК. Ф. 53. Оп. 2. Д. 4. Л. 29).

⁷⁶⁶ Подобные имущественные правонарушения требовали судебных решений в соответствии с именным указом «О суде и наказании за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех Губерниях» от 3 апреля 1781 г., а также с уточняющими его Сенатскими указами от 29 июля 1782 г. и 31 января 1783 г. Согласно этим указам лиц, совершивших «воровство кражу ценою ниже 20 рублей» не более трех раз, отсылали для отработки стоимости украденного «с определенными процентами» в работные дома, специально создаваемые для этой цели в каждом губернском городе. Заработанная сумма денег отходила «в пользу рабочего дома», а дополнительные шесть процентов, вор должен был заплатить «тому, у кого украл» (ПСЗРИ-1. Т. 21. № 15147. С. 108—109. № 15483. С. 647. № 15657. С. 860--861).

мастеровые и работные люди, проживавшие в поселках соответствующих горных предприятий.

Женщин судили за совершение подобных преступлений сравнительно редко. От них лишь в немногих случаях исходила инициатива кражи. Примером нам может служить жена государственного крестьянина Марфа Лаптева. Жительница Фроловского рудника украла весной 1787 г. разные пожитки из дома «собственного господина»⁷⁶⁷. Чаще всего женщины играли более пассивную роль и участвовали в преступлениях, задуманных их мужьями. Жена мастерского Верх-Исетского завода Анна Леонтьева, дочь Беляева, например, сшила из краденного ее мужем куска полотна рубашку и продала ее зимой 1788 г. в Екатеринбурге на рынке⁷⁶⁸. А жена крестьянина Алексея Безрукова, взявшего из дома своего соседа дубленую кожу, признала на втором допросе перед Алапаевской нижней расправой, что ей было велено мужем спрятать украденное в сундуке⁷⁶⁹.

По своему социальному составу привлеченные к судебной ответственности за совершение мелких имущественных преступлений лица в основном принадлежали к средним слоям сельского общества. Практически все они, как следует из протоколов допросов, регулярно исполняли свои религиозные обязанности⁷⁷⁰. Большинство из них состояло в браке, имело детей и оказалось достаточно зажиточным, чтобы иметь «жительство своим домом»; холостыми были только очень молодые, живущие еще с родителями, люди⁷⁷¹. Что касается их уровня образования, грамоте никто из них научен не был⁷⁷².

Крали жители Екатеринбургской области все, что «плохо лежало». Пропадали, прежде всего, «разные пожитки», то есть одежда («два платья шелковых», «шуба из белого овчинного меха», «козловые сапоги»), разные виды ткани и другие материалы для шитья и изготовления одежды («пряжу четыре мота», «тафта зеленая пять аршин», «четыре конца холста»), продовольственные и хозяйственные припасы («соли двадцать фунтов», «масла коровяго один пуд», «два воза сена»), а также другие предметы повседневной необходимости («два медных подсвечника», «поднос медный чеканный», «стаканы медные», «натруска с порохом», «хрустальная посуда», «чарки юфтевые»). В

⁷⁶⁷ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 130. Л. 1--3.

⁷⁶⁸ ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

⁷⁶⁹ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 32. Л. 8.

⁷⁷⁰ Это не распространяется на обитающих среди них старообрядцев, которые не бывали «у исповеди и святого причастия от рода [...] потому что стояли в двойном раскольническом оброке» (ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 233. Л. 12). См., например, дело мастерского Баранчинского завода Ивана Доронина, которого подозревали в краже предметов общей стоимостью в 16 рублей у крепостного крестьянина господина Демидова Якима Шляпникова.

⁷⁷¹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 384. Л. 4. Ф. 771. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

⁷⁷² Это вытекает из подписей под протоколами допросов: «к всему допросу вместо его прозбой копиист Григорий Архипов руку приложил» (ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 321. Л. 7).

некоторых случаях на заводах Алапаевского уезда пропали производственные средства («железо весом примерно в один пуд», «железо четверогранных брусков», «наковальня железная», «железа одного пуда и дву фунтов»). Два раза в судебные органы региона были поданы сообщения по поводу кражи винтовки или ружья, а также из-за пропажи небольших сумм денег – в основном медных, а реже серебряных монет.

Зачастую виновник и пострадавший были друг с другом знакомы, поскольку работали на одном заводе и жили в одной деревне или слободе. Они были соседями, которые торговали вместе на рынке, встречались в питейном доме и общались во время полевых работ, поскольку «косили друг от друга неподалеку»⁷⁷³. Порой их связывали служебные отношения, как в вышеописанном деле о крестьянской жене, взявшей вещи и деньги из дома хозяина. Подобным образом поступил проживавший в Нижнетагильской волости государственный крестьянин Максим Козцин, возивший вместе с другими крестьянами в ноябре 1784 г. для служителя Нижнетагильского завода Льва Алутеева сено из леса. Когда последний по завершении работы позвал их в дом на ужин, М. Козцин обнаружил во дворе четыре хомута, которые он позже, выпив два стакана вина, украл⁷⁷⁴. Бывало, что вор пользовался доверием человека, предложившего ему ночлег в своем доме. Так, например, как вытекает из репорта Меркушинского волостного суда от 14 марта 1788 г., возвращавшиеся на завод из рудников крестьяне Савин, Иван и Матвей Обросовы в ночное время залезли через окно в дом крестьянина Михаила Якимова, у которого они прежде «во время их проезду имели квартиру», и взяли из горницы ящик с деньгами и вещами⁷⁷⁵.

Истцы и ответчики происходили из одной среды, в связи с чем последние оказались хорошо осведомлены о привычках и месте нахождения своих жертв. Приписанный к заводам крестьянин Артемий Удимцев в феврале 1784 г. увез два воза сена «с покоса, состоявшего за речкой Черепанкой», принадлежавшего Верхотурскому мещанину Петру Кудрявцеву, когда его «в Верхотурье не было, а находился в своем доме в Пельyme»⁷⁷⁶. Также они имели информацию о способах проникновения в здание и наличии там имущества. Вышеупомянутый мастерской Верх-Исетского завода, укравший зимой 1789 г. два медных подсвечника и оловянные тарелки из Успенской церкви, в прошлом работал трапезником в той же церкви⁷⁷⁷. Воры прекрасно знали, где их

⁷⁷³ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 106. Л. 5.

⁷⁷⁴ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 40. Л. 1, 4--6.

⁷⁷⁵ Там же. Д. 151. Л. 1, 5.

⁷⁷⁶ Там же. Д. 20. Л. 1--9.

⁷⁷⁷ ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 12. 1--4.

односельчане хранили свои ценные вещи и скромные сбережения: в ящиках, коробах, сундуках и мешках, спрятанных в сенях и погребках, а также в амбарах и сараях под сеном.

Сравнительно редко дороги виновника и пострадавшего пересекались случайно. Не смогла устоять перед искушением крестьянская жена Ирина Гирбаева, которая в 1795 г. во время сенокоса, когда ходила за ягодами, взяла лежащие на «полосе за рекой Турой» вещи и разные пожитки, принадлежавшие верхотурскому мещанину Матвею Макарову и нанятым им для полевых работ людей⁷⁷⁸. Также спонтанно действовал находившийся в поиске сбежавшей коровы 17-летний крестьянин Иван Катаев, когда обокрал спящих в лесу крестьян Салдинской и Меркушинской волостей Степана Каргополова и Алексея Митрофанова, возвращавшихся домой после посещения Верхотурского рынка⁷⁷⁹.

Спонтанность, характерная для совершения подобных преступлений, ставила вора перед проблемой хранения краденых пожитков. Их прятали в сенях, под полом и в погребках, в яме во дворе, в закопанном на участке ящике. Вещи, за неимением других мест, могли временно закопать на участке, оставить в снегу «у забора недалеко от дома своего» или, «не доходя до деревни Ленежки верст с десяти в лесу под чащу»⁷⁸⁰. Вору, как правило, старались сбывать краденое. Они продавали эти вещи на рынке, пытались найти покупателя, как, например, крестьянин Федор Попов, осторожно предложивший верхотурскому ямщику Илье Прохорову четыре конца холста, которые летом 1790 г. «пропали у дьякона Дуранева градской Знаменской церкви»⁷⁸¹, или обменивали их у соседей и знакомых на более пригодный товар.

Примерно четверть занесенных в описи уголовных дел относилась к преступлениям против государства. В первую очередь это были побег с заводов или бегство с целью уклонения от воинской повинности, реже встречались побег колодников. Столь высокие показатели были результатом очень широко сформулированного законодателем состава преступления. Для защиты экономических и внешнеполитических интересов государства под данный закон и понятие «побег» подпадали все нарушения паспортного режима⁷⁸². Следовательно, уголовному преследованию подвергались, помимо собственно побегов, все отлучки с места работы или проживания и иные формы уклонения от труда. Строгому уголовному преследованию подвергались не только сами беглые, но и все помощники или знавшие о побеге лица; за

⁷⁷⁸ ГАСО. Ф. 491. Д. 397. Л. 2--4.

⁷⁷⁹ Там же. Д. 384. Л. 1--3.

⁷⁸⁰ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 55. Л. 5.

⁷⁸¹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 196. Л. 4об. --7.

⁷⁸² Согласно указу от 13 мая 1754 г., беглыми считались все обязанные платить подати группы населения при удалении без выданного сельской администрацией разрешения «письменного вида» на более чем 30 верст от места проживания. ПСЗРИ.1. Т. 14. № 10233. С. 75—85.

коллорацію населення с правительством законодатель установил денежное вознаграждение⁷⁸³. На статистику, выявляющую высокое количество преступлений, связанных с побегами, влияет также социально-экономическая структура служащих нам примером судебных округов Алапаевска и Верхотурья. Данные округа отличались большим количеством частновладельческих и казенных заводов с соответственно большим количеством заводского населения.

Субъектами данных преступлений были по большей части мастеровые, которые при допросах в качестве причины побега называли семейные обстоятельства. Зачастую причиной был грозящий или недавно последовавший перевод с одного завода на другой и, как следствие, расставание с родителями, женой и детьми. Примером ряда протекающих одинаково историй нам может служить дело двадцатисемилетнего мастерового Лаврентия Куликова. Против этого молодого отца в сентябре 1792 г. в нижний земский суд Верхотурья поступило заявление из Нижнетуринской заводской конторы по причине его побега. Этому предшествовал перевод молодого человека против его воли с Кушвинского завода. Плохо перенося расставание с семьей, уже через две недели после прибытия на Нижнетуринский завод он отправился в Пермь, чтобы добиться своего возвращения на родной Кушвинский завод. Прибыв в губернский город и обратившись в казенную палату, он узнал о безвыходности своего положения и решил возвратиться обратно. Сначала путь его проходил по Чусовой, далее он выбрал дорогу, проходившую через Серебрянский завод. Выйдя ранним утром 9 июля 1791 г. из леса и увидев заводское поселение, он полностью осознал безвыходность ситуации, в которую попал. Обратившись в заводскую контору, он признался в содеянном. Его побег длился приблизительно месяц⁷⁸⁴.

Другие предпочитали уголовному процессу жизнь в подполье. Выходцы из старообрядческой среды часто годами жили в лесах недалеко от Невьянского и Нижнетагильского заводов, прятались в «избушках» и питались хлебом, приобретенным у крестьян из близлежащих деревень. С помощью последних не обрывался и контакт беглых с внешним миром. Крестьяне снабжали их не только продовольствием, но и новостями, в том числе и об изменении законодательства⁷⁸⁵. Для правительства большое количество «праздно шатающихся людей» было убыточным. Государство могло стабильно функционировать лишь при регулярных налоговых поступлениях, возможности сбыта полезных ископаемых на мировом рынке и конкурентоспособной армии.

⁷⁸³ ПСЗРИ-1. Т. 15. № 10987. С. 372—374. Т. 16. № 11750. С. 154—157. Т. 17. № 12352. С. 85. Т. 22. № 16078. С. 229.

⁷⁸⁴ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 306. Л. 1--6. Схожие дела см.: ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 227, 229, 281, 288. Ф. 771. Оп. 1. Д. 19, 107.

⁷⁸⁵ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 314, 332, 362. Ф. 771. Оп. 1. Д. 179.

Достаточное количество рабочей силы являлось для этого основной предпосылкой. Именно поэтому власть регулярно издавала указы об амнистии, гарантировавшие добровольно возвратившимся в определенный срок лицам безнаказанность⁷⁸⁶. Рано или поздно у беглых побеждала тоска по семьям и налаженному быту. Так, вечноотданный крепостной крестьянин Данила Корюков, в 1771 г. «по глупости своей» сбежавший с Невьянского завода, с тех пор «жил в лесу и молился». В сентябре 1782 г., прослышав о публикации «всемилостного прощения всем отлучившимся из отечества и своих жилищ» от 7 апреля 1782 г., он решил использовать свое право на восстановление и вернулся на Быньговский завод к жене и детям, которых бросил более десяти лет назад⁷⁸⁷.

Беглыми считались так называемые отходники. С помощью «отходничьего билета», настоящего или поддельного, или «без всякого письменного вида» они искали работу в торговых караванах, работали на баржах, ходивших по Каме от Соликамска до Сарапула и по Волге из Нижнего Новгорода в Астрахань. С завидной регулярностью они меняли местоположение, работодателя и идентичность⁷⁸⁸.

На пристанях мало кого интересовало происхождение приобретенных документов. Средств их проверки все равно практически не было: количество типографий было низким, грамотность также была распространена слабо, а вольнонаемный труд являлся столь же дефицитным, сколько и востребованным⁷⁸⁹. О таких беглых власти узнавали лишь случайно или по доносу. Государственный крестьянин Архип Пономарев из Краснопольской волости в Алапаевском округе работал уже четыре года на различных железных караванах, когда в мае 1790 г. на промежуточной остановке в Елабужском округе он попал под проверку документов. При этом выяснилось, что выданный Соликамским уездным казначейством паспорт на имя государственного крестьянина Федора Антонова, проживающего в Усольской волости, являлся поддельным.

Бежали от воинской повинности и солдаты. Рекруты использовали любую возможность побега из действовавших во время призывов центров рекрутирования в

⁷⁸⁶ См. описание Т.С. Мамсик. По ее подсчетам, правительство во второй половине XVIII века (в вошедших в ПСЗРИ указах) выпустило 30 нормативно-правовых актов, в которых призывало «беглецов всякого ранга» добровольно вернуться «в свое отечество». Только в данный период 13 раз правительство устанавливало так называемые «сроки», за возвращение в которые солдатам, рекрутам, крестьянам различных категорий, старообрядцам и иноверцам при возвращении в определенный срок гарантировались не только отказ от уголовного преследования, но и временное освобождение от податей (Т.С. Мамсик. Побег как социальное явление: приписная деревня Западной Сибири в 40--90-е годы XVIII в. Новосибирск, 1978. С. 128--129; 201--202).

⁷⁸⁷ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 179. Л. 1--11об. При этом начало новой жизни для Д. Корюкова прошло не гладко, несмотря на признание и амнистию. В последующие два года дело рассматривалось во всех инстанциях. Полная реабилитация состоялась в феврале 1784 г., когда уголовная палата вынесла ему оправдательный приговор (там же. Л. 17).

⁷⁸⁸ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 81, 85.

⁷⁸⁹ Мамсик Т.С. Побег как социальное явление. С. 134--136.

Екатеринбурге и Перми. Государственный крестьянин Максим Корнилов из деревни Липовской Мурзинской слободы был сдан в мае 1782 г. по решению сельского мира в рекруты. Совместно с другими крестьянами Алапаевского уезда они были проведены через Екатеринбург в Пермь для осуществления сборов. В губернском городе, где он проживал «на квартирах с мужскими людьми той же слободы», сложился план побега. На родину они возвращались вместе через Серебрянский и Нижнетагильский заводы, а когда они были уже поблизости от деревни Коневои, их схватили⁷⁹⁰.

Определенную роль в этом контексте играло и членовредительство – классическая пассивная форма уклонения от воинской повинности. Под подозрение в действиях такого рода попал, например, в январе 1784 г. двадцатидвухлетний государственный крестьянин Павел Баландин из Меркушинской волости. Свой правый указательный палец он якобы потерял во время несчастного случая на службе, «коля дрова в тумане». Произошло это событие, согласно протоколу допроса, еще в 1781 г., задолго до получения призывной повестки⁷⁹¹.

Среди осужденных, совершивших побег, было много рецидивистов, отбывавших наказание за ранее совершенное преступление, работая на горных предприятиях. Крестьянин Кирилл Палкин из Аятской слободы, неудачно сбежавший из Березовского золотопромышленного завода, оказался осенью 1784 г. в очередной раз на скамье подсудимых. Около трех лет назад он за многократное конокрадство предстал перед Алапаевским расправным судьей. Не выдержав тяжелой заводской работы и тоски по своей жене, он отработал лишь малую часть своего наказания и сбежал в Екатеринбург, где каким-то способом добыл лошадь и отправился в родную деревню. Однако, не доехав до Невьянского завода, конокрад был узнан односельчанами и передан местным властям⁷⁹².

Не только служащие нижнего земского суда, но и заводские служители и выборные от крестьян должны были по закону наблюдать за тем, чтобы «в уезде никто беглых людей не принимал, не держал и не укрывал»⁷⁹³. Кроме того, как уже было сказано выше, правительство придерживалось крайне жесткого курса полной нетерпимости по

⁷⁹⁰ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 24. Л. 1--2об.

⁷⁹¹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 21. Л. 1--15об.

⁷⁹² ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 15. Л. 1--4об; Не лучшим образом сложилась история сбежавшего на Кушвинский завод солдата первой Екатеринбургской роты Лариона Цыпляева, которого осудили к 25 ударам кнутом. Заводская контора не была информирована о побеге. Донес на него житель заводского поселения Алексей Коновалов, так как Л. Цыпляев украл у него коня и для сокрытия преступления заявил, что сам стал жертвой грабежа. (ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 361. Л. 2--10).

⁷⁹³ ПСЗРИ-1. Т. 20. № 14392. Ст. 244. Сначала бегство мастерового Ивана Бочкова с Богословского завода, куда его перевели год назад, весной 1794 с родного Уктусского завода, прошло успешно. Он пошел на юг через Кушвинский и Невьянский заводы. Добравшись до Невьянска, он закупил на рынке провиант для последнего отрезка пути до Екатеринбурга и в этот момент был пойман заводским служителем и доставлен в компетентный нижний земский суд в Алапаевске. ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 332.

отношению к сочувствующему беглым населению, надеясь таким образом добиться коллаборации. Особо строгие санкции должны были развивать социально-дисциплинирующее воздействие. Сурово расправились с жителями Невьянского завода, крепостным Федором Ступиным и его женой Аксиньей, а также с супругами Алексеем и Авдотьей Пастуховыми, приписанными к тому же заводу крестьянами, спрятавшими беглого рекрута в яме и снабжавшими его продовольствием. Екатеринбургская верхняя расправа и уголовная палата подтвердили решение Алапаевской нижней расправы от 17 сентября 1792 г. Женщин приговорили к 10, а мужчин к 25 ударам кнутом, кроме того, мужчины после этого были отправлены на каторжные работы в Иркутскую губернию⁷⁹⁴.

Все описанные нами судьбы, несмотря на их разнообразие, обладают одним общим качеством. Они никоим образом не соответствуют классической посвященной данной тематике литературе «о массовых выступлениях горнозаводского населения Урала»⁷⁹⁵. Но то, что в разнообразных судебных документах практически не встречаются упоминания о массовых восстаниях, не означает, что их не было. В последние две декады XVIII в. волнения на Уральских заводах не утихали, и вместе с ними не прекращались побегии с мест производства, остававшиеся по-прежнему одной из самых распространенных форм выражения протеста и несогласия. Причины молчания источников об этом, вероятно, в другом. Относительно двух служивших нам примерами Алапаевского и Верхотурского судебных округов, удовлетворительное, по нашему мнению, объяснение содержат результаты исследований Д.А. Редина и О.А. Мельчаковой, опубликованные в 1996 и 1998 гг. в сборниках серии «Проблемы истории России»⁷⁹⁶.

Для заводовладельцев причины недовольства работавших на заводах лиц и формы его проявления были вторичны. Выражались ли они в виде петиционной войны с целью разъяснения юридического статуса или восстаний протестующих против заводской работы крестьян, действовавших с «упорством, размахом и радикализмом, присущими

⁷⁹⁴ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 110. Л. 1--3об.

⁷⁹⁵ См. например: Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII в. (к вопросу о формировании пролетариата в России). М., 1979. 264 с; Черкасова А.С. Мастерские и рабочие люди Урала в XVIII в; Она же. Социальная борьба на заводах Урала в первой половине XVIII века. Пермь, 1980. 103 с.; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI -- начале XVIII вв.; Павленко Н.И. История металлургии России XVIII в.: Заводы и заводовладельцы. М., 1962. 568 с; История Урала с древнейших времен до 1861 г. С. 355--368, 395--403.

⁷⁹⁶ Мельчакова О.А. Организация судопроизводства в Нижнетагильском горнозаводском хозяйстве во второй половине XVIII — начале XIX в. // Проблемы истории России. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV--XX вв. Екатеринбург, 1998. С. 47--63; Она же. Власти и вечноотданные Нижнетагильских заводов на рубеже XVIII--XIX вв. // Проблемы истории России. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV--XX вв. Екатеринбург, 1998. С. 234--243; Редин Д.А. К вопросу о характеристике социального протеста уральских вечноотданных в 1760--80-х гг. // Проблемы истории России. Вып. 1: От традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 162--174.

массовым крестьянским волнениям»⁷⁹⁷ -- любые протесты заводского населения означали неопределенность и потери, которые следовало предотвратить любой ценой. По всей вероятности, именно поэтому последствия таких социальных волнений практически не нашли отражения в судебном делопроизводстве.

После реализации губернской реформы, как уже говорилось, судопроизводство с функционировавшей при Канцелярии главного правления заводов конторы судных и земских дел было передано в сферу компетенции сословных судов. За мелкие провинности – кражи производственного имущества, нарушения трудовой дисциплины, а также за «запускания по заводским работам», то есть побег от заводских работ, теперь должны были судить только в коронных судах⁷⁹⁸. Для владельцев заводов эта новая ситуация не несла преимуществ: не без оснований, они боялись потери контроля, что бы неизбежно произошло если бы они бросили свою рабочую силу в медленно вращающиеся жернова коронной юстиции.

Демидовы, например, к владениям которых относились в середине 1780-х гг. девять горных предприятий в Верхотурском уезде⁷⁹⁹, взялись за решение проблемы со свойственным им прагматизмом. Взаимоотношения приказчиков Нижнетагильского завода с представителями полицейских и судебных органов Верхотурского округа вполне можно было назвать плодотворными. Земский исправник Чюраков, заседатели нижнего земского суда Федоров, Кирпяшняков, Чернобровов и Лосев, а также расправный судья прапорщик Сажин и его секретари Протопопов, Решетников и Ромодин были дорогими гостями на Нижнетагильском заводе. Во время частых посещений их богато принимали и щедро одаривали. Взамен местные чиновники были снисходительны. Как в Верхотурье, так и в ревизионных судах Екатеринбурга прилагались все усилия, чтобы привести подобные случаи «к полезному окончанию без дальних последствий»⁸⁰⁰.

Словесные перепалки, оскорбления и вытекающие отсюда драки были частью деревенского быта и не считались поводом к возбуждению судебного дела. Несмотря на это, преступления против личности: побои, избиения, драки, а также обиды словом (оскорбления), клевета и угрозы, составляли большую часть дел, рассматриваемых в

⁷⁹⁷ Редин Д.А. К вопросу о характеристике социального протеста уральских вечноотданных в 1760--80-х гг. С. 162.

⁷⁹⁸ ПСЗРИ-1. Т. 21. № 15115. С. 22--23; №15281. С. 309.

⁷⁹⁹ Кроме Нижнетагильского доменного и молотового завода, как следует из завещания Никиты Акинфиевича (1724--1789 гг.), он оставил своему единственному сыну Николаю (1773--1828 гг.) еще восемь заводов: Выйский, Верхне- и Нижнесалдинский, Верхне- и Нижнелайский, Висимо-Шайтанский, Висимо-Уткинский, а также Черноисточенский. Из данного документа, датированного 1785 г., можно узнать, что в соответствующих заводских поселениях проживало 9209 душ мужского пола, что, соответствует половине населения Верхотурского округа (ГАПК. Ф. 268. Оп. 1. Д. 2. Л. 304об. --305).

⁸⁰⁰ Мельчакова О.А. «Бежали от хватки в рекруты...»: владельцы, администрация и население Нижнетагильских заводов в условиях рекрутских наборов XVIII в. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. № 1 (72). С. 148--162.

волостных судах. Это, по всей вероятности, было одной из причин, почему преступления данной категории редко попадали в нижнюю расправу. Среди уголовных дел доля преступлений насильственного характера составляла 13%. Большею частью это были тяжкие преступления; среди них убийство или покушение на убийство составляли около половины (55%). Но, рассматривая весь период, необходимо отметить, что доля преступлений, связанных с убийством, была низкой. В судебных округах Алапаевска и Верхотурья органы суда рассматривали одно-два убийства в год. В основном это были случаи домашнего насилия. Жертвами этих семейных драм были незаконнорожденные дети, дочери и особенно жены⁸⁰¹. Примером подобных историй нам может служить признание 18-летнего крестьянина Осипа Боярского из деревни Гагариной в Белоярской волости, совершенное в присутствии священника перед волостным судом. Поддавшись обоснованной или необоснованной ревности, он разрушил свое молодое счастье. Его жена Евдокия была на пятом месяце беременности, а он занимался строительством их первого совместного дома, когда он убил ее топором и повесил в лесу на березе недалеко от родной деревни. Поначалу он присоединился к поисковой операции, организованной ее семьей и соседями, но потом, не выдержав, дал тестю без сопротивления увести себя и передать в волостной суд⁸⁰². Жены, наоборот, редко решались освободиться из несчастного брака. Проживавшая на Нижнетуринском заводе 17-летняя Анна Дементьева, скорее всего, являлась исключением. Своего мужа, отставного солдата почти на 30 лет ее старше, молодая женщина скоро разлюбила. И, не сумев придумать лучшего способа избавиться от супруга, как его отравить, молодая жена подмешала в щи купорос. Затея, однако, не удалась. Мужу не понравился горький привкус супа. Помимо этого, посвященная в ее план подруга не выдержала тяжести этого знания и сообщила о преступлении в заводскую контору⁸⁰³.

Насильственные действия вне семьи имели обычно классический сценарий и проходили по давно заведенной схеме⁸⁰⁴. Местом совершения такого рода преступлений был либо питейный дом, либо частное жилье. Алкоголь почти всегда играл определенную

⁸⁰¹ Переход в категорию преступления против нравственности не всегда четко прослеживается. В последних речь идет о нескольких случаях скотоложества и в основном о деяниях, обозначенных в документах как «прелюбодеяние» или «блудское воровство», означавшие внебрачные связи. Между ними и составом изнасилования граница была размыта, то есть оценка суда зависела от принятой перспективы и толкования.

⁸⁰² ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 12. Л. 1--26об.

⁸⁰³ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 406. Л. 1--21.

⁸⁰⁴ Исключения, однако, встречались, как показывает следующее дело, рассмотренное летом 1783 г. в Алапаевской нижней расправе. Государственный крестьянин Ульян Жеребцов находился в лесу недалеко от родной деревни Кайгородской в Липовской слободе на медвежьей охоте, когда он нечаянным образом выстрелил в односельчанина. Суд квалифицировал это действие как обиду. Не представляется возможным лишь на основании судебных актов установить, была ли это действительно «обида», причиной которой могли быть более глубокие мотивы, или речь шла о чистой случайности, как это утверждал обвиняемый. (ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 23. Л. 1--4об.).

роль и давал новый импульс застарелым конфликтам или личным обидам. На словесные обиды отвечали дракой⁸⁰⁵.

Дела о насильственных преступлениях попадали в суды чаще, если жертва занимала высокое социальное положение. Как мы уже показали на примере дела сержанта Верхотурского уездного казначейства Романа Иванова и оскорбившей его жены регистратора нижнего земского суда, среди служителей местных органов власти лишь некоторые склонялись к превращению своих ссор в судебные тяжбы. Так, Степан Архипов, копиист нижней расправы Верхотурья, «искал суд по форме» против государственного крестьянина Василия Беднягина. Обойдя нижний земский суд, он отправил свою жалобу напрямую к своему начальнику, расправному судье Сажину. Архипов и Беднягин праздновали ночью с первого на второе октября Покров Пресвятой Богородицы в дружеской компании. В третьем часу застолье достигло кульминации: Василий Беднягин, брат хозяина, напал на С. Архипова и, вцепившись в волосы, повалил его на пол, после этого он так сильно вывернул его правую руку за спину, что пострадавший несколько дней не мог выйти на службу. Выздоровев, Архипов подключил судебные органы. Получив жалобу, судья Сажин открыл уголовное дело и направил Беднягину повестку в суд. Дело закончилось примирением. Мировое соглашение было подписано заявителем и обвиняемым 13 октября того же года⁸⁰⁶.

Не остаться безнаказанными должны были, по мнению священника Преображенской церкви Невьянского завода Ивана Словцова, государственные крестьяне Иван Полимонов и Павел Растрепенин. Священнослужитель, зайдя в конце августа 1792 г. в дом, где находились крестьяне, подвергся оскорблениям. Его обозвали «всякою непотребною матерною бранюю», избili почти до потери сознания и затем выкинули на улицу. Придя в себя, Словцов сообщил об инциденте в Алапаевское духовное правление, откуда, чтобы «с виновными поступили по законам», дело «бесчеловечного бияния священника» было передано в коронные инстанции. Причиной, как выяснилось на допросе, оказалось недостаточно уважительное поведение крестьян по отношению к представителю духовенства. Когда Словцов вошел в дом, они не сняли головных уборов. Дело тянулось два месяца и закончилось в нижней расправе объявлением, что обе стороны «между собою полюбовно помирились»⁸⁰⁷.

⁸⁰⁵ Не всегда возможно провести четкое разграничение между насильственными преступлениями и проступками, записанными в описях как оскорбления. Под последними иногда понимали, наряду с ожидаемыми поруганиями, еще и физическое насилие, непослушание, сопротивление вышестоящим лицам и клевету.

⁸⁰⁶ ГАСО. Ф. 491. Оп.1. Д. 218. Л. 1--8.

⁸⁰⁷ ГАСО. Ф. 771. Оп.1. Д. 104. Л. 1--29.

Отдельную категорию составляли попавшие в коронную юстицию дела, протагонисты которых, будь то в роли заявителя или обвиняемого, были членами волостного руководства. С огосударствлением системы низового звена судов статус волостных судов, как уже говорилось, изменился. Где заканчивалось государство и начиналось крестьянское самоуправление, теперь было трудно определить. Взаимодействие между представителями волостных органов и коронных учреждений, с одной стороны, и новое качество отношений с крестьянским населением, благодаря повышению их социального статуса, с другой, создали почву для возникновения новых конфликтных ситуаций.

Прирост властных полномочий волостных судов привел к повышению их ответственности. Староста и другие выборные являлись уважаемыми и авторитетными людьми, привыкшими принимать решения. Ведение делопроизводства до сих пор не входило в их компетенцию: первое поколение волостных старост «нового формата» было не подготовлено к письменной работе и зачастую с ней не справлялось. Признаться в данной неспособности себе и другим и стерпеть умаление своего достоинства было тяжким испытанием для привыкших властвовать мужчин, о чем свидетельствует дело «о неисполнении старостой обязанности относительно присланных команд»⁸⁰⁸, рассмотренное осенью 1783 г. в судах Алапаевска.

Родион Пологов, староста волости на Невьянском заводе, действовал не из корыстных побуждений. Он попросту не справлялся со все возрастающим ворохом бумаг: формуляры, выставляемые им сказки о рождении, браке и смерти, оставались незаполненными. Напоминания из наместнического правления и Алапаевского нижнего земского суда оставались больше года без ответа. Непрочитанная почта из вышестоящих мест копилась в сундуке.

В сентябре 1783 г. земский исправник послал заседателя Григория Пищикова в Невьянск с проверкой. По его прибытии служебное помещение оказалось закрыто, а старосту он встретил на рынке. Сорокапятилетний отец семейства признал свою вину, но, тем не менее, был представлен расправному судье Г. Сажину. Тот отнесся с пониманием к делу Р. Пологова и снял с него вину, придя к следующему выводу: «научить, ибо мужик есть хлебопахатель, а не ученый человек, [...] то есть совершенно полезный человек обществу по состоянию своему и более от него требовать не можно»⁸⁰⁹.

Это дело не являлось исключением. В своем решении судья Г. Сажин ссылаясь на схожий случай, произошедший в Черемисской волости. Кроме того, на подобные

⁸⁰⁸ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 180. Л. 1--30об.

⁸⁰⁹ Там же. Л. 28об.

проблемы, возникавшие в совместной работе с волостными судами, ссылаясь, как уже говорилось, и другой верхотурский судья Ф. Милле в своем отчете наместническому правлению⁸¹⁰.

Передача полномочий, однако, воспринималось еще более обременительной, так как в связи с распространением губернского дело- и судопроизводства на органы крестьянского самоуправления они приобрели официальный статус. Волостные судьи «нового поколения» получали личные печати с их инициалами, видимые для всех инсигнии власти, что поднимало их авторитет в глазах сельского населения. Представители крестьянских общин стали государственными служащими. Их встречали с повышенным уважением, которое, в свою очередь, и волостные судьи начали требовать в отношении к себе.

Если бы Яков Шмаков не проигнорировал повестки судебного пристава Краснопольской волости, его дело не попало бы в коронный суд⁸¹¹. Летом 1786 г. Я. Шмаков вместе с другими крестьянами деревни, был откомандирован на Уткинский завод для заготовления дров. Когда его запасы подошли к концу, он продал «дровяные жеребьи» вдове Васильевой. Их качество, однако, было низким, вдова почувствовала себя обманутой и сообщила об инциденте в волостной суд. Волостной судья Федор Николаев оценил ущерб в девять рублей, которые Шмаков через односельчанина выплатил, не приходя в здание суда. С его точки зрения, дело этим было исчерпано, тем более, что наступила зима, и он не захотел пускаться в тяжелый путь из родной Решевской в Краснопольскую слободу. Все последующие судебные заседания он также пропустил. Процесс затягивался. Я. Шмаков не только заставил ждать волостного судью, но и публично подверг сомнению его авторитет, что повлекло за собой неприятные последствия. В итоге Ф. Николаев передал этот случай в нижний земский суд, но не за непослушание, а за мошенничество. Дело возбудили, и в мае 1787 г. оно попало в нижнюю расправу, которая отправила Я. Шмакова, как было принято в случаях мелких имущественных правонарушений, на Алапаевский завод отрабатывать сумму украденной вещи. Упорство выбило Я. Шмакова из колеи. Его репутация страдала: получив судимость, он не мог более рассчитывать на защиту сельского сообщества.

Нередко власть вводит людей в грех злоупотребления ею. Это не ново и не удивительно. Дело «о волостном старосте Малыгине, собирающем податные деньги», скорее протекало по «классической» схеме⁸¹². Степан Малыгин и его писец Игнат Алжерьтев в течение двух лет утаивали налоговые выплаты, полученные от крестьян

⁸¹⁰ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 112. Л. 198--199.

⁸¹¹ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 38. Л. 1--41.

⁸¹² ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 124. Л. 1--24.

Глинской волости Алапаевского уезда. Медные монеты они сложили в мешки, после чего решили «отмыть» их на Режевском заводе и начали использовать на собственные нужды. Весной 1793 г. уездное казначейство в Алапаевске заметило недостачу и информировало правозащитные органы.

Описанный эпизод является примером особенно громкого дела, касающегося злоупотребления властью. Таких, однако, было немного, часто границы между различными категориями правонарушений были размыты. Порой трудно было отличить, где заканчивалась служебная ответственность и начиналось преследование собственных интересов.

На старост как представителей нижестоящих и самых ближних к населению органов—была возложена ответственность выполнять требования правительства по рекрутским наборам. Согласно сенатскому указу от 28 октября 1783 г., селения были обязаны направлять рекрутов, исходя из количественного соотношения душ 1:500⁸¹³. Когда объявлялся рекрутский набор, мирские представители составляли списки кандидатов, отдаваемых в армию. Эта задача являлась для старосты крайне неблагоприятной, и, хотя процесс отбора проходил по четко установленным правилам, он всегда имел почву для конфликтов. Система круговой поруки делала полезных членов общины незаменимыми. Несмотря на то, что с формальной точки зрения все решал жребий, на практике неженатые уходили первыми, а от лентяев, пьяниц и осужденных пытались избавиться. Солдатская повинность была ограничена 25 годами, но вероятность того, что нижние воинские чины вернутся на родину, равнялась практически нулю. Набор рекрутов сопровождался скандалами, (ложными) подозрениями, попытками оказания воздействия на старосту и тому подобное. В конце концов, члены волостного руководства также являлись родителями и были не готовы жертвовать своих сыновей и племянников, если жребий падал на них.

Подлинная причина таких дел, зарегистрированных в нижних расправах под названиями «дело об укрывательстве крестьян Костоуровых», «дело об избиении Краснопольского старосты» или «дело об избиении Черемисского волостного судьи Коносова волостным старостой Белоусовым», часто крылась в рекрутском наборе. Егор Минеев, староста Липовской волости, манипулировал в июне 1788 г. «жеребевой книгой»; в список отдаваемых в рекруты мужчин были внесены двое сыновей из одной семьи, Федот и Корнила Костоуровы, государственные крестьяне из деревни Фирсовой. Это нарушало неписаное табу. Братья спрятались с косой и ружьем в лесу, когда в деревню

⁸¹³ ПСЗРИ-1. Т. 22. № 16279. С. 468—470. В те годы, когда Россия участвовала в войнах, квота увеличивалась. В 1788 г., например, в Пермском наместничестве призывали трое рекрутов на 500 душ. (ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 59. Л. 9).

явился волостной сотник, чтобы их забрать, он встретил лишь отца, который выразил готовность отдать вместо двух старших младшего сына Петра⁸¹⁴. Уже упоминавшийся староста Краснопольской волости Федор Николаев в 1787 г. в очередной раз обратился за помощью к уездной полиции. При посещении питейного дома в соседней деревне Бродовой он был загнан государственным крестьянином Сергеем Бастырковым за стойку, оскорблен и избит. Причиной этого нападения было «несправедливое» занесение его сына Федора в рекрутский список⁸¹⁵. Усугубляло проблему и то, что границы волостей следовали демографическому принципу, а не историческому. Если волостной судья был уроженцем другой деревни нежели затронутая рекрутским набором семья, эмоции, как в описанном случае, брали верх. Так, дракой закончилось мирское собрание в Черемисском волостном суде в декабре 1785 г. После того как староста Тихон Белоусов узнал, что его племянник Прокофьев должен был стать рекрутом вместо ранее намеченного Севастьяна Кирилова из Глинской волости, он потерял самообладание, напился и, выхватив нож, напал на писца Петра Коновалова, которого подозревал в организации данной махинации⁸¹⁶.

Конфликты передавали на разрешение в коронный суд, если волостным судам по той или иной причине не удавалось достичь мирного разрешения спора между сторонами. На коронные суды возлагали надежду на восстановление справедливости по закону: устранение с должности коррумпированного старосты, проведение перевыборов, наказание за сопротивление указаниям мирских руководителей и другое. Насколько протагонисты описанных или схожих конфликтов были осведомлены о возможных последствиях передачи конфликта в коронный суд остается, однако, неясным. Независимо от того, как глубок был конфликт, какие чувства, интересы или права были задеты, по нашему мнению, истцы лишь хотели преподать противнику урок. Маловероятно, что волостной староста Федор Николаев, когда он подал заявление в суд на Сергея и Федора Бастрыковых, был намерен начать процесс, прошедший, в итоге, все инстанции до уголовной палаты⁸¹⁷.

В связи с видной позицией представители волостной администрации нередко становились мишенью для различных нападков. Те же, в свою очередь, испрашивали защиты у коронной юстиции. Характер взаимоотношений между волостной юстицией и органами коронной юстиции, взявшими на себя функцию регулятора «безнадежных» дел, был не всегда ясен. Летом 1795 г. ямщик Иван Рожин возил екатеринбургского купца

⁸¹⁴ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 42. Л. 1а--47об.

⁸¹⁵ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 59. Л. 1--41.

⁸¹⁶ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 243. Л. 1--23.

⁸¹⁷ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 59. Л. 3.

Федора Палкина, находившегося по делам в Махневской волости. Когда он потребовал оплату, купец ему отказал, сославшись на уже состоявшуюся передачу денег в волостной администрации, что последняя, однако, отрицала. В сентябре того же года скандал разгорелся на мирском собрании. И. Рожин обвинял волостное руководство в укрывательстве своего оклада, а те, в свою очередь, утверждали, что были обмануты Ф. Палкиным, не оплатившим свой проезд. Ссора разрослась, оскорбленные «ворами и миропродавцами» старосты Т. Воробьев, А. Бронников и В. Дедюхин не могли защититься против мобилизованных И. Рожиным ямщиков и передали дело верхотурской полиции. Но ни ей, ни нижней расправе не удалось пролить свет на это дело: допросы, очные ставки, клятвенные обещания не дали результата. Дело за неимением доказательств пришлось закрыть⁸¹⁸. Когда решение, как и в этом деле, не соответствовало ожиданиям, старосты, видимо, не стеснялись прибегать к иным способам получения желаемого результата. Какому средству было отдано предпочтение в этом случае, из документов не ясно. Но слабости земского исправника Чюракова и расправного судьи Сажина были хорошо известны. Староста В. Дедюхин лично обратился к земскому исправнику и, ссылаясь на дела прошедших лет, в которых представители волостного правления стали жертвами гнева населения, просил защиты у полиции и органов юстиции⁸¹⁹. Просьба была выполнена немедленно. Новое судебное решение гласило: «нарушение общественного спокойствия», и уже в ноябре 1795 г. дело И. Рожина было передано на рассмотрение в верхнюю расправу Екатеринбург⁸²⁰.

Восстановление справедливости являлось признанной целью как в позитивном праве, так и в обычном. О способах достижения этого состояния мнения, однако, расходились. Согласно воззрениям обычного права, главной задачей суда являлось примирение сторон. Важным шагом на пути преодоления правовых конфликтов считалось раскаяние обвиняемого и его готовность исправиться. Если же такой примиряющий подход для устранения недоразумения воспринимался как неподходящий или возможности нахождения консенсуса иссякали, требовалось принять справедливое решение на основании других правовых источников. Удовлетворительным в таких случаях считалось решение коронного судьи. В позитивном праве действовало другое понятие справедливости, основывавшееся на критериях преступления и наказания. Целью

⁸¹⁸ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 332а. Л. 1--22.

⁸¹⁹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 370. Л. 1--2об.

⁸²⁰ Там же. Л. 5, 8--9. Не только в Верхотурье чиновники были готовы поддержать своих коллег из волостного управления. Процесс против старосты С. Малыгина и писца И. Алжерьтева из Глинской волости, возбужденный из-за казнокрадства, Алапаевская нижняя расправа закрыла в связи с отсутствием достаточного количества доказательств (ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 124. Л. 22--23).

уголовного права считалось в меньшей степени возмещение причиненного ущерба, важнее было штрафовать и карать правонарушителя⁸²¹.

Соответственно встает вопрос о том, в каких случаях волостной суд не мог справиться с задачей восстановления справедливости? Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, недостаточно рассмотреть преступления, которые согласно и крестьянским правовым представлениям, и нормам позитивного права оценивались как тяжкие. Тяжкими признавались, в этом вопросе царило единство мнений, преступления против личности: оскорбление должностных лиц, нанесение телесных повреждений, поджоги, преступления против нравственности, а также некоторые виды имущественных правонарушений⁸²². Подобные преступления, что не подлежит сомнению, вызывали гнев, ужас или отторжение, и порой их просто не могли скрыть от местных органов власти. В таких случаях, как правило, в суд подавали частный иск или дело было открыто «ex officio». Несколько обособленную позицию занимали правонарушения, попавшие в категорию «побег». Для рассмотрения данного вопроса они также годятся лишь условно, слишком сильна была, как уже говорилось, экономическая заинтересованность как правительства, так и горнозаводчиков.

Напротив, многообещающим кажется подробное и многостороннее рассмотрение дел, попавших в нижнюю расправу и попавших в категорию преступлений против собственности, так как воззрения позитивного и обычного права, применяемого волостными судами, расходились. Если позитивное право санкционировало любое нарушение чужого права собственности, то в российской деревне масштабы оценки были иными. В обычном праве кража считалась личной обидой и частным делом, поэтому за имущественное правонарушение наказывали достаточно легко – кратковременным арестом или денежным возмещением украденного. Иногда, если стороны мирились перед волостным судьей, вора оставляли без наказания. Этот взгляд нам необходимо учитывать, если мы хотим понять, почему именно определенные случаи были переданы волостными судами в соответствующие суды первой инстанции⁸²³.

Ориентиром для проведения анализа нам служили посвященные данной проблеме исследования тамбовского историка В.Б. Безгина, опиравшегося в основном на

⁸²¹ Безгин В.Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX -- начала XX века.

⁸²² Тяжким преступлением в глазах крестьян была т. н. «церковная татьба», кража церковной утвари. За рассмотрение данных дел волостной суд не отвечал. Особенно, если украдены были богослужebная утварь или иконы, крестьяне считали своим долгом передачу дела в коронный суд. Хуже церковной татьбы было лишь конокрадство. С лицами, нарушившими данное табу, обычно расправлялись самосудом. Уже после этого подавали заявление в коронованную юстицию (Безгин В.Б. Кражи в российском селе второй половины XIX -- начала XX в. С. 285--319).

⁸²³ Там же.

этнографические источники⁸²⁴. Используемые им материалы по обычному праву и волостному судопроизводству, собранные и обработанные в конце XIX -- начале XX в. сотрудниками научных обществ, земскими деятелями, а также этнографами-добровольцами,⁸²⁵ распространяются большей частью на европейскую часть страны и отражают состояние следующего столетия. Но, на наш взгляд, это не мешает переносу данных выводов на изучаемый нами регион и в рассматриваемый период времени. В пользу этого говорят исторические корни заселявших территорию Среднего Урала крестьян и высокая степень сохранности обычного права, обусловленная закрытостью сельского мира.

В данных работах объясняется почему некоторые формы краж в обычном праве не считались преступлением. Например, кража незначительного количества продовольственных продуктов и мелких бытовых предметов, особенно если они были необходимы для выживания, а также скупка краденого не считались аморальными и поэтому не были наказуемы. В остальных случаях использовался дифференцированный подход. В отличие от позитивного права, в обычном праве основной акцент делался на субъективные факторы. Материальная ценность предмета не была единственным критерием в рамках судопроизводства. Значение придавалось личности преступника и личности потерпевшего. Закрытость крестьянского мира сформировала у сельского населения особый менталитет, разделяющий людей на «своих» и «чужих». К миру чужих относили представителей власти, а также лиц, принадлежавших к иным группам населения. Морально-этические соображения теряли свою действенность и в отношении к принадлежавшим к другим мирам крестьянам. При решении дел в пределах крестьянского мира личные критерии оставались решающими. Степень наказания в существенной степени зависело от общественного и материального положения преступника и потерпевшего. Первых судили в соответствии с их репутацией как соседа, домохозяина и налогоплательщика, а также по поведению во время судебного процесса. Роль играло и материальное положение потерпевшего. Меньшего понимания удостоивался вор, обокравший бедного члена общины, но на снисходительность мог рассчитывать совершивший кражу у обеспеченного. К тому же смягчающими обстоятельствами

⁸²⁴ Безгин В.Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX -- начала XX в.; Он же. Правовая культура русского села (вторая половина XIX -- начало XX вв.). Он же. Правовые обычаи в обыденном сознании и повседневной жизни российского крестьянства второй половины XIX -- начала XX в.; Он же. Кражи в российском селе второй половины XIX -- начала XX в.

⁸²⁵ См. также: Сборник народных юридических обычаев. Том 1--2 / П.А. Матвеев, С.В. Пахман (ред.). СПб., 1878-1900. 1070 с.; Леонтьев А.А. Крестьянское право, его содержание и объем // Известия С. Петербургского Политехнического института. Т. IX. Отделение наук экономических и юридических. Вып. 1. СПб., 1908. 735 с.; Правосудие в русском крестьянском быту. Свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В.Н. Тенишева. Брянск, 1907. 192. с.; Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 1—7. СПб., 2006--2012.

считались признание и раскаяние. Обстоятельства совершения преступления также учитывалось в волостном судопроизводстве: как более серьезное деяние рассматривались кражи со взломом. Изъятие предметов из закрытых помещений или сосудов, домов, иных публичных или частных строений, и коробок, сундуков, мешков и. т. д. рассматривалось как отягчающее обстоятельство при вынесении приговора⁸²⁶.

С учетом названных критериев, кражи, рассмотренные в нижних расправах, предстают в другом свете. Согласно позитивному праву, они в основном попадают в категорию мелких преступлений против собственности. Но с перспективы обычного права и думающего в его категориях человека данные дела могут выглядеть иначе. В исследованных нами делах потерпевшими часто являлись представители «чужого «мира». Инициативным документом в ряде дел был, например, иск, поданный в городнические дела представителем мещанства. Так, приписанный к заводам крестьянин Артемий Удимцев в феврале 1784 г. увез два воза сена «с покоса, состоявшего за речкой Черепанкой», принадлежавшего Верхотурскому мещанину Петру Кудрявцеву⁸²⁷. В полицию обратилась весной 1792 г. и вдова Верхотурского мещанина Никифора Корчемкина Марфа Степанова дочь после того, как житель Ирбитского уезда, крестьянин Иван Литвинов, утащил у нее с прилавка «козловые сапоги»⁸²⁸. В нижней расправе рассматривалось дело крестьянской девки Ирины Гирбаевой, взявшей летом 1795 г. во время сенокоса «с полосы за рекой Турой» якобы бесхозные вещи: одежду и пожитки, принадлежавшие семье мещанина Матвея Макарова⁸²⁹. К «чужим» относились не только представители иных социальных групп населения. Чужими считались и крестьяне из других волостей. Крестьяне Салдинской и Меркушинской волостей, Степан Каргополов и Алексей Митрофанов, не медлили при подаче заявления. В июне 1796 г. после посещения рынка в Верхотурье они отдыхали у дороги недалеко от города. Местный крестьянин Андрей Долгих использовал эту ситуацию и украл у спящих их пожитки: два ружья, винтовку, натруску с порохом, седло, чарки юфтевые, кушак и двадцать фунтов соли⁸³⁰.

Немало дел содержат, как уже говорилось, элемент взлома. Люди предпочитали хранить свои ценные вещи в мешках, коробках и сундуках, которые они прятали от глаз односельчан в своих домах, сараях, амбарах, в подполе и погребах. Этим они не выделялись особой находчивостью. Воры отлично знали, где искать. В коронных судах разбирались дела, в которых злоумышленники пользовались гостеприимством и доверием

⁸²⁶ Безгин В.Б. Кражи в российском селе второй половины XIX -- начала XX в. С. 302--305.

⁸²⁷ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 20. Л. 1--9.

⁸²⁸ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 268. Л. 4--5.

⁸²⁹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 397. Л. 1, 4.

⁸³⁰ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 384. Л. 1--3.

хозяев для совершения кражи. Это демонстрируют вышеупомянутые случаи: крестьянин Максим Козцин со двора служителя Нижнетагильского завода Льва Алутеева украл четыре хомута, когда был гостем на ужине⁸³¹; а братья Савин, Иван и Матвей Обросовы использовали свои свежеприобретенные знания местности, когда при втором «посещении» дома крестьянина Михаила Якимова украли сундук с ценными вещами⁸³².

В судебных делах коронной юстиции большая часть преступников были оформлены как впервые совершившие преступление представители сельского среднего класса, не вступавшие до этого в конфликт с законом. Но это не всегда означало, что их репутация в крестьянском мире была незапятнанной. Для волостной юстиции, как покажут следующие примеры, чистыми как белый лист они не были. Осенью 1788 г. нижняя расправа Алапаевска рассматривала дело крестьянина Григория Шибаева из Глинской волости. Тридцатидевятилетний отец семейства находился в затруднительном финансовом положении. Весной он занял у крестьян из окрестных деревень семена на посев; а в августе после урожая он возвратился, чтобы вернуть долг. По дороге в родную Каменку он поздно вечером проезжал деревню Леневку, где проживал его знакомый Исак Жараблеев, у которого он ранее останавливался на ночлег. В его доме было открыто одно окно, и, судя по всему, с целью улучшения скромного семейного бюджета, Г. Шибаев проник в его дом и украл две дубленки, женский кафтан, тонкие мужские рубахи, четыре мотка пряжи. Эти вещи он спрятал недалеко от своего дома в лесной чаще, чтобы позднее продать или обменять⁸³³. Волостному судье Г. Шибаев был хорошо знаком, он уже наказывал его несколько раз «за покражу по малому числу хлеба и рубашек на небольшую сумму»⁸³⁴.

Определенные параллели с этим выявляются и в другом деле, произошедшем в 1796 г. недалеко от Режевского завода. Известен был промысел крестьянина Максима Колмакова из деревни Останкиной, скупавшего на Режевском заводе краденых коров и перегонявшему их с целью дальнейшей продажи в другие заводские поселения, но ему не препятствовали. Однако в этот раз члены волостного руководства взяли инициативу в свои руки. Когда перекупщики явились для передачи коровы ранним утром десятого сентября на условленное место недалеко от деревни Кочневой, там их поджидали сотники Дмитрий Соколов и Андрей Бурлаков⁸³⁵.

⁸³¹ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 40. Л. 4--6.

⁸³² ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 151. Л. 1, 5.

⁸³³ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 55. Л. 2--4.

⁸³⁴ Там же. Л. 12.

⁸³⁵ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 156. Л. 1а--3.

Оба случая демонстрируют, что волостные суды только тогда принимали решение о передаче дела в руки коронной юстиции, когда масса отягчающих обстоятельств достигала критической точки. Причиной тому было, как описал В.Б. Безгин, определение преступления в обычном праве. В отличие от позитивного права, преступление не ограничивалось отступлением от нормы. Понятие о преступлении включало в себя также его причину, которую искали в грешной натуре человека: преступник был скорее своего рода жертвой неудачных обстоятельств, нежели злоумышленником. Поэтому крестьянский мир относился с терпимостью к лицам, совершившим преступление впервые: о них, доселе не нарушивших ни одной нормы, в деревне говорили, что его «бес попутал»⁸³⁶.

Но у снисходительности были свои пределы. С понятием о справедливости было тесно связано понятие о пользе и полезности. Если это равновесие было нарушено, а член общины из-за своего поведения был не в состоянии внести свой вклад в благополучие общины, его защита заканчивалась. Крестьянский мир отрекался от того, кто его лишь использовал, и старался избавиться от криминальных элементов. В тех случаях, когда возможности волостной юстиции были исчерпаны, лиц передавали в руки коронного суда.

Если у человека была подпорченная репутация, люди знали, что он нечист на руку, порой хватало и подозрения, служившего достаточным поводом для подачи заявления в полицию. Во время пребывания на Баранчинском заводе в декабре 1789 г., у братьев Саввы и Ефима Федотовых из села Комаровского Кунгурского уезда были украдены трое лошадей. Практически одновременно на том же заводе было совершено второе преступление: у крепостного Якима Шляпникова были украдены различные пожитки: зипун, сарафаны, мужские и женские рубахи стоимостью в 16,40 рублей. Подозрение в совершении обоих деяний пало на жителя того же поселения, Данилу Беспалова. Когда стало очевидным, что для подачи иска из-за конокрадства не хватает улик, силы были сконцентрированы на доказательстве кражи пожитков. В мастеровом Иване Доронине, «собутыльнике» Д. Беспалова, был найден охотливый свидетель обвинения⁸³⁷.

Важно понимать, что формальный иск зачастую являлся предварительным последним актом в сценарии конфликта с долгой предысторией. Подача иска или заявления в полицию была только одним из вариантов. Дело, как письменный зафиксированный документ, было последним моментом в длинной цепи различных обстоятельств. Как показывает произошедшее в 1792 г. в Глинской области судебного округа в Алапаевске дело, истцы не действовали спонтанно, выход из системы

⁸³⁶ Безгин В.Б. Кражи в российском селе второй половины XIX -- начала XX в. С. 307.

⁸³⁷ ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 233. Л. 1--29.

нижестоящих судов был обдуманым шагом, с помощью которого планировалась достижение определенной цели. В феврале 1792 г. по вызову Глинского волостного суда заседатель Алапаевского нижнего земского суда, Петр Соловнин, приехал в деревню Першину проводить расследование. Случилась кража: крестьянин деревни Соколовой Авросий Причинин взял у местного крестьянина Ивана Распутина винтовку⁸³⁸. В принципе обычное происшествие, и оно осталось бы одним из многих, если бы не произошло больше десятилетия назад. Летом 1781 г. тогда еще семнадцатилетний А. Причинин находился на сенокосе, а рядом с ним на полосе косили крестьяне из соседнего Першина. Из их разговоров он узнал, что у И. Распутина в балагане есть винтовка. В одну из следующих ночей он ее украл. Но большого удовольствия А. Причинин от винтовки не получил. Лишь несколько раз он ходил в лес пострелять, остальное время же держал оружие тайком в своем доме. Его мучила совесть, через год он унес винтовку в мирскую избу, раскаялся и заплатил штраф в четыре рубля. Винтовка была возвращена своему владельцу, и А. Причинина простили⁸³⁹. Спустя какое-то время о происшествии забыли. Причинин встал на ноги, купил дом и завел семью, ходил исправно на исповедь, не вступал в конфликт с законом. Тем не менее, дело было снова возбуждено. В этот раз оно не осталось на рассмотрении в волостном суде, заявление было подано в полицию. О последствиях этого шага обвинители были хорошо осведомлены. Преступления против собственности были широко распространены и упомянутый закон «О трех родах воровства» от 3 апреля 1781 г действовал уже более десятилетия. Стоимость ружья была оценена в два рубля, невеликая сумма. Причинин отработал бы свой штраф за короткое время. Все действующие лица наверняка понимали, что речь идет о деле незначительном. Но суть была не в этом. Вернувшись с отработки, А. Причинин стал бы другим человеком, преступником, нарушившим позитивное право. До этого дело не дошло. Нижний земский суд передал дело в нижнюю расправу, а она закрыла его по незначительности. Обвиняемый подписал поручную, «дабы впредь никакого воровства не сделал и с воровскими людьми никакого знакомства не имел», и затем был отпущен «с билетом по прежнему жительству»⁸⁴⁰. Маловероятно, что события развернулись на пустом месте безо всякой предыстории или предшествовавших им конфликтов. Вероятно, что Причинин существенно нарушил чьи-то интересы или его поведение вызвало зависть и недоброжелательность лица, которое успешно смогло использовать свое влияние против него в волостной администрации. Кража стала поводом, а целью было исключение А. Причинина из крестьянского мира.

⁸³⁸ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 106. Л. 2--16.

⁸³⁹ Там же. Л. 5об. --6.

⁸⁴⁰ Там же. Л. 8.

Полгода спустя он стал жертвой семейной трагедии, о чем свидетельствует дело, поданное на ревизию в Екатеринбургскую верхнюю расправу «об удавившейся крестьянской девке Авдотьи Причининой»⁸⁴¹. В июле 1792 г. он стал отцом, но счастье длилось недолго: его жена страдала, выражаясь современным языком, от постнатальной депрессии и через несколько дней после родов повесилась в бане. Сначала подозрение в убийстве пало на мужа, но свидетельские показания этого не подтвердили. Бывшие проступки Причинина хотя и упоминались, но не сыграли здесь принципиальной роли. В убийстве жены его никто из ближайшего окружения не заподозрил⁸⁴². Происшествие переквалифицировали как самоубийство и отправили на апелляцию⁸⁴³. Эта семейная трагедия сама по себе не связана с кражей винтовки, но из всего контекста можно предположить определенные мотивы доноса. Своего апогея ссора достигла в феврале 1792 г. при отправке заявления волостным судьей в нижний земский суд Алапаевска. Конфликт набирал все бóльшие обороты, причем, ему предшествовали слухи, подозрения, угрозы и донос. Первенец родился в первой половине июля 1792 г., а свадьбу Причинины сыграли, скорее всего, летом или осенью предыдущего 1791 г. Не исключено, что связь не была одобрена семьей невесты или, что сватовство Причинина оказалось более успешным, нежели у его более авторитетных конкурентов.

Чем глубже проникает микроисторический взгляд, тем сомнительнее становится идеально-типичное различие между внесудебным, досудебным и судебным регулированием конфликтов. Следует исходить из того, что в сознании и действиях протагонистов не существовало ясной иерархии и четко закрепленной во времени схемы этих феноменов. Вероятнее, что они воспринимались как совокупность опций, которыми можно было пользоваться в зависимости от ситуативного контекста.

Нижнюю расправу как коронный суд первой инстанции, отвечавший за разрешение правовых споров свободного сельского населения в уезде, можно считать одновременно и медиатором, и границей, пролежавшей между властью и подданными, между сельской неформальной и правящей формальной правовой традицией. Исследованные нами дела показали, что крестьянский мир оценивал конфликт и его социальный контекст и решал, каким образом и когда «использовать» формальную юстицию для решения или санкционирования.

Подаявая иск в коронный суд, потерпевший демонстрировал свое желание решить дело «по закону». До судебного процесса, однако, это доходило не всегда. Зачастую достаточно было одного сигнала, чтобы заключить мировое соглашение или поставить

⁸⁴¹ ГАСО. Ф. 771. Оп. 1. Д. 114. Л. 1--34об.

⁸⁴² Там же. Л. 8--21.

⁸⁴³ Там же. Л. 1, 32--32об.

противную сторону на место. Процесс в таком случае останавливался, а стороны примирялись.

При наличии более глубоких конфликтов, возможно, главным моментом являлось не желание достичь обоюдного согласия, а скорее стремление выйти из спора официально признанным победителем. Особое значение здесь имели словесные оскорбления. Они могли быть действенным средством сделать публичным латентный, не затухавший годами конфликт. Когда была задета честь истца, он был вынужден обратиться в суд, что давало ответчику возможность в качестве оправдания озвучить первичный конфликт. Это, судя по всему, являлось стратегией, которой отдавалось предпочтение, чтобы подать незначительные дела в суд или для придания старым спорам нового импульса. Этот способ использования юстиции был широко распространен. Истцы, не жалея ни времени, ни расходов, стремились таким образом продемонстрировать противной стороне свою правоту и способность любой ценой добиться ее признания

Как было показано, иски могли служить способом для маргинализации отдельных лиц. Таким образом крестьянские сообщества избавлялись от криминальных элементов или слабых звеньев -- от беспутных, нерадивых и пьющих. Иногда к такому средству обращались, чтобы исключить из сообщества возможного соперника -- человека, выделявшегося из общей массы благодаря везению, удачливости или своим способностям и провоцировавшего таким образом зависть и недоброжелательность своего окружения. В таких случаях старались найти предлог, который с помощью искусного лоббирования приобретал необходимый вес.

Чаще рядовых членов крестьянского мира жертвами насилия становились представители волостного руководства. Причина крылась, прежде всего, в двойственности положения старост: с одной стороны, они являлись выразителем воли сельского сообщества, с другой -- проводниками распоряжений коронных органов власти. Речь здесь шла о завышенных ожиданиях, восстановлении чести и достоинства, превышении полномочий и злоупотреблении властью. Пострадавшие искали справедливости, а иногда и защиты у коронной юстиции. Учитывая всем известные слабости местного чиновничества, возможности для манипуляций были здесь открыты.

С точки зрения использования юстиции суды представляются средством институционального урегулирования правовых споров определенной группы подданных. Подобные предложения протагонисты использовали в большей или меньшей степени активно, в совокупности или попеременно с иными неинституциональными способами разрешения конфликтов, такими как самосуд, примирительные процессы, неформальное достижение соглашений с противной стороной.

Заключение

Губернская реформа Екатерины II, проводившаяся в рамках просвещенно-абсолютистского полицейского законодательства, должна была служить «общей пользе», установлению и поддержанию «доброго порядка». Обеспечить благосостояние государства, «тишину и безопасность», устранить такие широко распространенные нарушения, как «медленность, упущения и волокита» должно было «точнейшее исполнение <...> узаконений»⁸⁴⁴. Преобразования последней четверти XVIII в. имели целью рационализацию судопроизводства и повышение эффективности работы местной администрации. Основным закон губернской реформы «Учреждения для управления губерний» детально регламентировал порядок формирования, функционирования и компетенции судов. Следует отметить, что судебные реформы Екатерины являлись колоссальным, передовым и, с учетом условий рассматриваемого периода, прежде всего, новаторским проектом.

Преобразования должны были охватить все пласты общества, «Учреждения» являлись только частью запланированного всеобъемлющего проекта. Для раскрытия своего полного потенциала административные и судебные преобразования должны были сопровождаться реформами образования и губернского делопроизводства. Последние были хоть и запланированы, но реализованы не полностью.

В компетенцию созданных на Среднем Урале верхних и нижних расправ входило решение споров между представителями лично свободного сельского населения. Таким образом, они защищали правовые интересы 95% местного населения, проживавшего на территории созданного осенью 1781 г. Пермского наместничества. Анализ деятельности данного типа судебных учреждений позволил оценить степень осуществления одного из ключевых моментов реформ – введения принципа сословности в систему коронной юстиции. С учетом реалий второй половины XVIII в., распространение позитивного права на часть крестьянства путем создания сельских судов первой и второй инстанций, на наш взгляд, справедливо считать смелым социальным экспериментом. Однако реализация судебной реформы натолкнулась на ряд затруднений.

Проблемы с укомплектованием должностей в судебных коллегиях и канцеляриях в основном остались такими же, как и в начале столетия. Уровень образования государственных служащих возрос. Среди расправных судей, в основном отставных военнослужащих, число неграмотных было невелико. Сравнительно более квалифицированы были председатели верхних расправ. По окончании армейских карьер

⁸⁴⁴ ПСЗРИ, 1830, т. 20. № 14392. 7 ноября 1775 г. С. 229—231.

они уже имели опыт деятельности на статской службе, так как часто служили в структурах организаций-предшественников (Канцелярия главных заводов правления, Шадринская управительская канцелярия, Верхотурский комиссариат и канцелярия Пермской провинции в Кунгуре) или на горнопромышленных предприятиях. Но перенос центров управления и судопроизводства в провинции, а также расширение государственного аппарата сделали это преимущество относительным: пропасть между спросом и предложением выросла. Большая часть решений теперь принималась в уездах или на губернском уровне. Набор пригодных к службе кадров стал к концу столетия крайне серьезной проблемой. Если мы рассмотрим количественный аспект вопроса набора персонала, то он оказался преодолимым. Благодаря применению таких мер чиновничества, как ускоренное продвижение делопроизводителей по служебной лестнице и частные кадровые перестановки формально закрывались практически все вакансии.

В результате такой кадровой политики страдала эффективность работы судебного аппарата. Судебные посты занимали представители «дьяческой юриспруденции», не обладавшие экспертным знанием и получавшие профессиональные навыки уже на месте службы. По-прежнему применялись те же самые способы мотивации и наказания за злоупотребления должностным положением. Несмотря на все старания реформаторов, пытавшихся бороться с нарушениями прежних органов местной администрации и регионального судопроизводства, которые, однако, не спешили сдавать позиции и мало отличались от прежних коллег по своей «медленности, упущениям и волоките», служебное поведение и служебная этика изменились несущественно.

Проблематичным, в том числе с точки зрения занятия должностей, оказалось решение назначить Пермь губернским городом, который не относился к устоявшимся административным центрам. Вновь созданный административный центр не обладал собственными кадровыми резервами. В связи с этим в первые годы преобразований на дееспособность Екатеринбургской верхней расправы влияли последствия оттока кадров в другие учреждения. Большинство опытных делопроизводителей, состоявших в ее штате, были постепенно переведены во вновь учрежденную столицу региона и уездные города, страдавшие от кадрового голода. Однако более серьезное препятствие для функционирования верхней расправы представляли проблемы, возникавшие из-за двойной нагрузки и недофинансирования учреждения. В связи со своей особой позицией суд не только должен был выполнять функцию координатора деятельности четырнадцати подчиненных ему уездных учреждений, но также организовывать работу архивов, «унаследованных» от организации-предшественника. Невзирая на увеличившийся круг

обязанностей, Екатеринбургская верхняя расправа снабжалась строго по закону; ее штаты и бюджет не отличались от Пермской верхней расправы, игравшей гораздо менее значимую роль в регионе. Причина крылась в том, что при концептуализации судебной системы законодатель ориентировался на центральные губернии, отличавшиеся от восточных регионов страны условиями и, соответственно, потребностями

К концу столетия перегруженность судебных канцелярий была еще более сильной, чем при реализации петровских реформ. Такие необходимые для улучшения ситуации новшества, как модернизация и унификация губернского делопроизводства остались не завершенными. Поэтому и в последней четверти XVIII в. для повышения эффективности работы продолжали обращаться к прежним мерам «закручивания гаек».

Выделенные для финансирования исследуемых нами учреждений средства были минимальными. Растущая инфляция при одновременном росте цен существенно снизила покупательную способность «бюджетников», получавших свое жалование из казны. От недофинансирования особенно страдал канцелярский аппарат. В нижних расправах годовой бюджет в первое время (1781--1788 гг.) был на 32,6% ниже рекомендованного минимума, позднее (1788--1797 гг.) -- на 47,9%. Сумма, которая выделялась на покрытие канцелярских нужд, никоим образом не соответствовала потребностям нараставшего документооборота. Ее хватало лишь на обеспечение учреждений бумагой и топливом, что имело фатальные последствия для поддержания зданий и находившихся в нем предметов интерьера в удовлетворительном состоянии. Последние и без того находились в плачевном состоянии, особенно в Верхотурье, что крайне осложняло работу.

Система транспортной коммуникации улучшилась со времен первой четверти столетия. На Московско-Сибирском тракте, который теперь официально стал главной почтовой дорогой, средняя скорость достигала от 2,5 до 2,8 км в час, а на других дорогах – от 1,5 до 1,7 км в час. Надежнее работала почта, курьеры которой достигали максимальных 3 км в час. Прогрессом можно считать уменьшение временных колебаний при почтовой доставке. Разница, составлявшая более месяца на отрезке в 250 км., осталась в прошлом. На отрезках в два-три раза длиннее разница между лучшим и худшим результатом составляла около двух недель. Почта доставлялась и принималась по-прежнему один раз в неделю, что, однако, не отвечало требованиям того времени. Документы скапливались в учреждениях. Таким образом, хотя продолжительность транспортировки уменьшилась, скорость доступа к информации существенно не увеличилась, что являлось дополнительной причиной, почему судебные сроки зачастую не соблюдались.

Ввиду изложенного возникает вопрос о том, не потерпел ли правительственный проект, что касается его реализации в данном регионе, крах? На этот вопрос не просто найти однозначный ответ. С одной стороны, отклонения от поставленной цели являлись более чем заметными: описанные затруднения привели, если перечислить лишь пару ярких примеров, к тому, что, служащие второго департамента Екатеринбургской верхней расправы только за четыре года (1782--1786 гг.) оставили без ответа более двух тысячи указов, присланных из вышестоящих организаций. В течение первых трех лет преобразований отсрочки и задержки в высших и нижних расправах и нижних земских судах суммарно составили почти 40 лет. С другой стороны, ученые отошли от измерения достижений, работоспособности и отношения к служебным обязанностям чиновников путем обращения к идеальному типу, описанному в социологии власти М. Вебера. Пересмотрена концепция о «хорошо организованном полицейском государстве» («well-ordered police state»), разрабатывавшаяся с 70-х гг. XX в. М. Раевым и его учениками⁸⁴⁵. Российские и западные историки выразили сомнения в регулирующей эффективности государства раннего Нового времени. По их мнению, обработка нормативных правовых актов, как правило, не выходила за пределы дискурсивного и нормативного уровня, на практике же они применялись крайне редко⁸⁴⁶.

Таким образом, более результативным подходом в изучении реформ является тот, в котором большее внимание уделяется изучению реализации той или иной реформаторской инициативы, в отличие от подхода, предусматривающего акцентирование на их недочетах. Можно согласиться с Д.Е. Хохолевым, что на Среднем Урале осуществление губернской реформы прошло успешно. В существовавшем в течение 1781--1797 гг. Пермском наместничестве вновь созданная управленческая система работала и в целом соответствовала требованиям, предъявляемым к местному государственному аппарату авторами «Учреждений»⁸⁴⁷. Судебные органы, деятельность которых мы рассмотрели, несмотря на все проблемы, возникшие из-за кадрового недостатка, недофинансирования и хронической перегруженности их канцелярий, все-таки, функционировали. О регулярной деятельности верхних и нижних расправ -- ведении процесса делопроизводства и отправлении правосудия -- свидетельствует целый массив архивных документов.

⁸⁴⁵ Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe; Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины Второй.

⁸⁴⁶ Бугров К.Д., Киселев М.А. Насколько регулярным было «регулярное государство» в России XVIII в.?; Schlumbohm J. Gesetze, die nicht durchgesetzt werden – ein Strukturmerkmal des frühneuzeitlichen Staates // GG (23), 1997. S. 647--663; Schwerhoff G. Historische Kriminalitätsforschung; Simon Th. „Gute Policey“. Ordnungsleitbilder und Zielvorstellungen politischen Handelns in der Frühen Neuzeit. Frankfurt a.M., 2004. 601 с.

⁸⁴⁷ Хохолев Д.Е. Управление Пермским наместничеством (1781–1796 гг.): дисс. С. 148--149.

«Учреждениями» была установлена сословная юстиция в России. Распространение позитивного права на часть крестьянства путем создания сельских судов первой и второй инстанции в последней четверти XVIII в. привело к тому, что свободное сельское население получило право пассивно и активно принимать участие в судопроизводстве, то есть оказалось интегрировано в систему коронной юстиции. Насколько это правительственное намерение было действительно желанным и насколько оно поддавалось реализации, зависело от двух факторов: от степени правового сознания и доверия к государственной власти, а также от готовности и возможности принимающего коронного суда включить представителей из крестьян в процесс правосудия. Что касается реализации активного аспекта, то есть участия сельских представителей в заседаниях суда, во взаимоотношениях между руководством принимающих учреждений и заседателями преобладал формализм -- желание действовать, не нарушая законодательство. Четкий ответ на вопрос о том, насколько было развито сословное сознание в среде сельского населения, найти сложно. Исследуемый период был слишком короток, а скрывавшееся под понятием «свободные сельские обитатели» население гетерогенно. Кроме того, объединение населенных пунктов в волости не соответствовало историческим территориальным границам, и, соответственно, чувство взаимосвязи и общности у населения возникнуть не могло. Готовность поддержать односельчан имела место, но проживавшие за пределами поселения люди не рассматривались как «свои». Документы, свидетельствующие о проявлении инициативы самими представителями крестьянства, редки. Из них можно заключить, что крестьяне, как часто говорится в литературе, были не просто безответными статистами, запуганными превалировавшей в сословном суде дворянской и чиновничье-бюрократической элитой. Они, наоборот, были хорошо осведомлены о происходившем в суде и относились к нему с определенной долей скепсиса и прагматизма.

Сложным в случае нижних расправ был вопрос об использовании судов, то есть потребности при необходимости разрешения конфликтов обращаться к коронной юстиции. Судебная активность была низкой. В отличие от канцелярий, судейские коллегии не были особенно загруженными (около 20--25% рабочих дней в году дел на рассмотрение не поступало). Судебные дела в узком смысле слова, то есть уголовные или гражданско-правовые, составляли лишь небольшую часть (15--17,5%) зарегистрированных в сельских сословных судах первой инстанции документов.

Причины этого скрывались, возможно, в низших судах, через которые должна была пройти большая часть дел до попадания в соответствующий коронный суд. Во-первых, задуманный в «Учреждениях» порядок передачи дел по инстанциям буксовал уже на

базовом уровне. Нижним земским судам, через которые в связи с разделением следствия и судопроизводства проходило большинство дел, по всей вероятности, не хватало ресурсов, чтобы реагировать на все полученные вызовы. Соответственно, количество дел, переданных из полиции в суды первой инстанции, было невелико. Во-вторых, в рассматриваемом регионе так же, как и в сибирских губерниях, судебные дела проходили «двойной фильтр». В рамках малой реформы Пермского и Тобольского генерал-губернатора Е.П. Кашкина (1783 г.) произошло огосударствление волостных судов. Последние теперь находились в прямом подчинении нижних земских судов, функции которых они дублировали на уровне волости.

Подача иска в коронную инстанцию была только одним из вариантов урегулирования правовых споров. Сторонам конфликта были предоставлены различные возможности вне- и досудебного урегулирования, а также начало процесса в волостном суде в соответствии с нормами обычного права.

В коронную юстицию поступали на рассмотрение в основном тяжкие преступления *ex officio*. Отдельную категорию образовывали преступления против собственности. Что касается краж и оценки их тяжести, позиции позитивного и обычного права расходились. В связи с этим, перед коронными судами иногда рассматривались несущественные дела, расцениваемые, однако, с позиций обычного права как тяжкие преступления. Кроме того, судопроизводство «по закону» было излюбленной опцией, если потерпевший был чужаком: должностное лицо (служащий локальных органов коронных учреждений, духовное лицо или член руководства волостью) или принадлежавшее к иной группе населения лицо. Как правило, этот вариант урегулирования конфликтов выбирали, если хотели указать противной стороне ее место, но большей частью эти дела заканчивались примирением. Иски против «своих» в суды коронной юстиции встречались в двух случаях: 1) обусловленный системой круговой поруки крестьянский мир избавлялся от традиционно слабых элементов. Распространенным способом, помимо сдачи в рекруты, был иск в коронный суд. С совершившими деяния впервые обращались снисходительно, а рецидивисты, вредящие благосостоянию сообщества, снисхождения ожидать не могли. 2) подачей заявления могли преследоваться и корыстные мотивы. Уголовные процессы инициировали против противников, соперников или обидчиков.

Дуализм права⁸⁴⁸ традиционно служит универсальным обоснованием, на которое вплоть до сегодняшнего дня опираются в исторических исследованиях для того, чтобы

⁸⁴⁸ К определению данного понятия см. диссертационное исследование Н.И. Лесновой. По ее мнению, под дуализмом права подразумевается сосуществование в системе права подсистем позитивного и крестьянского обычного права, основанных на различных источниках права -- крестьянских правовых

объяснить низкую судебную активность среди крестьянства. Для данных исследований характерно предположение, что правовые и судебные реформы XVIII--XIX вв. были адресованы исключительно профессиональным элитам, имевшим западноевропейское правовое восприятие. За рамками этих концепций оставалась большая часть населения, потребности и привычки которой не учитывались авторами законодательных актов. Позитивное право и крестьянское обычное право, рассматриваемое *per se* как отсталое, находились в непреодолимом противоречии. Такое традиционное представление о крестьянстве как о социальной группе с крайне низким правовым сознанием кажется нам излишне упрощенным. К объяснению сделанных нами наблюдений такой подход малопродуктивен. Местная коронная бюрократия и юстиция на Среднем Урале в конце XVIII в. не являлись «чужеродным телом в реальности домодерного присутственного общества»⁸⁴⁹. В деревне хорошо знали законы позитивного права, и при желании не менее хорошо умели ими пользоваться.

Имманентно присущая понятию «дуализма права» идея о существовании двух иерархически расположенных и не соприкасающихся сфер права плохо применима на практике. Вместо этого, с нашей точки зрения, более приемлемо исходить из позиций правового плюрализма, допускающего сосуществование нескольких правовых форм, нормами которых могло пользоваться население (или, если речь идет о сословной судебной системе, какая-то определенная группа населения). Поэтому создание суда, прежде всего, нужно понимать как предложение законодателя, воспользоваться которым нельзя ни обязать, ни принудить.

Именно как такое предложение можно рассматривать, по нашему мнению, создание нижних расправ. Низкая судебная активность в исследованных нами судах не может являться ни индикатором якобы слабо развитого правового сознания, ни знаком недоверия представителям местной коронной власти. Это касается и лично свободного сельского населения Пермского наместничества, иски представителей которого в нижнюю расправу являлись лишь одной из многих возможностей, восстановить справедливость.

Перспективы исследования заключаются в изучении затронутых нами проблем в более широком хронологическом контексте: на материалах преобразований конца XVIII -- первой четверти XIX в. Во-первых, предполагается обратить внимание на анализ кадровой политики государства в отношении замещения должностей статской службы в годы правления Александра I. Данное направление работы представляется интересным в связи

обычаях и законодательных актах. Леснова Н.И. Правовой дуализм в России XVIII -- начала XX в.: автореф. канд. юр. наук. Н. Новгород, 2007. С. 5.

⁸⁴⁹ Цит. по: Баберовски Й. Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи // *Ab Imperio*. 2008. № 3. С. 77.

с тем, что уже в годы правления Екатерины II намечился конфликт между желаемым и реальным обликом чиновника.

Несмотря на длинные гневные тирады высших чиновников о моральном облике кандидатов на занятие судейских должностей, власть устраивали имевшиеся механизмы мобилизации кадровых ресурсов. Описанные пути замещения ключевых должностей в местном судопроизводстве не стали поводом для серьезных институциональных изменений. Однако высокие требования законодателя, не соответствовавшие реальным механизмам управления и судопроизводства, подготовили основания для будущих реформ Александра I.

Во-вторых, требуется сфокусироваться на исследовании деятельности волостных судов первой половины XIX столетия. Следует развить мысль Н.В. Дунаевой, задавшей вопрос, почему Положения 19 февраля 1861 г. были распространены на все крестьянство. По своей концепции одобренная версия законодательного акта была преимущественно рассчитана на потребности недавно вышедших из крепостного состояния крестьян. Интересы «свободных сельских обывателей» в нем были учтены мало⁸⁵⁰. Несмотря на то, что к второй трети XIX в. они отличались друг от друга по своему правовому прошлому и опыту, в 1864 г. на обе группы не была распространена общегражданская юридическая свобода, а сохранялась сословная модель судов.

Причину этому традиционно видят в реформе 1775 г., заложившей принцип сословности в судебную систему Российской империи. Такой взгляд является спорным. Гарантированное Екатериной «внутрисословное равенство», манифестировавшееся в ходе создания отдельных коронных судов для каждого состояния, было важным шагом в формировании сословий. «Свободные сельские обыватели» являлись третьим сословием, которое правительство вслед за дворянством и городским населением было намерено превратить в коллективное юридическое лицо. Корень принятого в 1864 г. решения находится, скорее всего, в преобразованиях Павла I, в ходе которых произошел частичный отказ от принципа сословности, акцент сельского правосудия сместился из коронной судебной системы на уровень низших судов. В связи с этим преобразования и проекты реформ первой половины XIX, касавшиеся лично свободного крестьянства, сконцентрировались на создании иерархии низших сельских судов, в то время как их роль в коронной юстиции уменьшилась.

Рекомендуется изучить взаимоотношения мирской и коронной юстиции на материалах Среднего Урала, где лично свободное сельское население составляло подавляющее большинство жителей региона и превышало одну треть, как в среднем по стране.

⁸⁵⁰ Дунаева Н.В. Между сословной и гражданской свободой. С. 6--7.Ю

Список использованных источников и литературы

Опубликованные источники:

- 1) Балбашевский Г.И. Исторический очерк гражданского устройства Пермского края / Г.И. Балбашевский // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1891 год. -- Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1891. -- С. 24--47.
- 2) Батурин П.С. Жизнь и похождения. Г.С.С.Б. Повесть справедливая, писанная им самим / Батурин П.С. // Голос минувшего. -- 1918. -- № 1/3. С. 57--78.
- 3) Болотов А.Т. Записки. Жизнь и приключения Андрея Болотова. Описанные самим им для своих потомков. 1738--1795 (в 4-х томах) / А.Т. Болотов // Приложение к журналу «Русская старина». -- Т. 3. -- 1771--1784. -- СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1873. -- 1224 с.
- 4) Вигель Ф. Записки / Ф. Вигель -- Ч. 1. -- М.: Университетская типография, 1891. -- 840 с.
- 5) Винский Г.С. Записки Г.С. Винского / Г.С. Винский // Русский архив. -- 1877. -- Кн. 1. -- Вып. 2. -- С. 150--197.
- 6) Голованова О.И. Документы Тюменского нижнего земского суда (1782--1796): из фондов Государственного архива Тюменской области / О.И. Голованова: в 2 кн. -- Кн. 1: тексты / под ред. О.В. Трофимовой. -- Тюмень: Мандр и К°, 2008. -- 352 с.
- 7) Историческо-географическое описание Пермской губернии сочиненное для Атласа 1800 года. -- Пермь: Печатано при Пермском губернском правлении, 1801. -- 224 с.
- 8) Калашников Т.П. Жизнь незначительного Тимофея Петровича Калашникова простым слогом описанная с 1762 по 1794 год / Т.П. Калашников // Русский Архив. -- Т. 42 -- 1904. -- № 10. -- С. 147--183.
- 9) Капустин М. Сто лет назад. Штаты и служащие Пермской губернии / М. Капустин // Труды Пермской ученой архивной комиссии. -- Вып. 3. -- Пермь: Типо-литография губернского правления, 1897. -- С. 101--117.
- 10) Корберон М.Д. де. Из записок Корберона / М.Д. де Корберон // Русский архив. -- 1911. -- № 6. -- С. 141--154;
- 11) Корсаков Д.А. Сборник материалов по истории Казанского края XVIII в. - Казань: университетская типография, 1908. -- 477 с.
- 12) Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова (Месяцеслов). -- СПб.: Имп. Академия наук, -- 1778. -- 212 с.; -- 1779. -- 444 с.; 1782. -- 473 с.; -- 1783. -- 488 с.; -- 1784. -- 489 с.; -- 1785. -- 443 с.; -- 1786. --

- 372 с.; -- 1787. -- 387 с.; -- 1788. -- 361 с.; -- 1789. -- 359 с.; -- 1790. -- 386 с.; -- 1792. -- 384 с.; -- 1793. -- 388 с.; -- 1794. -- 400 с.; -- 1795. -- 464 с.; -- 1796. -- 464 с.; -- 1802. -- 514 с.; -- 1804. -- 279, -- 335 с.
- 13) Мешков И.И. Записки И.И. Мешкова / И.И. Мешков // Русский архив. -- Т. 105. -- 1905-- Кн. 2. -- Вып. 6. -- С. 177--242.
- 14) Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния / Х. Мозель. -- Ч. 1. -- СПб.: тип. Ф. Персона, 1864. -- 457 с.
- 15) Основание Харьковского наместничества. Документы. 1780 год / Б.П. Зайцев, В.Г. Панкратьева, М.А. Плеханова // UNIVERSITATES. Наука и просвещение: всеукраинский науч.-популярный журн. 2002. -- № 3. -- С. 43--46.
- 16) Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. -- СПб.: Типография II отделения собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. (ПСЗРИ-1): -- Т. 2. -- № 1082; -- Т. 6. -- № 3535, -- № 3571, -- № 3708; -- Т. 7. -- № 4344, -- № 4436; -- Т. 11. -- № 8550; -- Т. 12. -- № 8865; -- Т. 13. -- № 9819; -- Т. 14. -- № 10223, -- № 10302, -- № 10743; -- Т. 15. -- № 10987, -- № 11444, -- № 11510, -- № 11535, -- № 11540; -- Т. 16. -- № 11629, -- № -- 11750, -- № 11951, -- № 11989, -- № 11988, -- № 12030, -- № 12077, -- № 12175, -- № -- 12227, -- № 12259, -- № 12267; -- Т. 17. -- № 12465, -- № 12352, -- № 12535, -- № 12665, -- № 12677, -- № 12801; -- Т. 18. -- № 12949, -- № 13127, -- № 13128; -- Т. 19. -- № -- 13425, -- № 13596, -- № 13690, -- № 13972, -- № 14157; -- Т. 20. -- № 14392, -- № 14816, -- № 14831, -- № 14876, -- № 15013, -- № 15085; -- Т. 21. -- № 15113, -- № 15115, -- № -- 15147, -- № 15256, -- № 15323, -- № 15379, -- № 15477, -- № 15565; -- Т. 22. -- № 15978, -- № 16078, -- № 16187, -- № 16528, -- № 16641; -- Т. 23. -- № 16930; -- Т. 24. -- № -- 17634, -- № 17735; -- Т. 25. -- № 18622; -- Т. 44. -- Ч. 2. -- № 17498.
- 17) Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному состоянию. -- Ч. 1. -- СПб.: Императорская типография, 1811. -- 395 с.
- 18) Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному состоянию. -- Ч. 2. -- СПб.: Императорская типография, 1813. -- 317 с.
- 19) Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному состоянию. -- Ч. 3. -- СПб.: Императорская типография, 1813. -- 355 с.

- 20) Решетников Ф.М. Между людьми [Электронный ресурс] / М.Ф. Решетников. -- М.: Директ Медиа, 2012. -- Режим доступа: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=97046
- 21) Рождественский Н.Ф. Руководство к российским законам / Рождественский Н.Ф. -- СПб.: тип. Э. Праца, 1848. -- 509с.
- 22) Русанов Ф. Канцелярский самоучитель, или Краткое руководство к познанию делопроизводства присутственных мест, с прибавлением форм переписки и канцелярских документов / Соч. Ф. Русанов, Рязан. губ. Зарайск. двор. опеки протоколист. -- М.: тип. Н. Степанова, 1839. -- 186 с.
- 23) Снежневский В.И. Опись журналам Нижегородского наместнического правления за 1781--1783 гг. и за 1790--1797 гг. / В.И. Снежневский // Сб. статей, сообщений, описей и документов // «Действия» Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. -- Т. 3. -- Н Новгород: тип. губ. правления, 1898. -- С. 89--192. -- С. 93-269.
- 24) Снежневский В.И. Опись журналам Нижегородскаго наместническаго правления за 1788 г. // Сб. статей, сообщений, описей и документов // «Действия» Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. -- Т. 5. -- Н Новгород: типо-литография т-ва И.М. Машистова в Н.-Новгороде. 1903. -- С. 63--110.
- 25) Толубеев Н.И. Записки Никиты Ивановича Толубеева. (1780--1809): Рукопись из собр. Андрея Александровича Титова. -- СПб.: ред. ист. журн. «Рус. Старина», 1889. -- № 8. -- 158 с.
- 26) Травин Л.А. Леонтий Травин «Записки» / Л.А. Травин. Псков: Сельцо Михайловское, «Робин», 1998; по первой публикации «Труды Псковского археологического общества». -- Вып. 10. -- Псков: 1913--1914. -- С. 25--131 (публикация Л.И. Софийского).
- 27) Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии: в 8-и т. Пермь: тип. губ. земск. управы, 1873—1888.
- 28) Штиглиц Н. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. -- Вып. 31: Пермская губерния: по сведениям 1869 г. -- СПб.: изд. центр. стат. ком. мин. внутр. дел, 1875. -- 380 с.

Неопубликованные источники:

Государственный архив Пермского края (ГАПК)

Ф. 3. Чердынская нижняя расправа

Оп. 1. Д. 1, 2, 5, 8, 11, 16, 33.

Ф. 4. Красноуфимская нижняя расправа

Оп. 1. Д. 1, 6, 7.

Ф. 16. Красноуфимский уездный суд

Оп. 1. Д. 1.

Ф. 53. Осинская нижняя расправа

Оп. 1. Д. 5, 9.

Оп. 2. Д. 2, 2а, 4, 14.

Ф. 73. Оханский уездный стряпчий

Оп. 2. Д. 2.

Ф. 268. Пермский губернский магистрат Пермского наместничества

Оп. 1. Д. 2.

Ф. 290. Пермская верхняя расправа

Оп. 1. Д. 2, 5, 6, 9, 11, 17, 25, 37, 39.

Ф. 316. Пермское наместническое правление

Оп. 1. Д. 13, 21, 22, 24, 42, 44, 46, 47, 67, 111, 112, 113, 118.

Ф. 569. Екатеринбургская верхняя расправа

Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 7, 10, 11, 16, 20, 21, 23, 26, 26а, 36, 42, 56, 60.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО).Ф. 12. Екатеринбургский уездный суд

Оп. 2. Д. 27.

Ф. 34. Екатеринбургская контора судных и земских дел

Оп. 1. Д. 292, 295.

Ф. 491. Верхотурская нижняя расправа

Оп. 1. Д. 10, 12, 20, 21, 40, 46, 86, 97, 97а, 97б, 98, 99, 101, 106, 107, 108, 109, 111, 112, 114, 115, 130, 146, 151, 153, 158, 159, 161, 165, 167, 175, 177, 179, 181, 183, 184, 185, 196, 218, 219, 222, 223, 227, 229, 233, 247, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 268, 276, 281, 283, 284, 285, 288, 289, 296, 298, 299, 306, 307, 308, 309, 313, 314, 320, 321, 332а, 348, 354, 356, 361, 362, 370, 377, 384, 397, 402, 404, 406, 408, 412, 416, 416а, 416б, 417, 420, 324, 424а, 427.

Ф. 589. Екатеринбургская верхняя расправа

Оп. 1. Д. 1, 3, 6, 17, 36.

Ф. 591. Екатеринбургская нижняя расправа

Оп. 1. Д. 3, 5, 8, 9, 11, 12.

Ф. 771. Алапаевская нижняя расправа

Оп. 1. Д. 3, 4, 14, 15, 19, 23, 24, 32, 38, 42, 55, 59, 81, 84, 85, 86, 94, 104, 106, 107, 110, 114, 124, 156, 179, 210, 243, 282.

Исследования

- 1) Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки каина. Серия: «Живая история: Повседневная жизнь человечества» / Е.В. Акельев. -- М.: Молодая гвардия, 2012. -- 416 с.
- 2) Акельев Е.В. Профессиональные преступники Парижа и Москвы первой половины XVIII в.: механизмы криминализации / Е.В. Акельев // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI--XX вв.): сб. ст. / под ред.: М. Муравьева. -- СПб.: Европейский университет в С.-Петербурге, 2011. -- С. 217--228.
- 3) Акишин М.О., Ремнев А.В. Управление Сибири: XVI--XX века: административная политика, структура и люди / М.О. Акишин, А.В. Ремнев // Власть в Сибири: XVI--XX в. 2-е издание перераб. и доп. / сост. М.О. Акишин, А.В. Ремнев. -- Новосибирск: изд-во «Сова», 2005. -- 656 с.
- 4) Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата: автореф. дис. ... док-ра. ист. наук: 07.00.02 / М.О. Акишин. -- Новосибирск, 2003. -- 46с.
- 5) Акишин М.О. «Наставления для установления порядка в сельской жизни». Источники и состав памятника) // Новосиб. архивный вестн. -- 2003. -- № 12. -- С. 73--83.
- 6) Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVIII -- начало XIX в. / В.А. Александров. -- М.: изд-во «Наука», 1984. -- 255 с.
- 7) Алексеев С.Г. Местное самоуправление русских крестьян XVIII -- XIX вв. / С.Г. Алексеев -- М., СПб.: тип. т-ва М.О. Вольф, 1902. -- 328 с.
- 8) Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII -- начало XX в.) / Е.В. Алексеева -- М.: РОССПЭН, 2007. -- 368 с.
- 9) Алексеева Е.В., Бакунин А.В. Административно-территориальное деление / Е.В. Алексеева, А.В. Бакунин // Урал. ист. энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. -- Екатеринбург: изд-во «Академкнига», 2000. -- С. 14--15.

- 10) Амплеева Т.Ю. Правовое положение российского чиновничества в последней четверти XVIII века / Т.Ю. Амплеева // Право и управление. XXI век. -- 2012. -- № 3. -- С. 12--18.
- 11) Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII веке / Д.А. Ананьев. -- Новосибирск: изд-во «Сова», 2005. -- 262 с.
- 12) Андреевский И.А. О наместниках, воеводах и губернаторах / И.А. Андреевский -- СПб.: тип. Э. Праца, 1864. -- 156 с.
- 13) Анисимов Е.В. Реформы Екатерины II / Е.В. Анисимов // Власть и реформы: от самодержавной к советской России. -- СПб.: 1996. -- 196 с.
- 14) Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени / Е. Анучин -- СПб.: тип. мин. внутр. дел, 1872. -- 238 с.
- 15) Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России XVIII-XX веков / Т.Г. Архипова, М.Ф. Румянцева, А.С. Сенин. -- М.: РГГУ, 2000. -- 234 с.
- 16) Бабенко В.Н. Судебная система России: История и современность / В.Н. Бабенко -- М.: ИНИОН РАН, 2007. -- 264 с.
- 17) Баберовски Й. Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи / Й. Баберовски // *Ab Imperio*. -- 2008. -- № 3. -- С. 71--95.
- 18) Байдин В.И и др. Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края: (400-летию Верхотурья) / В.И. Байдин и др. -- Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та, 1998. -- 288 с.
- 19) Байкеева С.Е. Эволюция законодательства о кадровом обеспечении государственной службы в Российской империи во второй половине XVIII века / С.Е. Байкеева // История государства и права. -- 2008. -- №12. -- С. 19--21.
- 20) Безгин В.Б. Кражи в российском селе второй половины XIX -- начала XX в. / В.Б. Безгин // Юридические исследования. -- 2013. -- № 6. -- С. 285--319.
- 21) Безгин В.Б. Правовые обычаи в обыденном сознании и повседневной жизни российского крестьянства второй половины XIX -- начала XX в. / В.Б. Безгин // Право и политика. -- 2013. -- №10. -- С. 1373--1380.
- 22) Безгин В.Б. Правовая культура русского села (вторая половина XIX -- начало XX вв.). / В.Б. Безгин. -- Тамбов: изд-во ФГБОУ ВПО "ТГТУ", 2012. -- 80 с.
- 23) Безгин В.Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX -- начала XX в. / В.Б. Безгин. -- Тамбов: изд-во Тамбовского гос. тех. ун-та, 2012. -- 124 с.

- 24) Безгин В.Б. Крестьянская повседневность: традиции конца XIX -- начала XX века / В.Б. Безгин. -- Тамбов: изд-во ТГТУ, 2004. -- 304 с.
- 25) Блинов И.А. Губернаторы: историко-юридический очерк / И.А. Блинов. -- СПб.: типо-литография К.Л. Пентковского, 1905. -- 365 с.
- 26) Бочкарев В. Дореформенный суд / В. Бочкарев // Судебная реформа: сб. ст.: в 2 т. -- Т. 1. / под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. -- М.: книгоизд-во Объединение, 1915. -- С. 205--241.
- 27) Бугров К.Д., Киселев М.А. Насколько регулярным было «регулярное государство» в России XVIII в.? Принципы работы по входящим делам в Екатеринбургском уездном суде / К.Д. Бугров, М.А. Киселев // Вестн. ВятГУ. -- 2016. -- № 2. -- С. 29--36.
- 28) Вдовина Л.Н. Право и суд / Л.Н. Вдовина // Очерки русской культуры XVIII в.: сб. ст.: в 4 ч. -- Ч. 4.2. -- М.: изд-во Моск. ун-та, 1987. -- С. 152--183.
- 29) Виленский Б.В. Подготовка к судебной реформе 20 ноября 1864 года в России / Б.В. Виленский. -- Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1963. -- 148 с.
- 30) Воропанов В.А. О роли представителей сельских сословий в сфере осуществления правосудия в Тобольском наместничестве в конце XVIII в. / В.А. Воропанов // Азиатская Россия: Люди и структуры империи: сб. науч. тр. -- Омск: полиграф. центр КАН, 2016. -- С. 223--233.
- 31) Воропанов В.А. О деятельности судебных представителей сельских сословий в уездах Русского Севера в конце XVIII века / В.А. Воропанов // Genesis: исторические исследования. -- 2015. -- № 2. -- С. 104--120.
- 32) Воропанов В.А. История государственного управления в России в X--первой половине XIX в. / В.А. Воропанов. -- М.: Проспект, 2015. -- 224 с.
- 33) Воропанов В.А. Развитие системы государственной гражданской службы в Российской империи во второй половине XVIII в. Управление карьерой классных чиновников / В.А. Воропанов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. -- 2015. -- Вып. 5. -- С. 90--97.
- 34) Воропанов В.А. Развитие системы государственной гражданской службы, а Российской империи во второй половине XVIII в. Часть первая. Управление канцелярскими кадрами / В.А. Воропанов // Социум и Власть. -- 2014. -- № 5. -- С. 106--109.
- 35) Воропанов В.А. Законодательное регулирование кадровой политики в провинции Российской империи: канцелярские служащие на Урале в конце XVIII первой половине XIX вв. / В.А. Воропанов // Социум и Власть. -- 2012. -- № 4. -- С. 63--66.

- 36) Воропанов В.А. Юрисдикция над Башкирами в конце XVIII в.: о «национальном» факторе организации и деятельности судебной системы Российской империи / В.А. Воропанов // Вестн. ВашГУ. -- 2012. -- Т. 17. -- № 4. -- С. 1920--1924.
- 37) Воропанов В.А. Особенности юрисдикционной деятельности в отношении сельского населения Западной Сибири в конце XVIII в. / В.А. Воропанов // Сибирский Юридический Вестн. -- 2011. -- № 1. -- С. 3--8.
- 38) Воропанов В.А. Низшие суды в системе правосудия Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере губерний Урала и Западной Сибири) / В.А. Воропанов // Социум и власть. -- 2010. -- № 1. -- С. 112--117.
- 39) Воропанов В.А. Судейские чиновники на Урале и Западной Сибири в 1780—1796 гг. Социальный профиль, профессиональный облик / В.А. Воропанов // Науч. Вестн. УрАГС. -- 2010. -- № 3. -- С. 136—144.
- 40) Воропанов В.А. Власть и население в Российской провинции: опыт сотрудничества в губернских органах управления и суда (последняя четверть XVIII в.) / В.А. Воропанов // Вопросы управления. -- 2008. -- № 5. -- С. 97--103.
- 41) Воропанов В.А. Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири. 1780--1869 гг. / В.А. Воропанов -- Челябинск: ЧИ УрАГС, 2005. -- 314 с.
- 42) Воропанов В.А. Этнокультурный вопрос в судебной политике Екатерины II / В.А. Воропанов // Вестн. ЮУрГУ. Сер. соц.-гум. наук. -- Вып. 4. -- 2005. -- № 7. -- С. 34--42.
- 43) Воропанов В.А. Практика местного правосудия: государственные суды для сельских обывателей Оренбургской губернии в последней четверти XVIII -- начале XIX в. / В.А. Воропанов // Ab imperio. -- 2002. -- № 3. -- С. 137--160.
- 44) Гессен В.М. О судебной власти / В.М. Гессен // Судебная реформа: сб. ст.: в 2 т. -- Т. 1. / под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. -- М.: книгоизд-во Объединение, 1915. -- С.1--15.
- 45) Голикова Н.Б, Кислягина Л.Г. Система государственного управления / Н.Б. Голикова, Л.Г. Кислягина // Очерки русской культуры XVIII в.: сб. ст.: в 4 ч. -- Ч. 4.2. -- М.: изд-во Моск. ун-та, 1987. -- С. 44--108.
- 46) Горловский М.А. Социальный состав населения Екатеринбурга во второй половине XVIII в. / М.А. Горловский // Из истории рабочего класса и революционного движения / под ред. В.В. Альтмана. -- М.: изд-во АН СССР, 1958. -- С. 113--121.
- 47) Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII -- первая половина

- XIX в.) / С.В. Голикова, Н.А. Миненко, И.В. Побережников. -- М.: Наука, 2000. -- 261 с.
- 48) Готье Ю.В. Отделение судебной власти от административной / Ю.В. Готье // Судебная реформа: сб. ст.: в 2 т. -- Т. 1. / под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. -- М.: Книгоизд-во Объединение, 1915. -- С. 181--204.
- 49) Готье Ю.В. История областного управления в России. От Петра I до Екатерины II. / Ю.В. Готье: в 2-х т. -- Т. 1 -- М.: тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1913. -- 472 с.
- 50) Готье Ю.В. История областного управления в России. От Петра I до Екатерины II. / Ю.В. Готье: в 2-х т. -- Т. 2. -- М.: изд-во АН СССР, 1941. -- 304 с.
- 51) Градовский А.Д. История местного управления в России / А.Д. Градовский: в 9-и т. // Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России. -- Т. 1. -- СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1899. -- С. 299--338.
- 52) Градовский А.Д. История местного управления в России / А.Д. Градовский: в 9-и т. // Московское государства. -- Т. 2. -- СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1899. -- 492 с.
- 53) Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II / В.А. Григорьев. -- СПб.: рус. Скоропечатня, 1910. -- 320 с.
- 54) Громыко М.М. Мир русской деревни / М.М. Громыко. -- М.: Молодая гвардия, 1991. -- 448 с.
- 55) Джанишиев, Г.А. Основы судебной реформы: (к 25-летию нового суда) / Г.А. Джанишиев. -- М.: тип. М.П. Щепкина, 1891. -- 416 с.
- 56) Дмитриев А.А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. (с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 гг.) / А.А. Дмитриев. -- Пермь: тип. П.Ф. Каменского, 1889. -- 363 с.
- 57) Дорская А.А. Развитие юридического образования как составляющая российских правовых реформ: историко-правовой анализ / А.А. Дорская // Всероссийский научно-практический журнал "Юстиция". -- 2013. -- № 1. -- С. 1--7.
- 58) Дунаева Н.В. Между сословной и гражданской свободой: Эволюция правосубъективности свободных сельских обывателей Российской империи в XIX в. / Н.В. Дунаева. -- СПб.: изд-во СЗАГС, 2010. -- 472 с.
- 59) Евреинов В.А. Гражданское чиновничество в России: ист. очерк В.А. Евреинова / В.А. Евреинов. -- СПб.: тип. А.С. Суворина, 1887. -- 87 с.
- 60) Екатеринбург за двести лет (1723--1923). Изд. Юбилейной комиссии Екатеринбургского гор. совета рабочих и красноармейских депутатов / под ред. В.М. Быкова). -- Екатеринбург: тип. Гранит, 1923. -- 314 с.

- 61)Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н.П. Ерошкин. -- М.: Высшая школа, 1983. -- 352 с.
- 62)Ефремова Н.Н. Публично-правовое общение: русское правосудие / Н.Н. Ефремова // ПараГраф. -- 2011. -- № 1. -- С. 1--26.
- 63)Ефремова Н.Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XVIII--XIX вв. / Н.Н. Ефремова // Российское право: состояние, перспективы, комментарии. -- 2008. -- № 2. -- С. 36--50.
- 64)Ефремова Н.Н. Судостроительство России в XVIII -- I половине XIX вв. (историко-правовое исследование) / Н.Н. Ефремова. -- М.: Наука, 1993. -- 192 с.
- 65)Житкова Л.Н. Решетников Федор Михайлович / Л.Н. Житкова // Уральская историческая энциклопедия (2-е издание) / ред. Е.В. Алексеев. -- Екатеринбург: изд-во Академкнига, 2000. -- С. 460.
- 66)Зайцев К.И. Очерки истории самоуправления государственных крестьян / К.И. Зайцев. --- СПб., 1912. -- 204 с.
- 67)Зипунникова Н.Н. Юридическое образование и наука в императорской России / Н.Н. Зипунникова // Вестн. УдГУ. -- 2007. -- № 6. -- С. 163--174.
- 68)Зубов В.Е. Административный аппарат Западной Сибири конца XVIII -- первой половины XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.Е. Зубов. -- Новосибирск, 1997. -- 26 с.
- 69)Ибнеева Г.В. Екатерина II и развитие законодательства по отношению к государственным крестьянам в конце XVIII в. / Г.В. Ибнеева // Хозяйствующие субъекты аграрного сектора России: история, экономика, право. Сб. материалов IV Всероссийской конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. -- Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 2012. -- С. 306--311.
- 70)Ибнеева Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий / Г.В. Ибнеева. -- М.: Памятники ист. мысли, 2009. -- 467 с.
- 71)Институт генерал-губернаторства и наместничества в российской империи: в 2 т. -- Т. 1. / под ред. Д.И. Луковской, Д.И. Раскина. -- СПб: изд-во СПбГУ, 2001. -- 456 с.
- 72)Исаев А.П. История государства и права России / А.П. Исаев. -- М.: Проспект, 2009. -- 787 с.
- 73)История местного управления на Урале в XVIII -- начале XX в.: город, село, деревня / Е.Б. Апкаримова и др. / под ред. Н.А. Миненко. -- Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. -- 147 с.
- 74)История Правительствующего Сената за двести лет. 1711—1911: в 2-х т. -- Т. 2. - СПб.: Сенатская типография, 1911. -- 860 с.

- 75) История Урала с древнейших времен до 1861 г. / под ред. А.А. Преображенского. -- Т. 1. -- М.: Наука, 1989. -- 607 с.
- 76) Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский., В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. -- М.: РГГУ, 2004. -- 703 с.
- 77) Казанцев С.М. Комиссия для сочинения проекта нового Уложения / С.М. Казанцев // Законодательство Екатерины II. -- Т. 1. -- М.: юрид. лит., 2000. -- С. 133--152.
- 78) Каменский А.Б. Россия в XVIII столетии: общество и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти / А.Б. Каменский. -- СПб.: Алетейя, 2017. -- 338 с.
- 79) Каменский А.Б. Реформы второй половины XVIII -- начало XIX в. / А.Б. Каменский // Реформы в России с древнейших времен до конца XX века: в 4-х т. -- Т. 2. XVIII -- первая половина XIX век. / А.Б. Каменский -- М.: Политическая энциклопедия, 2016. -- С. 165--298.
- 80) Каменский А.Б., Корчмина Е.С., Серов Д.О. Реформы Петра Великого / А.Б. Каменский, Е.С. Корчмина, Д.О. Серов // Реформы в России с древнейших времен до конца XX века: в 4-х т. -- Т. 2. XVIII -- первая половина XIX век. / А.Б. Каменский -- М.: Политическая энциклопедия, 2016. -- С. 26--94.
- 81) Каменский А.Б. Просвещение и власть / А.Б. Каменский // Всемирная история: в 6-и т. -- Т. 4. Мир в XVIII веке / ред. С.Я. Карп. -- М.: Наука, 2013. -- С. 104--132.
- 82) Каменский А.Б. Просвещенные реформы Екатерины Великой в свете современного реформаторского опыта / А.Б. Каменский // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи: сб. ст. под. ред. А.В. Дорониной. -- М.: РОССПЭН, 2008. -- С. 46--53.
- 83) Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века / А.Б. Каменский. -- М.: Издательский центр РГГУ, 2006. -- 403 с.
- 84) Каменский А.Б. Россия в XVIII в. / А.Б. Каменский. -- М.: Астрель, 2006. -- 190 с.
- 85) Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII. (Опыт целостного анализа) / А.Б. Каменский. -- М.: РГГУ, 2001. -- 575 с.
- 86) Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: Традиции и модернизация / А.Б. Каменский. -- М.: НЛО, 1999. -- 329 с.

- 87) Каменский А.Б. Сословная политика Екатерины II / А.Б. Каменский // Вопросы истории. -- 1995. -- № 3. -- С. 29--46.
- 88) Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII--XIX вв. / О.Н. Катионов. --- Новосибирск: изд-во НГПУ, 2004. -- 567 с.
- 89) Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России. IX -- XIX ст. / А.А. Кизеветтер. -- М.: журн. "Русская мысль", 1910. -- 155 с.
- 90) Кизеветтер А.А. Из истории законодательства в России. XVII -- XIX вв. / А.А. Кизеветтер. -- Ростов н / Д.: Донская речь, 1904. -- 42 с.
- 91) Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. / Ю.Р. Клокман. -- М.: Наука, 1967. -- 335 с.
- 92) Кодан С.В. Попытки создания Основных законов Российской империи в политике, идеологии и юридической практике Российского государства (XVIII -- начало XIX вв.) / С.В. Кодан // Право и политика. -- 2012. -- № 3. -- С. 560--569.
- 93) Колмаков Н.М. Старый суд / Н.М. Колмаков // Русская старина. -- 1886. -- Кн. 12. -- С. 512--519.
- 94) Корепанов Н.С. Очерки истории Екатеринбурга 1781-1831 гг. / Н.С. Корепанов. -- Екатеринбург: изд-во Баско, 2004. -- 136 с.
- 95) Корепанов Н.С. В провинциальном Екатеринбурге / Н.С. Корепанов. -- Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. -- 212 с.
- 96) Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге (1723--1781 гг.) / Н.С. Корепанов. -- Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. -- 251 с.
- 97) Корчагин П.А. Губернская столица Пермь / П.А. Корчагин. -- Пермь: Книжный мир, 2006. -- 320 с.
- 98) Корчагин П.А. История Верхотурья (1598--1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города / П.А. Корчагин. -- Екатеринбург: изд-во Банк культурной информации, Екатеринбург, 2001. -- 180 с.
- 99) Корчагин П.А. Застывшая история. Легенды и были Верхотурского кремля / П.А. Корчагин // Уральское краеведение: ист.-лит. Альманах. / под ред. Тагильцевой Н.Н. -- Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 1996. -- С. 67--72.
- 100) Корчагин П.А. «Росписной список» кремля и гостиного двора Верхотурья 1777 г. / П.А. Корчагин // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. / под ред. Ю.Е. Лобанова. -- Екатеринбург: изд-во Банк культурной информации», 1998. -- С. 58--66.

- 101) Кошелева О.Е. "Бесчестье словом" петербургских обывателей петровского времени и монаршая власть / О.Е. Кошелева // Одиссей. Человек в истории. -- М.: Наука. 2003. -- С. 140--169.
- 102) Красников Н.И. Развитие региональной локализации управления в Российской империи в ходе проведения губернской реформы 1775--1785 в Сибири / Н.И. Красников // Вестн. ЧелГУ. -- 2010. -- № 19. Право. -- Вып. 24. -- С. 104--109.
- 103) Лаппо-Данилевский А. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. / А. Лаппо-Данилевский. -- СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1898. -- 62 с.
- 104) Лаптева Л.Е. Исследования обычного права народов Российской империи в XIX в. / Л.Е. Лаптева // Государство и право. -- 1997. -- № 8. -- С. 105--109.
- 105) Леонтьев А.А. Крестьянское право, его содержание и объем / А.А. Леонтьев // Известия С. Петербургского Политехнического института. -- Т. IX. Отделение наук экономических и юридических. -- Вып. 1. -- СПб.: типо-лит. Шредера, 1908. -- 30 с.
- 106) Леснова Н.И. Правовой дуализм в России XVIII- начала XX в.: автореф. дис. ... канд. юр. наук. 12.00.01 / Н.И. Леснова. -- Н. Новгород, 2007. -- 21 с.
- 107) Лобанов Д.А. Геральдическая комиссия Пермской области. Штатные команды Пермского наместничества 1781--1796 гг. Особенности комплектования, вооружения, снаряжения и обмундирования [Электронный ресурс] / Д.А. Лобанов // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Административно-территориальные реформы в России. К 225-летию учреждения Пермского наместничества». -- Режим доступа: http://bergenschild.ru/publicacii/Statnye_komandy_Perm_1781.pdf
- 108) Лонская С.В. Российские судебные реформы XVIII--XX века / С.В. Лонская. -- Калининград: изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003. -- 183 с.
- 109) Лохвицкий А. Губерния, ее земские и правительственные учреждения / А. Лохвинский. -- СПб.: тип. И.В. Бочкарева у Певческого Моста № 26, 1864. -- 227 с.
- 110) Лукашевич А.А. Бюрократичний інтелект на службі в губернському управлінні XVIII ст. (примус до творчості) / А.А. Лукашевич // Український історичний журнал. -- 2010. -- № 5. -- С. 68--90.
- 111) Лукашевич А.А. Модернизация формуляра документа государственного делопроизводства законодательством первой четверти XVIII в. / А.А. Лукашевич // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода: сб. ст. -- М.: РАН Институт российской истории, 1993. -- С. 189--210.

- 112) Лучинский Г. Щербатов Михаил Михайлович / Г. Лучинский // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. -- Т. 79. -- СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1904. -- С. 65--66.
- 113) Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой (пер. с английского) / И. де Мадариага. -- М.: НЛЮ, 2002. -- 976 с.
- 114) Майорова А.С. Открытие Саратовской губернии в 1781 году и последствия этого события для губернского города / А.С. Майорова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. история. Международные отношения. – Вып. 1. -- 2007. -- Т. 7. -- С. 11--19.
- 115) Мамсик Т.С. Реформа сельского управления в Сибири конца XVIII в. (по документам Чаусского волостного архива) / Т.С. Мамсик // Проблемы истории местного управления Сибири XVII--XX вв. Материалы науч. конференции. -- Вып. 2 -- Новосибирск, 1997. -- С. 16--21.
- 116) Мамсик Т.С. Побег как социальное явление: приписная деревня Западной Сибири в 40-90-е годы XVIII в. / Т.С. Мамсик. -- Новосибирск: Наука, 1978. -- 203 с.
- 117) Мельчакова О.А. "Бежали от хватки в рекруты... ": владельцы, администрация и население Нижнетагильских заводов в условиях рекрутских наборов XVIII в. / О.А. Мельчакова // Изв. Уральского гос. ун-та. Сер. 2. Гум. науки. -- 2010. -- № 1. -- С. 148--162.
- 118) Мельчакова О.А. Власти и вечноотданные Нижнетагильских заводов на рубеже XVIII—XIX вв. / О.А. Мельчакова // Проблемы истории России. -- Екатеринбург: Волот, 1998. -- Вып. 2: Опыт государственного строительства XV--XX вв. -- С. 234--243.
- 119) Мельчакова О.А. Организация судопроизводства в Нижнетагильском горнозаводском хозяйстве во второй половине XVIII — начале XIX в. / О.А. Мельчакова // Проблемы истории России. -- Екатеринбург: Волот, 1998. -- Вып. 2: Опыт государственного строительства XV--XX вв. -- С. 47--63.
- 120) Мигунова Т.Л. Административно-судебная и правовая реформа Екатерины Великой: Историко-правовой аспект: автореф. дис. ... док-ра. юр. наук: 12.00.01 / Т.Л. Мигунова. -- Владимир. 2008. -- 47 с.
- 121) Мигунова Т.Л. Учреждение «Совестного суда» в России / Т.Л. Мигунова // Вестн. СГЮА. -- 2008. -- № 3. -- С. 27--32.

- 122) Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры / П.Н. Милюков: в 3-х т. Ч. 2. // Церковь и школа (вера, творчество, образование). -- СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1897. -- 375 с.
- 123) Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII--XIX в. / Н.А. Миненко. -- Новосибирск: изд-во Новосиб. ун-та, 1991. -- 265 с.
- 124) Миненко Н.А. Традиционная русская культура в условиях горнозаводского Урала XVIII--XIX вв. / Н.А. Миненко // Уральский ист. вестн. -- 1995. -- № 2. -- С. 28--32.
- 125) Миненко Н.А., Рабцевич В.В. Русская крестьянская община в Западной Сибири; Право и обычай в крестьянской семье (Урал и Сибирь в XVIII —XIX веках) / Н.А. Миненко, В.В. Рабцевич. -- Челябинск: ЧелГУ, 1998. -- 179 с.
- 126) Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи. / Б.Н. Миронов. -- СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. -- 640 с.
- 127) Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну / Б.Н. Миронов: в 3-х т. -- Т. 2. -- СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. - 912 с.
- 128) Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну / Б.Н. Миронов: в 3-х т. -- Т. 3. -- СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. -- 922 с.
- 129) Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII -- начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б.Н. Миронов: в 2-х т. (3-е изд., испр. доп.) -- Т. 2. — СПб.: «Дмитрий Буланин, 2003. -- 583 с
- 130) Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII--XIX вв.) / Б.Н. Миронов / под ред. Г.А. Манькова. – Л.: изд-во «НАУКА» Ленинградское отделение, 1985. -- 292 с.
- 131) Омельченко О.А. Кодификация русского права в XVIII веке: формы и тенденции (у истории предпосылок Свода законов) / О.А. Омельченко // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы). Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы). К 175-летию Свода законов Российской империи: материалы международного круглого стола. Институт государства и права РАН / под ред. В.М. Баранова, В.Г. Графского, С.В. Кодана. -- Н. Новгород, 2008. -- С. 63—82.
- 132) Омельченко О.А. Законодательные проекты Екатерины II / О.А. Омельченко // Opera omnia. -- М.: МГИУ, 2004. -- 604 с.

- 133) Омельченко О.А. Монархия просвещенного абсолютизма в России: Политическая доктрина; Правовая политика; государственные реформы: автореф. дис. ... док-ра. юр. наук: 12.00.01 / О.А. Омельченко. -- М. 2002. -- 42 с.
- 134) Омельченко О.А. «Законная» монархия» Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России / О.А. Омельченко -- М.: «Юрист», 1993. -- 428 с.
- 135) Омельченко О.А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века) / О.А. Омельченко. -- М.: изд-во ВЮЗИ, 1989. -- 151 с.
- 136) Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII в. (к вопросу о формировании пролетариата в России) / А.С. Орлов. -- М.: изд-во МГУ, 1979. -- 264 с.
- 137) Оршанский И. Народный суд и народное право / И. Оршанский // Журнал гражданского и уголовного права. -- СПб.: тип. М.М. Сасюлевича, 1875. -- Кн. 4. -- С. 140--223.
- 138) Очерки истории Свердловска, 1723--1773 гг. -- Свердловск: Сред.-урал. кн. изд-во, 1973. -- 374 с.
- 139) Павленко Н.И. История металлургии России XVIII в.: Заводы и заводовладельцы / Н.И. Павленко. -- М.: АН СССР, 1962. -- 568 с.
- 140) Павлова-Сильванская М.П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II / М.П. Павлова-Сильванская // Абсолютизм в России (XVII--XVIII вв.). Сб. ст. к с 70-летию со дня рождения и 40-летию науч. и пед. деятельности Б.В. Кафенгауза. -- М.: Наука, 1964. -- С. 460--491.
- 141) Павлова-Сильванская М.П. "Учреждение о губерниях" 1775 года и его классовая сущность: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.П. Сильванская -- М., 1964. -- 463 с.
- 142) Пайпс Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. -- М.: Захаров, 2012. -- 496 с.
- 143) Пахман С.В. Обычное гражданское право в России (юридические очерки) / С.В. Пахман: в 2-х т. -- Т. 1--2. -- СПб.: тип. II отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1877+1879 гг. -- 447 с. + 400 с.
- 144) Петров Н.П. Евгений Петрович Кашкин, один из сподвижников Екатерины II / Н.П. Петров // Русская Старина, 1882. -- Т. 35. -- С. 1--40.
- 145) Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы / Л.Ф. Писарькова. -- М.: РОССПЭН, 2007. -- 758 с.

- 146) Писарькова Л.Ф. Развитие местного управления в России до великих реформ: обычай, повинность, право / Л.Ф. Писарькова // Отечественная история. -- 2001. -- № 2. -- С 25--39.
- 147) Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII -- первой половине XIX века / Л.Ф. Писарькова // Человек. -- 1995. -- № 3. -- С. 121--139.
- 148) Побережников И.В. Особенности фронтальной модернизации (на примере Урала XVIII—XIX вв.) / И.В. Побережников // Документ. Архив. История. Современность. -- Вып. 11. -- Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2010. -- С. 202--210.
- 149) Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И.В. Побережников. -- М.: РОССПЭН, 2006. ---239 с.
- 150) Побережников И.В. Проведение областной реформы Екатерины II на Урале (на материале пермского наместничества) [Электронный ресурс] / И.В. Побережников // Чиновникъ. -- 1998. -- №1. -- Режим доступа: <http://chinovnik.uara.ru/modern/article.php?id=191>
- 151) Правосудие в русском крестьянском быту. Свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В.Н. Тенищева. -- Брянск: тип. Л.И. Итина, 1907. -- 192. с.
- 152) Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI -- начале XVIII в. / А.А. Преображенский. -- М.: изд-во «Наука», 1972. -- 393 с.
- 153) Пушкарев Л.М. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л.М. Пушкарев. -- М.: изд-во Наука, 1975. -- 275 с.
- 154) Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления / В.В. Рабцевич. -- Новосибирск: изд-во «Наука», 1984. -- 196 с.
- 155) Редин Д.А. Интеграция чиновничества в провинциальные городские элиты: Россия, первая треть XVIII в. / Д.А. Редин // Cahiers du Monde russe. -- Vol. 51. -- 2010. -- No. 2—3. -- С. 281--301.
- 156) Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ: западные уезды Сибирской губернии в 1711 – 1727 гг. / Д.А. Редин. -- Екатеринбург: «Волот», 2007. -- 608 с.
- 157) Редин Д.А. Транспортные коммуникации Сибири XVIII в. как элемент системы управления (постановка вопроса и проблема источников) / Д.А. Редин // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. -- Ч.

- 1: Академические исследования Северо-Западной Сибири в XVIII в.: история организации и научное наследие. -- Екатеринбург: «Волот», 2006. -- С. 138--162.
- 158) Редин Д.А. К вопросу о характеристике социального протеста уральских вечноотданных в 1760-80-х гг. / Д.А. Редин // Проблемы истории России. -- Екатеринбург: Волот, 1996. -- Вып. 1: От традиционного к индустриальному обществу. -- С. 162--174.
- 159) Румянцева М.Ф. Массовые источники по истории чиновничества местных государственных учреждений России. 1762--1802 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.Ф. Румянцева. -- М., 1985. -- 20 с.
- 160) Румянцева М.Ф. Источники о материальном обеспечении и имущественном положении служащих местных государственных учреждений в последней трети XVIII века / М.Ф. Румянцева // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сб. ст. -- М.: Институт истории СССР АН СССР, 1984. -- 227 с.
- 161) Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. -- Т. 1-7. -- СПб.: ООО Деловая полиграфия", 2006--2012.
- 162) Самошенко В.Н. история архивного дела в дореволюционной России / В.Н. Самошенко. -- М.: Высш. Школы, 1989. -- 215 с.
- 163) Саражина Р.Г. Судебная система в западной Сибири в имперской политике в конце XVIII середине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Р.Г. Саражина. -- Омск, 2011. -- 23 с.
- 164) Сафронова А.М. Екатеринбург как центр образования на Урале в XVIII в. / А.М. Сафронова // Екатеринбург в прошлом и настоящем: Материалы науч. конференции, посвященной 270-летию города. -- Екатеринбург, 1993. -- С. 16--18.
- 165) Сборник народных юридических обычаев. -- Т. 1--2 / П.А. Матвеев, С.В. Пахман (ред.) // Записки императорского русского географического общества. -- СПб.: тип. В. Киршбаума, А.С. Суворина, 1878--1900. -- 1070 с.
- 166) Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII -- начале XX века / Е.Ю. Апкаримова, С.В. Голикова, Н.А. Миненко, И.В. Побережников. -- М.: изд-во «Наука», 2003. -- 383 с.
- 167) Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй. Источниковедческое исследование / Н.В. Середа. -- М.: Памятники исторической мысли, 2004. -- 446 с.
- 168) Серов Д.О. Российские судьи и высшее юридическое образование / Д.О. Серов // Высшее образование в России. -- 2013. -- № 10. -- С. 77--82.

- 169) Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. Монография / Д.О. Серов. -- М.: ИКД «Зерцало-М», 2009. -- 488 с.
- 170) Серов Д.О. Зарождение судейского корпуса России (Из истории судебной реформы Петра I) / Д.О. Серов // Россия и мир: панорама исторического развития: сб. науч. ст., посвященный 70-летию ист. фак-а Уральского гос. ун-та им. А.М. Горького. -- Екатеринбург: НПМП "Волот", 2008. -- С. 552--560.
- 171) Сивкова А.В. Сибирь в системе имперского законодательства в 70-е гг. XVIII 80-е гг. XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.В. Сивкова. -- Иркутск, 2006. -- 25 с.
- 172) Слободняк И.П. Реформа судебной системы в России в период «просвещенного абсолютизма» / И.П. Слободняк // История судебных учреждений России: сб. обзоров и рефератов / Ю.С. Пивоваров (ред.). -- М.: РАН ИНИОН, 2004. -- С. 98--132.
- 173) Смирных А. Уездные столицы: Ирбит, Алапаевск, Камышлов, Красноуфимск / А. Смирных. -- Екатеринбург: Сократ, 2002. -- 368 с.
- 174) Смыкалин А.С. Судебная система российского государства от Ивана Грозного до Екатерины II (XV--XVIII вв.) / А.С. Смыкалин // Вопросы истории. -- 2004. -- № 8. -- С. 49--69.
- 175) Смышляев Д.Д. Сборник статей о Пермской губернии / Д.Д. Смышляев. -- Пермь: тип. губернского правления, 1891. -- 307 с.
- 176) Снежневский В.И. Приказные люди в Нижегородском наместничестве / В.И. Снежневский // «Действия» Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сб. статей, сообщений, описей и документов. -- Т. 5. -- Н. Новгород: типо-литография т-ва И.М. Машистова, 1903. -- С. 43--50.
- 177) Соловьева Т.В. Административно-территориальное деление Свердловской области в исторической ретроспективе / Т.В. Соловьева // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. трудов. -- Екатеринбург: изд. Уральского гос. ун-та, 2001. -- Вып. 13. -- 2013. -- С. 137--170.
- 178) Суворова Н.Г. Нормативная база крестьянского суда в Сибири в конце XVIII -- первой половине XIX в. / Н.Г. Суворова // Вестн. ТомГУ. -- 2008. -- № 3. -- С. 100--104.
- 179) Суворова Н.Г. Крестьянское самоуправление в государственной деревне Западной Сибири в 60-е гг. XVIII -- первой половине 60-х гг. XIX вв.: организация, функция, правовая регламентация: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.Г. Суворова. -- Омск, 1997. -- 25 с.

- 180) Сыромятников В.И. Очерк истории суда (до издания сводов закона) / В.И. Сыромятников // Судебная реформа: сб. ст.: в 2 т. -- Т. 1. / под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. -- М.: Книгоизд-во Объединение, 1915. -- С. 149—161.
- 181) Тарабанова Т.Н. Судебно-правовая культура крестьян пореформенной России (по материалам волостных судов) / Т.Н. Тарабанова // Россия и реформы: сб. ст. -- М., 1993. -- С. 38--52.
- 182) Территориально-экономическое управление в России в XVIII -- начале XX века: Уральское горное управление / К.И. Зубков, Н.С. Корепанов, И.В. Побережников, Е.С. Тулисов. -- М.: Наука, 2008. -- 355 с.
- 183) Тимченко К.В. Административные реформы Екатерины Великой (по материалам Рязанской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / К.В. Тимченко. -- Рязань, 2017. -- 26 с.
- 184) Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. Изд. 2-е, дополненное / В.А. Томсинов. -- М.: изд-во «Зерцало-М», 2012. -- 232 с.
- 185) Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли. VIII--XX века / В.А. Томсинов. -- М.: изд-во «Зерцало», 2003. -- 256 с.
- 186) Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке (формирование бюрократии) / С.М. Троицкий. -- М.: изд-во «Наука», 1974. -- 393 с.
- 187) Тулисов Е.С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков / Е.С. Тулисов. -- Екатеринбург: Полиграфист, 1999. -- 365 с.
- 188) Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии / Р.С. Уортман: в 2-х т. -- Т. 1: от Петра великого до смерти Николая I. -- М.: ОГИ, 2002. -- 608 с.
- 189) Фельдштейн Г.С. "Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г.С. Фельдштейн (по изд. 1909 г.) / под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. -- М.: изд-во Зерцало-М, 2003. -- 542 с.
- 190) Филиппов М.А. Судебная реформа в России / М.А. Филиппов: в 2 т. -- Т. 1. -- СПб.: тип. В. Тушнова, 1871. -- 622 с.
- 191) Флоринский М.Ф. Российская государственность в эпоху «просвещенного абсолютизма» / М.Ф. Флоринский // История России: народ и власть / сост. Ю.А. Сандулов. -- СПб., Лань, 1997. -- 445 с.
- 192) Хохолев Д.Е. Управление Пермским наместничеством (1780--1796 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д.Е. Хохолев. -- Екатеринбург, 2003. -- 169 с.

- 193) Хохолов Д.Е. Управление Пермским наместничеством (1781--1796 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д.Е. Хохолов. -- Екатеринбург, 2003. -- 18 с.
- 194) Чагин Г.Н. Города Перми Великой Чердынь и Соликамск / Г.Н. Чагин. -- Пермь: Книжный мир, 2003. -- 256 с.
- 195) Чагин Г.Н. Чердынь: краткий исторический очерк / Г.Н. Чагин. -- Пермь: Пермское книжное изд-во, 1972. -- 128 с.
- 196) Черкасова А.С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. / А.С. Черкасова / ред. А.А. Преображенский. -- М.: Наука, 1985. -- 247 с.
- 197) Черкасова А.С. Социальная борьба на заводах Урала в первой половине XVIII века / А.С. Черкасова. -- Пермь: ПГУ, 1980. -- 103 с.
- 198) Чечулин Н.Д. Кашкин Евгений Петрович, генерал-аншеф, генерал-губернатор Тульский и Калужский / Н.Д. Чечулин // Русский биографический словарь: в 25-и т. -- Т. 8. -- СПб.: тип. Главного Управления Уделов, 1897. -- С. 585--587.
- 199) Чистяков О.И. Органы местного управления / О.И. Чистяков // Законодательство Екатерины II: в 2-х т. -- Т. 1. -- М.: изд-во «Юридическая литература», 2000. -- С. 310--337.
- 200) Чистяков О.И. Процессуальное законодательство / О.И. Чистяков // Законодательство Екатерины II: в 2-х т. -- Т. 2. -- М.: изд-во «Юридическая литература», 2000. -- С. 866--881.
- 201) Шевченко Е.А. История Воронежского наместничества (1779--1796): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.А. Шевченко. -- Воронеж, 2009. -- 31 с.
- 202) Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII -- начало XX в. / Л.Е. Шепелев. -- СПб.: "Искусство-СПБ", 1999. -- 480 с.
- 203) Щепкина Е.П. Чтения по истории России в восемнадцатом веке. -- Вып. I. Государственный строй / Е.П. Щепкина. -- СПб., 1905. -- 263 с.
- 204) Amburger E. Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917 / E. Amburger // Studien zur Geschichte Osteuropas 10. - Leiden: Brill, 1966. -- 622 S.
- 205) Baberowski J. Law, the judicial system and the legal profession / J. Baberowski // The Cambridge history of Russia. -- Vol 2. Imperial Russia (1689--1917) / D. Lieven (ed.). -- Cambridge: Cambridge University Press, 2006. -- P. 344--368.

- 206) Baberowski J., Autokratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864-1914 / J. Baberowski // Studien zur europäischen Rechtsgeschichte. -- Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1996. -- 846 S.
- 207) Burbank J. Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905—1917 / J. Burbank. -- Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 2004. -- 374 p.
- 208) Burbank J. Insult and Punishment in Rural Courts. The Elaboration of Civility in Late Imperial Russia / J. Burbank // Études Rurales. -- 1999. -- N°149--150. -- P. 147--171.
- 209) Cvetkovski R. Modernisierung durch Beschleunigung: Raum und Mobilität im Zarenreich / R. Cvetkovski. -- Frankfurt a.M.: Campus Verlag, 2006. -- 364 S.
- 210) Czap P. Peasant-class Courts and Peasant Customary Justice in Russia, 1861--1912 / P. Czap // Journal of Social History. -- 1967-- Vol. 1. -- N. 2. -- P. 149--178.
- 211) Engelstein L. Combined Underdevelopment: Discipline and the law in Imperial and Soviet Russia / L. Engelstein // American Historical Review. -- Vol. 98. -- 2003. -- P. 338--353.
- 212) Farnsworth B. Popkins P. Peasant Experiences of the late tsarist State: District Congresses of Land Captains, provincial Boards and legal Appeals process, 1891--1917 / B. Farnsworth, P. Popkins // Slavonic and East European Review. -- Vol. 78. -- 2000. -- N 1 -- P. 90--114.
- 213) Freeze G. The (Soslovie) Estate Paradigm and Russian Social History / G. Freeze // American Historical Review. -- Vol. 91. -- 1986. -- P. 11--35.
- 214) Frierson C.A. Crime and Punishment in the Russian Village: Rural Concepts of Criminality at the End of the Nineteenth Century / C.A. Frierson // Slavic Review. -- Vol. 46. -- 1987. -- Nr. 1. -- P. 55--69.
- 215) Geyer D. "Gesellschaft" als staatliche Veranstaltung. Sozialgeschichtliche Aspekte des russischen Behördenstaats im 18. Jahrhundert / D. Geyer // Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland / D. Geyer (Hg.). -- Köln: Böhlau, 1975. -- S. 20--52.
- 216) Geyer D. Staatsausbau und Sozialverfassung. Probleme des russischen Absolutismus am Ende des 18. Jahrhunderts / D. Geyer // Cahiers du monde russe et soviétique. -- Vol. 7. -- N°3. -- Juillet-Septembre 1966 (hommage à François de Liencourt). -- P. 366--377.

- 217) Hartley J., Provincial and local government / J. Hartely // The Cambridge history of Russia. Imperial Russia 1689--1917. -- Vol. 2. / D. Lieven (ed.). -- Cambridge: Cambridge University Press, 2006. -- P. 449--467.
- 218) Hildermeier M. Geschichte Russlands vom Mittelalter bis zur Oktoberrevolution / M. Hildermeier. -- München: C.H. Beck Verlag, 2013. -- 1504 S.
- 219) Hosking G.A. Patronage and the Russian state / G.A. Hosking // The Slavonic and East European Review. -- Vol. 78. -- No. 2. -- 2000. -- P. 301--320.
- 220) Jones R.E. Catherine II and the Provincial Reform of 1775: a Question of Motivation / R.E. Jones // Canadian Slavic Studies. -- N. IV. -- Fall 1970. -- P. 497--512.
- 221) Kaiser F.B. Die russische Justizreform von 1864: Zur Geschichte der russischen Justiz von Katharina II. bis 1917 / F.B. Kaiser // Studien zur Geschichte Osteuropas. -- Vol. 14) -- Leiden: Brill, 1972. -- 552 S.
- 222) Kamenskij A.B. Die Reformen Katharinas der Großen und die Modernisierung Russlands im 18. Jahrhundert / A.B. Kamenskij // Katharina II., Russland und Europa. / C. Scharf (Hg.) // Beiträge zur internationalen Forschung. -- Mainz: Philipp von Zabern, 2001. -- S. 333--346.
- 223) Kimmerling-Wirtschafter E. Russian legal Culture and the Rule of Law / E. Kimmerling-Wirtschafter // Kritika. -- 2006. -- № 7. -- P. 61--70.
- 224) Kollmann N.S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. New / N.S. Kollmann // Studies in European History. -- Cambridge: Cambridge University Press, 2012. -- 488 p.
- 225) Kusber J. Katharina II., das Russländische Imperium und die Bildung seiner Untertanen / J. Kusber // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. -- Bd. 56. -- 2008. -- Heft 3. -- S. 358--378.
- 226) Kusber J. Grenzen der Reform im Russland Katharinas II. / J. Kusber // Zeitschrift für Historische Forschung. -- Vol. 25. -- 1998. -- Nr. 4. -- S. 509--528.
- 227) Kucherov S. Courts, Lawyers and Trials under the last three Tsars / S. Kucherow. -- New York: Frederick A. Praeger, 1953. -- 399 p.
- 228) LeDonne J.P. Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order / J.P. Le Donne. -- New York: Oxford University Press, 1993. -- 376 p.
- 229) LeDonne J.P. The eighteenth-century Russian nobility: Bureaucracy or ruling class? / J.P. LeDonne // Cahiers de monde Russe. -- Vol. 34. -- 1993. -- P. 139--147.
- 230) Lewin M. Customary Law and Russian Rural Society in the Postreform Era / M. Lewin // The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. -- London: Methuen, 1985. -- 355 p.

- 231) Lieven D. Russian Senior Officialdom under Nicholas II. Careers and Mentalities / D. Lieven // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge.* -- Bd. 32. -- H. 2. -- 1984. -- S. 199--223.
- 232) Mironov B.N. The Russian Peasant Commune after the Reforms of the 1860s / B.N. Mironov // *Slavic Review.* -- Vol. 44. -- 1985. -- N 3. -- P. 438--467.
- 233) Pintner W.M. The evolution of civil officialdom 1755--1855 / W.M. Pintner // *Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century* / W.M. Pintner, D. Rowney (ed.). -- Chapel Hill: The University of North Carolina Press. 1980. -- P. 190--250.
- 234) Pipes R. *Russia Under the Old Regime* / R. Pipes. -- New York: Charles Scribner's Sons, 1974. -- 361 p.
- 235) Proccacia U. *Russian Culture, Property Rights, and the Market Economy* / U. Proccacia. -- Cambridge: Cambridge University Press, 2007. -- 310 p.
- 236) Raeff M. *The Well-Ordered Police State. Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia. 1600—1800* / M. Raeff. -- New Haven: Yale University Press, 1983. -- 284 p.
- 237) Raeff M. *The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach* / M. Raeff // *The American Historical Review.* -- 1975. -- Vol. 80. -- № 5. -- P. 1221--1243.
- 238) Randolph J. *Communication and Obligation: The Postal System of the Russian Empire. 1700--1850* / J. Randolph // *Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600--1850* / S. Franklin and K. Bowers (ed.). -- Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2017. -- P. 155--183.
- 239) Ransel D. *The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party* / D. Ransel. -- New Haven: Yale University Press, 1975. -- 327 p.
- 240) Scharf, C. *Modernisierung und Absolutismus: Die Reformen Katharinas II. von Russland [Электронный ресурс]* / C. Scharf // *Begegnungen Schriftenreihe des Europa Institutes Budapest.* -- Bd. 22. *Режим доступа:* <http://www.europainstitut.hu/index.php/publikationen/begegnungen/17-begegnungen/488-begegnungen22scharf>
- 241) Scharf C. "Tradition-Usurpation-Legitimation. Das herrscherliche Selbstverständnis Katharinas II." / C. Scharf // *Russland zur Zeit Katharinas II. Absolutismus-Aufklärung-Pragmatismus* / E. Hübner (Hg.). -- Köln, Weimar, Wien, 1998. -- S. 41--101.

- 242) Schattenberg S. Die korrupte Provinz? Russische Beamte im 19. Jahrhundert / S. Schattenberg. -- Frankfurt a.M.: Campus Verlag, 2008. -- 294 S.
- 243) Schlözer A.L. Vom Postwesen im Russischen Reiche / A.L. Schlözer // J.J. Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Russland. -- Bd. 1. -- Riga und Mietau: J.F. Hartknoch, 1769. -- S. 301--307.
- 244) Schlumbohm J. Gesetze, die nicht durchgesetzt werden – ein Strukturmerkmal des frühneuzeitlichen Staates / J. Schlumbohm // Geschichte und Gesellschaft. -- Vol. 23. -- 1997. -- S. 647--663.
- 245) Schwengelbeck M. Die Politik des Zeremoniells. Huldigungsfeiern im langen 19. Jahrhundert / M. Schwengelbeck. -- Frankfurt a.M.: Campus Verlag, 2007. -- 400 S.
- 246) Schwerhoff G. Historische Kriminalitätsforschung / G. Schwerhoff // Historische Einführungen. -- Bd. 9. -- Frankfurt a.M.: Campus, 2011. -- 234 S.
- 247) Simon Th. „Gute Polickey“. Ordnungsleitbilder und Zielvorstellungen politischen Handelns in der Frühen Neuzeit / Th. Simon // Studien zur europäischen Rechtsgeschichte. -- Bd. 170. -- Frankfurt a.M.: Klostermann, 2004. -- 601 S.
- 248) Wortman R.S. The Development of a Russian Legal Consciousness / R.S. Wortman. -- Chicago: University of Chicago Press, 1976. -- 345 p.

Приложения

Приложение 1

Аттестат, выданный сельскому заседателю Дмитрию Зотееву 18 октября 1787 г. в день окончания трехлетней службы в нижней расправе Верхотурья.

Аттестат

По указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА и по определению верхотурской нижней расправы бывшему по оной сельскому заседателю Дмитрию Иванову сыну Зотееву в том что в силу всевысочайшего ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА о управлении губерний всероссийской империи учреждения находился он в сей расправе прошлого 1784 года октября с 26 числа в той сельского заседателя должности добропорядочно ни в каких противных законам преступлениях за каковы должен быть сужден никогда не сказывался: а возложенную на него должность во все время его бытности по день смены другим вновь выбранным на него место заседателям то есть сего октября по 18 число трехлетнее время отправлял со всевозможным прилежанием и радением по каковым его Зотеева хорошем поведением в силу высочайшего учреждения в 2 главы 58 статей в селениях тамошних в которой он волости жительство имеет и в прочим всем почитать его Зотеева первым против других между его равным в чем ему сей аттестат из верхотурской нижней расправы за подписанием присутствующего и с приложением казенной печати дан октября 19 дня 1787 года.

У сего аттестата верхотурской нижней расправы

[печать]

Подлинно подписали

Расправный судья Филип Милле

В должности секретаря канцелярист Никифор Копылов

Приложение 2

**Опись дела о сбежавшем с Нижне-Туринского завода мастеровом П. Щапове
от 29 сентября 1783 г.**

Опись	
отправленному в Екатеринбургскую верхнюю расправу о бежавшем из Нижнетуринского завода мастеровом Парфене Щапове делу а сколько о него о том значит ниже	
А именно	Сколько число страниц листов
Репорт из Верхотурского нижнего земского суда о присылке Нижнетуринского завода мастерового Парфена Щапова с подробной резолюцией на ...	4
Сообщение в черне к Верхотурским городическим делам о посылке того мастерового Щапова под стражу на ...	4
Сообщение из Гороблагодатского горного начальства в Верхотурский нижний земский суд о оставлении для литья того Щапова при том заводе на ...	1
Сообщение из Алапаевского нижнего земского суда в Гороблагодатское горное начальство о присылке притом мастерового Щапова на ...	4
Сообщение из Ирбитского нижнего земского суда в Гороблагодатское же горное начальство о присылке того Щапова на ...	2
Допрос учиненный в Ирбитском нижнем земском суде вышеписанного же мастерового Щапова на ...	1
Допрос учиненный же в Верхотурском нижнем земском суде того же Щапова на ...	2
Выписка учинена в Верхотурской нижней расправе изо всего производимого дела с поднесением законов на ...	8
Определение об отсылке того Щапова с подлинным делом на ревизию Екатеринбургскую верхнюю расправу при репорте на ...	1
Репорт в черне с описью в Екатеринбургскую верхнюю расправу о посылке экстракта и того Щапова с подлинным делом на ...	2
Всего вышеописанного дела на двадцати девяти листах Расправный судья Иван Минеев Заседатель Петр Комарев	

ГАСО. Ф. 589. Оп. 1. Д. 6. Л. 10-11.

**Реестр законодательных актов, находившихся в нижней расправе Осы,
составленный по требованию Пермского наместнического правления
17 января 1782 г.**

Реестр узаконений	
	Число книг
Уложение 1756 года	1
Указных книг	
С 1714 по 1725 годов	1
С 1725 по 1730 годов	1
1762 год второй половины	2
1763 года первой и второй половины	1
1764 года первой и второй половины	1
1765 года первой и второй половины	2
1766 года первой и второй половины	1
воинского устава с процессами	1
Генерального регламента	1
Канцелярского регламента	1
Учреждения о наборе рекрут	1
Провинциального штата	1
Конного полковника инструкция	1
Магистратского регламента	1
Указа 1736 года о приходах и расходах с формами	1
Духовного регламента	1
Морского регламента	1
Адмиралтейского регламента	1
Регламента бергколлегии табель о рангах инструкция ревизии	1
инструкция конфискации регламент ревизии коллегии и указы разных годов	
Итого	22

ГАПК. Ф. 53. Оп. 2. Д. 2. Л. 12--12об.

Приложение 4

Ведомость о количестве содержащихся в нижней расправе Верхотурья колодников, март 1793 г.

Ведомость			
учинена Пермского наместничества Екатеринбургской области Верхотурской нижней расправы за минувшей март месяц 1793 года о содержащихся колодниках по уголовным делам с объяснением содержания от которого времени дела вступили и зачем именно решение продолжается о том значит ниже сего.			
С которого времени подсудимый содержится и по которым именно месяцам		Имена преступников и по каким именно делам	Зачем дела продолжаются
В нижнем земском суде	В нижней расправе		
1793 февраля 6	1793 марта 3	Камышловского округа Новопышминской волости крестьянин Данило Векшин 54 лет; В сумнительстве в убийстве Кушвинского завода мастерской женки Евдокии Яковлевны дочь Нефедова.	По рассматриванию сего дела оказалось, что об оном Векшине при деле какого он идентичности запрос отправлен в Камывшловский нижний земский суд

ГАСО. Ф. 491. Оп.1. Д. 296. Л. 6об. --7.

Приложение 5

Ведомость о решенных и нерешенных делах, составленная в канцелярии нижней расправы Верхотурья по окончании зимнего периода заседания суда 1785 г.

Ведомость, учиненная в Верхотурской нижней расправе, сколько число каких именно дел от заседания от 8 января по 20 число апреля 1785 года нерешенных осталось, и к тому сколько вновь вступило, сколько решено и сколько к предыдущему заседанию в решении.						
	С прежнего заседания с 2 октября по 18 число декабря 1784	К тому же вновь вступившие во время заседания	Итого	Из того числа решено	Затем нерешенных осталось по 20 апреля, то есть в день срока заседания	
Гражданских	4	14	8	13	5	
Челобитниковых	1	4	5	4	1	
Уголовных	2	4	6	4	2	
Казенных	3	91	4	92	2	
Итого	10	113	23	113	10	

Документ датирован 28 апреля 1785 г.

ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 46. Л. 112.

Приложение 6

Отрывок из журнала заседания Верхотурской нижней расправы, составлен
13 марта 1785 г.

1785 года марта 13 ого четверок в верхотурскую нижнюю расправу в присутствие прибыли по полу ночи в 8 ом часу		
Расправный судья подпоручик Филип Милле Сельской заседатель Дмитрий Зотеев		
По интересному делу По репорту сей расправы крепостных дел надсмотрщика канцеляриста Протопопова при котором представляет взятые з докладных записей со свиской волости съ ясачного вагуля Ильи Семенова Елкина с товарищем пошлинные денги всего семь рублей десять копеек. ПРИКАЗАЛИ по сему рапорту взятые пошлинные денги конечно сего ж числа отослать при сообщении для записки в приход в верхотурское уездное казначейство с требованием уведомления :/ Филип Милле [...] В должности секретаря канцелярист Никифор Копылов Ис присутствии вышли по полу дня в 2 ом часу	Когда протокол креплен	Когда указ послан

Документ датирован 13 марта 1785 г.

ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 112. Л. 163

Приложение 7

Перечень канцелярских приобретенных принадлежностей, составленный в
нижней расправе Чердыни в июне 1795 г.

Ведомость, учиненная в чердынской нижней расправе о канцелярской сумме за истекающий месяц июнь			
Месяц/ число		Рубли	Копейки
Июнь			
22	Куплено у Чердынского мещанина Г. Валуева пищей бумаги три стопы за две по три рубля в третья два рубля за оные выдано	8	-
25	Куплено у Чердынского мещанина Г. Валуева сургуча один фунт за который выдано	1	20
26	Выдано Покчинской волости крестьянину И. Коневу за поставку чернила	-	50
29	Куплено сельским заседателем И. Дьяковым для щитки дел ниток на	-	10
Итого	Девять рублей восемьдесят копеек	9	80

Документ датирован 8 июля 1795 г.

ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 33. Л. 31.

Приложение 8

Размер жалования, выплаченного сотрудникам канцелярии и выполнявшим вспомогательные функции лицам Верхотурской нижней расправы за сентябрьскую треть 1785 г.

Жалование, выданное канцелярским служителям Верхотурской нижней расправы за сентябрьскую треть 1785 г.							
По штату положено	Число людей	Руб.	Коп.	Имя на которого произведено было на сентябрьскую треть 1785 года жалование	Руб.	Коп.	подпись
Канцелярист	1	70		Илья Протопопов	20	-	
Подканцелярист	1	50		Матвей Бердюгин	15	-	
Копиисты	3	40		Михаил Дрождин	13	26	
				Степан Архипов	13	26	
				Петр Бердюгин	8	-	
				Иван Пономарев	4	49	
				Федор Удинцев (но оные находятся сверх штата)	5	-	
Переплетчик	1	24		Козьма Салтанов	7	92	
Сторож	1	18		Петр Мосягин	5	94	

Документ датирован 5 января 1786 г.

ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 106. Л. 289--290.

Приложение 9

Форма для составления ведомости о приходе и расходе денежных средств. С 1795 г. данный вид отчетности должен быть оформлен в соответствии с этим образцом.

Форма Ежемесячной щетной выписки о приходе, расходе т об остатке денежной казны канцелярской суммы За такой-то месяц						
Звание ПРИХОДОВ				Рубли		Копейки
Остаточных от декабря прошлого 1794 года в генварь сего 1795 года месяц поступило От жалования канцелярских служителей От канцелярского расхода К тому в генварь месяц в приход вступило По требованию или по сообщению такого-то места принято из такого то уездного или областного казначейства На жалование канцелярских служителей На канцелярский расход						
Расход	рубли	Копейки	За расходом осталось	рубли	копейки	Где остатки находятся
По указу или по определению такого-то места от такого-то года месяца и числа выдано находящимся во оной канцелярским служителям и сторожу за такую-то треть в жалованье денег						
А именно Регистратору такому-то из такого-то в год оклада столько-то Канцеляристу такому-то из такого-то в год оклада столько-то Подканцеляристу из такого-то в год оклада столько-то.						

Дата на документе не указана.

Приложение 10

Настольный регистр Верхотурской нижней расправы с указанием размеров денежных сумм, полученных в ходе сбора пошлин в течение 1796 г.

Настольный регистр учиненной Верхотурской нижней расправы на записку вступаемых из разных мест разных пошлин денежной казны				
	Месяц / число	Приход	Руб	Коп
1	Генваря 7-ого	Взыскано Верхотурского уездного казначейства с губернского секретаря И. Албычева с продажи им половины дому верхнего земского суда дворянского заседателя титулярного советника Ф. Михайлова сына Васкова жене его Праскове Ивановой пошлин	3	87
2	Того же числа	Взыскано с одного же казначея Албычева с продажи одного же титулярного советника Васкова дворовой своей девки А. Ивовой пошлин	2	12
3	Февраля 9-ого	Взыскано с Верхотурского мещанина П. Бердюгина с покупки им у мещанина же Пушкарева дому пошлин	3	87
4	февраля 11-ого	Взыскано Верхотурского казначея команды пятидесятника Степана Позняка с покупки у мещанина же И. Федосовкина дому пошлин	1	20
5	Февраля 12-ого	Взыскано с одного же пятидесятника Позняка с покупки им у крестьянина С. Каргополова дому пошлин	-	32
6	Февраля 18 ого	Взыскано с Верхотурского мещанина И. Емельянова с покупки им у крестьянина Г. Добрынина дому пошлин	1	36½
7	Апреля 16-ого	Взыскано у Верхотурского мещанина С. Еласкова с покупки им у солдатского сына М. Никитина дому пошлин	1	45
8	Мая 2-ого	Взыскано Верхотурского нижнего земского суда исправника Д. Чюркасова с покупки у Ирбитского купца М. Шестакова За гербовую бумагу	5 3	65 60
9	Мая 28-ого	Взыскано одного же земского суда исправника Чюркасова с покупки им у одного же купца половины мельницы За гербовую бумагу	5 3	22 60
10	Июня 16-ого	Взыскано Верхотурского казначея команды с казака И. Толстова с покупки им дома у мещанина А.	--	68
11	Августа 4-ого	Взыскано с мирового прощения	--	20
12	Сентября 24-ого	Взыскано Меркушинской волости с крестьянина И. Дерябина с закладной записки пошлин	--	54 ½
13	Сентября 25-ого	Взыскано Меркушинской волости с крестьянина П. Дерябина с закладной записки пошлин	--	44 ½
14	Октября 16-ого	Взыскано с Верхотурского ямщика Я. Шарова с покупки у мещанина И. Макарова дому	1	65
15	Того же числа	Взыскано Верхотурского округа Кушвинской волости у крестьянина Е. Панова для отсылки в приказ общественного призрения	1	-
16	Декабря 19-ого	Взыскано сыского прощения Махневской волости с	6	50

		ямщика Е. Меньшикова печатные пошлины 6 рублей да с посланного в Верхотурский нижний земский суд указу о присылке ответника Салдинской волости крестьянина Г. Вагина 50 ½ копейки		½
Итого			86	56

Документ датирован 30 декабря 1796 г.

ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 377. Л. 298--298об.

Сроки транспортировки и доставки документов из Перми в Верхотурье (по данным реестра входящих дел за 1792 г.)

Дата регистрации входящего документа (входящих документов) по прибытию в Верхотурье	Дата регистрации исходящего документа (исходящих документов) при отправлении из Перми	Время в пути	Срок доставки документов
Январь			
02.01. 1792	17.12.--24.12. 1791	8 дней	9--12 дней
18.01. 1792	08.01. 1792	10 дней	11 дней
23.01. 1792	15.01. 1792	8 дней	9 дней
28.01. 1792	16.01. 1792	12 дней	13 дней
31.01. 1792	22.01. 1792	9 дней	10 дней
Февраль			
09.02. 1792	29.01. 1792	11 дней	12 дней
15.02. 1792	03.02.--05.02. 1792	12 дней	13--16 дней
Март			
03.03. 1792	26.02. 1792	7 дней	8 дней
18.03. 1792	03.03.--04.03. 1792	14 дней	15--16 дней
26.03. 1792	18.03.--19.03. 1792	7 дней	8--9 дней
Апрель			
06.04. 1792	19.03.--24.03. 1792	13 дней	14--19 дней
16.04. 1792	31.03. 1792	16 дней	17 дней
26.04. 1792	19.04. 1792	7 дней	8 дней
Май			
03.05. 1792	13.--15. 04. 1792	18 дней	19--21 дней
11.05. 1792	15.04.--29.04. 1792	12 дней	13--25 дней
18.05. 1792	29.04.--06.05. 1792	12 дней	13--20 дней
28.05. 1792	17.05.--20.05. 1792	8 дней	9--12 дней
Июнь			
12.06. 1792	28.05.--03.06. 1792	9 дней	10--18 дней
20. 06 1792	09.06.--10.06. 1792	10 дней	11--12 дней
26.06. 1792	16.06. 1792	10 дней	11 дней
Июль			
04.07. 1792	18.06.--25.06. 1792	9 дней	10--17 дней
10.07. 1792	25.06.--01.07. 1792	9 дней	10--21 дней
17.07. 1792	08.07. 1792	9 дней	10 дней
24.07. 1792	05.07.--10.07. 1792	14 дней	15--19 дней
Август			
07.08. 1792	28.07. 1792	10 дней	11 дней
14.08. 1792	30.07. 1792	15 дней	16 дней
25.08. 1792	13.08. 1792	12 дней	13 дней
28.08. 1792	15.08. 1792	15 дней	16 дней
Сентябрь			
04.09. 1792	26.08. 1792	9 дней	10 дней
18.09. 1792	09.09. 1792	9 дней	10 дней
24.09. 1792	14.--16.09. 1792	8 дней	9--10 дней
Октябрь			

02.10. 1792	16.--23.09. 1792	9 дней	10--17 дней
09.10. 1792	30.09. 1792	9 дней	10 дней
16.10. 1792	07.10 1792	9 дней	10 дней
22.10. 1792	13.10 1792	9 дней	10 дней
30.10. 1792	13.--22.10. 1792	8 дней	9--18 дней
Ноябрь			
05.11. 1792	27.10 1792	9 дней	10 дней
20.11. 1792	05.--11.11. 1792	9 дней	10--16 дней
28.11. 1792	17.--18. 11. 1792	10 дней	11--12 дней
Декабрь			
04.12. 1792	19.--23.11. 1792	11 дней	12--16 дней
10.12. 1792	23.11. 1792	17 дней	18 дней
17.12. 1792	09.12. 1792	8 дней	9 дней
24.12. 1792	17.12. 1792	8 дней	9 дней
31.12. 1792	17.--23.12. 1792	8 дней	9--15 дней

Таблица составлена по ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 263. Л.2-25об.

Сроки транспортировки и доставки документов из Перми в Чердынь (по данным реестра входящих дел за 1793 г.)

Дата регистрации входящего документа (входящих документов) по прибытию в Чердынь	Дата регистрации исходящего документа (исходящих документов) при отправлении из Перми	Время в пути	Срок доставки документов
Январь			
03.01. 1793	17.--24.12.1792	10 дней	11--18 дней
10.01. 1793	27.--29.12.1792	12 дней	13--15 дней
16.01. 1793	03.--07.01.1792	9 дней	10--14 дней
Февраль			
03.02. 1793	18.--23.01.1793	11 дней	12--17 дней
06.02.1793	22.--26.01.1793	11 дней	12--16 дней
14.02. 1793	30.01.--05.02.1793	9 дней	10--16 дней
20.02. 1793	07.02.1793	13 дней	14 дней
25.02. 1793	15.02.1793	11 дней	12 дней
Март			
08.03. 1793	24.--25.02.1793	11 дней	12--13 дней
11.03. 1793	25.--27.02.1793	12 дней	13--15 дней
16.03. 1793	09.03.1793	7 дней	8 дней
28.03. 1793	11.--17.03.1793	11 дней	12--18 дней
Апрель			
03.04. 1793	17.--27.03.1793	7 дней	8--18 дней
20.04. 1793	30.03.--07.04.1793	13 дней	14--22 дней
30.04. 1793	13.--16.04.1793	14 дней	15--18 дней
Май			
05.05. 1793	20.--21.04.1793	14 дней	15--16 дней
15.05. 1793	05.--06.05.1793	9 дней	10--11 дней
27.05. 1793	12.--17.05.1793	10 дней	11--16 дней
Июнь			
05.06. 1793	23.--26.05.1793	13 дней	14--17 дней
11.06.1793	27.05.--03.06.1793	8 дней	9--16 дней
20.06. 1793	06.--08.1793	12 дней	13--15 дней
26.06. 1793	10.--17.06.1793	9 дней	10--17 дней
Июль			
04.07. 1793	16.--23.06. 1793	11 дней	12--19 дней
11.07. 1793	30.06. 1793	10 дней	11 дней
17.07. 1793	30.06.--05.07.1793	12 дней	13--18 дней
27.07. 1793	07.07.1793	19 дней	20 дней
Август			
02.08. 1792	20.--21.07.1793	12 дней	13--14 дней
09.08. 1793	25.--26.07.1793	14 дней	15--16 дней
21.08. 1793	31.07.--16.08.1793	5 дней	6--22 дней
Сентябрь			
03.09. 1793	19.--26.08.1793	8 дней	9--15 дней
13.09. 1793	31.08.1793	13 дней	14 дней
30.09. 1793	15.09.1793	14 дней	15 дней

Октябрь			
10.10. 1793	23.--30.09.1793	10 дней	11--18 дней
17.10. 1793	30.09.1793	16 дней	17 дней
19.10. 1793	29.09.--13.10.1793	6 дней	7--21 дней
Ноябрь			
06.11. 1793	20.--27.10.1793	10 дней	11--18 дней
14.11. 1793	28.10.--04.11.1793	10 дней	11--18 дней
23.11. 1793	04.--10.11.1793	13 дней	14--20 дней
28.11. 1793	11.--15.11.1793	13 дней	14--18 дней
Декабрь			
05.12. 1793	18.11.1793	17 дней	18 дней
12.12. 1793	25.--29.11.1793	13 дней	14--18 дней
18.12. 1793	29.11.--08.12.1793	10 дней	11--20 дней
26.12. 1793	15.12.1793	11 дней	12 дней
27.12.1793	21.12.1793	6 дней	7 дней

Таблица составлена по данным ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л.1а--33об.

Перечень документов XVI--XVII вв., хранившихся в архивах западносибирских городов. Данный список был сопровожден письмом генерал-губернатора князя А.А. Вяземского, в котором он требовал от присутственных мест бывшей Сибирской губернии снять копию с перечисленных документов. Последние понадобились М.М. Щербатову для завершения работы над своей «Историей Российской».

Роспись		
Документам, подлежащим к сочинению общей истории Российской из Сибирских архивов		
	Что	Где
1	7107 года от царя Бориса Федоровича Годунова грамота о увольнении от всех податей на 7108 год	Ис Верхотурской страницы 27
2	7113 грамота от царицы Марии Григорьевны и от царя Федора Борисовича о смерти царя Бориса Федоровича	Ис Верхотурской страницы 78, ис Туринской, страницы 31
3	Того же года от тишайшего патриарха Иова в такой же силе	Ис Верхотурской страницы 79, ис Туринской, страницы 32
4	Присяга царице Марии Григоревне и царю Федору Борисовичу	Ис Верхотурской страницы 32, ис Туринской, страницы 33
5	Грамота от Гришки Отрепиева имени царя Дмитрея Ивановича об вступлении его на престол Российского государства	Ис Верхотурской страницы 54
6	Грамота о том же	Ис Верхотурской страницы 54
7	Клятвенное обещание Гришке Отрепиеву	Ис Верхотурской страницы 56
8	Грамота от патриарха Игнатей о вступлении на престол Гришки Отрепиева	Ис Верхотурской страницы 55, ис Тюменской 32
9	Того же года форма о молении в церкви залфитого Дмитрея	Ис Верхотурской страницы 60
10	7114 неполная грамота о смерти Отриепевой и воизшествии на престол царя Василия Ивановича Шуиского	Ис Туринской, станицы 40

Документ датирован 7 декабря 1786 г.

ГАСО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 114. Л. 3об.--6.